П. а. 118

ЗАПИСКИ

Историко-филологическаго факультета

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ CXVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1913

нет в б-ке

М. Д. Приселковъ

ОЧЕРКИ

ПО ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ

КІЕВСКОЙ РУСИ

X–XII ВВ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28
1913

1954 г.

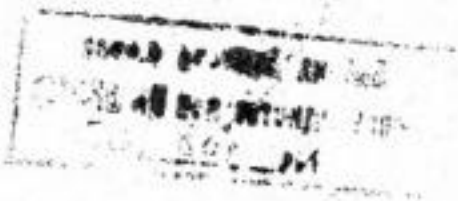
71835 1-

Биб-ка Высшая школа
пропаганды при ЦК ВКП(б)
№ 158695

Типографія М. М.

орико-Филологическаго Факультета
Университета. 8 сентября 1913 г.

Памяти отца

посвящаетъ авторъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
ПРЕДИСЛОВІЕ	I—VII
ГЛАВА I. **Установленіе церковной іерархіи въ Кіевской Руси**	1—76
§ 1. Обособленность для варварскихъ народовъ принятія новой вѣры вопросомъ о формахъ церковной іерархіи. . . .	1—2
§ 2. Вопросъ о принятіи новой вѣры до установленія державы Игорева рода	2—3
§ 3. Договоры съ Греками, какъ источникъ изученія вопроса о принятіи новой вѣры	3—9
§ 4. Попытки св. Ольги рѣшить вопросъ объ установленіи независимой іерархіи и ея неудача	9—14
§ 5. Время Святослава, его Болгарскіе походы.	14—16
§ 6. Образованіе новой Болгарской державы Самуила; царь Романъ; независимая церковь новой державы	16—21
§ 7. Вопросъ о принятіи новой вѣры въ пору борьбы Святославичей	21—23
§ 8. Болгарскій походъ Владиміра Святославича	23—24
§ 9*а*. События 987—989 гг. Русскіе источники	24—26
§ 9*б*. События 987—989 г.г. Греческіе источники	26—28
§ 9*в*. События 987—989 г.г. Сопоставленіе греческихъ источниковъ съ Древнѣйшимъ сводомъ 1039 г.	28—29
§ 9*г*. События 987—989 г.г. Сопоставленіе извѣстія Яхъя съ Древнѣйшимъ сводомъ 1039 г.	29—33
§ 9*д*. События 987—989 г.г. Владиміръ не взялъ церковной іерархіи изъ Византіи.	33—35
§ 10*а*. Владиміръ взялъ церковную іерархію изъ державы Самуила	35—36
§ 10*б*. Христіанскія имена свв. Бориса и Глѣба подтверждаютъ это	36—38
§ 10*в*. Разборъ извѣстій о первыхъ Кіевскихъ митрополитахъ даетъ имя архіепископа Іоанна, бывшаго патріарха	

стран.

§ 11. Завоеваніе державы Самуила Византіей ввело насъ въ зависимость церковную отъ послѣдней . . . . . 43—46
§ 12. Нейтральное положеніе Владиміра въ борьбѣ Византіи съ Болгаріей . . . . . 46—48
§ 13. Русская церковь въ составѣ Охридскаго патріархата; число епископій и порядокъ ихъ замѣщенія . . . . 48—51
§ 14. Десятинная церковь—каѳедральный соборъ; Кіевскій епископъ Анастасъ Корсунянинъ . . . . . 51—54
§ 15. Время установленія въ Кіевѣ Охридской іерархіи . . . 54—55
§ 16. Неудовлетворенность въ Кіевѣ рѣшеніемъ вопроса о церковной іерархіи св. Владиміромъ; борьба Владиміровичей. 55—60
§ 17. Отношенія императора Василія къ Охридской церкви понятны только въ сопоставленіи съ Кіевскими событіями. 60—64
§ 18. Ярославъ въ 1019 г. призналъ завоеваніе Болгаріи Византіей. 64—66
§ 19*а*. Отраженіе завоеванія Болгаріи въ Кіевѣ. Судьба Анастаса. 66
§ 19*б*. Вопросъ о канонизаціи святыхъ въ русской церкви до XV в. . . . . 66—68
§ 19*в*. Ярославъ желаетъ канонизаціи св. Ольги и Варяговъ-мучениковъ . . . . . 68—70
§ 19*г*. Ярославъ добился канонизаціи свв. Бориса и Глѣба . . 70—74
§ 20. Русская церковь въ составѣ архіепископата Охриды . . 74—75
§ 21. Хрисовулы императора Василія Охридской церкви въ передачѣ XIII в. не сохранили названій русскихъ епархій 75—76

ГЛАВА II. **Установленіе въ Кіевѣ греческой митрополіи. Время Ярослава** . . . . . 77—115

§ 22. Время установленія митрополіи въ Кіевѣ. 77
§ 23. Ярославъ въ этомъ вопросѣ дѣйствовалъ со Мстиславомъ. 77—79
§ 24. Созданіе Юрьевской каѳедры. 79
§ 25. Разница воззрѣній на новую митрополію Ярослава и Византіи вела къ неминуемому столкновенію . . . . . 80—82
§ 26*а*. Дѣятельность перваго митрополита. Древнѣйшій сводъ 1039 г. о церковныхъ событіяхъ до 1037 г. . . . . 82—84
§ 26*б*. Истинное православіе только съ 1037 г. . . . . 84—87
§ 26*в*. Гоненіе митрополита на учрежденія и дѣятелей Охридской поры. . . . . 87—88
§ 27*а*. Размирье съ Византіей 1043 г. Греческіе источники. . 88—90
§ 27*б*. Отношенія Руси къ Византіи до 1043 г.. . . . . 90—92
§ 28. Военныя тревоги Имперіи за 1048—1052 г.г.. . . . . 92—93
§ 29. Ярославъ „поставилъ“ Иларіона. . . . . 93—95
§ 30*а*. Слово о законѣ и благодати говорило о церковныхъ событіяхъ Кіевской Руси . . . . . 95—98
§ 30*б*. Оно составлено, вѣроятно, до 1043 г.. 98
§ 30*в*. Его авторъ—Иларіонъ, еще пресвитеръ . . . . . 98—99
§ 31*а*. Основная тема Слова: время зависимой церковной іерархіи для Руси прошло, теперь—время свободы, не работа 100—106

СТРАН.

§ 31б. Основная тема Похвалы: князь Владиміръ долженъ быть канонизованъ . . . . . 106—109
§ 32. Отстраненіе Иларіона съ каѳедры до 1053 г. . . . . 109—111
§ 33. Извѣстія о митрополитѣ Ефремѣ . . . . . 111—114
§ 34а. Итогъ княженія Ярослава въ церковномъ вопросѣ . . 114—115
§ 34б. Вопросъ о мѣстѣ Кіевской митрополіи въ рядѣ митрополій патріархата Имперіи 115

ГЛАВА III. **Кіевская митрополія эпохи Ярославичей** . 116—164

§ 35. Распадъ наслѣдства Ярослава и тріумвиратъ старшихъ Ярославичей . . . . . 116—117
§ 36а. Церковный вопросъ въ ихъ соглашеніи. Новыя епископіи. 117—118
§ 36б. Время соглашенія о новыхъ епископіяхъ . . . . . 118—119
§ 36в. Монастыри Ярославичей въ Кіевѣ. . . . . 119—121
§ 36г. Время церковнаго раздѣла совпадаетъ съ появленіемъ новаго митрополита 121
§ 36д. Волненія въ Кіевѣ въ связи съ переговорами Ярославичей съ Византіей. . . . . 121—122
§ 37. Революція 1068 г. въ Кіевѣ . . . . . 122—123
§ 38. Митрополитъ и князья на праздникѣ свв. Борису и Глѣбу въ 1072 г.. . . . . 123—126
§ 39. Святославъ въ Кіевѣ и международныя отношенія. . . 126—128
§ 40а. Разрывъ Святослава съ митрополіей . . . . . 128—130
§ 40б. Кіевскія событія въ письмахъ импер. Михаила VII . . 130—132
§ 41а. Перенесеніе митрополіи въ Переяславль за время княженія въ Кіевѣ Святослава . . . . . 132—133
§ 41б. Имя Переяславскаго митрополита—Левъ. . . . . 134—135
§ 42а. Извѣстія о епископѣ Ростовскомъ Леонтіи . . . . . 135—138
§ 42б. Исторія первыхъ епископовъ Ростова. . . . . 138—140
§ 43. Возстановленіе въ Кіевѣ митрополіи . . . . . 140—141
§ 44. Формы разрыва Святослава съ митрополіей 141
§ 45. Митрополитъ Іоаннъ Продромъ. . . . . 141—142
§ 46а. Посланіе митр. Іоанна Клименту III. Мнѣніе В. Г. Васильевскаго . . . . . 142—145
§ 46б. Датировка Посланія . . . . . 145—147
§ 47. Ссора Всеволода съ митроп. Іоанномъ . . . . . 147—148
§ 48. Раздѣлъ земель по смерти Святослава. Смерть Изяслава. 149—151
§ 49. Всеволодъ въ Кіевѣ 151
§ 50. Время устроенія Тмутороканской епархіи . . . . . 151—154
§ 51. Передѣлъ епископій въ связи съ открытіемъ каѳедры Волыни 154—158
§ 52. Отношеніе Всеволода къ митрополіи . . . . . 159—160
§ 53. Усвоеніе мысли о хожденіи ап. Андрея на Русь. . . . 160—162
§ 54. Недоразумѣнія Всеволода съ митрополитомъ и перемѣна церковной политики . . . . . 162—163

СТРАН.

ГЛАВА IV. **Начальная исторія Кіево-Печерскаго монастыря** . . . . . 165—237
§ 56. Трудность изученія начальной исторіи монастыря . . . 165—166
§ 57. Сводъ Никона 1073 г. и Житіе Ѳеодосія Нестора—источники ранней исторіи монастыря 166
§ 58. Поселеніе Антонія въ пещерѣ Иларіона . . . . . 166—172
§ 59. Извѣстія о Никонѣ . . . . . 172—181
§ 60. Личность и воззрѣнія Никона 181
§ 61. Никонъ—митр. Иларіонъ, принявшій схиму . . . . . 181—184
§ 62. Противодѣйствіе митрополита созданію монастыря изъ пещеры Иларіона . . . . . 184—190
§ 63. Печерскій монастырь. Число братіи. . . . . 190—191
§ 64. Уходъ игумена Варлаама. . . . . 191—193
§ 65. Избраніе Ѳеодосія въ игумены . . . . . 193—196
§ 66*а*. Устроеніе монастыря Ѳеодосіемъ. Земля и средства . . 196—198
§ 66*б*. Число братіи . . . . . 198—202
§ 66*в*. Введеніе Студійскаго устава . . . . . 202—204
§ 67. Сочувствіе монастырю Изяслава и общества. . . . . 204—205
§ 68. Возвращеніе изъ Тмуторокани Никона . . . . . 205—207
§ 69. Монастырь въ событіяхъ 1068 г. . . . . 207—208
§ 70. „Распространеніе" монастыря. Пожертвованія . . . . 208—209
§ 71. Попытка монастыря умиротворить ссору Ярославичей. . 209—212
§ 72. Примиреніе Ѳеодосія со Святославомъ. Закладка каменнаго храма . . . . . 212—214
§ 73. Кончина игумена Ѳеодосія. Стефанъ . . . . . 215—218
§ 74. Удаленіе игумена Стефана . . . . . 218—221
§ 75*а*. Игуменство Никона. Партія ревнителей . . . . . 221—224
§ 75*б*. Отношенія съ Изяславомъ и его семьей. . . . . 224—226
§ 75*в*. Былыя отношенія Всеволода къ Печерскому монастырю. 226—227
§ 75*г*. Вопросъ о канонизаціи Владиміра и Ѳеодосія, поднятый игуменомъ Никономъ . . . . . 227—232
§ 75*д*. Неудача въ расчетахъ на поддержку Всеволода . . . 232—235
§ 76. Смерть Никона и новая политика уступокъ . . . . . 235—237

ГЛАВА V. **Борьба вокругъ вопроса о канонизаціи свв. Владиміра и Ѳеодосія. Житіе Антонія и Корсунская легенда** . . . . . 238—284
§ 77*а*. Находка Житія Антонія побудила еп. Симона взяться за трудъ о Печерской обители . . . . . 238—241
§ 77*б*. Разборъ источниковъ перваго Посланія Симона . . . 241—247
§ 77*в*. Ходъ работы еп. Симона. . . . . 247—248
§ 77*г*. Разборъ источниковъ второго Посланія Симона . . . 248—253
§ 77*д*. Время составленія Житія Антонія. . . . . 253—254
§ 77*е*. Источники труда еп. Симона 254
§ 77*ж*. Литературные пріемы Поликарпа. . . . . 254—255

СТРАН.

§ 78. Другіе источники, кромѣ Патерика, для возстановленія Житія Антонія . . . . . 263—264
§ 79. Житіе Антонія, его заглавіе, содержаніе, время и мѣсто составленія . . . . . 264—267
§ 80. Тенденціи Житія Антонія. . . . . 267—274
§ 81. Судьба Житія Антонія. 274
§ 82. Корсунская легенда, ея содержаніе. . . . . 274—276
§ 83. Тенденціи Корсунской легенды . . . . . 276—277
§ 84. Авторъ и время составленія Корсунской легенды . . . 277—279
§ 85. Переломъ церковной политики Всеволода. . . . . 279—282
§ 86. Погребеніе Всеволода . . . . . 283—284

ГЛАВА VI. **Кіевская митрополія и Печерскій монастырь при внукахъ Ярослава. Время Святополка и Мономаха.** . . . . . 285—335

§ 87. Пятилѣтній перерывъ въ замѣщеніи митрополичьей каѳедры Кіева . . . . . 285—286
§ 88. Святополкъ въ Кіевѣ. Отношенія къ первой дружинѣ и Печерскому монастырю . . . . . 286—290
§ 89. Первые годы княженія Святополка. Епископскія каѳедры. 290—294
§ 90. Примиреніе Святополка съ первой дружиной и Печерскимъ монастыремъ. . . . . 294—299
§ 91. Митрополитъ Николай. . . . . 299—300
§ 92*а*. Начальный сводъ 1095 г., его источники . . . . . 300—301
§ 92*б*. Взглядъ игумена Ивана на русскую церковь . . . . 301—302
§ 92*в*. Корсунская легенда въ Начальномъ сводѣ . . . . . 302—305
§ 92*г*. Житіе Антонія въ Начальномъ сводѣ. . . . . 305—308
§ 93. Недоразумѣнія Святополка и Мономаха съ митроп. Николаемъ . . . . . 308—310
§ 94*а*. Поставленіе новыхъ епископовъ. Церковная политика Мономаха. . . . . 310—315
§ 94*б*. Устроеніе Полоцкой епископіи . . . . . 315—316
§ 95*а*. Отношеніе Святополка къ Печерскому монастырю при новомъ митрополитѣ. Канонизація св. Ѳеодосія. . . . 316—317
§ 95*б*. Титулъ игумена Ѳеоктиста. Избраніе его преемника. . 317—318
§ 95*в*. Сводъ Нестора о времени княженія Святополка . . . 318—320
§ 95*г*. Поставленіе Ѳеоктиста въ Черниговъ. . . . . 320—321
§ 96. Смерть и погребеніе Святополка. . . . . 321—322
§ 97. Вступленіе въ Кіевъ Мономаха . . . . . 322—323
§ 98. Поставленіе новыхъ епископовъ . . . . . 324—325
§ 99. Отношенія Мономаха къ митрополиту и Печерскому монастырю . . . . . 325—327
§ 100. Междукняжескія отношенія времени Мономаха . . . 327
§ 101. Перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба. . . . . 327—330
§ 102. Церковная политика Мономаха и отношенія съ Ви-

СТРАН.

§ 103. Личность Мономаха 331
§ 104. Передѣлъ епископій въ концѣ княженія Мономаха . . 332—335
§ 105. Погребеніе Мономаха. 335

ГЛАВА VII. **Кіевская митрополія и Печерскій монастырь времени упадка Кіевской Руси** . . . . . 336—405

§ 106. Вопросъ о границахъ и новыхъ епископіяхъ по смерти Мономаха. . . . . 336—337
§ 107. Смерть митр. Никиты и прибытіе митр. Михаила . . . 337—339
§ 108*а*. Приниженіе Печерскаго монастыря при Мстиславѣ. . 339—341
§ 108*б*. Нифонтъ, епископъ Новгородскій, грекъ—братъ Печерской обители до епископской каѳедры. . . . . 341—346
§ 109. Прекращеніе княжескихъ погребеній въ св. Софіи и Десятинной церкви. Канонизація Мстислава . . . . . 346—347
§ 110. Междукняжескія отношенія при Ярополкѣ . . . . . 347—348
§ 111. Раздѣлъ епископій. . . . . 348—351
§ 112. Печерскій монастырь при Ярополкѣ . . . . . 351—353
§ 113. Церковная политика Черниговскаго дома . . . . . 353—356
§ 114. Епископскія назначенія времени Всеволода Ольговича . 356—358
§ 115. Печерскій монастырь—ставрофигія патріарха . . . . 358—360
§ 116. Ликвидація этой эпохи въ лѣтописаніи Печерской обители конца XII в. . . . . 360—367
§ 117. Причины ссоры Всеволода съ митр. Михаиломъ . . . 367—368
§ 118. Отъѣздъ митр. Михаила въ Византію . . . . . 368—370
§ 119*а*. Изяславъ въ Кіевѣ. Отношенія епископовъ . . . . 370—371
§ 119*б*. Заточеніе Іоакима Туровскаго . . . . . 371—372
§ 120. Колебанія Изяслава въ церковномъ вопросѣ. Междукняжескія отношенія . . . . . 372—375
§ 121. Соборъ епископовъ въ 1147 г. . . . . 375—378
§ 122. Убійство Кіевлянами Игоря. Канонизація и Житіе Игоря. 378—381
§ 123. „Посаженіе" Нифонта въ Кіевѣ . . . . . 381—382
§ 124. Борьба Изяслава съ Юріемъ . . . . . 382—384
§ 125. Изяславъ въ послѣдній разъ въ Кіевѣ . . . . . 384—385
§ 126. Событія въ Кіевѣ по смерти Изяслава до вступленія Юрія . . . . . 385—387
§ 127. Междукняжескія отношенія въ 1154 г. 387
§ 128. Возстановленіе Юріемъ греческой митрополіи . . . . 387—388
§ 129. Митрополитъ Константинъ и его дѣятельность . . . 388—390
§ 130. Смерть и погребеніе Юрія 391
§ 131. Печерскій монастырь по смерти игумена Ѳеодоса. . . 391—392
§ 132. Бѣгство митр. Константина въ Черниговъ и смерть его. 392
§ 133. Споръ Ростислава и Мстислава о Климѣ . . . . . 392—393
§ 134. Недовольство въ Кіевѣ церковной политикой Ростислава. 393—395
§ 135. Вопросъ о постахъ въ среду и пятницу. Ересь Леона . 395—399
§ 136. Соглашеніе Ростислава съ Византіей о новомъ митро-

стран.

§ 137. Конецъ патріаршей ставропигіи въ Печерскомъ монастырѣ . . . . . 400—401
§ 138. Архіепископія въ Новгородѣ . . . . . 401—402
§ 139. Споръ о постахъ при митрополитѣ Константинѣ . . . 402
§ 140*а*. Вмѣшательство Андрея Боголюбскаго въ церковныя дѣла Кіева. Печерскій монастырь—архимандритія. . . . 402—403
§ 140*б*. Отстраненіе митр. Константина . . . . . 403—404
§ 140*в*. Печерская Лавра—княжой монастырь 404
§ 141. Смыслъ споровъ о постахъ въ среду и пятокъ . . . 404—405
§ 142. Неудачи Печерской Лавры въ концѣ XII—нач. XIII вв. въ возрожденіи былой дѣятельности 405

Указатель именъ . . . . . 407—414

Предисловіе.

Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ
А. С. Пушкинъ.

Вопросъ о зависимости нашей церкви отъ церкви и царства Новаго Рима—принадлежитъ къ кореннымъ вопросамъ русской исторіи. Идеалъ вселенскаго царства, постоянно предносившійся взорамъ византійскихъ политиковъ и вселявшій имъ вѣру въ лучшее будущее даже въ періоды тяжкихъ политическихъ паденій Имперіи, при безграничномъ презрѣніи Ромеевъ къ варварамъ—сводился въ итогѣ къ огречиванію и порабощенію всѣхъ народовъ, входившихъ въ формахъ той или иной зависимости въ составъ Имперіи Новаго Рима. Отсюда—быстрое развитіе національнаго сознанія варварскихъ народовъ и ихъ упорная борьба съ Имперіей, приводившая при искусной дипломатической игрѣ византійской политики, умѣвшей мириться по необходимости съ существующимъ до первыхъ благопріятныхъ условій, и при извѣстной превратности судебъ Второго Рима—къ постоянной смѣнѣ формъ церковной и политической зависимости варваровъ отъ Имперіи.

Русской церкви и державѣ пришлось испытать въ своей исторической жизни и эту борьбу съ Имперіей,

на себѣ идеалъ вселенскаго царства, чтобы впослѣдствіи взять его въ свои руки и сдѣлать, какъ идеалъ Третьяго Рима,—политическимъ лозунгомъ не на одно поколѣніе.

Въ русской исторической наукѣ, вслѣдствіе особыхъ условій разработки вопросовъ церковной исторіи—съ одной стороны, направленія вниманія русскихъ историковъ на иныя стороны историческаго процесса—съ другой, нашему вопросу не посчастливилось, и здѣсь дальше самыхъ общихъ и приблизительныхъ схемъ не шли.

Предлагаемая работа является попыткою пересмотра нѣкоторыхъ сторонъ церковно-политической жизни Кіевской Руси X—XII в. в. въ связи съ указаннымъ выше вопросомъ при наличности тѣхъ новыхъ и важныхъ результатовъ, къ какимъ пришелъ въ изслѣдованіяхъ надъ русскими лѣтописными сводами и памятниками до-татарской Руси академикъ А. А. Шахматовъ, особенно въ своихъ «Разысканіяхъ о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ» (Спб. 1908).

Авторъ не скрываетъ отъ себя, что многое въ предлагаемой работѣ окажется непріемлемымъ или неубѣдительнымъ, но если она вызоветъ потребность новыхъ пересмотровъ затронутыхъ здѣсь темъ,—онъ будетъ считать себя удовлетвореннымъ.

Заключая трудъ свой, оглядываясь на пережитое, испытываю потребность благодарно вспомнить ту неоцѣнимую словомъ помощь, какую встрѣтилъ въ совѣтахъ и указаніяхъ глубокоуважаемаго А. А. Шахматова, въ личномъ общеніи съ которымъ питалъ увлеченіе къ научной работѣ. Искренняя благодарность и признательность—проф. С. Ѳ. Платонову, внимательности и содѣйствію

академику А. С. Лаппо-Данилевскому, профф. И. Д. Андрееву, В. Н. Бенешевичу, Н. К. Никольскому, А. Е. Пѣснякову, Н. В. Ястребову и дорогому другу Л. В. Щербѣ, совѣтами и сочувствіемъ которыхъ легко переживалъ тяжелое время первыхъ шаговъ.

Составленіе указателя взялъ на себя А. Ѳ. Маловъ, которому за то сердечное спасибо.

15 августа 1913 г.
С.-Петербургъ.

Глава I.

§ 1. Когда на великомъ водномъ пути установился единодержавный укладъ, передъ руководителями его политики всталъ обычный для варваровъ вопросъ о пріобщеніи къ европейской культурѣ чрезъ принятіе христіанства.

Какъ вопросъ государственный, а не личной убѣжденности въ истинѣ новой вѣры, принятіе христіанства осложнялось вопросомъ о формахъ установленія церковной іерархіи и политической зависимости отъ того христіанскаго центра, гдѣ можно было получить ученіе и іерархію. Достаточно извѣстно, какъ рано христіанская церковь сдѣлалась въ рукахъ умирающей Имперіи однимъ изъ средствъ къ умиротворенію варварскихъ народовъ и включенію ихъ въ составъ подданныхъ императора. Къ IX вѣку уже существовали, правда, двѣ имперіи, какъ два центра христіанскаго міра, но взгляды обѣихъ въ этомъ вопросѣ существенно не различались, и лишь въ соперничествѣ двухъ церквей—стараго и новаго Рима—можно было найти удовлетворительный исходъ, безъ потери государственной самостоятельности, отъ властолюбивыхъ притязаній императоровъ. Примѣръ болгарскаго князя Бориса-Михаила, добившагося указаннымъ путемъ архіепископіи для болгарской церкви (865 — 870 г.г.), какъ и дальнѣйшіе успѣхи послѣдней на этомъ пути [1])—несомнѣнно стояли передъ глазами руководи-

телей Кіевской державы, и у насъ нѣтъ данныхъ отрицать возможности подобныхъ попытокъ къ рѣшенію церковно-политическаго вопроса съ ихъ стороны.

§ 2. Указать, когда и какъ приступили къ этому въ Кіевской Руси, представляется невозможнымъ по состоянію нашихъ свѣдѣній, которыя не даютъ намъ отвѣта и на вопросъ, какъ и когда возникла сама Кіевская держава. Историческая память въ XI вѣкѣ, когда появляется у насъ лѣтописаніе, сохраняла лишь имена князей конца IX и X вв., обросшія цѣлымъ рядомъ легендъ, въ которыхъ лѣтописцу иногда не удавалось счастливо разобраться. Вотъ почему извѣстная осторожность требуетъ всѣ свѣдѣнія иностранныхъ лѣтописцевъ и дѣятелей до X вѣка не пріурачивать непремѣнно къ той державѣ и династіи, которыя были памятны въ своей непрерывности въ XI вѣкѣ. Данныя житій свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго, Бертинскаго лѣтописца, патріарха Фотія, арабскихъ писателей и др. — могутъ относиться или къ другому мѣсту или, если къ тому же мѣсту, то къ одному изъ тѣхъ этаповъ созданія Кіевской державы Игорева рода, о которыхъ не помнилъ русскій лѣтописецъ XI в., и о которыхъ мы только догадываемся, какъ о борьбѣ русскаго юга въ варяжскимъ сѣверомъ, гдѣ побѣда осталась за послѣднимъ [1]).

Однако, обратимъ вниманіе, что и въ этихъ обрывкахъ прошлаго, дошедшаго до насъ въ темныхъ разсказахъ или упоминаніяхъ иностранцевъ, встрѣчаемся съ указаніями на два крещенія Руси (Сурожская легенда съ одной стороны [2]), по-

---

VII série, T. VIII, № 3) 1864; М. Дриновъ. Исторически прегледъ на Българската църква. 1869; Голубинскій, Е. Е. Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарской, Сербской и Румынской. М. 1871; М. Соколовъ. Изъ древней исторіи болгаръ. Спб. 1879; Д. Цухлевъ. История на Българската църква. Т. I. София, 1911.

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. СПБ. 1908. § 206[6] и Его же. Сказаніе о призваніи варяговъ. (Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ. 1904 г., кн. 4).

сланіе патр. Фотія и др. греческіе источники—съ другой), что̀ даетъ право подчеркнуть, какъ рано вообще подымался у варваровъ вопросъ о принятія христіанства, непремѣнный порогъ для вступленія въ кругъ европейской культуры, и что̀ лишаетъ насъ права удивляться указаніямъ на подобную попытку времени Игоря, къ которой приводятъ насъ несомнѣнныя данныя.

§ 3. Такими несомнѣнными данными нужно считать договоры Руси съ греками, драгоцѣнные остатки древнѣйшаго прошлаго. Для нашей цѣли нѣтъ необходимости разбирать вопросъ объ этихъ договорахъ во всей широтѣ, такъ какъ подлинность ихъ уже не вызываетъ сомнѣній. Въ фрагментѣ 907 г. и въ договорѣ 912 г. Русь является языческой. Въ первомъ читаемъ: „Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, целоваше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ“ [1]). Во второмъ читаемъ: „На утверженье же неподвижние быти меже вами хрестьаны и Русью, бывший миръ сотворихомъ Ивановымъ написаниемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истиннаго Бога вашего извѣсти и дасть нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему иже отъ Бога суще яко Божие здание по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и любви“ [2]).

Иное оказывается по договору 945 г., гдѣ читаемъ: „И иже помыслить отъ страны Руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть отъ страны Рускыя, да

X в. и видѣть здѣсь воспроизведеніе въ легендарныхъ формахъ крещенія св. Владиміра. А. Шахматовъ. Корсунская легенда. (Сборникъ статей

приимутъ месть отъ Бога вседержителя, осужденье на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущий"... и дальше: „да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему"... и въ концѣ договора: „Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ него ничтоже; а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ. А некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людий отъ страны Руския въ прочая лѣта и воину. Аще ли же кто отъ князь или отъ людий Рускіхъ, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву" [1]).

Е. Е. Голубинскій справедливо указалъ, что „ни церковные, ни гражданскіе историки наши не обращали серьезнаго вниманія на этотъ договоръ" [2]), разумѣя значеніе его въ вопросѣ о распространеніи новой вѣры въ державѣ Игоря. Изъ договора 945 г., думается, можно выяснить и нѣчто большее, чѣмъ представлялось Е. Е. Голубинскому. Безспорно, текстъ договора не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что христіане въ Кіевѣ „если не численно (чего документъ не даетъ знать), то

[1]) Лавр., 6453 г.

[2]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Т. I. Изд. 2. М. 1901

нравственно преобладали надъ язычниками; они составляли партію политическую господствующую и въ ихъ рукахъ находилось веденіе государственныхъ дѣлъ" [1]). Но изъ текста договора, оставляя въ сторонѣ слѣдующій за нимъ лѣтописный текстъ, видимъ также, что клятва пословъ-христіанъ была принесена въ Константинополѣ („кляхомъся церковью св. Ильѣ") и, несомнѣнно, въ св. Софіи („въ сборнѣй церкви") [2]), а клятва „некрещеной Руси" откладывалась на будущее, на Кіевъ. Мы не знаемъ, была ли и среди пословъ „некрещеная Русь". Если была, то почему съ нея не потребовали клятвы тамъ же, въ Константинополѣ, а отложили на Кіевъ? Изъ договора 971 г. знаемъ, что приносить языческую клятву внѣ Кіева не встрѣчало вообще препятствій со стороны культа [3]). Обратимъ вниманіе, что передъ нами договоръ ратифицированный императорами („и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана") и подлежащій ратификаціи въ Кіевѣ („а отходяче посломъ царства нашего, да допроводять къ великому князю Рускому Игореви и к людемъ его; и ти приимающе харатью, на роту идуть хранити истину, якоже мы свѣщахомъ, написахомъ на харатью сию, на ней же суть имяна наша написана"). Отсюда естественно заключить, что подъ „некрещеной Русью" договоръ 945 г. разумѣетъ Игоря и „людей его", которые должны дать ратификацію съ русской стороны. Однако, такое заключеніе будетъ поспѣшнымъ. Обращаемъ вниманіе на два мѣста договора, мѣшающія приведенному выводу. „А некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручи своѣ и прочаа оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ

[1]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Т. I². Изд. 2. М. 1901. стр. 68.

[2]) Такое толкованіе уже было предложено Лонгиновымъ, А. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ (Записки

всѣхъ людій отъ страны Руския въ прочая лѣта и воину". Здѣсь сказано „отъ Игоря и отъ всѣхъ бояръ" и т. д., но не названъ прямо самъ Игорь, какъ ратификаторъ. Затѣмъ, постоянное сопоставленіе договора: „ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ", откуда вытекаетъ, что князь могъ быть христіаниномъ. Къ этому же нужно прибавить и то наблюденье, что въ томъ мѣстѣ договора, гдѣ прямо говорится о ратификаціи Игоря и „людей его", сказано только „на роту идуть", а не указано точно, въ чемъ должна заключаться эта рота.

Договоры писались, конечно, греческими чиновниками, опытными въ этомъ дѣлѣ, и редакторской неловкостью всѣ эти мѣста объяснены быть едва-ли могутъ. Естественнѣе другое соображеніе. Договоръ 945 г. заключался въ тотъ моментъ, когда у власти въ Кіевѣ стояла партія христіанская, желавшая пріобщенія Кіева къ христіанской культурѣ. Къ ней принадлежалъ и самъ князь Игорь, оффиціальное положеніе котораго не позволяло ему лично перейти въ новую вѣру, пока не будутъ выяснены пріемлемыя условія установленія церковной іерархіи въ его державѣ. Кіевскіе послы, заключая договоръ 945 г., очевидно, должны были коснуться и этого вопроса, не подлежащаго по византійской традиціи включенію въ самый текстъ договора. Въ какой формѣ были выработаны въ 945 г. условія установленія новой вѣры въ Кіевѣ, — мы не знаемъ, но, конечно, и послы, и греки не были увѣрены, окажутся ли условія одобренными въ Кіевѣ и, какъ слѣдствіе, приметъ ли Игорь и „люди его" христіанскую церковь изъ Византіи. Въ виду этого, договоръ составленъ въ тѣхъ осторожныхъ выраженіяхъ, которыя не помѣшали бы Игорю ратифицировать договоръ и въ формахъ языческой роты, и въ формахъ клятвы христіанской. Вѣроятно, пользуясь присутствіемъ среди пословъ „некрещеной Руси", греки предложили перенести ихъ роту на Кіевъ, чтобы имѣть возможность въ договорѣ точно описать условія языческой роты Игоря, если послѣдній будетъ

приносить именно эту клятву, не называя, однако, князя здѣсь по имени.

Если всѣ эти соображенія вѣроятны, то передъ нами становится новый вопросъ, какъ же отнесся Игорь къ переговорамъ пословъ объ установленіи въ Кіевской державѣ новой вѣры. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ прежними затрудненіями—отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній.

Древнѣйшій Кіевскій сводъ 1039 г. и его Печерская редакція 1073 г., какъ и Начальный сводъ 1095 г.—не знали этого договора и не давали вообще точныхъ свѣдѣній объ этомъ времени. Совершенно произвольно составитель Начальнаго свода далъ годъ смерти Игоря, отнеся его къ году сведенія съ царства императора Романа, признавъ послѣдняго современникомъ Игоря (945 г.) [1]), хотя, вѣроятно, что Игорь умеръ около этихъ годовъ [2]). Когда составитель Повѣсти вр. лѣтъ первой редакціи включалъ въ текстъ предшествующаго свода Нестора 1110 г., въ числѣ другихъ вставокъ, и договоры съ греками, онъ присоединилъ къ договору 945 г. нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, нѣтъ сомнѣнія, извлеченныхъ авторомъ изъ текста самаго договора 945 г., повидимому, не во всемъ правильно прочитаннаго и понятаго. „Послании же сли Игоремъ придоша к Игореви со слы гречьскими и повѣдаша вся рѣчи царя Романа. Игорь же призва слы гречьскыя, рече имъ: „глаголите, что вы казалъ царь“. И рѣша сли цареви: „се посла ны царь, радъ есть миру, хощетъ миръ имѣти со княземъ Рускимъ и любъве; твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ“. Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ и покладоша оружье свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеянскую Русь водиша ротѣ в церкви св. Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конець

Пасынѣчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни. Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ скорою и чалядью и воскомъ и отпусти я; сли же придоша ко цареви и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь юже къ Грекомъ" [1]). Не имѣя цѣлью подробно разбирать этотъ комментарій къ договору 945 г., интересный, впрочемъ, для характеристики лѣтописца начала XII в., а не событій середины X в., остановимся на томъ наблюденіи, что авторъ Повѣсти вр. лѣтъ вѣрно оцѣнилъ документъ 945 г., бывшій у него подъ руками, какъ хартію ратифицированную греческими императорами и требующую лишь ратификаціи въ Кіевѣ. Затѣмъ лѣтописецъ, неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ, заставляетъ Игоря ратифицировать договоръ въ формѣ языческой клятвы и, невѣрно понявъ слова договора „кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви" и предположивъ, что въ Кіевѣ были кромѣ пословъ еще христіане, по своему положенію долженствующіе принять участіе въ ратификаціи вмѣстѣ съ Игоремъ,—чего текстъ грамоты 945 г. рѣшительно не знаетъ, — повелъ ихъ въ церковь св. Ильи, которою въ Константинополѣ клялись послы-христіане, и о которой въ Кіевѣ XII в. уже не помнили настолько, что авторъ вынужденъ дать читателю археологическую справку о мѣстоположеніи этой церкви, и къ которой неудачно отнесъ слова договора „въ сборнѣй церкви", относящіяся къ Константинопольской св. Софіи.

Впрочемъ, догадка автора Повѣсти вр. лѣтъ объ язычествѣ Игоря до смерти находитъ подтвержденье въ томъ обстоятельствѣ, что о крещеніи его жены Ольги у насъ есть рядъ данныхъ, который въ большей или меньшей степени былъ бы и объ Игорѣ, если послѣдній принялъ христіанство. Мысль автора Повѣсти вр. лѣтъ, что договоръ 945 г. былъ утвержденъ Игоремъ, хотя и въ формѣ языческой роты, остается для насъ безъ подтвержденій.

Договоръ 945 г. на мгновенье пролилъ намъ лучъ свѣта на событія въ Кіевѣ, и дальше все вновь погружается во мракъ до 955 г., года крещенія Ольги.

§ 4. Къ 1039 г.—году составленія Древнѣйшаго Кіевскаго лѣтописнаго свода—на Руси имѣлась особая повѣсть о крещеніи св. Ольги и ея кончинѣ, относившая первое событіе къ 955 г. (6463), а второе къ 11 іюля 969 г. (6477) [1]). Слѣды этой повѣсти находимъ какъ въ разсказѣ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 955 г. и 969 г., такъ и въ Памяти и похвалѣ мниха Іакова, такъ и въ проложномъ Житіи св. Ольги [2]). Повѣсть эта, возстановить которую теперь невозможно, была включена въ Древнѣйшій Кіевскій сводъ 1039 г.

Кромѣ нея существовали въ Кіевѣ и народныя легенды, иначе разсказывавшія о крещеніи Ольги и помнившія о какихъ-то непріязненныхъ отношеніяхъ между русской княгиней и Византійскимъ императоромъ. Составитель такъ называемаго Начальнаго свода 1095 г. слилъ повѣсть о крещеніи и смерти Ольги, помѣщенную въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г., съ этими народными легендами въ тотъ видъ, который теперь читается въ Повѣсти вр. лѣтъ.

Древняя повѣсть сообщала, кромѣ 955 г., какъ года крещенія Ольги, и мѣсто его—Царьградъ, и имя, принятое Ольгою въ крещеніи — Елена, очевидно, въ честь жены императора Константина. Все это подтверждается и изъ иностранныхъ источниковъ. Такъ Кедринъ опредѣляетъ годъ крещенія Ольги въ Константинополѣ, какъ время до кончины патріарха Ѳеофилакта († 956 г.) [3]), а такъ называемый продолжатель Регинона, непосредственный современникъ, ошибочно называя императора Константина Романомъ, относитъ крещеніе Ольги-Елены въ Константинополѣ ко времени до 959 г. [4]).

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ. §§ 74—80.
[2]) Соболевскій, А. Чтенія въ Ист. Об-вѣ Нестора лѣт. т. II.

Фактъ принятія русской княгиней крещенія въ Константинополѣ даетъ право заключить, что христіанская партія оставалась въ силѣ въ Кіевѣ и послѣ 945 г., и послѣ смерти Игоря, при управленіи Кіевской державой, за малолѣтствомъ Святослава, вдовы Игоря—Ольги. Очевидно, что попытки рѣшенія вопроса объ установленіи церковной іерархіи и принятіи новой вѣры въ Кіевѣ не прекращались послѣ 945 г., и къ 955 г. привели къ соглашенію, по которому форма насажденія церковной іерархіи не посягала на политическую самостоятельность Кіевской державы и была пріемлема для національнаго самолюбія Руси. Такъ по крайней мѣрѣ могло казаться Ольгѣ и руководителямъ Кіевской державы, и княгиня, лично ведшая эти переговоры въ Царьградѣ, закрѣпила ихъ своимъ крещеніемъ тамъ же и принятіемъ имени Елены въ честь жены императора Константина, вѣроятнаго воспріемника при крещеніи. Только допущеніемъ крещенія Ольги въ Царьградѣ возможно, между прочимъ, объяснить то обстоятельство, что сынъ Ольги—Святославъ—остался язычникомъ, очевидно, не бывъ въ 955 г. съ матерью въ Константинополѣ.

Однако, оказалось, что съ греками легко вести переговоры, но трудно вести дѣло. Въ Кіевѣ не установилась церковная іерархія, и это нужно объяснить отступленіемъ грековъ отъ тѣхъ обѣщаній, которыми была заманена Ольга въ 955 г., обычнымъ пріемомъ византійскаго дипломатическаго искусства, съ которымъ намъ неразъ придется встрѣчаться въ исторіи дальнѣйшихъ отношеній Кіевскихъ князей съ Византіей. Этотъ оборотъ дѣла ставилъ Ольгу въ безвыходное положеніе. Какъ глава и руководительница государственной политики Кіева, она не могла, будучи христіанкой, не имѣть своей церковной іерархіи, какъ не могла и принять того, что ей теперь предлагали греки. Этимъ объясняется вторичная поѣздка Ольги въ Константинополь, о которой случайно сохранилъ намъ извѣстіе царственный писатель. 9 сентября и 18 октября 957 г., т.-е.

ныхъ пріема Ольги императоромъ. Въ поѣздкѣ этой нельзя видѣть личнаго дѣла Ольги, такъ какъ Ольга явилась къ императору Константину не только подъ именемъ „княгини", но „княгини русской игегемонъ", какъ указалъ Д. В. Айналовъ [1]). Въ первый пріемъ „сѣлъ императоръ съ императрицею и порфирородными своими дѣтьми, и позвана была княгиня изъ залы кенургія и по приглашенію императора сѣвши говорила съ нимъ, о чемъ хотѣла" [2]). Мы уже знаемъ, что разговоръ могъ быть объ одномъ, о возвращеніи къ обѣщаніямъ 955 г., этого только могла добиваться Ольга, объ этомъ она только и могла „хотѣть говорить". Легко догадаться, что разговоръ не привелъ ни къ чему. Императоръ не имѣлъ основаній дѣлать уступокъ тамъ, гдѣ не было нужды или выгоды. И Ольгѣ, подобно болгарскому князю Борису-Михаилу, оставалось обратиться къ другой имперіи, въ расчетѣ тамъ найти болѣе уступчивости въ вопросѣ о формахъ церковной іерархіи для Кіевской Руси.

Объ этой второй поѣздкѣ Ольги въ Константинополь ничего, вѣроятно, не сообщала та древняя повѣсть, слѣды которой сохранились до насъ въ рядѣ памятниковъ древности, такъ какъ повѣсть, повидимому, задавалась иными заданіями, чѣмъ описаніе подробностей „добыванія" церковной іерархіи, такъ какъ составленіе ея относится къ порѣ греческой іерархіи на Руси и цѣлью составленія было желаніе прославленія св. Ольги въ ожиданіи скорой ея канонизаціи. Но объ этой поѣздкѣ Ольги въ Константинополь помнила оскорбленная народная память въ той легендѣ, которая говорила о неладахъ Ольги съ императоромъ и объ отвергнутомъ Ольгою его сватовствѣ, въ какой видъ, возможно, была переиначена попытка Ольги добиться для своего дома родственныхъ связей съ домомъ

---

[1]) Византійскій Временникъ, т. IX, стр. 627.

Багрянороднаго [1]), что̀ значительно бы смягчило приниженныя формы церковно-политической зависимости Кіева, предлагаемыя императоромъ. Составитель Начальнаго свода 1095 г. лишь механически слилъ эту легенду съ древнею повѣстью, находившейся въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г., очевидно, не имѣя возможности возстановить двѣ поѣздки Ольги въ Константинополь.

Такимъ образомъ, княгиня Ольга, принявъ крещеніе въ 955 г. и не получивъ желательнаго ей іерархическаго устройства новой церкви, личной поѣздкой въ Константинополь въ 957 г. не сумѣла добиться ни осуществленія обѣщаній 955 г., ни родственныхъ связей, долженствующихъ лишить возможности Византію разсматривать Русь, въ случаѣ неизбѣжности введенія новой церкви, какъ подданную область Имперіи, — обратилась къ Западу, въ расчетѣ тамъ найти болѣе пріемлемыя условія организаціи церкви [2]).

Объ этомъ посольствѣ Ольги къ королю Оттону сообщаетъ рядъ западныхъ лѣтописцевъ, начиная съ продолжателя Регинона, непосредственнаго современника, а можетъ быть, и дѣйствующаго лица въ описываемомъ событіи [3]). „Пришли къ королю, — какъ послѣ оказалось, лживымъ образомъ, — послы Елены королевы Руговъ (Helenae reginae Rugorum), которая при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополѣ, и просили посвятить для сего народа епископа и священниковъ“ — пишетъ продолжатель Регинона подъ 959 г. [4]). Далѣе, подъ 960 г. читаемъ: „Король праздновалъ

---

[1]) Пархоменко, В. Древ. русская княгиня св. равноап. Ольга (вопросъ о ея крещеніи). Кіевъ. 1911, стр. 15.

[2]) Мысль эта не нова. См. Вороновъ. А. О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіев. въ X и XI вв. (Чтенія въ Ист. Об-вѣ Нестора лѣт. кн. I. Кіевъ. 1879) и Фортинскій, Ѳ. Крещеніе кн. Владиміра по западнымъ извѣстіямъ (тамъ же, кн. II. Кіевъ. 1888).

[3]) Wattenbach. Deutschl. Geschichtsquellen, II Aufl., т. I, 232.

[4]) Pertz. Monumenta Germaniae, I, 624. Переводъ Е. Е. Голубинскаго (Исторія р. ц., т. I[1], изд. 2, 103). У послѣдняго можно найти и всѣ другія

праздникъ Рождества Христова во Франкфуртѣ, гдѣ Либуцій изъ братіи монастыря св. Альбана достопочтеннымъ епископомъ Адальдагомъ посвященъ въ епископы Ругамъ (genti Rugorum)". Подъ 961 г.: „Либуцій, котораго въ прошломъ году нѣкоторыя дѣла удержали отъ путешествія, скончался 15-го марта настоящаго года; въ преемники ему посвященъ былъ Адальбертъ изъ братіи монастыря св. Максимина въ Трирѣ; сего послѣдняго благочестивѣйшій государь, съ обычнымъ ему милосердіемъ снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отправилъ съ честью къ Ругамъ". Подъ 962 г.: „Въ семъ году возвратился назадъ Адальбертъ, поставленный въ епископы Ругамъ, ибо не успѣлъ ни въ чемъ томъ, за чѣмъ былъ посланъ, и видѣлъ свои старанія напрасными; на обратномъ пути нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ же онъ съ великимъ трудомъ едва спасся".

Такъ видимъ, что попытка Ольги выйти изъ создавшагося благодаря ея крещенію политическаго затрудненія путемъ устроенія въ своей державѣ западной церковной іерархіи — окончилась неудачно. Добиваясь независимыхъ формъ церковной организаціи, она взамѣнъ того получала предложеніе сдѣлать изъ ея страны не архіепископію, не митрополію, а лишь рядовую епископію. Конечно, предложеніе Оттона было не лучше условій, предлагаемыхъ изъ Византіи, потому что Византія имѣла болѣе прямой интересъ ввести небезопаснаго сѣвернаго сосѣда въ сферу своего политическаго вліянія, чѣмъ мало въ томъ заинтересованный западный монархъ. Что же оставалось дѣлать правительницѣ государства, послѣ неудачъ болгарскаго пути, разъ она сама уже была христіанкой? Самымъ естественнымъ выходомъ — было сдѣлать фактъ своего крещенія — фактомъ личной, не государственной жизни, т.-е., оставаясь христіанскою, отказаться отъ управленія Кіевской державой, передавъ послѣднюю въ языческія, болѣе сво-

тіею, которая стояла въ Кіевѣ у власти еще со временъ договора съ греками ея мужа Игоря (945 г.), такъ какъ неудача Ольги въ дѣлѣ созданія русской независимой церкви—была неудачею этой партіи.

Такимъ образомъ происходитъ въ Кіевѣ смѣна правительницы, партіи и политики. Когда именно произошла эта смѣна, сказать точно—трудно, но нѣтъ сомнѣнія, что она падала на ближайшее время послѣ неудачи западныхъ переговоровъ, т.-е. на самое начало 60-хъ годовъ. Наше предположеніе относительно времени вступленія въ управленіе Кіевской Русью Святослава совпадаетъ съ предположеніемъ М. Грушевскаго, пришедшаго къ тому путемъ иныхъ сопоставленій [1]).

§ 5. Вступленіе на Кіевскій столъ Святослава сопровождалось отказомъ новаго правительства отъ попытокъ введенія христіанской церкви въ Кіевѣ или, вѣрнѣе, исканія къ тому путей — и устраненіемъ сотрудниковъ прежняго направленія политики, что ясно изъ договора 971 г., гдѣ не видимъ христіанъ въ войскѣ Святослава, хотя открытаго гоненія на христіанъ не было. По крайней мѣрѣ лѣтопись этого не помнитъ: „аще бо кто хотяше волею крьститися, не бранаху, нъ ругахуся тому", а возможное христіанство матери Владиміра Святославича Малъфрѣди [2]) даже подтверждаетъ это.

Международныя событія ближайшаго же времени, однако, повернули русскую политику на старую дорогу, и тому же Святославу, „ругателю" христіанъ, едва не посчастливилось рѣшить вопросъ о независимыхъ формахъ церковной іерархіи для Руси, котораго не могли рѣшить, домогаясь этого, ни отецъ его, ни мать. Такой переходъ языческой политики въ христіанскую, вполнѣ естественный въ условіяхъ того времени, можетъ казаться страннымъ намъ только до тѣхъ поръ, пока мы не привыкнемъ смотрѣть на „крещеніе Руси", какъ на вопросъ для того времени политическій и культурный, а

[1]) Грушевський, М. Історія України-Руси. Т. I, вид. др. 407.

не убѣжденности личной въ истинѣ новой вѣры того или другого князя Кіевскаго.

8 октября 927 года между Болгаріей и Византіей былъ заключенъ миръ, измѣнившій всю политику Болгаріи предыдущаго царствованія. По этому миру, скрѣпленному бракомъ слабаго преемника великаго Симеона, царя Петра съ внучкою императора Романа, Маріей, Византія признавала царскій титулъ Петра, патріаршій санъ за предстоятелемъ независимой болгарской церкви и обязалась платить ежегодную дань [1]). Не касаясь вопроса о причинахъ, побудившихъ обѣ стороны къ признанію этихъ условій, отмѣтимъ, что съ этого времени болгарская церковь становится третьимъ центромъ, откуда Кіевская Русь могла искать церковной іерархіи на пріемлемыхъ для національнаго самолюбія условіяхъ. Однако, долгое время крѣпкій союзъ Болгаріи съ Византіей не давалъ возможности успѣха попыткамъ въ этомъ направленіи, если такія предпринимались, пока Византія не сдѣлала шага къ сокрушенію патріаршества и царства, признанныхъ ею въ 927 г., конечно, лишь какъ вынужденная временная уступка.

Мечтая о покореніи болгаръ, энергичный Никифоръ Фока, при первомъ благопріятномъ раскладѣ международной политики на востокѣ, нанимаетъ Кіевскаго князя разгромить царство Петра. Исторія походовъ Святослава въ Болгарію до сихъ поръ представляется невыясненной въ достаточной степени, хотя ясно, что она распадается на два похода: 968 и 969 гг. [2]). Первый походъ былъ остановленъ печенѣжскимъ набѣгомъ на Кіевъ, едва-ли не двинутымъ той же рукою, какая необдуманно двинула сѣвернаго завоевателя на Болгарію и которая новымъ миромъ съ Петромъ пыталась теперь совмѣстными силами Болгаріи и Византіи отразить новый походъ Святослава. Послѣдняго манила Болгарія и какъ новые предѣлы своей

[1]) Дриновъ, М. Южные славяне и Византія въ X в. М. 1876, стр. 65—66.

державы, но и какъ выгодное рѣшеніе для Руси церковнаго вопроса съ пріобрѣтеніемъ Болгарскаго патріархата. Въ этомъ смыслѣ характерно желаніе Святослава перенести столицу изъ Кіева въ Болгарію, и пребываніе за все время русскаго господства въ Болгаріи патріарха Даміана на престолѣ въ Доростолѣ, въ которомъ Святославъ держался до послѣднихъ силъ [1]). Однако, сила и счастье оказались не на сторонѣ Святослава, и онъ покидаетъ Болгарію, ставшую добычею императора. Договоръ Святослава съ І. Цимисхіемъ 971 г. не знаетъ христіанъ къ войскѣ и державѣ Кіевскаго князя: „аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ“ [2]), что̀ и естественно послѣ отстраненія отъ управленія Кіевской державой Ольги и ея сотрудниковъ.

§ 6. Болгаріи, какъ увидимъ ниже, пришлось позднѣе сыграть въ исторіи установленія въ Кіевской Руси церковной іерархіи значительную роль, и по ходу изложенія удобнѣе теперь же остановиться на дальнѣйшей судьбѣ патріаршества и царства Болгаріи.

І. Цимисхій, занявъ Болгарію послѣ Святослава, не возвратилъ ея сыну Петра—царю Борису, хотя во время борьбы съ Святославомъ всюду выставлялъ себя освободителемъ Болгаріи и возстановителемъ ея независимости отъ сѣвернаго завоевателя. Вѣнецъ болгарскихъ царей былъ положенъ въ св. Софіи, въ Константинополѣ, а царь болгаръ Борисъ всенародно сложилъ знаки царскаго достоинства, получивъ взамѣнъ титулъ магистра; младшій братъ Бориса—Романъ—былъ по приказанію императора оскопленъ [3]).

---

[1]) Голубинскій, Е. Кр. очеркъ исторіи церквей Болгарск., Сербск. и Румынск. М. 1871, стр. 38; Цухлевъ, Д. История на Българската църква, т. I. София. 1911, стр. 780.

[2]) Лавр., 6479 г.

[3]) G. Cedrenus, II, 435 (ed. Bonn.); Иречекъ, К. Исторія Болгаръ.

Патріаршество также не осталось неприкосновеннымъ: патріархъ Даміанъ былъ низведенъ съ престола, а всѣ занятыя императоромъ земли отошли въ вѣдѣніе Константинопольскаго патріарха.

Торжество грековъ было, однако, не полно. Еще въ 969 г., когда умеръ царь Петръ, его сыновья Борисъ и Романъ были заложниками въ Царьградѣ, а на Дунаѣ хозяйничалъ Святославъ, — на западѣ погибающаго Болгарскаго царства поднялось возстаніе подъ руководствомъ четырехъ сыновей одного Македонскаго князя Николая — Давида, Моисея, Аарона и Самуила, — приведшее къ отдѣленію отъ Болгарскаго царства западныхъ провинцій, изъ которыхъ образовалась независимая Македонская держава подъ старшинствомъ Давида. Когда въ 971 г. І. Цимисхій овладѣлъ всею восточною Болгаріею, его войска направились и на покореніе Македонскаго княжества, искавшаго тщетно помощи противъ Цимисхія у Оттона І, и, послѣ борьбы, принужденнаго къ 973 г. войти, какъ провинція, въ составъ Византійской имперіи. Послѣ смерти Цимисхія братья вновь подняли возстаніе (976 г.), освободили изъ-подъ Византійской руки свое прежнее Македонское княжество, а затѣмъ — западныя болгарскія провинціи и болгарскую землю на востокъ, между Дунаемъ и Балканами. Образовавшаяся независимая Македонская держава четырехъ братьевъ подъ старѣйшинствомъ Давида, скоро ставшая единодержавной монархіей младшаго изъ братьевъ — Самуила, такъ какъ трое старшихъ погибли уже къ 14 іюня того же 976 г., съ большою удачей и силой стала стремиться возстановить Болгарское царство въ его прежнемъ объемѣ [1]).

На долю новаго императора Византіи — Василія — выпала упорная борьба съ новой Болгарской державой, кончившаяся побѣдою Болгаробойца. Въ описаніи борьбы императора Василія съ Самуиломъ встрѣчаемъ существенное разногласіе

между византійскими историками (Кедринъ и Зонара) и Яхъи. Не касаясь всѣхъ пунктовъ этого разногласія, остановимся на вопросѣ о судьбѣ сыновей царя Петра. Намъ уже пришлось отмѣтить, что по завоеваніи Болгаріи у Святослава I Цимисхій взялъ въ плѣнъ обоихъ братьевъ, заставивъ старшаго изъ нихъ—царя Бориса—отречься отъ престола, а младшаго—Романа—оскопивъ. И византійцы и Яхъя разсказываютъ, что оба брата бѣжали изъ плѣна на родину, гдѣ въ это время во главѣ независимой Македонской державы стоялъ Самуилъ, возстановитель Болгарскаго царства. Во время бѣгства, на перевалѣ, по недоразумѣнію болгаре убили царя Бориса, но Романъ уцѣлѣлъ. И здѣсь рѣзко расходятся византійцы и Яхъя. По Кедрину (Скилицѣ) и Зонарѣ, Романъ въ дальнѣйшемъ не игралъ большой роли, былъ въ подчиненіи у Самуила, давшаго ему воеводство въ Скопльѣ, который Романъ измѣнически передалъ императору во время похода 1002 г. Напротивъ, по Яхъи, Романъ сталъ царемъ независимой Болгаріи, а Комитопулъ (Самуилъ) — его послушнымъ полководцемъ. И Яхъя постоянно отмѣчаетъ въ своемъ разсказѣ судьбу царя Романа въ ходѣ дальнѣйшей борьбы болгаръ съ императоромъ. Такъ, въ 991 г. читаемъ: „встрѣтилъ царь Василій болгаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ въ плѣнъ царя и возвратилъ его въ темницу, изъ которой онъ бѣжалъ. И спасся Комитопулъ, начальникъ его войскъ, и управлялъ государствомъ болгарскимъ“ [1]). Въ 996 г. или 997 г.: „И столкнулся онъ (Никифоръ Уранъ) съ Комитопуломъ, вождемъ ихъ (болгаръ), и побѣдилъ ихъ... И написалъ Комитопулъ царю Василію, унижаясь предъ нимъ и обѣщая ему покорность и прося его, чтобы онъ оказалъ ему милость. И намѣревался было царь согласиться на это, но случилось, что царь болгаръ, который находился въ заключеніи у царя въ Константинополѣ,—умеръ. И дошла смерть его до его раба Комито-

[1]) Розенъ, В., баронъ. Императоръ Василій Болгаробойца. (Прил.

пула, вождя болгаръ. И провозгласилъ онъ тогда себя царемъ" [1]).

Конечно, о ходѣ болгарскаго возстанія у Яхъи былъ, очевидно, другой источникъ, чѣмъ у византійцевъ. Правда, этотъ источникъ не давалъ, вѣроятно, точныхъ именъ какъ объ этомъ догадывался Ѳ. Успенскій [2]),—потому что иначе трудно объяснить какъ отсутствіе именъ, такъ и смѣшеніе Петра Симеоновича съ Самуиломъ, почему послѣдній сталъ просто Комитопуломъ, сына Аарона и сына Комитопула съ Ааропомъ и Комитопуломъ [3]). Но источникъ этотъ заподозрѣть и отвергнуть всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя Яхъи,—мы не имѣемъ основаній, такъ какъ они чрезвычайно правдоподобны. Провозглашеніе Романа Петровича, представителя законной болгарской династіи, —царемъ новой независимой Болгарской державы, рвущейся къ формамъ и задачамъ прежней,—было во всѣхъ смыслахъ выгодно для Самуила. Мѣра эта безъ сомнѣнія смыкала крѣпче всѣхъ болгаръ на борьбу за независимость, придавала домогательствамъ Самуила на земли прежняго Болгарскаго царства совершенно законное основаніе, лишала смысла ту греческую интригу, какую видятъ въ „бѣгствѣ" царевичей, сыновей Петра, изъ Константинополя и которая могла имѣть цѣлью поддержать византійскую партію въ Болгаріи [4]) противъ ростущаго обаянія Самуила, и, наконецъ, ничѣмъ не грозила династіи Самуила въ будущемъ, такъ какъ Романъ былъ ослѣпленъ І. Цимисхіемъ, а другихъ представителей династіи великаго Симеона — уже не оставалось. Самуилу было именно необычайно важно связать свое дѣло съ

---

[1]) Розенъ, В. баронъ. Импер. Василій Болгаробойца, 34.

[2]) Жур. М-ва Нар. Просв. 1884 г., апрѣль, стр. 290.

[3]) Разборъ и сличеніе этихъ извѣстій и мѣстъ см. у бар. В. Розена, Импер. Василій Болгаробойца, стр. 188—189, 229, 338, 364—365; Ѳ. Успенскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1884 г., апрѣль; и Липовскаго, А. Изъ исторіи греко-болгарской борьбы X—XI вв. (Ж. М. Н. Пр., 1891, ноябрь,

прежней династіей, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ принялъ Романа царемъ, бывъ усыновленъ имъ за это. Это простое допущеніе гораздо легче и естественнѣе объясняетъ дѣло, чѣмъ предположеніе Б. Прокић'а, — въ изложеніи исторіи возникновенія Македонской державы которому мы до сихъ поръ слѣдовали [1]), — о томъ, что между прибывшимъ Романомъ и Самуиломъ въ Водинѣ было заключено условіе, согласно которому Романъ дѣлался начальникомъ въ Скопльѣ, а Самуилъ получилъ права на титутъ болгарскаго царя и на всю восточную Болгарію, „очевину Романову" [2]).

Понятно, что грекамъ едва-ли было пріятно такое узаконеніе и сліяніе царской династіи Симеона съ бывшею до сихъ поръ самозванною династіей Македонскаго князя Николая, почему византійскіе историки предпочли опустить весь этотъ эпизодъ болгарской исторіи, тѣмъ болѣе, что македонская династія не погибла цѣликомъ послѣ гибели политическаго созданія Самуила. Яхъя, непроникнутый ромейскими интересами, съ большею непринужденностью излагаетъ дѣло, и достовѣрность здѣсь—на его сторонѣ.

Когда случилось провозглашеніе царемъ вернувшагося Романа Петровича—мы точно не знаемъ: въ 976 или 985 г. [3]). Послѣ смерти Романа (996 или 997 г.) царемъ сталъ Самуилъ.

Какъ покореніе І. Цимисхіемъ въ 971—973 гг. Болгаріи не привело къ окончательному установленію здѣсь греческой власти, такъ и сверженіе съ патріаршаго престола Доростола патр. Даміана не привело къ окончательному торжеству здѣсь греческой церкви. Въ Болгарской державѣ Самуила мы встрѣчаемъ уже патріаршій тронъ и знаемъ имена

---

[1]) Б. Прокић. Постанак једне словенске царевине у Маћедонји у X веку. (Глас Српске Краљевске Академије, II, 46).

[2]) ib., 281.

[3]) Розенъ, В., бар. Импер. Василій Болгар., стр. 404; Липовскій, А.

трехъ патріарховъ: Германа-Гавріила, имѣвшаго каѳедру въ Сардикѣ, Водинахъ, Могленахъ и Преспѣ; Филиппа, перенесшаго каѳедру въ Охриду; и Іоанна, бывшаго патріархомъ въ моментъ окончательнаго завоеванія греками Болгаріи Самуила и получившаго отъ императора Василія титулъ архіепископа Охридскаго и хрисовулы, давшіе подъ руку Іоанна всю Болгарскую церковь эпохи Петра Симеоновича [1]). Какъ случилось перенесеніе патріаршества изъ Доростола въ Сардику, потомъ Водины, Моглены, Преспу и, наконецъ, Охриду—сказать трудно [2]), но передача послѣ завоеванія царства Самуила Охридскому патріарху Іоанну императоромъ Василіемъ всѣхъ епархій эпохи расцвѣта Доростольскаго патріаршества, при условіи лишь пониженія патріаршаго титула на архіепископскій, показываетъ, очевидно, дѣйствительную преемственность предстоятеля церкви въ царствѣ Самуила отъ Доростольскаго патріархата даже съ точки зрѣнія Византіи.

§ 7. Смерть Святослава на возвратномъ пути изъ неудачнаго Болгарскаго похода, какъ извѣстно, вызвала скоро борьбу между его тремя сыновьями, приведшую къ краткому объединенію всего великаго воднаго пути въ рукахъ Ярополка Святославича: Олегъ погибъ въ борьбѣ съ братомъ, а Владиміръ бѣжалъ за море. Новая борьба за единовластье между Ярополкомъ и Владиміромъ Святославичами, въ которой по-

---

[1]) Обычно между патріархами Филиппомъ и Іоанномъ вставлялось имя патріарха Давида, но Б. Прокић на основаніи древняго текста Скилицы съ важными дополненіями Девольскаго епископа Михаила (1118 г.)—Codex Vindobon. LXXIV,—гдѣ читается имя Іоанна тамъ, гдѣ у Скилицы—Давида, и на основаніи отсутствія имени Давида въ каталогѣ Охридскихъ архіепископовъ — убѣдительно доказалъ, что патріарха Давида не было, и имя это относится, вѣроятно, къ вакарію патріарха Іоанна (Глас Српске Кр. Академије, II, 52).

[2]) Дриновъ, М. Южные славяне и Византія въ X в., М. 1876, стр. 109—110; Б. Прокић, Іован Скилица. (Глас Ср. Академије, II, 52, стр. 143); Д. Цухлевъ, История на Българската църква, т. I, София, 1911, стр. 777 и сл. Изложеніе Д. Цухлева не принимаетъ въ соображеніе

слѣдній опирается на помощь варяжскаго сѣвера, — окончилась побѣдой Владиміра и установленіемъ его единодержавія. Игралъ ли въ этой борьбѣ какую-либо роль вопросъ о христіанизаціи Днѣпровской державы, — сказать опредѣленно невозможно, такъ какъ мы располагаемъ лишь смутными указаніями въ этомъ смыслѣ.

На это наводитъ невольно та повѣсть о Варягахъ-мученикахъ, которая, несомнѣнно, была древнѣе лѣтописи и была включена въ Древнѣйшій сводъ 1039 г. Повѣсть эта имѣла опредѣленную дату (12 іюля 6486 г.) и относила весь эпизодъ къ году вступленія князя Владиміра на Кіевскій столъ [1]). Трудно не думать, что послѣднее событіе было связано съ какимъ-то оживленіемъ языческаго культа и введеніемъ человѣческихъ требъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ другихъ данныхъ этотъ мотивъ былъ сильно развитъ въ Начальномъ сводѣ, который прямо описываетъ идоловъ, поставленныхъ Владиміромъ. Съ другой стороны, указаніе той же повѣсти о Варягахъ-мученикахъ на то обстоятельство, что имъ приходилось держать свое христіанство „въ тайнѣ“, даетъ право думать о начальномъ времени Владимірова княженія, какъ о рѣзкомъ язычествѣ въ сравненіи хотя бы со временемъ Святослава, который не препятствовалъ исповѣдывать и принимать христіанство, лишь „ругаясь“ надъ ея послѣдователями. Описаніе борьбы Владиміра съ Ярополкомъ въ лѣтописи даетъ право заключить о какомъ-то сочувствіи кіевлянъ въ этой борьбѣ Владиміру, что̀ заставило Ярополка бѣжать изъ Кіева и привело его къ быстрой гибели. Сопоставленіе всѣхъ этихъ указаній, какъ кажется, даетъ право догадываться, что христіанская политика не была чужда планамъ Ярополка, но вызывала рѣшительный отпоръ кіевлянъ, и что на этомъ расхожденіи взглядовъ князя съ настроеніемъ кіевскаго общества—строилъ свои расчеты Владиміръ, сейчасъ же по вступленіи на престолъ Кіев-

ский внесшій какія-то новшества языческаго культа и тѣмъ рѣзко отказавшійся отъ всякихъ плановъ христіанской политики. О такомъ различіи политики Ярополка и Владиміра высказывался С. М. Соловьевъ.

Если это предположеніе вѣроятно, то здѣсь можно искать объясненія тому факту, что въ 1044 г. Ярославъ Владиміровичъ перенесъ прахъ своихъ дядей Ярополка и Олега Святославичей въ Десятинную церковь, „крестиша кости ею", такъ какъ въ княжеской семьѣ легко могло сохраниться къ этому времени преданіе о наклонности ихъ къ христіанству [1]).

§ 8. Съ Владиміромъ, повидимому, повторилась исторія его отца—Святослава: начавъ съ рѣзкаго разрыва со всякой христіанской политикой и партіей, онъ кончаетъ поворотомъ въ сторону установленія въ своей державѣ новой вѣры и іерархіи при первомъ благопріятномъ оборотѣ международныхъ отношеній, съ тою разницею противъ Святослава, что доводитъ это дѣло до конца, разрѣшивъ всѣ трудности вопроса установленія церковной іерархіи далеко не блестящимъ образомъ.

Въ Печерскомъ сводѣ 1073 г. подъ 6493 годомъ сообщалось о походѣ Владиміра на болгаръ. Какихъ болгаръ разумѣлъ здѣсь лѣтописецъ,—не ясно. Рядъ ученыхъ [2]) видитъ прямое указаніе на болгаръ дунайскихъ какъ въ обстановкѣ похода („иде Володимеръ на Българы въ лодіяхъ, а Търкы берегъмь приведе на конихъ"), такъ и въ замѣчаніи Добрыни: „съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ, симъ дани, намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ". Память и похвала мниха Іакова, правда, называетъ серебряныхъ болгаръ, что̀ ведетъ къ волжскимъ болгарамъ, но мѣсто это Памяти и

[1]) Лаврен., 6552 г.

[2]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Т. I[1], изд. 2 стр. 167; Ѳ. Успенскій въ Ж. М. Н. Пр., 1884 г., апрѣль, стр. 294—295; Линниченко, И. Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія

похвалы, какъ указано А. А. Шахматовымъ, основано не на лѣтописи [1]), такъ что привлечь его къ рѣшенію вопроса—нельзя.

Если согласиться съ мнѣніемъ, что походъ 6493 г. былъ предпринятъ Владиміромъ на болгаръ дунайскихъ, то возникаетъ вопросъ, что̀ руководило Владиміромъ въ этомъ предпріятіи? Это было время той упорной борьбы, которую вела держава Самуила за возстановленіе Болгаріи временъ Симеона. Самостоятельно ли напалъ съ сѣвера Кіевскій князь или въ союзѣ съ врагомъ Болгаріи — Византіей? Неудача и быстрый миръ какъ будто намекаютъ на свободное положеніе Владиміра отъ союзниковъ въ этомъ предпріятіи. Манила ли Владиміра мечта отца освоить Болгарію и получить ея независимую церковь,—сказать невозможно, но походъ, несомнѣнно, познакомилъ Владиміра съ положеніемъ дѣлъ на Дунаѣ и выяснилъ все то, что̀ могло здѣсь интересовать Кіевскаго князя.

§ 9*а*. Скоро послѣ болгарскаго похода Владиміръ рѣшился на принятіе новой вѣры для своей державы.

Переходя къ разбору извѣстій, темныхъ и отрывочныхъ, о крещеніи Владиміра и Руси, мы прежде всего посмотримъ, что̀ даютъ намъ объ этомъ событіи русскіе источники.

Разборъ всѣхъ этихъ извѣстій, предпринятый А. А. Шахматовымъ [2]), привелъ къ установленію двухъ разсказовъ о крещеніи Владиміра. Древнѣйшій разсказъ былъ помѣщенъ въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г. и сообщалъ о крещеніи Владиміра отъ руки греческаго философа Константина. Источникомъ этого разсказа былъ письменный памятникъ—преданіе

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. св., стр. 175.

[2]) Шахматовъ, А. Корсунская легенда о крещеніи Владиміра (сборникъ статей, посвящ. В. И. Ламанскому, ч. II, стр. 1029—1153); Его же. Одинъ изъ источниковъ лѣтоп. сказанія о крещеніи Владиміра (сборникъ статей, посвящ. М. С. Дринову, стр. 63—74); Его же. Разысканія о др.

о крещеніи болгарскаго князя Бориса-Михаила. Древнѣйшій сводъ 1039 г., а за нимъ Память и похвала мниха Іакова— помнили, что событіе это относилось къ 6495 г. и что „на третиее же лѣто по крещении иде Володимеръ въ силѣ велицѣ на Кърсунь, градъ Грьчьскыи".

Въ послѣдней четверти XI в. была составлена другая повѣсть о крещеніи Владиміра — такъ называемая Корсунская легенда, передвинувшая крещеніе Владиміра ко времени взятія Корсуня и во многомъ умышленно исказившая ходъ этихъ событій. Кѣмъ была составлена эта повѣсть и какія ею преслѣдовались цѣли,—намъ придется подробно говорить ниже въ другой связи, какъ и дать отвѣтъ на вопросъ, почему она была включена въ лѣтопись, въ такъ называемый Начальный сводъ 1095 г., гдѣ была слита съ первоначальнымъ древнѣйшимъ разсказомъ въ тотъ видъ, который сохранился въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводахъ и всѣмъ намъ извѣстенъ со школьной скамьи. Оставляя теперь въ сторонѣ Корсунскую легенду, обращаемся къ той первоначальной повѣсти о крещеніи Владиміра, которая читалась въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039.

Сводъ этотъ былъ составленъ въ Кіевѣ и имѣлъ цѣлью разсказать, какъ возникла Кіевская держава, какъ пріобщилась она христіанской вѣрѣ и какъ основана была первая русская митрополія. Составленная при митрополичьей каѳедрѣ подъ надзоромъ и при побужденіи митрополита Ѳеопемпта какою-то гречествующею рукою, древнѣйшая наша лѣтопись на многіе вопросы говорила загадкой. Естественно, напримѣръ, возбуждаетъ недоумѣніе то обстоятельство, что вмѣсто дѣйствительнаго разсказа о крещеніи Владиміра и Руси и дѣйствительныхъ мотивовъ этого событія—митрополичій сводъ 1039 г. сообщалъ красивую, но безсодержательную легенду о проповѣди князю греческаго философа и о впечатлѣніи, произведенномъ какъ ею, такъ и картиною страшнаго суда, взявъ все

Бориса на Владиміра. Другое недоумѣніе еще болѣе основательно. Почему первому русскому митрополиту не пришло въ голову разсказать въ своей лѣтописи, какъ была установлена церковная іерархія въ Кіевской Руси и каковы были ея формы и характеръ до учрежденія первой русской митрополіи 1037—1039 г.? Наконецъ, почему Древнѣйшій сводъ 1039 г. ни слова не говорилъ о той военной помощи, которую Владиміръ посылалъ въ Византію для поддержки колебавшагося трона императоровъ Василія и Константина, о которой мы знаемъ изъ греческихъ и арабскаго источниковъ, какъ о событіи, предшествующемъ походу на Корсунь?

Все это никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено незнаніемъ или отсутствіемъ свѣдѣній, такъ какъ митрополичій сводъ 1039 г. составлялся въ то время, когда еще живы были участники Владимірова княженья и крещенья, и самому князю Ярославу должны были быть памятны по семейнымъ преданіямъ всѣ событія отцовскаго времени. Значитъ, мы имѣемъ дѣло съ тенденціознымъ изложеніемъ и умолчаніемъ Древнѣйшаго свода. Не трудно догадаться, почему сводъ этотъ обходилъ молчаніемъ участіе Владиміра въ византійскихъ событіяхъ 988—989 г.г. Греческое сердце митрополита Ѳеопемпта, конечно, не желало выставлять досадныхъ событій жизни Новаго Рима предъ варварами и еще меньше ихъ самихъ въ роли спасителей императорскаго трона отъ незаконныхъ претендентовъ. Это даетъ право заключить, что и въ ходѣ событій крещенія князя Владиміра, какъ и въ дѣлѣ установленія церковной іерархіи на Руси до появленія митрополіи 1037 г., какъ, наконецъ, и въ дѣлѣ учрежденія этой послѣдней—были какія-то стороны, досадныя съ точки зрѣнія грека-митрополита и неудобныя для изложенія въ митрополичьемъ сводѣ.

§ 9б. Теперь обратимся къ иностраннымъ источникамъ. Прежде всего, конечно, должны быть выслушаны византійцы.

уже не разъ [1]) приводились и переводились, не лишне будетъ для самаго хода нашего изложенія пересмотрѣть ихъ здѣсь еще разъ.

Непосредственный современникъ событій Левъ діаконъ кончаетъ свою исторію именно 989 г. и не говоритъ, ни слова объ интересующихъ насъ событіяхъ, кромѣ единственной фразы: „Явленіе кометы,—пишетъ онъ,—и огненные страшные столпы, видѣнные ночью на сѣверной части неба, предвѣщали, кромѣ сихъ бѣдствій, еще и другія, т.-е. завоеваніе Херсона Тавроскиѳами и взятіе Веррои Мисянами“ [2]).

Немногимъ больше сообщаетъ исторія М. Пселла: „Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему грековъ, и такъ какъ не задолго передъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскиѳовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ вмѣстѣ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ (ихъ) противъ расположенной на другой сторонѣ фаланги“ [3]).

Кедринъ (Скилица) пишетъ: „(Императоръ Василій) много убѣждалъ (патрикія Дельфину) отступить (съ войскомъ) отъ Хризополя, и не могъ убѣдить. Изготовивъ ночью корабли и на нихъ посадивъ Руссовъ,—ибо онъ успѣлъ призвать ихъ на помощь и сдѣлать князя ихъ Владиміра своимъ родственникомъ, женивъ (его) на сестрѣ своей Аннѣ,—неожиданно переправляется съ ними и, напавъ на враговъ, легко овладѣваетъ послѣдними“ [4]).

Наконецъ, у Зонары читаемъ: „Когда Дельфина сталъ лагеремъ у Хризополя, императоръ внезапно напалъ на него съ народомъ Русскимъ,—ибо вступилъ въ родство съ княземъ

---

[1]) Голубинскій, Е. Исторія рус. церкви. Т. I[1], изд. 2, стр. 252—254; Васильевскій, В. Труды, т. 1, стр. 196—200; Успенскій, Ѳ. (Ж. М. Н. Пр., 1884, апрѣль, 309—311); Васильевскій, В. Труды, т. II, стр. 56—124.

[2]) Книга X, гл. X, русскій пер. Д. Попова, стр. 108.

[3]) Bibliotheca Graeca medii aevi, IV, стр. 10. Переводъ взятъ у В. Г. Васильевскаго. (Труды, т. 1, стр. 197).

[4]) G. Cedrenus, II, 444 (ed. Bonn.). Переводъ взятъ у Е. Е. Голубин-

русскимъ Владиміромъ чрезъ выдачу (за него) сестры своей Анны,—и легко завладѣваетъ противниками" [1]).

Итакъ, Левъ діаконъ ничего не говоритъ ни о крещеніи Руси, ни о женитьбѣ Кіевскаго князя, ни о военной помощи со стороны Владиміра императору, вспоминая лишь о взятіи Корсуня Кіевскимъ княземъ. М. Пселлъ говоритъ о русскомъ военномъ отрядѣ, пришедшемъ на помощь императору, но не сообщаетъ, почему пришелъ этотъ отрядъ, и не знаетъ ни крещенія Руси, ни брака Владиміра, ни взятія Корсуня. Кедринъ и Зонара говорятъ, что военная помощь Владиміра императору была обусловлена бракомъ, но не знаютъ ни крещенія Руси, ни взятія Корсуня.

§ 9*в*. Сопоставляя всѣ эти свѣдѣнія византійцевъ съ извѣстіями нашего Древнѣйшаго свода 1039 г., тоже писавшагося греческою или грекствующею рукою, видимъ яркія черты сходства. Крещеніе Руси стоитъ внѣ связи съ греческими политическими событіями (хотя и послѣ проповѣди греческаго миссіонера); подобно Льву діакону, совершенно не говорится о военной помощи Владиміра императору, а сообщается лишь о взятіи Херсонеса. Здѣсь же не лишне привести и разницу извѣстій. Византійцы, говоря о военной помощи Владиміра, ставятъ ее въ связь съ бракомъ, который какъ будто по ихъ словамъ предшествовалъ походу Руси въ помощь императору, и не знаютъ Корсунской войны. Древнѣйшій же сводъ 1039 г., умалчивая о всемъ предшествующемъ, прямо и исключительно говоритъ о Корсунской войнѣ Владиміра и бракѣ его съ Анною по миру, окончившему эту войну.

Уже изъ этого сопоставленія показаній греческихъ историковъ, не имѣвшихъ охоты сообщать въ подробностяхъ ходъ отношеній Руси съ Византіей, съ тѣмъ, что̀ нашелъ возможнымъ сообщить, со всѣми умолчаніями, въ митрополичьемъ сводѣ 1039 г. грекъ-митрополитъ, не имѣвшій желанія вводить

варваровъ въ событія Византійской исторіи, — мы могли бы нарисовать себѣ извѣстную картину событій этихъ годовъ. Такъ, несомнѣнно, императоръ Василій, стѣсненный возстаніемъ В. Фоки, просилъ помощи у Владиміра (Кедринъ), за что̀ послѣднему была обѣщана рука сестры императора—Анны. Такъ нужно исправить по Древнѣйшему своду 1039 г. сообщеніе Кедрина и Зонары, спѣшащихъ съ бракомъ Владиміра, такъ какъ они умалчиваютъ о послѣдовавшей Корсунской войнѣ и брачномъ союзѣ Владиміра за возвращеніе Корсуня Византіи. Владиміръ выполнилъ условленное и помогъ императору (М. Пселлъ, Кедринъ и Зонара), но не получилъ руку Анны. Безъ этого предположенія невозможно понять разрывъ союзниковъ и короткую войну за Корсунь, окончившуюся побѣдой Владиміра (Левъ діаконъ) и вынужденнымъ выполненіемъ императоромъ прежняго договора о бракѣ (Древнѣйшій сводъ 1039 г.).

Однако, возстановленная такимъ путемъ картина событій—не полна. Остаются неясными вопросы: во-первыхъ, о крещеніи Владиміра и Руси, по Древнѣйшему своду 1039 г. предшествующемъ Корсунскому походу и браку Владиміра, а во-вторыхъ, о церковной іерархіи Руси отъ крещенія Владиміра до появленія греческой митрополіи 1037 г. въ Кіевѣ. Какъ въ нежеланіи византійцевъ разсказывать о спасеніи императорскаго трона рукою Кіевскаго князя (Левъ діаконъ, М. Пселлъ, Древнѣйшій сводъ 1039 г.) или о побѣдоносномъ принужденіи императора къ выполненію предшествующаго договора (М. Пселлъ, Зонара и Кедринъ)—легко прочесть чувство національной гордости ромея предъ варварами, такъ и въ умолчаніи о крещеніи Владиміра и Руси и о церковныхъ событіяхъ Кіевской державы до установленія митрополіи 1037 г. легко предчувствовать, что событія эти были какъ-то неудачны и непріятны для упоминанія грекомъ. Въ чемъ же могло быть дѣло?

§ 9. Какъ кажется, окончательно разобраться въ насъ

извѣстная до изданія ея въ 1883 г. барономъ В. Р. Розеномъ [1]) лишь въ передачѣ ал-Макина.

Арабъ-историкъ, чуждый византійскихъ традицій, съ большею свободой говоритъ о многихъ сторонахъ событій Византійской жизни, чѣмъ лѣтописцы-ромеи, почему разсказъ его пріобрѣтаетъ и бо́льшій интересъ. Вотъ, что́ пишетъ Яхъя: „И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ въ среду, день праздника Креста, 14 Айлуля (сентября) 1298 (987), т. е. 17 Джума́ды I 377 и овладѣлъ страною грековъ до Дорилеи и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя. И стало опаснымъ дѣло его и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощились его богатства и побудила его нужда послать къ царю русовъ — а они его враги, — чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. И согласился онъ на это. И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился царь русовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій. И не причисляли себя русы тогда ни къ какому закону и не признавали никакой вѣры. И послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они окрестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ также и соединились съ войсками грековъ, которыя были у царя Василія, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушей, въ Хрисополь. И побѣдили они Фоку“... [2]).

Намъ очень важно отмѣтить, до разбора приведеннаго

---

[1]) Розенъ, В., баронъ. Императоръ Василій Болгаробойца. (Прилож. къ XLIV т. Зап. Импер. Ак. Наукъ). Спб. 1883.

мѣста, когда писалъ Яхъя свою исторію и данное мѣсто—въ частности.

Яхъя-ал-Антâки, по изслѣдованію барона В. Р. Розена [1]), родился въ концѣ 70-хъ годовъ X вѣка, вѣроятнѣе всего въ Египтѣ, гдѣ онъ провелъ первые 35—40 лѣтъ своей жизни. Врачъ по профессіи, онъ скоро пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими учеными трудами, почему получилъ предложеніе отъ неизвѣстнаго намъ лица написать продолженіе къ исторіи своего родственника Эвтихія. Порученіе это было имъ выполнено около 397 (1006—7) г. Добывъ вскорѣ послѣ этого другіе новые источники, Яхъя счелъ нужнымъ передѣлать свой трудъ. Въ 405 (1014—15) г. онъ переселяется въ Антіохію, гдѣ новыя, неизвѣстныя ему доселѣ, сочиненія даютъ ему возможность снова дополнить свой трудъ. Свою исторію онъ доводитъ до 458 (1066) г., года своей смерти, постепенно дополняя разсказами о событіяхъ современныхъ, не упуская случая добывать свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ.

Передъ нами добросовѣстный историкъ-лѣтописецъ, тщательно исправляющій свою работу, захватившую и всю первую половину XI вѣка. Зная, какъ часто авторъ обращался къ дополненіямъ и поправкамъ своего текста, мы должны допустить возможность того, что и нашъ отрывокъ не избѣгъ этой участи.

Объ ней догадывался еще и ученый издатель, переводчикъ и комментаторъ лѣтописи Яхъи. Въ самомъ дѣлѣ, „правильное теченіе разсказа прерывается“ отступленіемъ, начинающимся приблизительно отъ словъ: „и не причисляли себя русы тогда ни къ какому закону“... и потребовавшемъ вмѣсто простого союза „и“ цѣлой вводной фразы, какъ возвращенія къ оборванному тексту: „и когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ“... [2]). Если оставить въ сторонѣ вставку, указанную барономъ В. Р. Розеномъ, и обратиться къ первоначальному

[1]) Розенъ, В., баронъ. Императоръ Василій Болгар., Введеніе, гл. II (99—257).

тексту, то онъ дастъ намъ именно то, чего не давали византійцы, но о чемъ мы догадывались, — связь крещенія Владиміра и Руси съ политическими событіями Византіи. Когда въ минуту тяжкой опасности для своего трона императоръ Василій обратился за военною помощью къ Владиміру, послѣдній могъ ставить ему любыя условія союза и помощи. Нельзя сомнѣваться, что Владиміръ потребовалъ себѣ руку Анны, а такъ какъ бракъ съ послѣдней требовалъ принятія Владиміромъ новой вѣры, то, кромѣ руки Анны, Владиміръ, очевидно, соглашаясь принять христіанство, выговорилъ себѣ вполнѣ пріемлемыя условія церковной іерархіи. Условія были приняты, военная помощь со стороны Владиміра — оказана. Но намъ извѣстенъ скорый разрывъ союза и послѣдовавшая за нимъ война и взятіе Корсуня, чего не знаетъ Яхъя. Тутъ приходитъ на помощь вставка Яхъи въ его первоначальный текстъ. Она говоритъ намъ, что крещеніе „царя и всѣхъ, кого обнимали его земли“ и бракъ Владиміра съ Анной — были „впослѣдствіи“, т.-е. послѣ оказанія Владиміромъ военной помощи императору Василію. Баронъ В. Р. Розенъ и относитъ все это къ Корсунской войнѣ [1]).

Однако, сопоставляя новыя данныя Яхъи съ извѣстіями нашего Древнѣйшаго свода 1039 г., мы должны будемъ признать, что Яхъя далеко не все излагаетъ такъ, чтобы на него можно было положиться. Древнѣйшій сводъ 1039 г. относитъ крещеніе Владиміра и Руси ко времени за два года до Корсунской войны. И здѣсь, конечно, мы должны склониться въ сторону свода 1039 г., для котораго точное указаніе года этого событія было дѣломъ первостепенной важности. Неясно говоритъ Яхъя и объ установленіи церковной іерархіи: „и послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ, и они окрестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли“... Здѣсь митрополиты и епископы выставлены лишь

въ роли крестителей, и нѣтъ основаній понимать это, какъ указаніе на форму церковной іерархіи Кіевской Руси.

Изъ Египта въ Антіохію, гдѣ нашлись новые источники, Яхъя переѣхалъ еще при жизни императора Василія, около 1014—1015 г.г. Къ этому времени относится вторичная переработка имъ своего текста. Если къ этому же времени относится и указанная выше вставка нашего отрывка, то передъ нами интересное указаніе на то, что вопросъ о греческой іерархіи для Кіева въ эти годы находился въ такомъ состояніи, которое не давало Яхъи возможности указать на связь новой церкви руссовъ съ церковью Византіи, — иною рѣчью, что въ Кіевѣ еще не было греческой митрополіи, которая, какъ и указываетъ нашъ Древнѣйшій сводъ 1039 г., появилась позднѣе 1014—1015 г.г.—въ 1037 г.

Сопоставляя все, добытое нами надъ разборомъ указаннаго отрывка текста Яхъи, съ извѣстіями Древнѣйшаго свода 1039 г. (византійцы, кромѣ Льва діакона съ его указаніемъ на взятіе Владиміромъ Корсуня,—теперь уже не играютъ для насъ никакой роли), — мы получаемъ болѣе яркую и подробную картину событій 987—989 г.г., чѣмъ отъ сопоставленія этого же свода 1039 г. съ византійцами.

§ 9*д*. Итакъ, ходъ интересующихъ насъ событій теперь вырисовывается въ слѣдующемъ видѣ.

Поставленный возстаніемъ В. Фоки въ безвыходное положеніе, императоръ Василій обратился къ крайнему средству— къ просьбѣ о помощи у Кіевскаго князя, находившагося съ Византіей во враждебныхъ отношеніяхъ. Намъ сейчасъ не важно, откуда шла эта вражда руссовъ съ императоромъ: было ли это слѣдствіемъ несчастной смерти Святослава, въ которой можно было подозрѣвать византійскую интригу [1]), или это было слѣдствіемъ союза Владиміра съ Болгаріей, послѣ неудачнаго для Руси похода 985 года [2]). Просьба императора

давала возможность Владиміру просить съ своей стороны того, чего въ другое время не удавалось получить Кіевскому князю. Это былъ брачный союзъ съ Византійскимъ домомъ и независимая церковная іерархія. О послѣдней мы только догадываемся, но догадка эта законна, такъ какъ, не выяснивъ этихъ условій, какъ могъ Кіевскій князь принять новую вѣру, которую онъ едва-ли искалъ саму по себѣ. Условія были выяснены и приняты. На вопросъ, когда могло быть отправлено въ Кіевъ императорское посольство съ просьбою о помощи и для выясненія условій этой помощи, Яхъя отвѣчаетъ достаточно точно: когда В. Фока „овладѣлъ страною грековъ до Дорилеи и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя", что не могло быть ранѣе конца 987 г. [1]). Дата эта совпадаетъ съ годомъ крещенія Владиміра и Руси, какъ его помнилъ Древнѣйшій сводъ 1039 г. Это даетъ право думать, что, по принятіи обѣими сторонами (Владиміромъ и греческимъ посольствомъ) указанныхъ выше условій, Владиміръ крестился вмѣстѣ съ семьею и боярами, а можетъ быть и народомъ. Уже христіаниномъ Кіевскій князь оказалъ военную помощь императору Василію и спасъ ему колебавшійся тронъ [2]). Но когда пришло время расплаты, со стороны императора Василія, очевидно, произошла какая-то заминка, а можетъ быть и отказъ въ выполненіи обѣщаній. Это заставило Владиміра прибѣгнуть къ осадѣ Корсуня, т.-е. начать враждебныя дѣйствія противъ бывшаго союзника. В. Г. Васильевскій опредѣлилъ дату этого событія, какъ случившагося „позже апрѣля 989 г." [3]). Баронъ В. Р. Розенъ

---

[1]) Розенъ, В., баронъ. Имперъ. Василій Болгар., 198. Мнѣ неясно, почему бар. Розенъ говоритъ, что греческіе послы „прибыли къ Владиміру во всякомъ случаѣ только въ первые мѣсяцы 988 г.".

[2]) Думаю, что нельзя разгадать слова лѣтописца: „Се же, не свѣдуще право, глаголютъ, яко крестилъся есть в Киевѣ; инии же рѣша: в Василеве; другии же инако сказаютъ", когда онъ перенесъ крещеніе Владиміра, согласно Корсунской легендѣ, на Корсунь. Т.-е. нельзя понять, какъ сообщалъ Древнѣйшій сводъ 1069 г. о мѣстѣ крещенія: называлъ ли Кіевъ или Василевъ.

опредѣлилъ ее, какъ „не только позже 7-го апрѣля, но и раньше 27 іюня 989 г.“ [1]). Моментъ къ разрыву былъ выбранъ весьма удачно. Непрекращавшаяся внутренняя смута (В. Склиръ), паденіе Корсуня и успѣхи болгарскаго оружія (взятіе Верроіи)—заставили императора Василія искать мира со Склиромъ и воинственнымъ Кіевскимъ княземъ. И Древнѣйшій сводъ 1039 г. и Яхъя молчатъ о церковномъ вопросѣ въ этихъ переговорахъ, указывая лишь на состоявшійся бракъ Владиміра съ Анною. Намъ придется пойти вслѣдъ за этими указаніями, т.-е. предположить, что новые переговоры изъ Корсуня дали Владиміру только руку византійской принцессы, оставивъ открытымъ вопросъ о церковномъ устройствѣ уже крещеннаго народа. Едва-ли византійскіе политики отказывались пріобщить русскую паству подъ власть патріарха и императора, значитъ, не соглашался на это Кіевскій князь, замаченный въ 987 г., несомнѣнно, обѣщаніями независимой церкви, на устроеніе которой отказывались идти теперь византійцы.

Ольга, поставленная въ подобное затрудненіе византійской дипломатіей, т.-е. окрестившись сама, но не получивъ пріемлемой церковной іерархіи, послѣ неудачъ на Западѣ, искала выхода въ отреченіи отъ управленія державой. Владиміръ, повидимому, находился въ болѣе безвыходномъ положеніи, такъ какъ окрестился не только самъ, но и съ семьею, боярами и народомъ. Владиміру такимъ образомъ была нужна церковная іерархія во что бы то ни стало.

§ 10*а*. Мы ничего не знаемъ, какъ искалъ выхода изъ создавшагося положенія Владиміръ; обращался ли онъ на Западъ, но потерпѣлъ тамъ неудачу, или не обращался туда вовсе. Но есть возможность думать, что Владиміръ нашелъ выходъ въ принятіи церковной іерархіи изъ того третьяго христіанскаго центра, откуда не могла и думать получить

іерархію Ольга, но который теперь съ готовностью могъ предложить Владиміру если не независимую церковь, то болѣе удобныя условія ея зависимости. Это была церковь державы Самуила. Правда, съ византійской точки зрѣнія эта церковь уже не была независимой послѣ завоеванія І. Цимисхіемъ восточной Болгаріи со столицею и царства, и патріаршества, но Владиміру не была непремѣнна эта точка зрѣнія, легко могущая у Византіи же измѣниться въ діаметрально-противоположную при удачномъ оборотѣ военныхъ дѣйствій Самуила противъ императора.

Догадка наша сразу помогаетъ объяснить, почему и Древнѣйшій сводъ 1039 г. и Яхъя не говорятъ объ установленіи церковной іерархіи, хотя и касаются факта крещенія русскаго народа, и почему лѣтописцы-ромеи совсѣмъ обходятъ молчаніемъ и самый фактъ крещенія Кіевскаго князя и Руси. Греческая іерархія въ Кіевѣ послѣ крещенія не установилась, а византійская дипломатическая игра въ данномъ случаѣ оказалась проигранной, такъ какъ сѣверный варваръ сумѣлъ уйти изъ церковно-политическихъ сѣтей императора.

Держава Самуила вела въ эту пору напряженную борьбу съ Византіей и, конечно, была болѣе уступчивою въ церковномъ вопросѣ для Владиміра, такъ какъ этимъ она отвлекала отъ императора немаловажнаго сѣвернаго союзника, памятнаго, конечно, по походамъ Святослава.

§ 10*б*. Наше предположеніе объ установленіи церковной іерархіи въ Кіевской Руси изъ новаго Болгарскаго государства Самуила находитъ рядъ косвенныхъ подтвержденій.

Изъ всѣхъ сыновей Владиміра мы особенно подробно знаемъ о жизни свв. братьевъ Бориса и Глѣба. Судя по описанію ихъ убійства у Нестора, оба брата были еще въ молодыхъ годахъ, когда пали отъ руки брата Святополка. Борисъ достигъ къ этому времени возраста совершеннолѣтія и по желанію отца вступилъ въ бракъ, получивъ въ управленіе область

оунъ тѣломъ“ [1]). Владиміръ съ семьею крестился въ 987 г. Отсюда мы въ правѣ предполагать, что и Борисъ, и Глѣбъ родились уже послѣ этого года, иначе бы всѣ описанія Нестора не подошли къ свв. братьямъ, изъ которыхъ каждому, конечно, было менѣе 28 лѣтъ. Если же Борисъ и Глѣбъ родились послѣ 987 г., то крещеніе ихъ должно было быть совершено не греческимъ духовенствомъ, а духовенствомъ Болгарской державы Самуила, если наше предположеніе о церковной зависимости Кіевской церкви этой поры отъ Охридскаго патріархата Самуила—правильно. Въ крещеніи братья получили имена Романа и Давида. Какъ Ольга въ крещеніи приняла христіанское имя Елены въ честь жены императора Константина, какъ Владиміръ принялъ имя Василія въ честь императора, такъ естественно спросить, въ чью же честь Борисъ получилъ имя Романа, а Глѣбъ—Давида.

Изъ предложеннаго выше (§ 6) разбора извѣстій о борьбѣ Самуила съ императоромъ Василіемъ мы вывели достовѣрность извѣстія Яхъи, что сынъ царя Петра—Романъ, бѣжавшій изъ Константинополя на родину, былъ здѣсь провозглашенъ царемъ. По времени это могло быть между 976—985 г. и 996 или 997 г., годомъ смерти Романа. Значитъ, послѣ 987 г. Романъ уже былъ царемъ. Совершенно естественно, что Владиміръ, взявъ церковную іерархію для Кіевской Руси изъ Болгаріи, въ знакъ дружбы и союза далъ своему сыну Борису, родившемуся послѣ крещенія семьи Владиміра въ 987 г., при его крещеніи христіанское имя Романа.

И въ возстаніи Македонской провинціи въ 969 г. и въ возстаніи 976 г., приведшемъ къ созданію независимой отъ Византіи Македонской державы, впослѣдствіи развернувшейся въ Болгарское царство,—руководящую роль игралъ, несомнѣнно, старшій изъ четырехъ сыновей Македонскаго князя Николая—Давидъ, оба раза вставшій, какъ старѣйшина, во главѣ

управленія. Онъ былъ первымъ государемъ независимой Македонской державы изъ этой династіи. Отношеніе къ его памяти Самуила было проникнуто чувствомъ особаго уваженія, что ясно видно изъ надгробнаго камня, поставленнаго Самуиломъ на могилѣ отца, матери и брата Давида въ 992—993 г. [1]). Крещеніе Глѣба было, повидимому, послѣ 996—997 г.,—года смерти царя Романа, и Самуилъ, тогда уже царь болгаръ, предложилъ имя своего старшаго брата, перваго изъ ихъ семьи ставшаго государемъ независимой державы. Не лишне указать, что есть темныя извѣстія о канонизаціи Давида и перенесеніе его мощей изъ Преспы, гдѣ поставленъ былъ царемъ Самуиломъ названный выше надгробный камень, въ Охриду; но когда это было, къ сожалѣнію,—не извѣстно [2]).

Такимъ образомъ, оба христіанскія имени свв. братьевъ даютъ намъ нѣкоторую почву для нашей догадки о болгарской іерархіи въ начальный періодъ жизни русской церкви.

§ 10*в*. Рѣшительнымъ подтвержденіемъ указаннаго предположенія является разборъ лѣтописныхъ извѣстій о первыхъ митрополитахъ Кіевскихъ.

Древнѣйшій сводъ 1039 г., какъ и его продолженіе 1073 г. сообщали только объ установленіи въ Кіевѣ греческой митрополіи 1037 г. и называли первымъ митрополитомъ—Ѳеопемпта. О томъ, какъ устроена была наша церковная іерархія до этого года, и какъ установилась митрополія этого года,—въ этихъ сводахъ не было извѣстій. Согласно съ этимъ мы не находимъ никакихъ именъ митрополитовъ Кіевскихъ до имени митр. Ѳеопемпта и въ рядѣ позднѣйшихъ лѣтописцевъ (Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и др.) и въ древнѣйшемъ спискѣ митрополитовъ, читаемомъ въ Новгородской 1-й лѣтописи [3]),

---

[1]) Б. Прокић. Постанак једне словенске царевине. (Глас Српске Академије, II, 46, стр. 244).

[2]) Д. Цухлевъ. История на Българската църква, т. I, 787—788, въ прим.

[3]) Новгородская лѣтопись по Синодальному [illegible]

т. к. всѣ они знаютъ первымъ митрополитомъ Ѳеопемпта. Но въ рядѣ другихъ лѣтописцевъ мы видимъ попытку заполнить неизвѣстное въ устройствѣ церковной іерархіи Кіевской Руси между крещеніемъ Владиміра и митрополіей времени Ярослава, при очевидномъ предположеніи непрерывности греческой митрополіи на Руси со временъ крещенія Владиміра, именами предшественниковъ Ѳеопемпта по митрополичьей каѳедрѣ, несмотря на рѣшительное указаніе лѣтописныхъ записей подъ 1037—1039 гг. на установленіе митрополіи именно въ эти годы. Порядокъ именъ этихъ мнимыхъ предшественниковъ Ѳеопемпта—различный: одни лѣтописцы называютъ имена митрополитовъ Михаила, Леона, Іоанна (Степенная, Никоновская и др.); другіе—имена Леона, Михаила, Іоанна (напримѣръ, перечень въ дополнительной IX статьѣ Новгородской 1-ой лѣтописи); есть, наконецъ, и такіе источники, гдѣ названъ лишь Леонъ (Роспись или кр. лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ).

Несомнѣнно, что попытки эти искусственны, и насъ долженъ занять вопросъ, откуда подчерпнуты эти имена? Легче всего указать источникъ, откуда взято имя митрополита Іоанна: оно читается въ сказаніяхъ о свв. братьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ (и у Нестора, и въ Житійномъ) въ разсказѣ о канонизаціи ихъ при Ярославѣ. Гораздо сложнѣе указать источникъ, откуда почерпнуты два другія имени—Михаила и Леона. Возстанавливая т. наз. Корсунскую легенду, произведеніе конца XI вѣка, А. А. Шахматовъ указалъ на возможность появленія имени перваго Кіевскаго митрополита въ этой легендѣ, имѣвшей цѣлью, какъ увидимъ ниже, крѣпче связать русскую церковь, тогда уже митрополію Константинопольскаго патріархата, съ церковью Новаго Рима путемъ утвержденія о Кіевской митрополіи, какъ объ установленіи времени Владиміра. Откуда Корсунская легенда взяла это имя, сказать затруднительно, хотя и не лишена вѣроятія догадка Е. Е. Голубинскаго, поддержанная А. А. Шахматовымъ, что это—сохраненное преданіемъ

то руссамъ, принявшимъ крещеніе въ IX вѣкѣ [1]). Попытка Корсунской легенды назвать имя перваго Кіевскаго митрополита не встрѣтила сейчасъ же всеобщаго признанія, по кр. мѣрѣ въ Начальномъ сводѣ 1095 г., взявшемъ эту легенду въ свой составъ, имя митрополита было, повидимому, опущено: „В лѣто 6497, крестися Володимиръ и вся земля Руская; и поставиша в Киевѣ митрополита“... [2]). Имя Леона или Леонтія, если не было перенесено къ намъ изъ Болгаріи съ тою повѣстью о крещеніи Болгарскаго князя Бориса-Михаила, которая въ переиначенномъ видѣ была включена составителемъ Древнѣйшаго свода 1039 г. для закрытія дѣйствительнаго разсказа о крещеніи Владиміра, и вмѣстѣ съ церковнымъ уставомъ этого князя [3]), то было взято изъ надписанія полемической статьи противъ латынянъ: „Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ρωσίᾳ Πρεσθλάβας“, гдѣ митрополитъ Переяславскій XI вѣка, о которомъ рѣчь будетъ ниже, принятъ былъ за одного изъ предшественниковъ митрополита Θеопемпта.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ имена митрополитовъ Михаила и Леона, какъ явно присочиненныя, мы остаемся, какъ уже указывалось выше, съ именемъ Іоанна, взятаго изъ безспорнаго источника. Такимъ безспорнымъ источникомъ являются сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ (Нестора и „Родъ правьдьныхъ“ или Житійное по терминологіи А. А. Шахматова). Оба сказанія пользовались въ своей дополнительной части записями Вышегородской церкви. Древнѣйшія записи велись, вѣроятно, постепенно, не переходя середины восьмидесятыхъ годовъ XI в., позднѣйшія относятся ко времени

---

[1]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви, т. I[1], изд. 2, стр. 279. Шахматовъ, А. Корсунская легенда (Сборникъ статей въ честь В. И. Ламанскаго, ч. II, стр. 1100). См. также Павлова, А. Догадка о происхожденіи др. рус. преданія, которое называетъ перваго рус. митр. Михаиломъ Сириномъ. (Чтенія въ Об-вѣ Нестора лѣт. кн. XI, 1896, стр. 22–26).

[2]) Новгородская 1-ая подъ 6497 г.

[3]) Шахматовъ, А. А. Одинъ изъ источниковъ лѣтоп. сказ. о кре

второго перенесенія мощей (1115 г.), и въ сообщеніяхъ о событіяхъ болѣе отдаленныхъ руководились припоминаніемъ. Первыми пользовался Несторъ, вторыя находимъ въ Житійномъ сказаніи [1]). Съ особымъ вниманіемъ отнесемся къ упоминанію имени Іоанна въ работѣ Нестора, гдѣ взята запись современная событію. „Иже слышавъ (Ярославъ), повелѣ призвати архіепископа Іоанна, тогда пасущу ему Христово стадо разумныхъ овець его... Слышавъ же то преподобныи архіепископъ отъ христолюбця, и оужасенъ бысть... Потомъ же приступи архіепископъ съ прозвутеры и открыша рацѣ святою... якоже на многъ часъ чюдитися архіепископу и всѣмъ людемъ... Потомъ же пришедшю къ нему (Ярославу) архіепископу Іоанну, исповѣда ему христолюбець... Архіепископъ же то слышавъ, оужасенъ бысть и съвѣтъ же благыи помысливъ въ оумѣ, глаголя христолюбцю... То слышавъ христолюбивыи князь отъ митрополита, и рече ему... Таче потомъ христолюбець моли архіепископа... и сътвори архіепископъ обычное храму обновление... Оуставиша же... Ярославъ и преподобныи митрополитъ Іоаннъ въ сь день на всякое лѣто праздникъ творити има... Архіепископъ же оставъ постави попы и дьяконы... Ти тако отъиде въ свою кафоликани иклисиа“ [2]). Въ приведенномъ отрывкѣ девять разъ титулъ Іоанна названъ архіепископскимъ и лишь два раза митрополичьимъ. Когда Несторъ писалъ свое сказаніе (1081—1088 гг.) [3]), на Руси во главѣ церковной іерархіи стоялъ митрополитъ. Значитъ, въ Вышегородскихъ записяхъ стоялъ титулъ „архіепископъ“, который Несторъ два раза замѣнилъ современнымъ для себя титуломъ митрополита. Можно думать, что Несторъ правильно не понялъ встрѣченный имъ въ записяхъ титулъ „архіепископъ“, что̀ видно изъ того,

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ. §§ 42, 43, 44 и 45.

[2]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Спб. 1860, стр. 25—29.

что этимъ же титуломъ онъ называетъ и митрополита Георгія, хотя чаще правильно сохраняетъ за Георгіемъ принадлежавшій послѣднему на самомъ дѣлѣ титулъ митрополита [1]).

Слѣдъ титулованія Іоанна архіепископомъ сохранился даже и въ позднѣйшихъ записяхъ Вышегородской церкви, судя по Житійному сказанію, гдѣ уже, однако, титулъ этотъ встрѣчается всего четыре раза на семь разъ находимый титулъ митрополита [2]).

Наконецъ, подтвержденіемъ титула архіепископа въ Кіевѣ нужно считать свидѣтельство Титмара Мерзебургскаго, упоминающаго въ описаніи похода Болеслава на Кіевъ въ 1018 году, въ защиту Святополка противъ Ярослава Мудраго,—архіепископа, какъ главу Кіевскаго духовенства [3]).

Если правильно наше предположеніе о зависимости Кіевской церкви отъ Охридскаго патріархата со времени Владиміра до 1037 г., когда лѣтописи указываютъ на устроеніе въ Кіевѣ греческой митрополіи, то намъ нужно лишь справиться въ каталогахъ предстоятелей Болгарской церкви, не найдемъ ли тамъ архіепископа Іоанна? Упоминаніе архіепископа Іоанна въ сказаніяхъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ (Титмаръ не называетъ имени архіепископа)—относитъ его ко времени Ярослава Владиміровича, точнѣе—ко времени открытія мощей и установленія празднованія 24 іюня, что̀, по счастливой догадкѣ А. А. Шахматова, могло быть или въ 1020 или въ 1026 году [4]). Обращаясь къ каталогу болгарскихъ патріарховъ и архіепископовъ, мы, дѣйствительно, находимъ, что въ эти годы во главѣ болгарской церкви—тогда Охридскаго архіепископата—стоялъ архіепископъ Іоаннъ. Отсюда, мы можемъ съ увѣренностью говорить, что Владиміръ послѣ Корсунской войны не взялъ церковной

---

[1]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Спб. 1860, стр. 32—33.

[2]) Ibid., 72—74.

[3]) Pertz. Monumenta Germaniae script., III, VIII, 16.

іерархіи Новаго Рима, а обратился за этимъ въ Болгарскую державу Самуила, откуда у насъ и установилась іерархія нашей церкви, продолжавшаяся и послѣ св. Владиміра при сынѣ его Ярославѣ, о которой мы знаемъ это для 1018 г. изъ свидѣтельства Титмара Мерзебургскаго и для 1020—1026 года изъ сказаній о свв. братьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ.

Драгоцѣнное упоминаніе имени архіепископа Іоанна въ сказаніяхъ о свв. братьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ даетъ намъ не только подтвержденіе догадки объ установленіи у насъ власти Охридской церкви, но и надежную нить для объясненія возможности появленія въ Кіевѣ въ 1037 г. греческой митрополіи, которую помнятъ наши древнѣйшія лѣтописи.

§ 11. Когда послѣ упорной и кровавой борьбы, захватившей почти все царствованіе, императоръ Василій сокрушилъ державу Самуила, во главѣ церкви этой державы — Охридскаго патріархата—стоялъ патріархъ Іоаннъ. Чрезъ него и былъ заключенъ тотъ договоръ 1018 г. подъ Струмитцей съ императоромъ Василіемъ, который легъ въ основу новаго устройства покорившагося Византіи царства [1]). Вся Болгарія была выдѣлена въ одинъ катепанатъ со столицею въ Скопльѣ и надѣлена большимъ внутреннимъ самоуправленіемъ. Охридская церковь осталась независимою отъ Константинопольскаго патріархата, и патріархъ Іоаннъ остался во главѣ ея, лишь перемѣнивъ титулъ патріарха, котораго не пожелалъ признать императоръ, — на титулъ архіепископа. Три хрисовула императора Василія даже расширили владѣнія бывшаго патріарха, такъ что теперь Охридская архіепископія охватывала епархіи, какими владѣлъ въ эпоху царя Петра Доростольскій патріархъ Даміанъ, преемниками котораго считали себя Охридскіе патріархи, преемниками котораго призналъ ихъ и императоръ, исключая титула патріаршаго, который греки признавали лишь

---

1) Іоаннъ Е. Дуки охридскій архіепископъ Іоаннъ (Глас Српске Ака-

личной принадлежностью патріарха Даміана [1]). Это независимое положеніе и устройство церкви Охридскаго архіепископата продолжалось лишь до смерти архіепископа Іоанна, когда Византійскій императоръ поставилъ на его мѣсто архіепископа Льва, „перваго изъ римлянъ", открывшаго собою некороткій рядъ архіепископовъ-грековъ, назначаемыхъ самими императорами, такъ что архіепископія Охридская, завѣдуя церковью всего Болгарскаго народа, совершенно превратилась изъ болгарской въ греческую, ставъ центромъ огреченія болгаръ [2]).

Русская церковь входила въ составъ церкви Охридскаго патріархата, и завоеваніе послѣдняго греками вводило насъ въ составъ имперіи Новаго Рима. Совершенно ясно неудобство для Византіи создавшагося положенія, когда завѣдываніе церковью цѣлаго народа и государства, чрезвычайно важное въ политическомъ отношеніи для императора и патріарха, приходилось ввѣрять второстепенному агенту власти, какимъ являлся теперь Охридскій архіепископъ, и безъ того обремененный сложною задачею огреченія болгарской церкви и народа. Естественно вытекала необходимость перетянуть русскую церковь изъ-подъ руки Охридскаго архіепископа подъ руку патріарха и императора. Не сомнѣваемся, что съ подобнымъ предложеніемъ императоръ и обращался къ Ярославу, позолотивъ невыгоду для Ярослава обѣщаніемъ создать для Руси особаго предстоятеля церкви, чего повидимому у насъ не было, съ титуломъ митрополита. Предложеніе это было принято, и въ связи съ нимъ читаемъ подъ 1037 г. въ лѣтописи о торжественномъ приступленіи Ярослава къ перемѣнѣ церковной іерархіи въ Кіевѣ: „Заложи Ярославъ городъ великыи Кыевъ, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь

[1]) Голубинскій, Е. Кр. очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарской, Сербской и Румынской, М. 1871, стр. 39.

[2]) Zachariae von Lingenthal. Beiträge zur Geschichte der Bulgarischen Kirche, стр. 22; Голубинскій. Е. Кр. очеркъ исторіи пр. церквей 40—41; H. Gelzer. Ungedr. und wenigbekannte Bistümerverzeichen d. orient. Kirche (Byzant. Zeitschrift. II. 47—58).

святыя Софья, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ св. Богородица Благовѣщенье, посемъ св. Георгия манастырь и св. Ирины“ [1]). Нашимъ первымъ митрополитомъ былъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ, грекъ-Ѳеопемптъ.

Предположеніе о раздѣленіи Охридской архіепископіи на собственно Охридскую архіепископію, теперь центръ огречиванія Болгарскаго народа, и Кіевскую митрополію,—очевидно, должно относиться ко времени кончины или смѣщенія архіепископа Іоанна и назначенія на Охридскую каѳедру Льва, на Кіевскую—Ѳеопемпта. Мы знаемъ, что назначеніе послѣдняго относится къ 1037 г. Но относительно времени назначенія архіепископа Льва въ Охриду у автора настоящей работы не было свѣдѣній, такъ что приходилось прибѣгать къ приблизительному расчету, сознавая его неудовлетворительность. Такъ какъ смерть архіепископа Льва падала на время между 1054—1057 годами, а это сопоставляется съ извѣстіемъ о поставленіи въ 1051 г. въ Кіевѣ митрополита Иларіона, преемника по каѳедрѣ Ѳеопемпта, то отсюда дѣлалось предположеніе относительно возможной одновременности назначеній Льва въ Охриду, Ѳеопемпта въ Кіевъ (1037 г.). Такъ приходилось высказываться въ аудиторіи, такъ и въ докладѣ „О такъ называемомъ крещеніи св. Владиміра“, читанномъ въ засѣданіи секціи русской исторіи Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ осенью 1910 г. Къ великому счастью, авторъ познакомился теперь, благодаря любезному указанію Н. В. Ястребова, съ работами Б. Прокић'а, давшими недостающія свѣдѣнія [2]). И авторъ съ удовлетвореніемъ можетъ отмѣтить не только вѣрность начальнаго предположенія, но и важное подкрѣпленіе всего построенія о за-

[1]) Лаврент., 6545 г. Первоначальнѣе въ Воскресенск.: „в. кн. Ярославъ митрополію устави“.

[2]) Здѣсь разумѣю изъ работъ Б. Прокић'а: B. Prokić. Die Zusätze

висимости русской церкви со времени св. Владиміра до митрополіи 1037 г. отъ Охридскаго патріархата, потомъ—Охридской архіепископіи. Новыя данныя того текста Скилицы, который разобралъ Б. Прокичъ, въ Codex'ѣ Vindobonen. hist. graec. LXXIV, указываютъ, что смерть архіепископа Іоанна и назначеніе въ Охриду архіепископа Льва послѣдовало въ томъ же 1037 г. [1]), какъ и назначеніе въ Кіевъ митрополита Ѳеопемпта.

§ 12. Та іерархическая нить, которая протянулась къ намъ изъ Константинополя чрезъ Охридскій патріархатъ и Охридскую архіепископію, должна послужить намъ и нитью для разбора и оцѣнки многихъ неясныхъ и темныхъ мѣстъ въ вопросѣ церковнаго устроенія Кіевской Руси какъ до установленія греческой митрополіи 1037 г., такъ даже и въ ближайшемъ времени послѣ нея.

Но прежде всего, естественно, возникаетъ вопросъ, въ какія формы вылились дальнѣйшія отношенія Владиміра, послѣ его брака съ Анной и подчиненія русской церкви Охридскому патріархату, какъ къ Византіи, такъ и къ Болгарскому царству Самуила. Къ сожалѣнію, отвѣтъ затрудненъ отсутствіемъ точныхъ данныхъ. Между Болгарскимъ царствомъ Самуила и Византіей шла напряженная борьба, кончившаяся смертью независимой Болгаріи и тѣмъ подчинившая нашу церковь—Византійскому императору. Естественнѣе всего предполагать, что Владиміру была прямая задача поддержать Болгарію противъ Византіи. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать возможности неудовлетвореннаго чувства какъ во Владимірѣ, такъ и въ руководящихъ кругахъ Кіева отъ тѣхъ формъ церковнаго устройства, которыя были приняты въ Кіевѣ вслѣдствіе отсутствія иного исхода, но которыя, повидимому, были далеко не такими, чтобы можно было счесть церковный вопросъ рѣшеннымъ для Кіева. А въ такомъ пониманіи возможна мысль

въ русскихъ правящихъ верхахъ, что завоеваніе Болгаріи и ея церкви откроетъ возможность признанія Имперіей русской церкви—независимой. Въ дальнѣйшемъ, изъ разбора Слова о законѣ и благодати, мы извлечемъ данныя за возможность предположенія этой мысли во времена св. Владиміра. При этомъ не нужно забывать объ обычномъ средствѣ Византійской дипломатіи для удержанія сѣверныхъ сосѣдей отъ военныхъ дѣйствій—натравливаніи печенѣжскихъ ордъ [1]), съ которыми Владиміру приходилось, дѣйствительно, имѣть „рать велику бес перестани", объ осложненіяхъ и прямыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, возникавшихъ у Владиміра съ Польшею и отвлекавшихъ его отъ южныхъ дѣлъ (992 г. и 1013 г.), наконецъ, о чрезвычайно важныхъ торговыхъ интересахъ Кіева, страдающихъ отъ всякихъ осложненій князя съ греками, а, можетъ быть, и о внутреннихъ осложненіяхъ на Руси въ связи съ введеніемъ новой вѣры далеко не въ ожидавшихся формахъ независимой іерархіи, чтобы предъ нами возникло правдоподобное объясненіе того нейтральнаго положенія, которое занялъ Владиміръ въ борьбѣ грековъ съ болгарами. Противъ этого стоитъ извѣстіе о 6.000 русскомъ корпусѣ, состоявшемъ на службѣ Византійскаго императора въ концѣ X и въ XI вв. [2]). Трудно, однако, не думать, что подъ этимъ корпусомъ нужно разумѣть наемныхъ сѣверныхъ варваровъ, не имѣвшихъ никакого политическаго отношенія къ князьямъ Кіевской Руси. Исторія „какого-то сородича" умершаго уже Владиміра—Хрисохира [3])—очень ярко рисуетъ намъ исторію пополненія такого русскаго корпуса, получившаго свое основаніе, вѣроятно, отъ тѣхъ варяговъ, которыхъ Владиміръ въ 980 году сумѣлъ услать изъ Кіева въ Константинополь. Вѣроятно также, что въ 988 г. Владиміръ, помогая императору Василію, объединилъ военнымъ ко-

[1]) Васильевскій, В. Г. Труды, т. I, стр. 3.

[2]) Его же. Труды, т. I. Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ

мандованіемъ свои войска съ этимъ „русскимъ“ корпусомъ, что̀ и дало поводъ Асохику счесть послѣдній и въ 1000 г. за войска Владиміра, присланныя на помощь императору Василію еще съ 988 года [1]).

§ 13. Переходя къ разбору вопроса о формахъ церковной іерархіи Кіевской Руси до установленія у насъ греческой митрополіи 1037 г., замѣтимъ, что трудность, возникающая при этомъ разборѣ, заключается въ томъ, что греческая іерархія, утвердившаяся въ Кіевѣ съ 1037 г., начала, какъ увидимъ ниже, борьбу съ учрежденіями и порядками Охридской эпохи нашей церкви, такъ что передъ нами лишь смутные намеки, которые требуютъ разгадки.

Какъ ясно изъ предыдущаго, во главѣ русской церкви со времени ея дѣйствительнаго учрежденія всталъ Охридскій патріархъ. Вся русская паства была раздѣлена на епископіи, число которыхъ было чрезвычайно ограничено. Есть основаніе думать, что первоначально предполагалось создать изъ всей русской церкви одну епископію, и лишь Новгородъ получилъ особаго отъ Кіева епископа. На это прежде всего намекаетъ грамота, которую далъ Владиміръ Десятинной церкви, и которая говорила о десятинѣ „к церкви той по всей Русьстѣй земли“ [2]). Въ словахъ Владиміра: „даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“ [3]), сказанныхъ при окончаніи Десятинной церкви, — читается та же мысль. Впослѣдствіи, когда Русская земля распалась на отдѣльныя княжества по семейнымъ раздѣламъ, а среди князей жила мысль получить себѣ отдѣльную епископію, устроеніе этихъ новыхъ епископій сопровождалось пересмотромъ вопроса о десятинѣ съ даннаго княжества, такъ какъ, естественно, желаніе митрополита не потерять своихъ доходовъ десятинныхъ съ земель, образуемыхъ въ новое епископство,

---

[1]) Васильевскій, В. Г. Труды, т. I, стр. 199—203.

[2]) Лаврен., 6677 г.

вело къ необходимости для князя увеличить теперь десятину, часть которой шла епископу, а часть—епископъ отсылалъ митрополиту. Что устроеніе новыхъ каѳедръ вело къ пересмотру вопроса о десятинѣ, видимъ изъ единственной до насъ дошедшей такой грамоты Ростислава Смоленскаго [1]); а что епископы часть своей десятины отсылали митрополиту, знаемъ изъ исторіи епископа Новгородскаго Нифонта, который, узнавъ о долженствующемъ состояться прибытіи въ Кіевъ новаго митрополита послѣ нѣсколькихъ лѣтъ церковнаго разрыва Кіева съ Византіей, вывезъ сразу въ Кіевъ всю накопившуюся съ Новгорода дань митрополиту, что̀ вызывало въ Новгородѣ ироническое замѣчаніе [2]). Князья, не получившіе отдѣльной епископіи, продолжали платить установленную св. Владиміромъ десятину въ Кіевъ, что̀ мы знаемъ изъ упоминанія въ лѣтописи о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ, сидѣвшемъ на Волыни еще до установленія тамъ епископіи: „десятину дая святѣй Богородици отъ всего своего имѣнья по вся лѣта“ [3]). Впрочемъ, изъ тона похвалы, въ которомъ сказано объ уплатѣ Ярополкомъ Изяславичемъ своей доли десятины Кіевской митрополіи, можно, пожалуй, вывести, что вообще князья этой повинности въ Кіевъ охотно не отбывали.

Итакъ, если была первоначально мысль объ устроеніи единой епископіи на Руси, какъ то когда-то предлагалъ Оттонъ св. Ольгѣ, то мысль эта полнаго осуществленія не получила, потому что, сейчасъ же, какъ увидимъ, былъ поставленъ епископъ Новгороду. Впрочемъ, есть возможность предполагать существованіе еще третьей каѳедры, какъ викарной, — Бѣлгородской.

---

[1]) Дополненія къ Акт. Истор., т. I, № 4.

[2]) Новгор. 1-ая, 6664 г.

[3]) Лаврент., 6594 г. Въ Ипатьевской читаемъ: „десятину дая отъ всихъ скотъ своихъ св. Богородици и отъ жита на вся лѣта“. Здѣсь слова „и отъ жита“ ясно вставлены въ текстъ, который читался: „отъ всихъ скотъ своихъ св. Богородици на вся лѣта“ и въ которомъ сводчикъ уже было непонятное слово „скотъ“, переданное въ Лаврент. сло-

Патріархъ Охридскій совершалъ объѣзды своей новой паствы, вызываемые, вѣроятно, важными обстоятельствами въ жизни Русскаго государства и церкви. Такъ, мы видѣли архіепископа Іоанна, сохранившаго, и послѣ завоеванія Болгарскаго царства Византіей, русскую церковь подъ своею властью, около 1020—1026 г.г. открывающаго мощи свв. братьевъ Бориса и Глѣба; такъ встрѣчаемъ его же (неназваннаго по имени) у Титмара Мерзебургскаго при описаніи похода Болеслава и Святополка на Кіевъ въ 1018 г. Косвеннымъ подтвержденіемъ такихъ пріѣздовъ патріарха нужно считать устроеніе каѳедры Бѣлгородской, основаніе которой можно понять въ предположеніи, что при пріѣздахъ патріарха въ Кіевъ, гдѣ была епископія, могъ потребоваться третій епископъ, вызовъ котораго не представлялъ бы затрудненій, какъ епископа Новгородскаго, и, наконецъ, создавалъ бы соборъ трехъ для поставленія въ случаѣ вдовства епархіи новаго епископа. Когда же въ Кіевѣ на мѣсто епископіи создается митрополія, то естественно возникаетъ нужда въ созданіи новой епископіи, чтобы митрополитъ могъ всегда имѣть соборъ трехъ на случай смерти четвертаго. При Ярославѣ создается епархія Юрьевская, столь же близкая, какъ и Бѣлгородская и, вѣроятно, также содержимая на средства общей русской десятины безъ особаго выдѣла въ этомъ смыслѣ.

Итакъ, Кіевская церковь времени Охридскаго господства представляется какъ три епископіи: Кіевская, Новгородская и Бѣлгородская. Епископы съ первыхъ же временъ выступаютъ какъ политическіе совѣтчики князя. Древнѣйшій сводъ 1039 г. помнитъ это участіе епископовъ въ совѣщаніяхъ Владиміра [1]).

Относительно того, какъ ставились у насъ епископы, уже указывалось на ту странность, что, не имѣя точныхъ свѣдѣній объ этомъ за первую половину до-монгольскаго времени, мы положительно знаемъ за вторую половину, что епископы, во-

преки канонамъ, избирались не соборомъ епископовъ, а князьями тѣхъ городовъ, куда предназначался кандидатъ [1]). Зная упорство грековъ по части охраненія выгодныхъ имъ правъ и преимуществъ, естественнѣе всего отнести этотъ порядокъ епископскаго избранія ко времени установленія у насъ власти Охридскаго патріарха. Соглашаясь не имѣть особаго предстоятеля для своей церкви, Владиміръ вытребовалъ себѣ, по крайней мѣрѣ, свободу въ замѣщеніи епископскихъ каѳедръ. Это даетъ объясненіе тому, что въ числѣ первыхъ епископовъ, поставленныхъ на Руси при Владимірѣ, рукою Охридскаго патріарха, встрѣчаемъ грека-корсунянина Іоакима, епископа Новгородскаго.

Не лишенъ интереса вопросъ, есть ли у насъ данныя возстановить имена и другихъ епископовъ—Кіевскаго и Бѣлгородскаго, поставленныхъ при устроеніи русской церковной іерархіи?

§ 14. Относительно имени Бѣлгородскаго епископа времени св. Владиміра нужно сказать, что у насъ нѣтъ данныхъ къ его возстановленію. Другое дѣло съ именемъ перваго Кіевскаго епископа.

Извѣстно, что Владиміръ, какъ сообщаетъ Древнѣйшій сводъ 1039 г., „на четвертое лѣто по крьщении помысли съзьдати цркъвь пр. Богородица“ [2]), т.-е. въ 990 (6498) году Владиміръ заложилъ каѳедральный соборъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Десятинной церкви. Греческіе мастера выстроили эту церковь въ пять лѣтъ, такъ что освящена она была въ 995 (6503) году, 12 мая [3]). Титмаръ Мерзебургскій даетъ этой церкви разныя названія: то—церкви мученика Христова и папы Климента (когда говоритъ о мѣстѣ погребенія Владиміра и его жены), то — монастыря св. Софіи (когда говоритъ о встрѣчѣ Болеслава и Святополка въ Кіевѣ архі-

[1]) Голубинскій, Е. Исторія рус. церкви. Т. I², изд. 2, стр. 360—361.

епископомъ съ мощами святыхъ и другими реликвіями). Въ Несторовомъ сказаніи о свв. братьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ (собственно, въ Вышегородскихъ записяхъ первой редакціи) сохранилось еще иное названіе Десятинной церкви — „кафоликаня иклисиа“ [1]), что̀ безъ имени святого означаетъ каѳедральный соборъ (καθολικὴ ἐκκλησία). Наконецъ, уставъ св. Владиміра (Софійско-Новгородской Кормчей XIII вѣка) называетъ Десятинную церковь — „сборной“ [2]). Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно вывести, что названная въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г. Десятинной и такъ называемая впослѣдствіи церковь была каѳедральнымъ соборомъ русской церкви, мѣстомъ пребыванія въ случаѣ пріѣздовъ Охридскаго патріарха, главное мѣсто управленія и сбора десятинной дани со всего Кіевскаго государства; при ней находился монастырь и резиденція Кіевскаго епископа; наконецъ, въ ней лежали мощи папы Климента, перенесенныя изъ Корсуня Владиміромъ, какъ и другія священныя драгоцѣнности (иконы, сосуды), — военные трофеи вновь обращеннаго язычника.

12 мая 995 (6503) г. Владиміръ на торжествѣ освященія далъ новой церкви десятину, поручивъ и церковь, и десятину Анастасу Корсунянину. Личность Анастаса освѣщалась различно Древнѣйшимъ сводомъ 1039 г. и Корсунской легендой. Сводъ называлъ Анастаса предателемъ родного Корсуня, по измѣнническому доносу котораго городъ только и могъ быть взятъ Владиміромъ; потомъ упоминалъ Анастаса, какъ лицо, которому Владиміръ „вѣдасть десятину“; наконецъ, какъ перебѣжчика съ новой своей родины на сторону Болеслава, который „Анастаса приставн Десятиньнаго къ имѣнію, бѣ бо сѣ ему вѣвѣрилъ льстию“. Теперь трудно сказать, какъ читался титулъ Анастаса въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г.: назывался ли онъ просто мужемъ или іереемъ („попомъ“) или епископомъ. Весьма возможно, что Древнѣйшій сводъ 1039 г. старался

[1]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, 29 стр.

скрыть духовный санъ Анастаса по слѣдующимъ соображеніямъ. Анастасъ былъ грекъ-корсунянинъ, измѣнившій родинѣ и церкви, такъ какъ выдалъ Корсунь Владиміру и согласился уйти въ Кіевъ въ его церковную іерархію отъ Охридскаго патріархата. Мало того, Анастасъ не удержался и отъ дальнѣйшей измѣны, уйдя къ Болеславу въ его католическую церковь. Грекъ-митрополитъ въ своемъ лѣтописномъ сводѣ изъ естественнаго нежеланія выставлять духовный санъ человѣка, такъ глубоко нарушившаго традиціонныя воззрѣнія ромея, постарался скрыть дѣйствительный титулъ Анастаса.

Совсѣмъ другую цѣль преслѣдовала Корсунская легенда въ отношеніи Анастаса. Желая представить непрерывность іерархической связи Кіевской церкви съ Новымъ Римомъ, легенда передвигала установленіе церковной іерархіи изъ Византіи на Руси ко времени взятія Владиміромъ Корсуня и крещенію князя, послѣдовавшему, по легендѣ, послѣ Корсунской войны. Вотъ почему здѣсь мы читаемъ, что Владиміръ взялъ по крещеніи отъ императоровъ Василія и Константина на Кіевскую митрополичью каѳедру перваго митрополита русскаго Михаила. Здѣсь же реабилитировался Анастасъ Корсунянинъ, такъ какъ измѣнническій шагъ его при осадѣ родного ему города Корсунская легенда передавала легендарному лицу—Ждьберну [1]). Въ такой связи Корсунская легенда могла назвать истинный титулъ Анастаса, потому что ничего позорнаго о немъ она не сообщала. Легенда, повидимому, и называла Анастаса—епископомъ [2]).

Когда Корсунская легенда вливалась въ Древнѣйшій сводъ 1039 г. редакторомъ Начальнаго свода 1095 г., естественно, встрѣтилось затрудненіе, гдѣ же вѣрнѣе назывался титулъ Анастаса? Слѣды такой неувѣренности редактора свода 1095 г.

[1]) Шахматовъ, А. Корсунская легенда. (Сборникъ статей въ честь В. И. Ламанскаго, т. II, стр. 1117).

видны въ томъ, что Анастасъ тамъ назывался то мужемъ Корсунянином („и се мужь Корсунянинъ стрѣли, именемъ Анастасъ"), то просто Анастасомъ („поимши царицю и Анастаса и попы Корсуньскыя"), то іереемъ Анастасомъ („и поручивъ ю ерею Анастасу Корсунянину"). Однако, чему же мы должны вѣрить? Былъ ли Анастасъ „мужемъ" или духовнымъ лицомъ? И, если духовнымъ лицомъ, то іереемъ или епископомъ? Вѣроятнѣе думать послѣднее, и вотъ почему. Корсунская легенда, не имѣя цѣли скрывать санъ Анастаса, потому что не помнила чего-либо предосудительнаго въ его поведеніи,—очень неискусно сказала здѣсь правду, впавъ въ противорѣчіе себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, указывая на митрополита Михаила, взятаго будто Владиміромъ въ Кіевъ, легенда естественно затрудняла читателя сообщеніемъ, что въ Кіевѣ, кромѣ митрополита, былъ еще епископъ при Десятинной церкви, т.-е. на одной каѳедрѣ помѣщалось два епископа. Зная, что Корсунская легенда присочинила имя перваго митрополита Михаила, такъ какъ никакой митрополіи при Владимірѣ въ Кіевѣ не было, мы склоняемся думать, что сообщеніе легенды объ епископскомъ санѣ Анастаса — правдоподобно. Противорѣчіе легенды самой себѣ, вѣроятно, и вызвало у редактора Начальнаго свода 1095 г. поправку епископа Анастаса на іерея Анастаса, чтобы не поставить, подобно легендѣ, двухъ епископовъ на одну каѳедру Десятинной церкви.

Итакъ, есть вѣроятность думать, что Анастасъ былъ епископомъ Кіевскимъ и при немъ, въ Софійско-Десятинномъ храмѣ было сосредоточено центральное управленіе русской церкви эпохи зависимости ея отъ Охридскаго патріарха, по крайней мѣрѣ чрезъ Анастаса шла вся десятина съ Русской земли въ руки Охридскаго патріарха, который во время пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ въ лицѣ Анастаса и Бѣлгородскаго епископа находилъ нужный для церковнаго управленія соборъ.

§ 15. Когда Владиміръ по взятіи Корсуня вырвалъ себѣ

ковной іерархіи,—онъ обратился къ Самуилу, съ которымъ и пришелъ къ указанному выше соглашенію объ установленіи въ Кіевѣ іерархіи Охридскаго патріархата. На вопросъ, сколько же времени заняли эти переговоры, и когда установилась у насъ церковная іерархія изъ Болгарской державы Самуила, лѣтопись даетъ точный отвѣтъ. Это случилось „на четвертое лѣто по крьщении", въ 990 (6498) году, т.-е. на слѣдующій же годъ послѣ Корсунскаго похода. Это годъ заложенія въ Кіевѣ Десятинной церкви, такъ какъ къ этому Владиміръ могъ приступить лишь договорившись объ условіяхъ установленія у себя церковной іерархіи.

§ 16. Рѣшеніе вопроса о церковной іерархіи для русской церкви въ той формѣ, какая удалась Владиміру, было, конечно, далеко отъ желаемыхъ въ Кіевѣ формъ независимаго церковнаго устройства. Но и этого еще мало. Упорная борьба императора Василія съ Болгарскою державою Самуила клонилась, видимо, въ пользу Византіи, и это ставило передъ Кіевскимъ княземъ и руководящими кругами Кіева вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ русской церкви. Неудовлетворительность настоящаго и неизвѣстность ближайшаго будущаго, конечно, волновали умы, и событія въ семьѣ Владиміра даютъ право думать, что даже въ его семьѣ,—не только въ его державѣ,—не всѣ одобряли его политику и достигнутые результаты. Сынъ Владиміра—Святополкъ, очевидно, носился съ иными церковными планами, склоняясь въ сторону Западной іерархіи, чѣмъ — прежде всего — нужно объяснить ту ужасную характеристику, которую онъ получилъ въ лѣтописи и агіологической литературѣ, и тотъ наивно-печальный конецъ его жизни, который рисуетъ ненавидящая его за это западное увлеченіе гречествующая рука монаха-лѣтописца въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г.: „и прибѣжавъ въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испровьрже злѣ животъ свои. И приятъ възмьздие отъ Господа, якоже показоваше явѣ посъланая на нь пагубьная рана, и по съмьрти муку вѣчь-

дитъ же отъ нея смрадъ зълъ“ [1]). Дѣйствительно, Титмаръ Мерзебургскій сообщаетъ намъ свѣдѣнія, сразу дѣлающія понятною ненависть къ Святополку митрополичьяго свода 1039 г. Святополкъ былъ женатъ на одной изъ дочерей Болеслава Великаго. Съ нею прибылъ изъ Польши Рейнбернъ, епископъ Колобережскій. Узнавъ, что Святополкъ по тайному наущенію Болеслава готовитъ возстаніе, Владиміръ, арестовавъ сына, его жену и епископа Рейнберна, заключилъ ихъ въ темницу, гдѣ Рейнбернъ скончался. Болеславъ, узнавъ про все это, насколько могъ, мстилъ Владиміру [2]). Подъ 1013 г. у Титмара есть извѣстіе о неудачномъ походѣ Болеслава на Русь [3]). Невозможно рѣшить, что̀ предшествовало чему — бракъ походу или походъ браку [4]). Нашъ Древнѣйшій сводъ 1039 г., какъ кажется, указываетъ, что ко времени смерти Владиміра Святополкъ былъ на свободѣ: „бѣ бо Кыевѣ, пришьдъ из Вышегорода“ [5]),—чѣмъ противорѣчитъ дальнѣйшему разсказу Титмара о судьбѣ Святополка [6]). Разобраться во всѣхъ противорѣчивыхъ извѣстіяхъ о событіяхъ послѣ смерти Владиміра такъ, чтобы возстановить полную ихъ картину,—невозможно. Приходится останавливаться лишь на безспорныхъ моментахъ.

Владиміръ предполагалъ, повидимому, передать престолъ Кіевскій — Борису, котораго вывелъ изъ Владиміра „зълобы ради, юже имяше къ нему Святополкъ“ [7]). Святополкъ, какъ старшій—послѣ смерти Изяслава—сынъ Владиміра не могъ примириться съ этою мыслію о передачѣ престола Кіева—Борису. Возникаетъ вопросъ, почему отецъ, если даже негодовалъ на Святополка за его попытку возстанія и за наклон-

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 578.
[2]) VII, 52.
[3]) VI, 55.
[4]) Линниченко, Ив. Взаимныя отношенія Руси и Польши, т. 1, стр. 46—47, Кіевъ. 1884.
[5]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 570.
[6]) VI, 52.

ность къ иной церковной политикѣ, обходилъ престоломъ Кіевскимъ не только Святополка, но и другихъ старшихъ Бориса сыновей для послѣдняго. Изъ вышеприведенныхъ соображеній нашихъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ (§ 10 б.) можно сдѣлать одинъ важный сейчасъ выводъ. Какъ родившіеся послѣ крещенія Владиміра и послѣ брака Владиміра на Аннѣ, Борисъ и Глѣбъ были дѣтьми этого христіанскаго брака Владиміра. Не считалъ ли Владиміръ-христіанинъ только ихъ своими законными дѣтьми и наслѣдниками? Думается, что слишкомъ ясна принужденность такого объясненія. Естественнѣе предположить, что Владиміръ выдвигалъ Бориса, племянника императора, расчитывая, что ему легче будетъ столковаться съ властолюбивымъ дядей въ случаѣ какихъ-либо неудачъ церковныхъ плановъ Владиміра въ надвигавшейся гибели Болгарскаго царства и церкви, и дорожа единомыслiемъ Бориса по важнѣйшимъ вопросамъ политической жизни Кіева. Если вспомнить, что послѣ убіенія Святополкомъ Бориса, Глѣба и Святослава церковь причислила къ лику мучениковъ только двухъ первыхъ, то передъ нами на-лицо особыя симпатіи грековъ (т. к. причисленіе къ лику святыхъ свв. Бориса и Глѣба относится ко времени архіепископства, не патріаршества Іоанна), едва-ли полно объясняющіяся только родствомъ ихъ съ императоромъ, а не наклонностью также къ церкви Новаго Рима или, по крайней мѣрѣ, отвращеніемъ къ Западу. Владиміръ и самъ былъ противъ попытокъ рѣшенія церковнаго вопроса переходомъ къ западной церкви, что̀ мы видѣли изъ столкновенія его съ Святополкомъ.

Итакъ, Владиміръ въ концѣ своей жизни склонялся оставить Кіевскій столъ Борису, сыну своему отъ царевны Анны, племяннику Византійскаго императора. Противъ этого былъ Святополкъ, какъ старшій сынъ Владиміра, считавшій Кіевъ своимъ наслѣдствомъ. Предстояла борьба, и не лишенъ любопытства вопросъ, за кого шли правящіе верхи и Кіевляне.

съ „вои“ былъ въ походѣ на Печенѣговъ. Святополкъ, видимо, неувѣренный въ сочувствіи къ себѣ Кіевскаго общества, скрывъ смерть отца, выигрываетъ время, чтобы послать убійцъ изъ преданныхъ ему Вышегородскихъ боярцевъ къ Борису. Кіевъ узнаетъ о смерти Владиміра, и несмотря на то, что „братия ихъ бѣша съ Борисомъ“, не мѣшаетъ Святополку сѣсть на отцовскій столъ. Правда, Древнѣйшій сводъ 1039 г. объясняетъ это цѣлой системой подкуповъ Кіевлянъ со стороны Святополка, но не могъ же лѣтописецъ, стремившійся представить Святополка—Каиномъ, допускать въ читателѣ мысль о томъ, что этотъ Каинъ имѣлъ сочувствующихъ среди Кіевлянъ, и, т. к. по ходу разсказа сочувствующіе все же нашлись, старался объяснить послѣднее подкупами Святополка. Борисъ уже шелъ съ похода въ Кіевъ, „не обрѣтъшю Печенѣгъ“, когда узналъ о смерти отца. Здѣсь лѣтописцу, стоявшему душою за Бориса, опять предстала задача, труднѣе предыдущей,—объяснить, почему же Борисъ былъ покинутъ войскомъ, которое тоже узнало о смерти Владиміра, т. к. убійство св. Бориса произошло уже послѣ того, какъ онъ остался „съ отроки своими“. Лѣтописецъ изображаетъ цѣлый діалогъ между войскомъ и Борисомъ. „Дружина отьня“, бывшая въ походѣ, уговариваетъ Бориса идти на Святополка: „Се, дружина у тебе отьня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни“. Борисъ не согласенъ: „не буди мънѣ възняти руку на брата своего старѣйшаго; аще отьць ми умьре, то сь ми буди въ отца мѣсто“. Такой отвѣтъ приводитъ къ неожиданному результату: „И се слышавъше вои разидошася отъ него“. Конечно, вои и отьня дружина не разошлись, а лѣтописецъ заставляетъ ихъ разойтись, лишь бы не повести къ Святополку. Съ уходомъ дружины отца и Кіевскихъ ополченій — на сторону Святополка, политическая карьера Бориса кончилась, и Святополкъ, незнавшій объ этомъ, чрезъ подосланныхъ убійцъ убилъ въ сущности уже мертвеца въ политическомъ отношеніи. Расправа

пыткою послѣдняго искать поддержки противъ Святополка въ Венгріи. Но бѣгство изъ Кіева Глѣба, князя-отрока, едва-ли опаснаго Святополку, какъ будто намекаетъ на какой-то взрывъ негодованія противъ политики послѣднихъ лѣтъ княженія Владиміра и его полу-греческаго потомства.

Итакъ, сочувствіе и дружины Владиміра, и Кіевлянъ оказались на сторонѣ Святополка, противъ Бориса, и въ этомъ видимъ ихъ неудовлетворенность результатами княженія Владиміра и нежеланіе слѣдовать тою же дорогою, какою, конечно, повелъ бы Кіевскую жизнь кандидатъ Владиміра на Кіевскій столъ—Борисъ. Однако, Святополку не суждено было укрѣпиться на престолѣ отца. И на этотъ разъ, какъ не разъ и раньше въ исторіи Кіева, рука Новгородскаго князя захватила престолъ и судьбу Кіева.

Послѣ побѣды близъ Любеча Ярославъ съ Новгородцами овладѣваетъ Кіевомъ, а Святополкъ бѣжитъ къ тестю. Кіевъ едва-ли сочувственно встрѣтилъ Новгородскихъ завоевателей. Вступленіе Ярослава на престолъ совпадаетъ съ „великимъ пожаромъ“ Кіева, когда „погорѣ цьркы св. Богородица“, да и самое вступленіе Ярослава въ Кіевъ случилось по указанію Древнѣйшаго свода 1039 г. лишь въ 1017 г., тогда какъ,—справедливо подчеркиваетъ М. Грушевскій [1]),—Любецкая побѣда отнесена тамъ же къ 1016 г. Древнѣйшій сводъ 1039 г. составленъ въ княженіе Ярослава, и разсказывать болѣе краснорѣчиво объ этихъ событіяхъ онъ, очевидно, считалъ неудобнымъ для самолюбія князя. События Кіевскія сейчасъ же дѣлаются по свидѣтельству Титмара Мерзербургскаго предметомъ политическихъ международныхъ комбинацій. Ярославъ, желая удержать Болеслава отъ помощи Святополку, вступаетъ въ союзъ съ императоромъ Западной имперіи, и даже самъ ходилъ въ 1017 г. походомъ на Польшу, но безъ большого

успѣха [1]). Болеславъ, заключивъ въ томъ же году миръ съ императоромъ, лѣтомъ слѣдующаго (1018 г.) двигается на Кіевъ, чтобы посадить тамъ Святополка. Битва подъ Волынью кончается пораженіемъ Ярослава, который бѣжитъ въ Новгородъ. Святополкъ и Болеславъ 14 августа 1018 г. вступаютъ въ Кіевъ [2]). Кіевъ торжественно встрѣчаетъ побѣдителей. Архіепископъ принялъ ихъ съ мощами святыхъ и другими святынями въ монастырѣ св. Софіи, который за годъ передъ тѣмъ погорѣлъ [3]). Если это указаніе Титмара объ архіепископѣ въ Кіевѣ правильно,—а въ этомъ трудно сомнѣваться, потому что подробность о пожарѣ Десятинной церкви (св. Софіи, по Титмару)—подтверждается и Древнѣйшимъ сводомъ 1039 г.,—то передъ нами любопытное указаніе на Кіевскія церковныя дѣла этого времени.

§ 17. Въ началѣ сентября 1014 г. императоръ Василій нанесъ рѣшительное пораженіе войску царя Самуила въ засѣкѣ Загорской: 14 тысячъ болгарскаго войска было взято въ плѣнъ и ослѣплено. 15 сентября 1014 года умеръ отъ разрыва сердца царь Самуилъ. Возможно, что указанныя событія обострили въ Кіевѣ отношенія, назрѣвавшія еще до 1013 г. и вылившіяся въ борьбу Святополка съ Борисомъ въ іюлѣ 1015 г., потому что Загорское пораженіе болгаръ и смерть Самуила были концомъ Болгарскаго царства, и совершенно было ясно, что дальнѣйшая борьба преемниковъ Самуила съ надвигавшейся Византіей будетъ лишь агоніей Болгарскаго царства, въ печальномъ исходѣ которой нельзя было сомнѣваться. „И написали вожди болгаръ царю Василію, унижаясь предъ нимъ и выражая свое желаніе, чтобы онъ принялъ находившіяся въ ихъ рукахъ крѣпости и области и прося его разрѣшенія прибыть къ нему и дѣйствовать согласно его при-

[1]) VII, 48.
[2]) VIII, 16.

казаніямъ",—читаемъ у Яхъи [1]). „И пошелъ тогда царь въ Болгарію въ Шаввалѣ 408 (20 февраля—20 марта 1018 г.) и вышли ему на встрѣчу всѣ тамошніе вожди и были также выведены жена Аарона, царя болгаръ, и дѣти его. И принялъ онъ ихъ крѣпости и оказалъ имъ милости и далъ каждому изъ нихъ должности согласно тому, чего требовали его заслуги. И оставилъ себѣ сильныя крѣпости и назначилъ надъ ними правителей изъ грековъ и срылъ остальныя. И устроилъ дѣла Болгаріи и назначилъ туда василиковъ, т.-е. управляющихъ всѣми дѣлами и имуществами. И стало государство болгарское присоединеннымъ къ государству грековъ, и сдѣлалъ онъ его катепанатомъ. И было это въ 44 году его царствованія. И вернулся онъ въ Константинополь. И вступили въ бракъ дочери болгаръ съ сыновьями грековъ, и дочери грековъ съ сыновьями болгаръ, и смѣшалъ онъ однихъ съ другими и тѣмъ уничтожилъ старую вражду, которая была между ними" [2]). Какъ видимъ, Яхъя обходитъ молчаніемъ устройство дѣлъ церковныхъ во вновь завоеванномъ краѣ. Въ одной изъ приписокъ къ тексту I. Скилицы въ Codex'ѣ Vindobon. LXXIV, сдѣланныхъ въ началѣ XII вѣка Девольскимъ епископомъ Михаиломъ, какъ указалъ Б. Прокиѣ, читается извѣстіе, что, когда императоръ Василій дошелъ до Струмитцы, къ нему вышелъ патріархъ Іоаннъ съ письмами вдовы послѣдняго Болгарскаго царя Владислава—Маріи, въ которыхъ были изложены ея условія на передачу Болгарскаго царства—императору [3]). Каковы были условія, поставленныя Маріей,—о положеніи Болгаріи въ Византійской державѣ,—мы знаемъ изъ подробностей, данныхъ у Яхъи и Скилицы. Болгарія стала отдѣльнымъ катепанатомъ со столицею въ Скопльѣ. Каковы

[1]) Розенъ, В. Р., баронъ. Императоръ Василій Болгаробойца. Спб. 1883, стр. 59.

[2]) Розенъ, В. Р., баронъ. Императоръ Василій Болгаробойца. Спб.

были условія о положеніи Болгарской церкви при этомъ подчиненіи Болгаріи императору,—мы узнаемъ изъ хрисовуловъ императора Василія, данныхъ архіепископу Охридскому, сохранившихся въ хрисовулѣ императора Михаила Палеолога, данномъ также болгарскому архіепископу въ 1272 г. [1]). Можно думать, что первый изъ этихъ хрисовуловъ изданъ въ 1019 г., т.-е. на слѣдующій годъ послѣ Струмитційскаго договора [2]). Императоръ призналъ независимость Охридской церкви, но за предстоятелемъ ея утвердилъ лишь титулъ архіепископа. Объемъ архіепископата хрисовулы императора вернули ко времени Доростольскаго патріархата, преемникомъ котораго императоръ такимъ образомъ призналъ предстоятеля Охридской церкви. Б. Прокић не безъ основанія приписываетъ заслугу сохраненія за Болгарскимъ царствомъ самоуправленія, а за церковью—независимости—патріарху Іоанну, ставшему теперь архіепископомъ. Но нельзя оставить безъ вниманія два обстоятельства. Первое изъ нихъ то, что, устроивъ Болгарское царство въ формѣ катепаната въ февралѣ—мартѣ 1018 г., императоръ приступилъ къ устроенію церкви и выразилъ свое признаніе ея независимости лишь въ 1019 г. Второе обстоятельство, долженствующее остановить наше вниманіе,—это уступчивость императора, связанная съ архіепископомъ Іоанномъ. Вспомнимъ, какую упорную борьбу велъ императоръ Василій—съ Болгарскимъ царствомъ, чтобы признать договоръ подъ Струмитцей несвойственнымъ политикѣ Новаго Рима, какъ бы мы ни старались возвысить дипломатическій талантъ патріарха Іоанна. Необходимо имѣть въ виду, что признаніе независимости за церковью Охриды, какъ и уважительное отношеніе къ покоренной Болгаріи—кончаются со смертью архіепископа Іоанна въ 1037 г., послѣ чего Охридская каѳедра становится центромъ огреченія болгаръ.

---

[1]) Byzantin. Zeitschrift, II, стр. 42—46.

[2]) Б. Прокић. Први охридски архиепископ Јован (Глас Српске Ака-

Понять второе изъ указанныхъ обстоятельствъ, т.-е. уступчивость императора, связанную съ личностью архіепископа Іоанна,—возможно лишь при сопоставленіи его съ нашимъ предположеніемъ о церковной жизни Кіевской Руси. Когда императоръ Василій завоевалъ Болгарское царство, а съ нимъ и Охридское патріаршество, передъ нимъ открылась новая задача—удержать подъ рукою Охридскаго предстоятеля церкви ушедшую въ 988 г. изъ Византійскихъ сѣтей церковь Кіевской Руси, чтобы, не отпугнувъ сейчасъ послѣднюю переходомъ подъ императорскую руку, современемъ перевести подъ власть и Константинопольскихъ патріарховъ. Достиженіе этой задачи подсказывало императору Василію необходимость на первое время сохранить независимость Охриды отъ Константинопольскаго патріарха и пріучить сѣверныхъ варваровъ оставаться подъ властью архіепископа, какъ независимаго главы церкви. Когда же послѣ смерти архіепископа Іоанна грекамъ удалось уговорить Ярослава на переходъ русской церкви подъ непосредственное завѣдываніе Константинополя, за что послѣдняя возвышалась въ митрополію, — необходимость уважительнаго отношенія къ раздавленной Болгаріи и признанія за ея церковью дѣйствительной независимости — прекратилась, и Византія, наконецъ, вступила здѣсь на свою обычную дорогу.

Все указанное еще болѣе подкрѣпляется объясненіемъ перваго обстоятельства, т.-е. непонятности отсрочки императоромъ признанія независимости за Охридскою церковью. Струмитційскій договоръ императора и устроеніе новаго катепаната изъ бывшаго Болгарскаго царства относится къ февралю — марту 1018 г., а первый хрисовулъ императора Василія архіепископу Іоанну, признающій независимость Охридской церкви, относится, какъ видѣли выше, къ 1019 году. Императоръ Василій, задаваясь цѣлью удержать русскую церковь подъ зависимостью отъ Охридскаго архіепископа, долженъ былъ поставить послѣднему непремѣннымъ условіемъ признанія

скаго князя согласія по-старому признавать власть Охриды надъ русскою церковью. Договоръ императора Василія съ патріархомъ Іоанномъ происходилъ въ февралѣ—мартѣ 1018 г., и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ августѣ того же 1018 г. мы встрѣчаемъ архіепископа Іоанна—въ Кіевѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Титмаръ Мерзебургскій. Выяснивъ здѣсь интересовавшій его вопросъ, что̀ не могло быть ранѣе водворенія въ Кіевѣ Ярослава и гибели Святополка, т.-е. въ началѣ 1019 г., архіепископъ спѣшитъ въ Константинополь, чтобы здѣсь принять участіе въ тріумфѣ императора Василія по случаю Болгарской побѣды въ началѣ того же 1019 г. [1]) и чтобы обрадовать императора согласіемъ Ярослава Кіевскаго на сохраненіе старыхъ отношеній русской церкви къ Охридѣ. Въ томъ же 1019 г. императоръ и далъ архіепископу первый хрисовулъ, признавшій независимость Охридской церкви.

§ 18. Когда архіепископъ Іоаннъ, послѣ Струмитційскаго договора съ императоромъ Василіемъ (февраль—мартъ 1018 г.), отправился въ свою Кіевскую область, на столѣ Кіевскомъ сидѣлъ Ярославъ Владиміровичъ, въ 1016 году разбившій брата Святополка, а въ 1017 году овладѣвшій и отцовскимъ столомъ. По свидѣтельству Титмара Мерзебургскаго, въ августѣ 1018 г. архіепископъ Іоаннъ былъ уже въ св. Софіи Кіевской, значитъ, онъ былъ принятъ Ярославомъ. Тяжелое время переживалъ тогда Ярославъ, силою сѣвшій на Кіевскій столъ и ожидающій надвигающейся грозы Польской помощи Святополку. Противъ Святополка, шедшаго на Ярослава съ тестемъ своимъ Болеславомъ, Ярославъ вышелъ къ Волыню, гдѣ и потерпѣлъ жестокое пораженіе: „Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду“. Кіевскія войска, по свидѣтельству Титмара, недолго обороняли Кіевъ и, узнавъ о бѣгствѣ Ярослава въ Новгородъ, сдали городъ Болеславу и Святополку [2]).

---

[1]) B. Prokić. Die Zusätze, стр. 32, прим. 32.

По занятіи Кіева Святополкъ не могъ тотчасъ приступить къ какимъ-либо шагамъ въ церковномъ устроеніи Кіева, такъ какъ это не было дѣломъ одного Кіевскаго князя, а цѣлая епархія Новгородская находилась въ политическомъ обладаніи Ярослава, все еще не считавшаго свое дѣло добыванія Кіевскаго стола—потеряннымъ. Архіепископъ Іоаннъ, видимо, оставался, и послѣ торжественной встрѣчи побѣдителей, въ Кіевѣ, такъ какъ его Болеславъ отправляетъ посломъ къ Ярославу въ Новгородъ, сговориться о размѣнѣ жены Святополка, дочери Болеслава, находившейся въ плѣну Ярослава, на жену и сестеръ Ярослава, попавшихъ въ руки побѣдителей [1]).

Побѣда Ярослава на Альтѣ, весною 1019 г., рѣшила окончательно борьбу между братьями, судьбу Кіевскаго стола и, вѣроятно, русской церкви. Новгородскій завоеватель съ упорствомъ добившійся Кіева, конечно, не очень увѣренно чувствовалъ себя со своими Новгородцами на югѣ, среди враждебныхъ ему, его Новгородцамъ и Варягамъ—Кіевлянъ. Съ другой стороны неясны были отношенія Ярослава къ остававшимся еще на княженіяхъ братьямъ. Все это могло заставить Ярослава, еще не оглядѣвшагося и не обыклаго къ югу, склониться къ спокойному признанію перемѣны въ положеніи главы русской церкви—патріарха Охриды, ставшаго послѣ завоеванія Византіей Болгарскаго царства—архіепископомъ Охридскимъ; склониться тѣмъ болѣе, что Охрида сохраняла независимое отъ Константинополя устройство, что̀ обѣщало почти старыя отношенія для Руси безъ особыхъ новшествъ Византійскаго обладанія; склониться, наконецъ, и потому, что Кіевская Русь св. Владиміра, какъ наслѣдство лежала въ отдѣльныхъ кускахъ сыновьихъ княженій, а противъ распавшагося и ослабѣвшаго сѣвернаго сосѣда стояла бодрая и грозная Имперія, только-что окончившая побѣдоносную войну и расширившая свои предѣлы на сѣверо-западъ до давно небывалыхъ размѣровъ.

§ 19*а*. Перемѣна въ положеніи матери-церкви не прошла, однако, совсѣмъ незамѣченною въ Кіевѣ. Первымъ, кажется, кто оцѣнилъ эту перемѣну, былъ епископъ Кіевскій Анастасъ-Корсунянинъ. Измѣнникъ съ точки зрѣнія ромеевъ и нашего Древнѣйшаго свода 1039 г., Анастасъ прекрасно устроился на новой родинѣ, гдѣ, какъ лицо подготовленное къ служенію церкви, получилъ отъ обязаннаго ему побѣдою Кіевскаго князя епископскую каѳедру Десятиннаго храма. Завоеваніе Болгарскаго царства Византіей не коснулось независимаго положенія Охридской церкви, но власть императора стала рядомъ съ властью архіепископа, и голосъ благоразумія могъ подсказать Анастасу подумать о своей дальнѣйшей судьбѣ, такъ какъ на великодушное забвеніе его поступка соотечественниками, едва ли теперь упустившими бы случай сосчитаться,—надежды не могло быть никакой. И Анастасъ спѣшитъ покинуть новую свою родину на болѣе надежное пристанище. И въ замѣчаніи Древнѣйшаго свода 1039 г. нельзя не видѣть желаніе бросить въ слѣдъ ускользнувшаго земляка слово обиды и брани: (Болеславъ) „Анастаса пристави Десятиньнаго къ имѣнию, бѣ бо ся ему въвѣрилъ льстию“ [1]).

§ 19*б*. Принятіе Ярославомъ вновь измѣнившихся условій жизни Охридской церкви не могло вызвать въ Кіевѣ общаго сочувствія. Наличность поддержки, какую встрѣтилъ въ Кіевѣ Святополкъ, не раздѣлявшій церковной политики Владиміра, противъ Бориса и не только среди Кіянъ, но и отней дружины, — съ одной стороны; возможность впослѣдствіи встрѣтившаго сочувствіе взгляда, высказаннаго Словомъ о законѣ и благодати, что паденіе Болгарскаго царства дѣлало независимой нашу церковь, — съ другой стороны, показываютъ отсутствіе среди руководящихъ круговъ Кіева безразличнаго отношенія къ поступку Ярослава. Подъ вліяніемъ ли этого настроенія, окружающаго его въ Кіевѣ, или просто окрѣпнувъ

на Кіевскомъ столѣ настолько, чтобы заняться вопросами церковно-политической жизни, Ярославъ начинаетъ рядъ требованій, клонящихся къ существеннымъ измѣненіямъ въ положеніи молодой Кіевской церкви. Правда, мы не въ состояніи возстановить теперь картину этой политики Ярослава и должны довольствоваться косвенными данными. Такъ ясно, что въ числѣ указанныхъ выше требованій Ярослава стояло признаніе Охридскою церковью цѣлаго ряда русскихъ святыхъ.

Совершенно понятна цѣль подобныхъ домогательствъ со стороны Кіевскаго князя. Съ одной стороны, это льстило національному самолюбію молодого народа, съ другой, возвышало новую церковь въ глазахъ церкви-матери, какъ способную къ усвоенію новой вѣры даже въ тѣхъ высокихъ подвигахъ единичнаго порыва, которые увѣнчиваются признательнымъ памятованіемъ всей живущей церкви, и, наконецъ, это питало надежду скораго выхода изъ того младенческаго состоянія, которое съ точки зрѣнія матери-церкви требовало неослабнаго надзора и бдительнаго руководства. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ служитъ намъ лучшею иллюстраціею этихъ домоганій къ признанію за собою роста и возмужалости со стороны русской церкви, упорнаго отказа въ признаніи очевиднаго изъ-за политическихъ интересовъ со стороны церкви-матери, какою сначала короткое время была для насъ церковь Охриды, а потомъ—церковь Новаго Рима. И достаточно вспомнить, какъ ничтожно количество признанныхъ церковью русскихъ святыхъ въ періодъ до-монгольскій и даже до полнаго освобожденія нашей церкви изъ-подъ власти Имперіи и Константинопольскаго патріархата [1]), и какъ трудно было добиваться признанія и этого ничтожнаго количества, чтобы понять, какъ болѣзненно-осторожно относились греки къ домоганіямъ вар-

---

[1]) Васильевъ, В. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Москва. 1892; Голубинскій, Е. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви.

варскихъ народовъ на пути къ признанію автокефальности своей церкви.

§ 19*в*. Послѣ изслѣдованія А. А. Шахматова мы знаемъ о существованіи въ глубокой древности, еще до появленія Древнѣйшаго свода 1039 г., церковныхъ сказаній о св. Ольгѣ и Варягахъ-мученикахъ [1]). Цѣль составленія этихъ сказаній, имѣвшихъ видъ житій, понятна. Это была подготовка къ ожидаемой канонизаціи. Почему составленіе сказаній можно пріурочить къ указанному нами времени княженія Ярослава, объясняютъ слѣдующія наблюденія. По тѣмъ пріемамъ и основаніямъ, какими домогался Ярославъ признанія святыми своихъ братьевъ Бориса и Глѣба, видно, что ему было извѣстно основное, въ числѣ другихъ, требованіе архіепископа Іоанна для канонизаціи — случаевъ чудотворенія. Между тѣмъ указанія на наличность этого требованія въ сказаніяхъ о св. Ольгѣ и Варягахъ-мученикахъ мы не видимъ. Сюда идетъ и то наблюденіе, что только къ этому времени, когда Ярославъ чувствовалъ себя живо связаннымъ съ Новгородскими дружинами и Варягами, ему могла быть желательною канонизація Варяговъ-мучениковъ.

Почему Ярославъ не поднялъ тогда же вопроса о канонизаціи Владиміра, не ясно. Указаній на это желаніе Ярослава у насъ для этого момента нѣтъ, какъ есть указанія на близкое къ этому время. Нельзя думать, что канонизація Владиміра могла затрудняться въ глазахъ Ярослава живою памятью о знаменитыхъ пирахъ его отца или тѣми свѣдѣніями о его жизни и послѣ крещенія, о которыхъ сообщаетъ Титмаръ Мерзебургскій [2]), такъ какъ слишкомъ безспорна была заслуга равноапостольнаго князя. Гораздо вѣроятнѣе представляется думать, что совершенно ясна была въ Кіевѣ невозможность получить согласіе на такую канонизацію со стороны импера-

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ. §§ 74—80 и

тора Василія, живого и едва-ли расположеннаго современника князя Владиміра. Несмотря на независимость Охридской церкви, признанную императоромъ въ 1019 г., такое согласіе политическаго владѣльца этой церкви, какимъ являлся теперь императоръ, здѣсь было, конечно, необходимо.

Выдвиганіе вопроса о канонизаціи св. Ольги и Варяговъ-мучениковъ могло расчитывать на признаніе ихъ со стороны архіепископа и императора. Св. Ольга приняла крещеніе въ Константинополѣ, приняла имя жены тогдашняго Византійскаго императора, никогда не измѣняла лично греческому православію для какой-либо другой церкви и умерла въ исповѣданіи восточной вѣры. Сказаніе о св. Ольгѣ, вѣрнѣе древнѣйшее ея житіе, слѣды котораго находимъ и въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г., и въ Памяти и похвалѣ мниха Іакова, и, наконецъ, въ такъ называемомъ проложномъ ея житіи, но возстановить которое теперь представляется невозможнымъ,— усиленно разрабатывало мотивъ вѣрности Ольги до гроба въ ея принадлежности къ Византійской церкви. Здѣсь говорилось о крестѣ, имѣющемъ на себѣ письмена, принесенномъ св. княгинею на Русь отъ патріарха, о какомъ-то златѣ, посланномъ Ольгою предъ смертью патріарху [1]). Одной принадлежности къ Византійской церкви для канонизаціи было, конечно, недостаточно, почему сказаніе выдвигало праведную жизнь княгини и нетлѣніе ея тѣла по смерти. Однако, согласія на канонизацію св. Ольги не послѣдовало. Вѣроятно, еще слишкомъ жива была въ памяти Византіи исторія „добыванія“ Ольгою церковной іерархіи съ готовностью перейти въ церковь Рима и въ концѣ отказаться отъ введенія христіанства въ своей странѣ. Или это просто было со стороны грековъ нежеланіе идти на признаніе русскихъ святыхъ, здѣсь тѣмъ болѣе легко осуществимое, что сказаніе и дѣйствительность не знали случаевъ чудотворенія отъ тѣла св. Ольги. По даннымъ позднѣйшаго времени—Па-

[1]) Чтеніе въ Ист. Об-вѣ Нестора лѣтоп., т. II, прил., стр. 68.

мяти и похвалѣ мниха Іакова — можно съ увѣренностью говорить, что это послѣднее и было выдвинуто, какъ основаніе отвода предлагаемой канонизаціи.

Вѣроятно, по этому же основанію была отклонена канонизація Варяговъ-мучениковъ (отца и сына), въ сказаніи о которыхъ такъ же, какъ и въ сказаніи о св. Ольгѣ, подчеркивался мотивъ принадлежности ихъ къ христіанству Византійскаго исповѣданія: „Бѣ же Варягъ тъи пришьлъ изъ Грькъ, и дьржаше въ таинѣ вѣру хрьстияньску". Даже мученичество за вѣру Варяговъ, дѣлавшее ихъ право на канонизацію безспорнымъ,—не было принято въ уваженіе.

§ 19г. Изъ всѣхъ лицъ, канонизаціи которыхъ могъ и хотѣлъ добиваться Ярославъ, согласіе архіепископа и императора послѣдовало лишь на канонизацію братьевъ Ярослава—Бориса и Глѣба. Ходъ этой канонизаціи, какъ уже указывалось выше, показываетъ знакомство Ярослава со всѣми требованіями, предъявляемыми архіепископомъ и императоромъ, къ канонизаціи русскихъ святыхъ. Какъ можно заключить изъ записей, веденныхъ при Вышегородской церкви, которыя въ первой редакціи сохранились въ сказаніи о свв. братьяхъ Нестора, событія шли въ слѣдующемъ порядкѣ.

Ярославъ, сѣвъ на Кіевскій столъ, „по оумертвии окаяннаго" (въ 1019 г.), повелѣлъ „изискати тѣло св. Глѣба". Но тѣла не нашли. „По лѣтѣ единомъ" (1020 г.), тѣло Глѣба нашли „ловци", о чемъ донесли „старѣйшинѣ граду". Когда старѣйшина объ этомъ донесъ Ярославу, послѣдній „списа епистолию", чтобы старѣйшина послалъ тѣло Глѣба въ Вышгородъ положить къ тѣлу Бориса въ церковь св. Василія. На мѣстѣ погребенія свв. братьевъ рано стали совершаться чудесныя явленія: то видѣли свѣчи, то столпъ огненный на небѣ. Иноземецъ-варягъ по невѣдѣнію наступилъ на святое мѣсто упокоенія братьевъ, за что былъ наказанъ чудеснымъ опаленіемъ ногъ. Все это вызвало поклоненіе „съ страхомъ" св. мѣсту

старѣйшину донести Ярославу и о чудесахъ, и о пожарѣ. Узнавъ объ этомъ, Ярославъ рѣшилъ добиваться канонизаціи, „повелѣ призвати архиепископа Іоанна", которому разсказалъ о своемъ желаніи. Архіепископъ, узнавъ о чудесахъ, „оужасенъ бысть" и предпринялъ вырытіе тѣлъ изъ могилы. Когда гробы были открыты, всѣ чудились благоуханію отъ нетлѣнныхъ тѣлъ свв. братьевъ. Ихъ гробы поставили въ „клѣтку". Въ этихъ поступкахъ архіепископа Іоанна: вырытіи тѣлъ, открытіи ракъ и положеніи тѣлъ надъ землею—нельзя не видѣть обычнаго освидѣтельствованія мощей предъ канонизаціей. Очевидно, обо всемъ этомъ архіепископъ долженъ былъ донести императору,безъ согласія котораго онъ не могъ приступить къ канонизаціи. Повидимому, вопросъ затянулся. А въ это время начались новыя чудеса: отрокъ старѣйшины града получилъ исцѣленіе сухой ноги. Пока старѣйшина колебался, извѣщать ли объ этомъ чудѣ Ярослава, случилось новое чудо: прозрѣлъ слѣпой. Это заставило старѣйшину поспѣшить съ докладомъ. Архіепископъ, извѣщенный Ярославомъ, опять „оужасенъ бысть" и предложилъ князю построить церковь во имя свв. братьевъ и установить день ежегоднаго имъ празднованія. Другими словами, настойчивость Ярослава, новые случаи чудотворенія—сломили упорство императора, и соглашеніе на канонизацію послѣдовало.

24 іюля былъ освященъ храмъ во имя свв. братьевъ въ Вышгородѣ на мѣстѣ сгорѣвшей церкви св. Василія, и архіепископъ съ княземъ установили день этотъ праздникомъ „на всяко лѣто, якоже и нынѣ совершается". Во время литургіи во вновь освященной церкви случилось новое чудо: исцѣленіе хромого. Если предположить, что событіе этой канонизаціи было пріурочено къ воскресенью, какъ перенесеніе мощей 1072 и 1115 г.г., то 24 іюля было воскреснымъ днемъ или въ 1020 г. или въ 1026 г. [1]). Изъ описанія хода канони-

зации видно, что, послѣ того какъ тѣло св. Глѣба было найдено въ 1020 г., разрѣшеніе вопроса о канонизаціи не могло успѣть къ этому же году; слѣдовательно, канонизація была совершена въ 1026 г.

Конечно, мученическая смерть свв. братьевъ отъ руки Святополка, готоваго принять іерархію Западной церкви, нетлѣніе ихъ тѣлъ, наконецъ, случаи чудотворенія у гробовъ мучениковъ,—все это были основанія достаточныя для канонизаціи. Но, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, основанія эти были достаточными только съ точки зрѣнія русскихъ, и были совершенно необязательны для грековъ. Исторія канонизаціи св. Ѳеодосія, игумена Печерскаго, подтвердитъ намъ это наблюденіе. Слѣдовательно, нужно искать еще внѣцерковныхъ основаній,—сломившихъ императора на канонизацію. Если послѣдняя была въ 1026 г., то тутъ могла имѣть главное значеніе перемѣна, происшедшая на императорскомъ тронѣ Византіи. Затѣмъ, требованіе Ярослава этой канонизаціи, послѣ отклоненія предыдущихъ, могло быть выставлено съ такою настойчивостью, что принудило къ согласію. Наконецъ, согласіе могло быть дано и въ тѣхъ видахъ, что Борисъ и Глѣбъ были полу-ромеями по крови, племянниками императора. Что сказанія о свв. братьяхъ не говорятъ о нихъ именно этого, т.-е. не называютъ свв. братьевъ дѣтьми отъ брака Владиміра съ царевной Анною, то объясненіе этого нужно искать въ томъ, что Ярославъ самъ не былъ царственной крови, какъ не былъ и сыномъ отъ христіанскаго брака; что этого же не сообщаетъ о Борисѣ и Глѣбѣ митрополичій сводъ 1039 г., написанный гречествующею рукою, то это понятно, какъ нежеланіе ромеевъ сообщать подробности о бракѣ своей царевны, мужъ которой ушелъ изъ церкви Новаго Рима, а потомство которой было крещено іерархіей тогда враждебной Византіи Охридской церкви, получивъ имена ненавистныхъ для сердца грека государей, пытавшихся возстановить Болгарское царство, т.-е. боровшихся про-

Что завоеваніе Болгарскаго царства императоромъ Василіемъ, несмотря на признаніе послѣднимъ независимости церкви покореннаго царства, ставило теперь архіепископа Охриды подъ вліяніе и власть новаго политическаго владѣльца земель всего архіепископата, т.-е. что независимость Охридской церкви понималась, конечно, какъ независимость церковная отъ патріарха,—видно изъ того обстоятельства, что канонизація Бориса и Глѣба была принята церковью Византійской имперіи, хотя и возбуждала нѣкоторое недовѣріе ромеевъ, а имена свв. братьевъ внесены были не только въ святцы русской церкви. Въ сказаніяхъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ читаемъ: „Не нашему языку токмо подано бысть Богомъ, нъ всей земли спасение. Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще туне почерплютъ исцѣление“ [1]). „И пришлеци мнози прихожаху отъ инѣхъ странъ. И ови вѣроваху си слышаще, а друзии не вѣроваху, акы лжю мняху“ [2]). Это подтверждается существованіемъ армянскаго пролога о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, несомнѣнно, переводномъ съ греческаго [3]), и указаніемъ архіепископа Антонія Новгородскаго на „велику икону“ свв. Бориса и Глѣба въ Константинопольской св. Софіи и на церковь свв. мучениковъ Бориса и Глѣба въ городѣ Испигасѣ („въ томъ градѣ явишася святіи и исцѣленія многа бываютъ отъ нихъ“) [4]), видѣнныя имъ въ 1200 г. Правда, на основаніи этихъ данныхъ нельзя сказать съ увѣренностью, было ли это признаніе нашихъ первыхъ русскихъ святыхъ церковью Византіи одновременно съ внесеніемъ именъ ихъ въ святцы русской церкви, или это два момента, раздѣльныхъ едва-ли не столѣтіемъ [5]); но не-

---

[1]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 67.

[2]) Ibidem, стр. 71.

[3]) Бенешевичъ, В. Н. Армянскій прологъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. (Извѣстія отд. русск. языка и словесн. 1909 г., I, 201—236 стр.).

[4]) Путешествіе Новг. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII в. съ пред. и прим. И. Саввантова. Спб. 1872, стр. 79 и 159.

[5]) Бенешевичъ, В. Н. Армянскій прологъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ.

возможность пріуроченія признанія свв. Бориса и Глѣба Византіей къ другому времени ио тсутствіе поводовъ къ этому позднѣе—даютъ право думать объ одновременности этого признанія съ канонизаціей на Руси.

Признаніе Бориса и Глѣба святыми со стороны Охридскаго архіепископа,—съ разрѣшенія императора,—было дѣломъ для Византіи не столько церковнымъ, сколько дипломатическимъ, смягчавшимъ переходъ русской церкви подъ политическую власть императора, при сохраненіи церковной власти Охридскаго архіепископа. Но это не мѣшало русской церкви шумно и торжественно окружить это событіе рядомъ празднествъ, свидѣтельствующихъ о восхищеніи Кіевскаго общества передъ этимъ фактомъ первостепенной важности, подымавшимъ національное чувство и долженствующимъ вызвать теперь у матери-церкви и у ея политическаго владѣльца иное отношеніе къ молодому народу и молодой русской церкви. Вышгородъ, мѣсто почиванія свв. мощей Бориса и Глѣба, занимаетъ теперь особое мѣсто въ сердцѣ каждаго сына русской церкви, а цѣлыя поколѣнія князей окружаютъ этотъ „русскій" праздникъ рядомъ проявленій своей любви и преданности памяти свв. братьевъ.

Такъ радостно и торжественно, полная надеждъ на лучшее будущее, вступала русская церковь вмѣстѣ съ матерью ея—церковью Охриды, ставшею теперь греческимъ катепанатомъ, въ политическое обладаніе Византіи.

§ 20. Когда Ярославъ, побѣдитель Святополка, овладѣлъ Кіевскимъ столомъ, не все наслѣдіе св. Владиміра находилось въ его рукахъ. Особнякомъ лежало Полоцкое княжество Брячислава Изяславича, во Псковѣ сидѣлъ Судиславъ Владиміровичъ, въ Тмуторокани—храбрый Мстиславъ. Сейчасъ же начались которы: въ 1021 г. Брячиславъ дѣлаетъ неудачную попытку овладѣть Новгородомъ, въ 1024—26 гг. происходитъ единоборство Ярослава съ Мстиславомъ на югѣ, кончившееся соглашеніемъ братьевъ и раздѣломъ ихъ политическихъ вла-

всѣхъ этихъ княжескихъ распряхъ и соглашеніяхъ рѣшался вопросъ о церковномъ устроеніи Руси. Кажется, что и послѣ этой борьбы все осталось по-старому. Возможно, что Брячислава манилъ Новгородъ, какъ возможность полученія здѣсь и собственнаго епископа, но предпріятіе это, какъ и дальнѣйшія подобныя попытки Полоцкихъ владѣльцевъ, не имѣло успѣха, и Полоцкъ до начала XII в. оставался безъ каѳедры. Построеніе Мстиславомъ въ Тмуторокани церкви св. Богородицы въ 1022 г. скорѣе нужно считать „обѣтнымъ", какъ построеніе, напримѣръ, св. Владиміромъ церкви Преображенія въ Василевѣ.

Такимъ образомъ, іерархія русской церкви во времена Охридскаго архіепископата представляется изслѣдователю въ томъ же видѣ, что и во времена Охридскаго патріархата. Епископы были немногочисленны: въ Кіевѣ—главная изъ каѳедръ, завѣдующая всею десятиною; ближайшая къ Кіеву епархія Бѣлогородская, не имѣвшая, вѣроятно, особаго выдѣла десятины для своего содержанія, а получавшая средства изъ общей десятины архіепископа; особая епископская каѳедра въ далекомъ Новгородѣ [1]).

§ 21. Необходимо заключительное замѣчаніе. Когда императоръ Василій Болгаробойца покорилъ Болгарское царство, онъ, какъ уже не разъ упоминалось выше, предоставилъ имъ утвержденному архіепископу Охриды Іоанну право возвратить себѣ все, чѣмъ владѣла Доростольская каѳедра во время царя Петра, преемницею которой онъ объявилъ каѳедру Охриды. Съ этою цѣлью императоромъ было издано на имя архіепископа нѣсколько хрисовуловъ, изъ коихъ три приводятся въ хрисовулѣ императора Михаила Палеолога, данномъ также болгарскому архіепископу въ 1272 г. [2]). Не можетъ возбу-

[1]) Относительно извѣстій объ устроеніи Ростовской каѳедры, приписывающихъ ея происхожденіе ко времени едва-ли не св. Владиміра, будетъ рѣчь ниже. Ростовская каѳедра возникла не ранѣе второй половины XII вѣка.

[2]) Хрисовулы эти изданы: въ небольшомъ отрывкѣ въ Σύνταγμα

ждать недоумѣнія тотъ фактъ, что среди перечисленныхъ здѣсь епархій мы не находимъ названій епархій русской церкви, входившихъ въ вѣдѣніе Охридскаго архіепископа. Неизвѣстно, конечно, говорилось ли о нихъ въ подлинныхъ хрисовулахъ XI в., но въ передачѣ ихъ XIII в. странно ожидать упоминанія о томъ, что и для XI в., очень скоро послѣ изданія хрисовуловъ императора Василія, стало прошлымъ.

очеркъ исторіи правосл. церквей Болгар., Серб. и Рум., стр. 258 и сл.; наконецъ, въ сводномъ текстѣ H. Gelzer'омъ (Bysant. Zeitschrift, II;

Глава II.

§ 22. Признаніе Ярославомъ совершившагося завоеванія Византіей Болгарскаго царства и, въ связи съ этимъ, измѣненія положенія Охридской церкви, сохранившей независимость отъ Константинопольскаго патріарха, но въ политическомъ отношеніи ставшей подъ власть императора, утвердившаго главу этой церкви лишь въ санѣ архіепископа и отвергнувшаго за нимъ санъ патріарха,—не прошло совершенно покорно за все время княженія Ярослава. Такъ мы уже видѣли домоганія съ его стороны признанія архіепископомъ и императоромъ цѣлаго ряда канонизацій русскихъ святыхъ, изъ котораго канонизаціи Бориса и Глѣба ему удалось достигнуть. Есть основанія думать, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ настойчивѣе становился Ярославъ въ исканіи перемѣнъ въ положеніи русской церкви въ смыслѣ ея возвышенія въ глазахъ Византіи, что̀ и привело къ тому, что когда случилась, вѣроятно, уже ожидаемая смерть архіепископа Іоанна въ 1037 г., русская церковь была изъята изъ-подъ вѣдѣнія Охридскаго архіепископа и, какъ новая митрополія, вошла въ составъ Константинопольскаго патріархата. Лѣтопись точно помнитъ годъ установленія у насъ митрополіи, отмѣченный какъ годъ заложенія св. Софіи въ Кіевѣ, „митрополіи“, уже въ 1039 г. освященной первымъ русскимъ митрополитомъ Ѳеопемптомъ.

§ 23. Настойчивость Ярослава въ исканіи перемѣны въ

мому даже не безъ угрозъ перевести дѣло въ военное столкновеніе, какъ объ этомъ даетъ знать М. Пселлъ, — позволяетъ думать, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ предпріятіяхъ 1026—1036 гг., Ярославъ дѣйствовалъ по соглашенію съ сильнѣйшимъ политическимъ совладѣльцемъ Руси, братомъ своимъ Мстиславомъ. Извѣстіе въ лѣтописи о смерти и погребеніи Мстислава въ 1036 г. неожиданно даетъ намъ цѣнный фактъ для сужденія объ участіи Мстислава въ переговорахъ Ярослава о церковномъ переустройствѣ Руси. „Въ лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умьре; и положиша и у цьркъви св. Съпаса, юже бѣ самъ заложилъ: бѣ бо възъдано ея при немъ възвыше, яко на кони стоящю досящи... По семь же прея власть его вьсю Ярославъ, и бысть единовластьць Русьстѣ земли“ [1]). Нельзя не понять этого извѣстія о построеніи св. Спаса, какъ приготовленія Мстислава къ установленію въ Черниговѣ—его стольномъ городѣ—епископской каѳедры, на что ясно указываютъ и размѣры новаго храма. Возможно думать, что, пользуясь ожидаемой перемѣною на Руси церковнаго устройства, которая и послѣдовала въ 1037 г. по смерти архіепископа Охридскаго Іоанна, около четверти вѣка стоявшаго во главѣ Охридской церкви, Мстиславъ требуетъ себѣ отдѣльной епископіи,—фактъ, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, обычный для междукняжескихъ отношеній Кіевской Руси, какъ попытка князей почувствовать себя и въ церковномъ отношеніи независимыми отъ Кіева. Это требованіе Мстислава могло быть тѣснымъ образомъ связано съ необходимостью созданія на Руси новаго епископскаго трона, такъ какъ водвореніе въ Кіевѣ митрополита вело, конечно, къ устраненію оттуда же епископа, который, имѣя резиденцію въ Десятинной церкви, завѣдывалъ, какъ мы видѣли выше, сборомъ десятины архіепископа со всей русской паствы и въ пріѣзды на Русь сначала патріарха, потомъ архіепископа

Охриды составлялъ съ епископомъ Бѣлгородскимъ необходимый для церковныхъ дѣйствій соборъ трехъ епископовъ. Созданіе епископской каѳедры въ Черниговѣ у Мстислава не должно ли было удовлетворить открывавшуюся съ предполагаемымъ устроеніемъ въ Кіевѣ митрополіи потребность третьей епископской каѳедры на Руси (послѣ Новгородской и Бѣлгородской)?

§ 24. Ко времени Ярослава относятъ созданіе каѳедры Юрьевской. Правда, какъ и для созданія Владиміромъ Бѣлгородской каѳедры,—опорой этого предположенія является лишь невозможность пріурочить открытіе ея для другого времени, однако, принятіе созданія Юрьевской каѳедры для времени Ярослава—съ одной стороны, неутвержденіе за смертью Мстислава предполагавшейся было въ Черниговѣ епископской каѳедры—съ другой, въ сопоставленіи должны имѣть значеніе. Конечно, мы не можемъ сказать, было ли предположеніе объ основаніи Юрьевской каѳедры одновременно съ построеніемъ Черниговскаго св. Спаса Мстиславомъ, что̀ вело бы къ заключенію о томъ, что, ожидая водворенія въ Кіевѣ митрополіи, Ярославъ желалъ имѣть все высшее церковное управленіе изъ своихъ епископовъ (митрополитъ и епископы Бѣлгородскій и Юрьевскій, какъ постоянный соборъ, и епископъ Новгородскій въ случаѣ вдовства одной изъ двухъ сейчасъ названныхъ епископскихъ каѳедръ); или же мысль объ устроеніи Юрьевской каѳедры у Ярослава и новаго митрополита возникла послѣ смерти Мстислава, какъ болѣе простое и выгодное рѣшеніе вопроса о третьемъ ближнемъ епископѣ, какъ въ смыслѣ разстоянія, вдвое кратчайшаго противъ Чернигова, такъ и въ смыслѣ вопроса о десятинѣ, такъ какъ совершенно естественно думать, что Юрьевская каѳедра, какъ и каѳедра Бѣлгородская, существовала на извѣстную долю общей для всей русской земли десятины, шедшей, какъ ранѣе патріарху и архі-

§ 25. Согласованность дѣйствій Ярослава со Мстиславомъ за все десятилѣтіе 1026—1036 гг., какъ и переходъ земель Мстислава послѣ его смерти Ярославу—даютъ право думать, что при водвореніи въ Кіевѣ предполагавшейся нѣсколько ранѣе 1037 г. митрополіи смерть Мстислава не сыграла значительной роли. Неясна причина расправы въ 1036 г. Ярослава со своимъ братомъ Судиславомъ, который—по словамъ лѣтописи [1])—„оклеветанъ бѣ къ нему“, и заключенія Судислава въ „порубъ“, но съ установленіемъ Кіевской митрополіи это могло быть простымъ хронологическимъ совпаденіемъ. Конечно, было большимъ удобствомъ для Ярослава, что въ дѣлѣ установленія своихъ отношеній къ новому главѣ русской церкви Ярославъ являлся почти единымъ хозяиномъ Руси противъ единаго новаго главы Кіевской церкви. Во всякомъ случаѣ, если особо жила Полоцкая земля, о всѣ церковные центры — Кіевъ, Бѣлгородъ, Юрьевъ и Новгородъ — были въ политическомъ обладаніи Ярослава.

Домоганія Ярослава въ измѣненіи положенія молодой русской церкви привели, какъ видимъ, къ установленію въ Кіевѣ митрополіи Константинопольскаго патріарха. Какъ смотрѣлъ Ярославъ на эту церковную реформу? Съ тѣхъ поръ, какъ Охридскій патріархатъ превратился въ Охридское архіепископство, а Болгарское царство—въ катепанатъ Византійскаго императора, русская церковь, а съ нею и Кіевская Русь вошли въ вѣдѣніе императора. Правда, признаніе независимости Охридскаго архіепископа отъ Константинопольскаго патріархата дѣлало независимой и русскія епархіи Охриды отъ вселенскаго главы церкви, но это обстоятельство едва-ли могло быть цѣннымъ для Ярослава, разъ императорская власть уже достигала Руси. Не дорожа, слѣдовательно, пребываніемъ подъ властью Охридскаго архіепископа, Ярославъ, видимо, желалъ имѣть свою церковь съ особымъ предстоятелемъ ея. И установленіе

въ Кіевѣ митрополіи въ этомъ смыслѣ было немалымъ шагомъ впередъ. Правда, теперь надъ русскою митрополіею становилась власть и Константинопольскаго патріарха, и Византійскаго императора, но вопросъ о предѣлахъ этой власти всегда былъ дѣломъ международныхъ положеній, и при благопріятной конъюнктурѣ могъ обернуться къ признанію впослѣдствіи и полной независимости русской церкви отъ Имперіи.

Естественно, что въ Византіи на эту церковную реформу Кіевской Руси смотрѣли другими глазами. Зависимость русской церкви отъ Охридскаго архіепископа, хотя и подъ вліяніемъ императора,—во многомъ стѣсняла грековъ въ смыслѣ прочнаго пріобщенія сѣверныхъ варваровъ въ кругъ народовъ, подвластныхъ Новому Риму и долженствующихъ впитать въ себя ромейскую культуру съ ея языкомъ, идеей вселенской Имперіи и проч., какъ стѣсняла и ихъ желаніе установленія такого же отношенія къ церкви Охриды, все еще полунезависимой и препятствующей проникновенію въ болгарскій катепанатъ той же культуры Византійской имперіи. Перечисленіе русской церкви изъ-подъ церковной власти Охридскаго архіепископа подъ прямую руку Византійскаго патріарха и императора открывало Византійскому искусству широкіе горизонты порабощенія и огреченія Кіевской митрополіи въ будущемъ, прекращенія независимости Охридской церкви отъ Константинопольскаго патріарха и стѣсненіе внутренняго самоуправленія болгарскаго катепаната—въ настоящемъ [1]). Правда, для этого нужно было устроить митрополію въ Кіевѣ, но въ этой новой митрополіи глава ея будетъ избираться не соборомъ епископовъ митрополіи, а императоромъ изъ угодныхъ ему ромеевъ, т.-е. русская митрополія станетъ надежнымъ центромъ огреченія русскихъ варваровъ, какъ и Охридскій архіепископскій тронъ съ 1037 г., замѣщаясь по выбору императора, становится центромъ огреченія болгаръ.

Искусные переговоры скрывали, конечно, эту точку зрѣнія Византійскихъ политиковъ отъ Ярослава, и послѣдній могъ предаваться богатымъ надеждамъ на будущее: „Въ лѣто 6545. Заложи Ярославъ градъ великыи, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь св. София, митрополию; и по семь цркъвь на Златыхъ воротѣхъ св. Богородица Благовѣщение, по семь св. Георгия манастырь и св. Ирины“ [1]). Но непримиримая разница воззрѣній Византіи и Кіева на совершившуюся церковную реформу на Руси, несмотря на все искусство греческой дипломатіи, должна была вести къ скорому и рѣзкому конфликту.

§ 26*а*. Какъ же повелъ дѣло управленія новой митрополіи нашъ первый митрополитъ грекъ Ѳеопемптъ?

Для сужденія объ этомъ предъ нами достаточный матеріалъ. На первое мѣсто здѣсь ставимъ, конечно, такъ называемый Древнѣйшій сводъ 1039 г. Нельзя не согласиться съ указаніемъ А. А. Шахматова на связь составленія этого свода 1039 г. съ устроеніемъ храма св. Софіи и установленіемъ въ Кіевѣ митрополіи [2]). Первый русскій митрополитъ, вступивъ въ управленіе новой митрополіи Цареградскаго патріархата, задался цѣлью составить лѣтописецъ, гдѣ изложить возникновеніе Кіевской державы и исторію установленія своей митрополіи. Сводъ этотъ, возстановленный А. А. Шахматовымъ, и можетъ послужить намъ для отвѣта на многіе вопросы церковно-политической жизни Кіевской Руси.

Мы уже знаемъ изъ предыдущей главы (§ 9*а* и § 9*в*), какъ излагалъ митрополичій сводъ 1039 г. церковныя событія Кіевской земли. Всѣ событія 987—989 гг., приведшія Владиміра къ крещенію, обходились, не безъ искусства прикрытыя красивою, но безсодержательною болгарскою легендою, по которой Владиміръ, убѣжденный грекомъ-философомъ, принималъ христіанство, какъ слѣдствіе убѣдительнаго краснорѣчія грека-

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 582.

проповѣдника и какъ актъ духовной прозорливости князя-язычника. Безъ всякой связи съ принятіемъ новой вѣры стоялъ въ сводѣ 1039 г. походъ Владиміра на Корсунь „на третіее же лѣто по крьщении", результатомъ чего былъ бракъ Владиміра на греческой царевнѣ Аннѣ. Затѣмъ упоминалось о заложеніи и построеніи Десятинной церкви и о дарованіи княземъ десятины со всей русской земли. Въ связи со взятіемъ Корсуня и установленіемъ десятины выводилась фигура предателя-грека Анастаса (вѣдь только его измѣною, а не силой и искусствомъ князя Владиміра былъ взятъ Корсунь), но, кажется, не назывался духовный санъ Анастаса (епископъ). Мимоходомъ упоминалось въ сводѣ 1039 г. объ епископахъ, съ которыми Владиміръ совѣщается о „разбойницахъ". Неожиданно для читателя, оторвано отъ предыдущаго, подъ 1037 г. сообщалось объ устройствѣ митрополіи Кіевской Ярославомъ. „И... нача вѣра хрьстияньска плодитися и расширяти, и чьрноризьци почаша мъножитися, и манастыреве починаху быти". Въ заключеніе, Сводъ говорилъ о любви Ярослава къ церковнымъ „уставамъ", попамъ и черноризцамъ, объ устроеніи перевода книгъ съ греческаго языка „на Словѣньское письмо" и библіотеки при св. Софіи, объ устроеніи новыхъ церквей „по градомъ и по мѣстомъ", о назначеніи къ нимъ духовенства и о содержаніи этого духовенства. „И умъножишася презвутери и людие хрьстияньстии. И радовашеся Ярославъ зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрьстияньскыми" [1]).

Такое изложеніе предыдущей исторіи Кіевской церкви достаточно характерно для сужденія о тѣхъ взглядахъ, съ которыми приступилъ первый митрополитъ къ дѣламъ своей церкви. Не прямою дорогою пришли мы подъ власть Константинополя, и митрополитъ Ѳеопемптъ считалъ съ чисто греческой точки зрѣнія всю дорогу эту недостойною для изложенія въ лѣтописцѣ, какъ противорѣчивую и оскорбительную обыч-

нымъ взглядамъ византійцевъ на міровую роль Имперіи и ея церкви. Порицательно отозваться объ этомъ митрополитъ не могъ, такъ какъ едва-ли такъ смотрѣли на все это прошлое правящіе круги Кіева, еще отчетливо помнящіе весь ходъ событій. Оставалась форма умолчанія,—къ ней и прибѣгъ сводъ 1039 г. Болгарская легенда, возвеличивая роль Владиміра въ дѣлѣ принятія христіанства до признанія за нимъ убѣжденности въ новой вѣрѣ благодаря краснорѣчію греческаго миссіонера,—закрывала отъ читателя всѣ критическія для Византіи подробности исторіи военныхъ возстаній и дѣлъ 987—989 гг., а разрозненныя свѣдѣнія о Владиміровомъ княженіи (Корсунскій походъ и женитьба Владиміра, построеніе Десятинной церкви, совѣщаніе съ епископами) не давали ни общаго положенія новой церкви въ Кіевѣ за это время, ни картины ея іерархическаго устройства. Разрозненность эта имѣла и ту цѣль, чтобы показать, что настоящая церковь и христіанство ведетъ начало только съ устроеніемъ греческой митрополіи: „и при семь нача вѣра хьрстияньска полодитися и расширяти". Если только со времени Θеопемпта началось у насъ истинное христіанство и церковное устройство, то не можетъ возбудить сомнѣнія вопросъ, какъ отнесся нашъ первый митрополитъ къ вопросу о канонизаціи тѣхъ русскихъ святыхъ, которые не получили оффиціальнаго признанія за предыдущее время. Древнѣйшій сводъ 1039 г. воспользовался тѣми житіями, которыя уже были заготовлены въ Кіевѣ, какъ литературнымъ матеріаломъ, чѣмъ отдалъ долгъ уваженія памяти этихъ лицъ, но совершенно твердо оставилъ вопросъ въ прежнемъ положеніи.

§ 26б. Итакъ, къ прошлому нашей церковной исторіи Древнѣйшій сводъ 1039 г. отнесся отрицательно, начиная ее только съ установленія надъ русскою церковью греческой руки патріарха. Иной точки зрѣнія, конечно, нельзя было ждать отъ ромеевъ. Но эта брезгливая отрицательность новой іерархіи

простыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Она переходила въ рукахъ митрополита-грека едва-ли не къ гоненію всего того, что прямо связано было съ эпохою Охридскаго патріаршества, потомъ архіепископства, не признаваемыхъ, конечно, греками за дѣйствительно-независимыя церкви, когда прошла пора необходимости такого признанія, какъ временной уступки.

Обращаемъ вниманіе прежде всего на построеніе св. Софіи Кіевской, „митрополіи". Въ предыдущемъ изложеніи намъ уже приходилось опредѣлять роль Десятинной церкви въ устройствѣ Кіевской церковной іерархіи. Это былъ нашъ каѳедральный соборъ — мѣсто пребыванія Кіевскаго епископа и резиденція въ случаѣ пріѣздовъ патріарха Охриды, какъ потомъ— архіепископа, центръ управленія съ завѣдываніемъ сбора церковной десятины. По своимъ размѣрамъ и богатству церковь эта была достойна своего назначенія. Почему же митрополиту Ѳеопемпту потребовалось созданіе для себя новаго храма, новой резиденціи? Это обстоятельство становится понятнымъ въ связи съ общимъ отношеніемъ новой церковной власти къ прошлому Кіевской церкви. Не считая теперь,—послѣ уничтоженія независимости Охридскаго архіепископата, съ назначеніемъ туда въ 1037 г. грека Льва, — совершенно открыто іерархію Охридской церкви, какъ и всякой другой не-греческой, — законною, грекъ-митрополитъ старался во всемъ отстраниться отъ учрежденій той поры. Десятинная церковь становится въ тѣнь, въ опалу, играя роль мѣста погребенія членовъ княжескаго дома и, въ дальнѣйшемъ, именно тѣхъ изъ нихъ, кого по особымъ соображеніямъ не удостаивалъ погребенія грекъ-митрополитъ у себя, въ св. Софіи. Тамъ, въ Десятинной церкви лежалъ Владиміръ и Анна, признавшіе Охридскую благодать вмѣсто единой истинной благодати Новаго Рима, тамъ будутъ положены тѣ князья, кто изъ нихъ боролся противъ этой истинной благодати и формъ ея изліянія на Русскую землю или недостаточно послужилъ тому. Воз-

минанія въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г. и еще болѣе была принижена по устроеніи св. Софіи Кіевской, если бы не грамота о десятинѣ, данная Владиміромъ и оставшаяся въ силѣ и теперь, съ устроеніемъ митрополіи. Необходимость упоминанія объ обстоятельствахъ ея дарованія заставила митрополичій сводъ 1039 г. разсказать и о построеніи Десятинной церкви, гдѣ, вѣроятно, продолжала храниться эта немаловажная подробность митрополичьяго управленія Русью.

Сводъ 1039 г. указывалъ на новую митрополію, какъ на эпоху начала всего истинно-христіанскаго и церковнаго: „и умъножишася презвутери и людие хрьстияньстии“ или: „нача вѣра хрьстіяньска полодитися и расширяти, и чьрноризци почаша мъножитися, и манастыреве починаху быти“. Но послѣднее утвержденіе прямо не вѣрно. Авторъ Слова о законѣ и благодати, знавшій митрополій сводъ 1039 г. [1]) и, слѣдовательно, сознательно противорѣчащій ему, рисуетъ иную картину христіанства и церковнаго устройства при Владимірѣ. Намъ еще придется остановиться на разборѣ этого памятника эпохи Ярослава Владиміровича, сейчасъ же достаточно указать, что авторъ его подчеркнуто говоритъ о томъ, что „въ едино время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и съ св. Духомъ“, такъ-что „вѣрѣ хрьстияньской“ и послѣ Владиміра нечего было „плодитися и расширяти“, потому что „не бысть ни единого же противящася благочестному его (Владиміра) повелѣнію, да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещаахуся“. Церкви, епископы, попы и діаконы — все это, по Слову, появилось еще со времени св. Владиміра, какъ и монастыри „на горахъ“: „и пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ сташа предъ св. алтаремъ, епископы и прозвитеры и діакони бескверную жертву възносяще, и весь клиросъ украсиша в лѣпоту и одѣша св. церкви; апостольскаа труба и евангельскыи громъ вся грады огласи, теміанъ Богу въспу-

ящаемъ въздухъ освяти, монастыреве на горахъ сташа, мужи и жены, малiи и велiи, вси людiе исплънше св. церкви“ [1]), такъ что нельзя представлять дѣла такъ, что только послѣ водворенiя на Руси греческой митрополiи Ярославъ „и иныцьркъви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣния своего урокъ, веля имъ учить люди и приходити часто къ цьркъвамъ“ или что только теперь „чьрноризьци почаша мъножитися, и манастыреве починаху быти“.

Не сомнѣваемся, что въ этой иной картинѣ успѣховъ христiанства при Владимiрѣ, какую рисуетъ Слово о законѣ и благодати противъ Древнѣйшаго свода 1039 г., можно усмотрѣть преувеличенiе, но нельзя допустить завѣдомой неправды. Беремъ изъ всего этого вопросъ о монастыряхъ. По своду 1039 г. монастыри начались въ Кiевѣ по устроенiи митрополiи 1037 г.; Слово о законѣ и благодати ведетъ ихъ начало отъ времени Владимiра. Совершенно понятна точка зрѣнiя свода 1039 г. Отрицая все въ прошлой исторiи нашей церкви до 1037 г., онъ и монастыри эпохи Охридскаго перiода исторiи русской церкви не считалъ за настоящiе монастыри истиннаго православiя. Такiе монастыри могъ насадить греческою благодатью только представитель церкви Новаго Рима.

§ 26*в*. Если все это справедливо, то по этимъ даннымъ легко дорисовывается общая картина дѣятельности новой iерархiи Кiевской Руси. Независимость Охридскаго архiепископата отъ Константинопольской патрiархiи не дѣлала большой разницы въ порядкахъ и устроенiи русской церкви послѣ времени Охридскаго патрiархата, служа до извѣстной степени сдерживающимъ центромъ м. б. и тогда уже готовящихся поползновенiй императорской власти. Теперь, когда русская церковь вышла изъ-подъ руки Охридскаго архiепископа подъ руку патрiарха Византiи, какъ его митрополiя, для русской церкви,

какъ и для церкви Охриды открылся періодъ ликвидаціи всего прошлаго и установленія тѣхъ порядковъ и учрежденій, какіе насаждались усмотрѣніемъ вселенскаго императора и патріарха. На Руси учрежденія и дѣятели предыдущаго времени подвергаются угнетенію: не признаются и, вѣроятно, преслѣдуются монастыри Охридской поры, уходитъ въ тѣнь Десятинная церковь, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей—епископъ Анастасъ, счастливо ушедшій до установленія греческой митрополіи въ Польшу, выставляется продажнымъ и позорнымъ человѣкомъ. Все это должно намъ дать ключъ къ пониманію дальнѣйшихъ событій.

§ 27*а*. Какъ извѣстно, въ 1043 г. у Ярослава было размирье съ Византіей [1]). Противорѣчивы извѣстія какъ греческихъ лѣтописцевъ о походѣ Владиміра Ярославича на Константинополь, такъ и объ отношеніяхъ Руси и Византіи до 1043 г. Кедринъ (Скилица) утверждаетъ, что отношенія были добрыя и спокойныя, сношенія — безбоязненны, и купцы ходили туда и оттуда; что война 1043 г. разгорѣлась вслѣдствіе ссоры купцовъ въ Византіи, гдѣ убитъ былъ знатный русскій, и вслѣдствіе горячаго и гнѣвнаго характера Кіевскаго князя Владиміра; наконецъ, что походу предшествовало дипломатическое стараніе императора предотвратить разрывъ, отвергнутое княземъ [2]). Пселлъ сообщаетъ другое: „Дошедши въ своемъ разсказѣ до этого мѣста (нападенія руссовъ на Царьградъ въ 1043 г.), я хочу,—пишетъ онъ,—объяснить причины, вслѣдствіе которыхъ они (русскіе) произвели это морское движеніе и наступленіе, тогда какъ императоръ ни въ чемъ не показалъ себя ихъ противникомъ. Это варварское племя всегда питало яростную и бѣшеную ненависть противъ греческой игемоніи; при каждомъ удобномъ случаѣ изобрѣтая то или

[1]) Куникъ, А. А., статья въ „Каспіи“ Дорна, стр. 47 и сл.; Васильевскій, В. Г. Труды, т. I, Спб. 1908, стр. 303 и сл.; Грушевський, М. Історія України-Руси, Т. II, вид. др., 1905, пр. 3, стр. 559—560.

другое обвиненіе, они создавали изъ него предлогъ для войны съ нами. Когда умеръ наводившій на нихъ страхъ императоръ Василій, когда братъ его Константинъ совершилъ предназначенную ему часть вѣка, и зять его принялъ власть, они тотчасъ возобновили противъ насъ старую вражду и вскорѣ начали готовиться къ будущимъ войнамъ. Но и царствованіе Романа показалось имъ блистательнымъ и славнымъ, а сами они не были въ порядкѣ со своими приготовленіями. Когда же и Романъ, проживъ короткое время, оставилъ царство, и власть досталась какому-то неизвѣстному Михаилу, то они стали вооружать противъ него собственныя силы и, рѣшивъ напасть на насъ съ моря, нарубили вверху лѣсъ, выстроили изъ него малыя и большія лодьи, тайкомъ въ короткое время сдѣлали достаточныя приготовленія и уже готовы были плыть на Михаила большимъ флотомъ. Когда все было у нихъ устроено, и война уже должна была начаться, самъ императоръ предупредилъ ихъ нашествіе, разставшись съ земною жизнью. Умеръ и преемникъ его, едва оставивъ слѣдъ во дворцѣ, а власть перешла Константину. Хотя варвары и не имѣли противъ него никакихъ обвиненій, могущихъ служить предлогомъ для войны, но чтобы ихъ приготовленія не оказались безполезными, они подняли противъ него войну безпричинную. Такова безвинная вина ихъ устремленія противъ самодержца“ [1]).

Близкій ко двору и императорамъ Пселлъ, свидѣтель морской битвы 1043 г., бывшій во время ея при особѣ императора, заслуживаетъ особаго вниманія. Ему были извѣстны всѣ нити Византійской политики, почему необходимо остановиться на его показаніяхъ. Свѣдѣнія Кедрина (Скилицы), впрочемъ, не противорѣчатъ ему, если взять ихъ, какъ описаніе внѣшнихъ событій, безъ знанія внутреннихъ движущихъ причинъ. Отношенія между Русью и Византіей были внѣшнеспокойны, торговля шла не нарушаясь. Но за спокойной внѣш-

ностью кипѣла вражда, готовая ежеминутно прорваться. Наивно звучатъ увѣренія Кедрина, что схватка купцовъ, да горячій нравъ Кіевскаго князя вызвали военную тревогу. Но еще наивнѣе на первый взглядъ слова Пселла, что война русскихъ произошла, „чтобы ихъ приготовленія (къ войнѣ противъ Михаила) не оказались безполезными".

§ 27*б*. Однако, разберемъ свидѣтельство Пселла. Смыслъ его сводится къ тому, что у русскихъ уже давно была „яростная и бѣшеная ненависть противъ греческой игемоніи", готовая перейти въ войну, но ихъ удерживалъ страхъ къ императору Василію, потомъ Роману; при императорѣ Михаилѣ (1034—41) они уже готовятся къ войнѣ, но императоръ умеръ; умеръ скоро и его преемникъ (1041 — 42); вступаетъ на престолъ императоръ Константинъ (1042—54); варвары, ничего не имѣя противъ этого императора, начинаютъ войну. Кажется нетруднымъ перевести этотъ языкъ дипломата въ языкъ исторической дѣйствительности. Прежде всего необходимо отвѣтить, о какой „игемоніи греческой" надъ Русью можетъ идти рѣчь Пселла, свидѣтельствующаго о яростной и бѣшеной ненависти русскихъ къ этой игемоніи? Представляется единственно возможнымъ думать, что рѣчь идетъ о той церковно-іерархической зависимости Руси, въ какую попала послѣдняя вслѣдъ за завоеваніемъ императоромъ Василіемъ Болгарскаго царства вмѣстѣ съ Охридскимъ патріархатомъ. Церковная зависимость русской церкви сначала отъ архіепископа Охриды, главы церкви болгарскаго катепаната Византіи, а потомъ отъ Константинопольскаго патріарха, какъ митрополіи послѣдняго — толковалась греками, какъ зависимость политическая, игемонія, и это объясняетъ достаточно „ярость" и „бѣшенство" русскихъ. Скинуть эту игемонію, добиться отъ Византіи признанія русской церкви — свободной, а державы Кіевской — независимой отъ всякихъ поползновеній императорскихъ теорій вселенскаго царства,—становится мечтою въ Кіевѣ. Мы уже выше гово-

устроенія русской церкви, и здѣсь, въ разсказѣ Пселла, мы находимъ новое подтвержденіе. При императорѣ Василіи Ярославу не удалось добиться чего-либо, такъ какъ и канонизація свв. Бориса и Глѣба, повидимому, относится ко времени императора Константина. Лѣтописецъ-ромей хвастливо объясняетъ эту безрезультатность домоганій Ярослава страхомъ послѣдняго предъ императоромъ. Конечно, Имперія при Василіи Болгаробойцѣ достигла давно неслыханнаго могущества, но на Руси были свои причины для терпѣливаго ожиданія болѣе подходящихъ временъ. Наслѣдство св. Владиміра было раздроблено между сыновьями, шла борьба за единство власти, что̀ заставляло снять съ очереди напряженность постановки вопроса о перемѣнахъ въ церковно-политической зависимости отъ Имперіи. Лишь мирное соглашеніе Ярослава съ братомъ Мстиславомъ въ 1026 г. дало возможность вернуться къ этому вопросу, что̀ сейчасъ же отразилось признаніемъ Имперіей канонизаціи Бориса и Глѣба и, видимо, рядомъ другихъ притязаній братьевъ. По словамъ Пселла военныя приготовленія въ Кіевѣ начались при императорѣ Михаилѣ (1034—1041), что̀ и подтверждаетъ наши предположенія, потому что сообщеніе Пселла о времени императоровъ Константина и Романа нужно отнести къ лирической закругленности изложенія. Военныя приготовленія Кіева времени императора Михаила IV Пафлагонца должны быть поставлены въ связь съ установленіемъ въ Кіевѣ въ 1037 г. митрополіи. Вопросъ этотъ, очевидно, былъ рѣшенъ въ Византіи послѣ недвусмысленныхъ угрозъ Ярослава и Мстислава военными дѣйствіями противъ Имперіи. Можетъ быть именно въ этой связи нужно искать объясненія извѣстію лѣтописи о страшномъ нашествіи Печенѣговъ на Кіевъ („и бѣ Печенѣгъ бес числа“), обычномъ средствѣ Византійской политики къ удержанію сѣверныхъ варваровъ. „Когда все было у нихъ (т.-е. на Руси) устроено, и война должна была начаться, самъ императоръ предупредилъ

Пселлъ. Конечно, не смерть императора остановила разрывъ. Въ 1037 г. „заложи Ярославъ... цркъвь св. София митрополию", т.-е. Имперія пошла на уступки въ вопросѣ готовомъ было перейти въ войну. Мы уже видѣли, что первые шаги грека-митрополита на Руси не принадлежали по своему характеру къ политикѣ мира и любви, а были проникнуты злобою и гоненіями на предыдущее время церковной жизни Кіева. Это не могло не поднять противъ новой формы церковнаго устроенія Кіевской церкви широкіе круги и само правительство Кіева, и этимъ, конечно, нужно объяснить разрывъ 1043 г. и попытку сбросить силой „греческую игемонію". „Такова безвинная вина ихъ (русскихъ) устремленія противъ самодержца", скажемъ словами Пселла. Кедринъ (Скилица) помнитъ о какихъ-то переговорахъ императора съ Кіевскимъ княземъ, оставшихся безъ результата.

Извѣстно, что попытка эта Ярослава въ 1043 г. силою вырвать у грековъ признаніе независимости для русской церкви и державы—окончилась неудачно. „Руссы" потерпѣли жестокое пораженіе. Несомнѣнно, митрополитъ уѣхалъ изъ Кіева ранѣе похода 1043 г., и передъ разбитымъ Кіевскимъ княземъ вновь всталъ вопросъ о церковномъ устроеніи Кіевской державы.

§ 28. Рѣшеніе вопроса подсказали событія со стороны. Въ 1048 г. у Византіи началась тяжелая борьба по Дунайской границѣ съ Печенѣгами, вытѣсненными отъ Днѣпра къ Дунаю Половцами. Лишь небольшой отрядъ Печенѣговъ съ княземъ Кегеномъ во главѣ перешелъ на сторону Византіи, главная же масса ихъ (до 800.000) съ княземъ Тирахомъ открыла военныя дѣйствія [1]). Вѣроятно, надвигающаяся гроза заставила императора искать мира съ русскими на условіяхъ намъ совершенно неясныхъ. „По трьхъ же лѣтѣхъ, миру бывъшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу" [2]). Церковный вопросъ, очевидно, затронутый въ переговорахъ и

[1]) Васильевскій, В. Г. Труды, т. I, стр. 9—12.

какъ-нибудь рѣшенный, не былъ, однако, приведенъ къ осуществленію, м. б. вслѣдствіе краткаго упоенія побѣдой 1048 г. и замиреньемъ Печенѣговъ на службѣ императору, а потомъ вслѣдствіе страшныхъ событій возстанія этихъ новыхъ подданныхъ въ 1049 г., приведшаго къ счастливому для нихъ столкновенію съ войсками императора и къ опустошительнымъ грабежамъ, доходившимъ до стѣнъ Константинополя въ 1050—1052 гг. [1]).

Не этимъ ли стѣсненнымъ положеніемъ Имперіи, вѣроятно, искавшей если не поддержки, то мира со стороны Кіева, рѣшилъ воспользоваться Ярославъ для осуществленія, конечно, не сейчасъ пришедшей ему въ голову мысли объ избраніи митрополита Кіевскаго соборомъ русскихъ епископовъ, не ожидая присылки ставленника императора и патріарха. Неудачи Имперіи въ борьбѣ съ Печенѣгами всегда могли вынудить Византію обратиться за русскою помощью, что̀ повело бы къ признанію церковной реформы Ярослава. Мы увидимъ ниже, что въ Кіевѣ уже раздавался голосъ автора Слова о законѣ и благодати, призывавшій признать русскую церковь достаточно подготовленною для самостоятельнаго устроенія послѣ завоеванія Болгарскаго царства, для жизни новой, внѣ принудительной опеки. На этомъ порѣшилъ и Ярославъ. „В 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ Русина въ святѣй Соѳьи, собравъ епископы“ [2]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ именъ епископовъ, участвовавшихъ въ соборѣ 1051 г. для избранія своего митрополита, за исключеніемъ Новгородскаго Луки Жидяты, поставленнаго Ярославомъ въ 1036 г.

§ 29. Поставленіе въ митрополиты Руси „русина“ Иларіона, какъ и самая личность перваго русскаго митрополита Кіеву не занимаютъ въ лѣтописаніи того мѣста и той доли вниманія, какія, очевидно, давали тому и другому современнаядѣйствительность и какія хотѣла бы здѣсь найти современная исто-

рическая любознательность. Первоначально извѣстіе о поставленіи Иларіона соборомъ русскихъ епископовъ находилось, какъ указалъ А. А. Шахматовъ [1]), въ продолженіи Древнѣйшаго свода 1039 г.—въ Печерскомъ сводѣ 1074 г., гдѣ помѣщалось въ разсказѣ объ основаніи Печерскаго монастыря, позднѣе выдѣленное и отнесенное редакторомъ Начальнаго свода 1095 г. подъ соотвѣтствующій этому извѣстію годъ (6559 г.). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы найдемъ нѣкоторыя данныя, объясняющія это скромное мѣсто, отведенное несомнѣнно крупному событію церковной жизни Кіевской Руси въ Печерскомъ сводѣ 1074 г.

Итакъ, приходится признать, что свѣдѣнія наши о Иларіонѣ и его поставленіи очень скромны. Иларіонъ — „презвутеръ“ церкви свв. Апостоловъ въ любимомъ Ярославомъ Берестовѣ — былъ „мужъ благъ, книженъ и постникъ“. Аскетическое занятіе Иларіона составляла уединенная молитва въ малой двухсаженной печеркѣ, выкопанной имъ самимъ на холмѣ у Днѣпра, „кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый“. Разсказъ, изъ котораго приведены эти краткія свѣдѣнія, сохраненныя намъ лѣтописью объ Иларіонѣ,—интересовался болѣе исторіей печерки, куда поселился, послѣ поставленія Иларіона, преп. Антоній, и откуда выросъ Печерскій монастырь,—чѣмъ вопросомъ, какъ этотъ „презвутеръ“ попалъ на митрополію. Вотъ почему переходъ въ разсказѣ къ этому мѣсту изложенъ безъ всякихъ дополнительныхъ объясненій: „Посемь же Богъ кънязю въложи въ сьрдьце, и постави и митрополитъмъ, въ лѣто 6559, въ святѣй Сооии, събьравъ епископы, а си печерьска тако ста“.

Сохранилось еще „изложеніе вѣры“, подъ которымъ есть подпись: „азъ, милостію человѣколюбиваго Бога мнихъ и прозвитеръ Иларіонъ, изволеніемъ Его, отъ богочестивыхъ Епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицѣмъ градѣ Кыевѣ,

яко быти въ немъ Митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си въ лѣто ѕ҃о҃н҃ѳ (1051), владычествующу благовѣрному Кагану Ярославу сыну Владимирю" [1]).

Сохранилось еще знаменитое въ нашей домонгольской письменности такъ называемое Слово о законѣ и благодати, первымъ же издателемъ приписанное Иларіону [2]). Тщательный пересмотръ всѣхъ доказательствъ въ пользу авторства Иларіона привелъ, однако, И. Н. Жданова къ тому выводу, что „данныя для признанія митр. Иларіона авторомъ Слова и Похвалы не могутъ быть признаны совершенно достаточными. Иларіонъ могъ быть авторомъ Слова, но не доказано, что онъ дѣйствительно имъ былъ" [3]), при предположеніи, что авторъ Слова и Похвалы не тожественъ съ авторомъ заключительной (по Синодальному списку) молитвы за царя и за вся христіаны.

§ 30*а*. Не отрицая послѣдняго, возможно, кажется, болѣе рѣшительно говорить объ авторствѣ Слова и Похвалы Иларіона, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Можно утверждать, что памятникъ этотъ оставался малопонятнымъ по своей основной темѣ, что, вызывая похвалы и удивленіе предъ авторомъ, лишало возможности говорить о моментѣ, цѣли и общемъ смыслѣ произведенія. Только вставъ въ обстановку предшествующихъ событій, изображенныхъ нами въ первой главѣ, можно, какъ кажется, говорить о томъ, что же представляло изъ себя это произведеніе, и какую цѣль преслѣдовалъ его составитель.

Тема Слова изложена въ первыхъ же строкахъ: „Благословенъ Господь... яко не презрѣ твари своея до конца идольскимъ мраченіемъ гыбнути, но оправди прежде племя Авраамле скрижалми и закономъ, послѣдъ же Сыномъ Своимъ вся языки спасе, евангеліемъ и крещеніемъ... о законѣ давѣемъ и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ, повѣсть си

[1]) Прибав. къ Тв. Св. Отц. 1844 (ч. II). Стр. 205—206.
[2]) Ibidem.

есть" [1]). Изложеніе въ дальнѣйшемъ идетъ въ такой формѣ, что приходится прежде всего отказаться отъ мысли, что авторъ имѣетъ цѣлью полемизировать съ іудействомъ, какъ ранѣе думали пр. Филаретъ и проф. Шевыревъ. И. Н. Ждановъ, послѣ разбора предыдущей мысли, подчеркнуто говоритъ о томъ, что „дѣлать какіе бы то ни было опредѣленные выводы изъ того, что въ извѣстномъ произведеніи говорится о Моисеевомъ законѣ или жидовствѣ, тѣмъ труднѣе, что терминъ жидовство или іудейство имѣлъ въ старину очень обширное значеніе и приложеніе... и съ нимъ могло соединяться довольно разнообразное условное пониманіе" [2]). Самъ И. Н. думалъ, что „авторъ нашего Слова, когда говоритъ о Саррѣ и Агари, о Манассіи и Ефремѣ, объ евреяхъ, то имѣетъ только въ виду раскрыть посредствомъ этихъ образовъ свою основную мысль о призваніи язычниковъ: для новаго вина нужны новые мѣхи, для новаго ученія нужны новые народы, къ числу которыхъ принадлежитъ и народъ Русскій" [3]).

Несомнѣнно, нужно признать за И. Н. Ждановымъ, что терминъ іудейство здѣсь не понимается буквально. Все Слово построено на мысли, что прошло то время, когда божественное откровеніе можно было дѣлать ограниченнымъ, несвободнымъ; теперь время новаго — свободнаго пользованія всей землей дѣла божественнаго ученія. Потому и наказаны были іудеи, что стремились замкнуть въ себѣ дѣло закона. Невольно вспоминается идеалъ вселенскаго царства, какой проповѣдывался Вторымъ Римомъ. Но подставить здѣсь подъ понятіе іудейства, т.-е. несвободнаго, а рабскаго надѣленія божественнымъ ученіемъ,—Имперію Второго Рима, совершенно такъ толковавшую связь всякаго варварскаго народа, принимавшаго христіанство отъ руки вселенскаго патріарха, т.-е. переводившую всегда церковную зависимость вновь крещеннаго

[1]) Памятники др.-русск. церк.-учительн. литер. в. I, стр. 59 — 60.
[2]) Сочиненія И. Н. Жданова т. I, 79—80 стр.

народа въ зависимость политическую,—не позволяетъ та картина опредѣленной катастрофы, которую подчеркиваетъ въ исторіи іудейства ораторъ Слова съ одной стороны, и то крайне уважительное отношеніе, какое видимъ въ Похвалѣ къ греческой вѣрѣ—съ другой. Тогда возникаетъ естественное предположеніе, что въ Словѣ лишь косвенно разумѣлся Второй Римъ, а въ полной мѣрѣ Болгарское царство и Охридское патріаршество.

Время зависимости нашей церкви отъ Охридскаго патріархата—это время закона, не благодати, время тѣни, не истины. Завоеваніемъ Болгаріи открылось для нашей церкви время свободы и истины. Болгарія потому и завоевана, что ограничительно толковала пользованіе божественнымъ ученіемъ. Другими словами, передъ нами попытка опредѣлить то историческое значеніе, какое имѣла для Кіевской Руси и церкви гибель независимаго Болгарскаго царства, что̀ во многомъ объясняетъ роль Кіевской державы во время борьбы Болгаріи съ императоромъ Василіемъ. По воззрѣніямъ части русскаго общества, такъ какъ едва-ли мысли автора Слова и Похвалы не находили сочувствующихъ, — время Охридской іерархіи — время тяжелой зависимости русской церкви. Значитъ, переходъ подъ власть Охридскаго патріархата отъ руки Константинопольскаго былъ для Владиміра, какъ вынужденный обстоятельствами, не такъ выгоденъ, какъ то положеніе русской церкви, какое обѣщали греки, добиваясь военной помощи Владиміра императору противъ В. Фоки, хотя, конечно, выгоднѣе того, что̀ предлагала Имперія Владиміру послѣ взятія послѣднимъ Корсуня. Когда завязалась борьба Болгаріи съ Византіей,—у насъ ждали гибели Болгарскаго царства, какъ наказанія ему за угнетеніе церковное, какъ возможность объявленія себя свободными въ церковномъ устройствѣ. Изложенныя выше событія привели насъ, какъ видимъ, подъ власть Имперіи, но это сопровождалось установленіемъ въ Кіевѣ митрополіи, съ которой

тельномъ шагѣ къ истинѣ и благодати, разрушенное поведеніемъ Ѳеопемпта. Послѣдовалъ разрывъ.

§ 30*б*. Мы не знаемъ точно, когда сказано или написано было Слово и Похвала. Во всякомъ случаѣ, уже послѣ установленія митрополіи въ Кіевѣ и послѣ удаленія Ѳеопемпта, что̀ ясно изъ смысла Слова и Похвалы и упоминанія построекъ Ярослава 1037—1039 г.г.; но не позже 1050 г., такъ какъ въ этомъ году скончалась супруга Ярослава, упоминаемая, какъ живая, въ Похвалѣ. Къ сожалѣнію, это обычное хронологическое пріуроченіе Слова не можетъ быть углубленно настолько, чтобы рѣшительно сказать, было ли оно составлено до войны 1043 г. или уже послѣ нея. По нѣкоторой оптимистичности автора произведенія въ оцѣнкѣ Русской земли и ея международнаго положенія и по заключительной въ Похвалѣ молитвѣ къ Владиміру о мирѣ сыну его Ярославу, кажется, до войны 1043 г., т.-е., значитъ, сейчасъ же послѣ разрыва съ митрополитомъ Ѳеопемптомъ. Итакъ, если правильно это предположеніе, Слово имѣло въ виду изложить взглядъ русскаго правительства и духовенства на только-что пережитое Кіевскою церковью, вышедшей изъ состоянія тѣни и закона въ состояніе благодати и истины. Правда, первый митрополитъ неправильно понялъ эту перемѣну въ исторической судьбѣ русской церкви, продолжая толковать послѣднюю и теперь, какъ церковь рабства, а не свободы, но это недоразумѣніе, и оно поправимо. Изъ очень осторожнаго отношенія автора къ греческой вѣрѣ и Имперіи можно видѣть эту политическую расчетливость.

§ 30*в*. Изъ предложеннаго разбора Слова и Похвалы естественно вытекаетъ мысль, что авторъ ихъ—Иларіонъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же другой, какъ не первый русскій митрополитъ Кіева, могъ говорить о томъ, что русская церковь—церковь свободы, не рабства, кому болѣе всего приличествовало излагать воззрѣнія правительства и общества на переживаемый церковно-политическій моментъ, какъ не близкому презвитеру

шему во главѣ русской церкви. И. Н. Ждановъ отмѣтилъ, что „при извѣстной іерархической чувствительности“ епископъ едва-ли бы говорилъ о епископахъ такъ, какъ говоритъ авторъ Слова и Похвалы [1]), что̀ приводитъ къ предположенію, что авторъ — не епископъ. Изъ подписанія изложенія вѣры Иларіономъ мы знаемъ, что онъ сталъ епископомъ только въ 1051 г., что̀ не мѣшаетъ утвержденію авторства Слова и Похвалы за нимъ, такъ какъ произведеніе это относится ко времени между 1039 г. и 1043 г. (или, по обычному опредѣленію—1050 г.).

Итакъ, послѣ разрыва Ярослава съ митрополитомъ Ѳеопемптомъ, близкій къ Ярославу „презвутеръ“ произноситъ Слово и Похвалу, гдѣ выражаетъ думы и взгляды правительства и духовенства. Два вопроса волнуютъ русское общество: вопросъ о необходимости для русской церкви тѣхъ формъ іерархическаго устройства, гдѣ бы отсутствовало національное и политическое угнетеніе, и вопросъ о канонизаціи князя Владиміра, равноапостольнаго крестителя Русской земли. Если первый вопросъ понятенъ изъ только-что пережитого столкновенія съ митрополитомъ, въ рукахъ котораго Кіевская митрополія оказалась не свободной формой національно-церковнаго самоопредѣленія, какъ ожидали въ Кіевѣ, а старой формою угнетенія, какъ и въ эпоху Охридской іерархіи, то второй вопросъ — о канонизаціи князя Владиміра, — выдвигаемый авторомъ Похвалы, даетъ право думать, что въ числѣ другихъ причинъ къ разрыву Ярослава съ митрополитомъ Ѳеопемптомъ, о которыхъ говорилось выше (§ 26*а*, *б*, *в*), былъ, очевидно, и отказъ послѣдняго на канонизацію Владиміра. Это даетъ право думать и то, что вопросъ о канонизаціи отца былъ поднятъ Ярославомъ лишь по устроеніи въ Кіевѣ митрополіи 1037 г.

Обратимся къ Слову и Похвалѣ, чтобы посмотрѣть, какъ излагаетъ оба эти вопроса авторъ.

§ 31*a*. Слово составлено съ широкимъ философско-историческимъ обоснованіемъ въ той искусной аллегорической формѣ, которою авторъ по справедливости можетъ гордиться и которая, въ виду осторожной прикровенности основныхъ мыслей, вѣроятно, и сохранила намъ этотъ памятникъ церковно-политической литературы XI в. Авторъ съ первыхъ строкъ и заявляетъ о томъ, что его произведеніе не имѣетъ въ виду широкаго круга читателей, расчитанное на читателей подготовленныхъ: „не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но прѣизлиха насыщьшемся сладости книжныа“ [1]).

Богъ открывался людямъ постепенно, „не презрѣ твари своея до конца идольскимъ мраченьемъ гыбнути, но оправи преже племя Авраамле скрижалми и закономъ, послѣдъ же Сыномъ Своимъ вся языки спасе, евангеліемъ и крещеніемъ“ [2]). Исторія человѣчества повторяется въ исторіи отдѣльнаго народа, и русскому народу пришлось пережить эти двѣ ступени: закона и благодати, разумѣя подъ ними принудительно-зависимую форму іерархіи и теперь долженствующую быть свободную: „Образъ же закону и благодати—Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра, работнаа прѣже, ти потомъ свободнаа, да разумѣетъ иже чтетъ“ [3]). И. Н. Ждановъ, близко подходя къ этому пониманію основной мысли Слова, пишетъ: „въ судьбахъ новыхъ народовъ „сбывается“, что въ символическихъ образахъ представлено въ исторіи ветхозавѣтной. Нужно только умѣть понимать эти образы: „да разумѣешь, иже чтешь“ [4]).

Смыслъ образовъ тотъ, что всегда Кіевская держава была свободною: „Авраамъ отъ юности своея Сарру имѣ жену, свободную, а не рабу“, но для установленія новой вѣры пришлось Аврааму внити къ рабѣ Агари, отъ чего родился Измаилъ—

---

[1]) Памятники др. рус. церк.-учит. литературы, в. I, стр. 60.
[2]) Ibidem, стр. 59.
[3]) Ibidem, стр. 60.

„рабичищь", т.-е. пришлось принять зависимыя формы церковнаго устройства. Но скоро у насъ явились достойныя лица, способныя занимать высоко-іерархическія должности—родился Исаакъ, сынъ, а не рабъ. Однако, господство чуждой іерархіи продолжалось: „видѣвши Сарра Измаила, сына Агарина, играюща съ сыномъ своимъ Исаакомъ, и яко прѣобидѣнъ бысть Измаиломъ Исаакъ, рече къ Аврааму: отжени рабу и съ сыномъ ея, не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ сына свободныа". И дальнѣйшій образъ, приводимый авторомъ, не оставляетъ сомнѣнія именно въ этомъ пониманіи символовъ: „по вознесеніи же Господа Іисуса ученикомъ и инѣмъ же вѣровавшимъ въ Христа, сущемъ въ Іерусалимѣ, и обоимъ сьмѣсь сущемъ, іудеомъ же и христіаномъ, и крещеніе благодатное обидимо бѣаше отъ обрѣзанія законнаго, и не пріимаше въ Іерусалимѣ христіаная церкы епископа необрѣзана, понеже старѣйше творящеся сущіи отъ обрѣзаніа, насиловаху на христіаныя,—рабичичи на сыны свободныа, и бываахy между ими распря многы и которы; видѣвши же свободнаа благодать чада своя христіаныя обидимы отъ іудей—сыновъ работнаго закона, въспи къ Богу: отжени іудея съ закономъ, расточи по странамъ, кое бо причастіе стѣни съ истиною, іудейству съ христіанствомъ" [1]). Первый издатель текста многозначительно, но какъ всегда скуповато на слова, восклицаетъ: „какъ хорошо приводитъ онъ (Иларіонъ) замѣчаніе, что въ Іерусалимѣ долгое время не было Епископовъ изъ необрѣзанныхъ!" [2]). Не здѣсь ли ключъ къ пониманію всего разрыва съ Византіей изъ-за греческой митрополіи въ Кіевѣ, не вокругъ ли вопроса о русской высшей іерархіи возгорѣлась борьба 1043 г., когда выяснилось греческое пониманіе установленія въ Кіевѣ митрополіи, приведшая въ 1051 г. къ поставленію необрѣзаннаго епископа—русина Иларіона? Не этимъ ли отсутствіемъ русскаго предстоятеля надъ русскою церковью было тягостно іерархи-

[1]) Памятники др. рус. церк.-учительн. литературы, в. I, стр. 62.

ческое устройство времени зависимости нашей отъ Охриды? „Отгнана бысть Агарь раба съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исаакъ — сынъ свободныа — наслѣдникъ бысть отцу своему Аврааму: и отгнани быша іуден и расточени по странамъ, а чада благодатная — христіани — наслѣдницы быша Господу и Отцу“ [1]). Теперь на Руси должна установиться свободная форма іерархическаго устройства церкви. „И тожде оправданіе іудейско скупо бѣ зависти ради, не бо ся простираше въ иныя языки, но токмо въ Іюден бѣ единой, христіаныихъ же спасеніе благо и щедро, простираяся на вся края земельныя“ [2]).

Послѣдняя мысль — основная всего Слова — заставляетъ автора на ней остановиться нѣсколько долѣе. Нельзя всѣхъ крестящихся держать подъ своею рукою, считая ихъ вошедшими въ политическое цѣлое, такъ какъ устроеніе церкви новаго въ христіанствѣ народа не должно сопровождаться ни іерархическимъ, ни, тѣмъ болѣе, политическимъ угнетеніемъ. Фактъ болѣе ранняго пріобщенія къ христіанству здѣсь не можетъ служить основаніемъ: образъ Манассіи и Ефрема поясняетъ эту мысль. И возвращаясь къ прежней темѣ, авторъ замѣчаетъ: „преже бо бѣ въ Іерусалимѣ единомъ мѣстѣ кланятися, нынѣ же по всей земли“ [3]). Образъ руна и всей земли въ молитвѣ Гедеона—образъ смѣны іудейства христіанствомъ—есть образъ исторической жизни Руси: Охридская церковь погибла, а по русской землѣ распространилось христіанство. Завѣтъ Спаса самарянкѣ: „яко грядетъ година, яко егда ни въ горѣ сей, ни въ Іерусалимѣ поклоняться Отцу, но будутъ истиннїи поклонницы, иже поклоняться Отцу духомъ и истиною“ [4]) — исполнился у насъ: „по всей земли уже славиться Святаа Троица и покланяніе отъ вся твари пріемлетъ, и малїи

[1]) Памятники др. рус. церк.-учит. литературы, в. I, стр. 62.
[2]) Ibidem.
[3]) Памятники др. рус. церк.-учит. литературы, в. I, стр. 63.

и вели славятъ Бога“ [1]). И этого достаточно для того, чтобы быть христіанами и имѣть полную самостоятельность: „ибо Отецъ тацѣхъ ищетъ поклоняющихся ему, рекше съ Сыномъ и Св. Духомъ“ [2]), нужно только правильно вѣровать, и никто не можетъ сказать, что мы—не христіане: „еликы бо, рече евангелистъ, пріаша его, дастъ имъ власть чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ въ имя его, иже ни отъ крови, ни отъ похоти мужьскы, но отъ Бога родишася Св. Духомъ въ святѣй купѣли“ [3]). Совершенно понятно, что авторъ, обосновавъ свое право быть христіанами не по дозволенію и признанію кого-либо, а по правой вѣрѣ, — переходитъ къ изложенію вѣры, этого оправданія русскихъ въ желаніи выйти изъ-подъ чужой опеки.

Всѣ тѣ, кто ученіе Христа толкуютъ съ тою національной исключительностью, съ какою іудеи—законъ Моисея,—въ сущности продолжаютъ то же гоненіе на Христа, что̀ и іудеи; естественно, что на нихъ исполнилась и судьба іудеевъ: „и виноградъ предастъ инѣмъ дѣлателемъ, иже вздадятъ ему плоды во время свое“... [4]) и слова Іисуса къ Іерусалиму: „яко пріидутъ денье на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ и обойдутъ тя всюду и разбіютъ тя и чада твоя въ тебѣ, понеже не разумѣ посѣщенія твоего... якоже и бысть: пришедше бо римляне, плѣниша Іерусалимъ и разбиша и до основанія его, и іудейство оттолѣ погыбе и законъ посемъ яко вечерняя заря погасе, и разсѣяни быша іуден по странамъ, да не вкупѣ злое пребываетъ“ [5]). Такъ вѣдь погибло Охридское патріаршество и Болгарское царство (и тоже отъ римлянъ), потому что нарушили смыслъ божественнаго ученія: „шедше въ весь міръ, проповѣдите евангеліе всеи твари, да иже вѣру иметъ и крестится,

---

[1]) Памятники др. рус. церк.-учит. литературы, в. I, стр. 64.
[2]) Ib. 63—64.
[3]) Памятники др. рус. церк.-учительн. литературы, в. I, стр. 64.

спасенъ будетъ, и — шедше научите вся языки, крестяще я во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще я блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ". Въ этихъ словахъ совершенно ясна заповѣдь Іисуса о полной свободѣ въ проповѣди Его ученія для всѣхъ народовъ, и какъ вино выльется изъ старыхъ мѣховъ, такъ и ученіе Его выйдетъ изъ всякихъ попытокъ іудействующихъ царствъ на новые народы, которые никогда не истолкуютъ ученія Христа въ послѣднемъ смыслѣ. „Лѣпо бо бѣ благодати и истинѣ на новыя люди въсіяти, не вливаютъ бо— по словеси Господа—вина новаго—ученія благодатна въ мѣхы ветхы, обетшавшая въ іудействѣ, аще ли просядуться мѣси и вино проліется; не могше бо закона стѣня удържати, но многажды идоломъ ся покланяваше, како истинныя благодати удръжатъ ученіе; но новое ученіе, новы мѣхы, новы языкы, новое и съблюдеться, якоже и есть" [1]).

Русская церковь теперь свободна, потому что кончилось господство Іудеи. „Вѣра бо благодатная по всей земли распространѣся и до нашего языка руськаго доиде, и законное езеро прѣсше". Мы теперь свободные христіане—„се бо уже и мы съ всѣми христіаны славимъ св. Троицу", Болгарія же утратила свою политическую и церковную свободу,—„а Іудея молчитъ; Христосъ славимъ бываетъ, а іудеи мьноми, языцы приведени, а іюдеи отриновени". Опека надъ нами могла быть только первое время, когда мы еще переходили отъ язычества къ христіанству, теперь мы уже не язычники, а христіане, и должны быть свободны. „И уже не идолослужителе зовемся, но христіанами, не и еще безнадежницы, но уповающе въ жизнь вѣчную, и уже не капищъ... съграждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ... Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ, въсхотѣ и спасѣ ны и въ разумъ истиный приведе"... И воспріявъ ученіе Христа, мы никогда не будемъ толковать его сами съ узко-

національстической точки зрѣнія: „И тако странни суще, людіе Божіи нарекохомся, и врази Божіи сынове Божіи нарекохомся, а не іудейскы хулимъ, но христіански благословимъ, не съвѣта творимъ, якоже распяти, но яко распятому поклонитися“... Усвоивъ истинную вѣру Христову, молимъ Бога сохранить насъ въ путяхъ заповѣдей Его: „И тако вѣру имущи къ Нему и св. отецъ 7 съборъ прѣданіе дръжаще, молимъ Бога и еще поспѣшити и направити на путь заповѣдій его“. Мы—язычники стали христіанами, но остались политически-независимыми, потому что въ Писаніи ничего не говорится о томъ, что принявшіе вѣру—должны потерять политическое существованіе: „И събысться о насъ языцѣхъ реченое: открыетъ мышцу свою святую предо всѣми языки и узрятъ вси конци земля спасеніе Бога нашего, и другое: живу азъ, глаголетъ Господь, яко мнѣ поклониться всяко колѣно и всякъ языкъ исповѣсться Богу“... Идеалъ вселенскаго царства не взятъ изъ Писанія. Единое царство—только царство Вышняго, не земное: „Даніилъ: вси языци, людіе, племена тому поработаютъ, и Давидъ: да исповѣдятся тебѣ людіе, и възвеселяться языци и: вси языци въсплещѣте руками, въскликните Богу гласомъ радости, яко вышній страшенъ, царь велій по всей земли и помалѣ: пойте Богу нашему, пойте, яко царь всей земли Богъ, пойте разумно, въцарися Богъ надъ языки... царіе земстіи, вси людіе, князи и вся судья земельныя, уноша и дѣвы, старци со юнотами да хвалятъ имя Господне“... [1]).

Если предложенное объясненіе основной мысли Слова — пріемлемо, то это даетъ право думать, что послѣ водворенія въ Кіевѣ митрополіи 1037 г. рѣзкая политика перваго митрополита сразу довела дѣла до напряженныхъ отношеній, такъ какъ въ Кіевѣ ждали отъ новой митрополіи времени свободы и благодати, и на Руси опредѣленно формулируется мысль о недопустимости новыхъ угнетеній Кіевской церкви

на основаніи идеала вселенскаго царства и въ переговорахъ, очевидно, происходившихъ въ эту пору у Ярослава съ Византіей, выставляется требованіе согласія на управленіе Русскою церковью своими епископами и митрополитомъ (необрѣзанными—по Слову).

§ 31*б*. Переходя къ разбору и оцѣнкѣ Похвалы, нужно прежде всего вспомнить, что здѣсь предъ нами вопросъ, видимо, отклоненный митрополитомъ Ѳеопемптомъ, о канонизаціи крестителя Руси — Владиміра. Авторъ Похвалы формулируетъ это такъ-сказать требованіе русскаго общества въ достаточно категорической формѣ, обращаясь къ Владиміру, какъ къ святому, и награждая его титуломъ блаженнаго. Уже одно это внѣшнее выраженіе, — постоянное названіе блаженнымъ, не святымъ, — показываетъ, что авторъ, какъ въ Словѣ, — и въ Похвалѣ стоитъ на выжидательной позиціи — возможнаго соглашенія съ греками, такъ какъ очевидно не беретъ смѣлости открыто назвать Владиміра святымъ, отлагая это до времени общецерковнаго признанія. Мысль Похвалы та, что мы—русскіе—не можемъ не добиваться канонизаціи Владиміра,—это долгъ нашей совѣсти, такъ какъ „вся страны, гради и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православнѣй вѣрѣ“. Въ данный моментъ—разлада съ греками, еще неустроеннаго—мы можемъ это сдѣлать лишь предварительно („по силѣ нашей, малыми похвалами“), хотя совершенно ясны дѣйствительныя заслуги Владиміра („великая и дивная сътворшаго, нашего учителя и наставника“). Русская страна—великая страна, небезызвѣстная и грекамъ, „яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земли“, почему пріобщеніе ея къ христіанству есть великая заслуга. Владиміръ съ вновь крещеннымъ народомъ ушелъ, какъ мы видѣли, изъ церкви Второго Рима въ церковь Охриды, чего ему не могли забыть въ Византіи, и что̀ заставляетъ автора осторожно обходить весь этотъ эпизодъ молчаніемъ. У автора это является удобнымъ выходомъ

дѣлъ Владиміра, какое далъ такъ-сказать оффиціально митрополитъ Ѳеопемптъ въ своемъ лѣтописаніи—Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г. Владиміръ и въ Похвалѣ, и въ Сводѣ 1039 г. крестился по собственному выбору, остановившись на греческой вѣрѣ. Крестился онъ отъ грековъ, т.-е. какъ православный. Только въ одномъ пунктѣ возражаетъ авторъ Похвалы Ѳеопемпту, уже указанномъ нами выше: по мнѣнію автора, Владиміръ не только крестился, но и крестилъ всю землю такъ, что „въ едино время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и Св. Духомъ"; онъ установилъ правильное церковное устройство и наладилъ христіанскую іерархію и жизнь.

Владиміръ—блаженный, и это ясно по тремъ основаніямъ. Онъ самъ „не видѣвши (Христа)—вѣроваша", „не видѣ апостола пришедша въ землю твою", не видѣлъ чудесъ, а увѣровалъ „токмо отъ благааго помысла и остроумія". Это первое основаніе къ блаженству: „поистинѣ сбысться на тобѣ блаженство Господа Іисуса, реченое къ Ѳомѣ: блажени не видѣвше и вѣровавше, тѣмже съ дръзновеніемъ несуменно зовемъ ти: о, блажениче, самому тя Спасу нарекшу". Другое основаніе—милостыня Владиміра: „къ сему же кто исповѣсть многыя твоя нощныя милостыня и деньныя щедроты". Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду возможный отводъ канонизаціи въ указаніи на грѣховную жизнь Владиміра до крещенія, а можетъ быть (если вѣрить Титмару) и по крещеніи. Возражая на это, авторъ ищетъ въ милостыни Владиміра—очищеніе отъ всѣхъ грѣховъ: „Слышалъ бо бѣ глаголъ Господень Даніиломъ Навхолнасору царю: съвѣтъ мой да будетъ ти вгоденъ: грѣхи твоя милостынями очисти, и неправды твоя щедротами нищихъ... твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ помнеми суть и предъ Богомъ и ангелы Его"... Наконецъ—„всесильнаго и милосердааго Господа глаголъ: блажени милостивіи, яко ти помиловани будутъ". Третье основаніе — дѣло крещенія Руси: „обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу

человѣка обратившу толико возмездіе отъ благаго Бога, то каково убо спасеніе обрѣте, о Василіе, колико брѣмя грѣховно разсыпа, не единаго обративъ человѣка отъ заблужденіа идольскія лсти, ни десяти, ни градъ, но всю область свою. Показастъ ны и увѣряетъ самъ Спасъ Христосъ, каковыя тя славы и чьсти сподобилъ есть на небесѣхъ, глаголя: иже исповѣсть мя предъ человѣкы, исповѣмъ и и азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже есть на небесѣхъ"... Наконецъ, вѣдь равное дѣло—равное возмездіе: Константинъ и Владиміръ сдѣлали одно и то же дѣло; „его же (Константина) убо подобникъ сы, съ тѣмже единоя славы и чьсти обещника тя сътвори Господь на небесѣхъ благовѣрья твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ". Ранѣе ораторъ или писатель Похвалы подчеркивалъ то обстоятельство, что крестился Владиміръ отъ грековъ („принесе крестъ отъ новаго Іерусалима, Коньстянтина града и сего на землѣ своей поставивъ утверди"), что греческое православіе увлекло его на крещеніе: „Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнѣй земли гречьстѣй, христолюбивѣй же и сильнѣй вѣрою, како единаго Бога въ трехъ чтутъ и кланяються, каковіи дѣються силы и чудеса и знаменіа; како церкви людіи исполнены, како веси и гради благовѣрніи вси въ молитвахъ прилежатъ вси готови предстоять, и си слышавъ, въжела сердцемъ и възгорѣся духомъ, якоже быти ему крестьяну и земли его; еже и бысть, Богу тако изволившу и взлюбившу человѣческое естество". Теперь авторъ, обходя молчаніемъ всю пору Охридской іерархіи и обращаясь къ порѣ учрежденія митрополіи, старается объяснить, что это двѣ поры—двѣ ступени въ развитіи русской церкви. Напрасно было бы упрекать Владиміра въ его уходѣ отъ грековъ къ церкви Охриды, потому что каѳедральный соборъ той поры остается и теперь, правда, въ тѣни св. Софіи, но остается, какъ признанный и новой іерархіей Константинополя. Вспоминая тѣ слѣды гоненія митрополита Ѳеопемпта на учрежденія и лицъ прежней поры

зать авторъ Похвалы въ словахъ: „Добръ послухъ благовѣрью твоему, о блаженіче, святаа церкы св. Богородица Марія, юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идѣже мужьственое твое тѣло лежитъ, ожидая трубы архангеловы; добръ зѣло послухъ сынъ твой Георгій, его же сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твои уставъ, но утвержающа, не казяща, но учиняюща, иже недокончаная твоя наканчавая, аки Соломонъ Давиду, иже домъ Божій великъ святый въ премудрости създа, но стоить (на святость и освященіе) и украшеніе граду твоему“... Владиміръ мечталъ о созданіи независимой русской церкви, но не достигъ этого; въ исканіяхъ ея онъ оставался „благовѣрнымъ“, и это благовѣріе признано греками вмѣстѣ съ Десятиннымъ храмомъ. Ярославъ согласился на созданіе св. Софіи, какъ новаго храма для новой митрополіи, но онъ этимъ не отвергалъ времени Владиміра съ благодатью Охридской іерархіи, а видѣлъ здѣсь, въ созданіи новаго храма, завершеніе дѣла Владиміра, конецъ стѣни, начало истины русской церкви.

Послѣ радостнаго и восторженнаго прославленія „въ владыкахъ апостола“ св. блаженнаго князя Владиміра, идетъ молитва ему о землѣ Русской и „людехъ, въ нихже благовѣрно владычествова“: „да съхранитъ я въ мирѣ и благовѣріи, преданѣмъ тобою, и да славится въ немъ правовѣріе, и да клянется всяко еретичьство, и да соблюдеть я Господь Богъ отъ всякоа рати и плѣненіа, отъ глада и всякоа скорби и сътужденіа“. Эта молитва прежде всего о мирѣ и сохраненіи правой вѣры—показываетъ, что авторъ думалъ о возможности мирнаго соглашенія съ греками. О мирѣ же авторъ молитъ и для князя: „Паче же помолися о сынѣ твоемъ... въ мирѣ и въ здравіи пучину житіа преплути и въ пристанища небеснаго завѣтріа пристати не вредно корабль душевный,—вѣру съхраншу и съ богатствомъ—добрыми дѣлы“...

§ 32. Но мирнаго соглашенія не послѣдовало. Была брань

обстоятельства самой Византіи сложились такъ, что въ 1051 г. Ярославъ могъ рѣшиться на исполненіе своего желанія,— „поставиі“ митрополитомъ „русина“ Иларіона. Изъ подписи подъ исповѣданьемъ вѣры „мниха и презвитера“ Иларіона видно, что онъ „отъ богочестивыхъ Епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицѣмъ градѣ Кыевѣ, яко быти въ немъ митрополиту, пастуху же и учителю“. Выраженія, приведенныя выше („постави Ярославъ митрополитомъ“, „священъ быхъ и настолованъ“), не даютъ права говорить о томъ, что Иларіонъ соборомъ русскихъ епископовъ былъ возведенъ на митрополичій столъ. Кажется, естественнѣе изъ этихъ выраженій, какъ и изъ всего содержанія Слова и Похвалы, особенно ихъ отношенія къ греческой церкви,—вывести то положеніе, что по волѣ Ярослава соборъ русскихъ епископовъ избралъ Иларіона на митрополію и посвятилъ въ епископы, оставляя право утвержденія его на митрополичью каѳедру за главою православія—патріархомъ Константинополя. Если это дѣйствительно такъ и было, то дальнѣйшее становится болѣе понятнымъ. Очевидно, возникли переговоры, не приведшіе для Иларіона къ желательному результату: въ Константинополѣ отказали въ его утвержденіи, и Иларіону пришлось отойти въ тѣнь.

Кажется, что это случилось еще до смерти Ярослава, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Подъ 6561 годомъ (1053) въ лѣтописи находимъ: „У Всеволода родился сынъ, и нарече имя ему Володимеръ отъ царицѣ Грькынѣ“ [1]). Естественно думать, что бракъ относится къ 1052—53 г.г., т.-е. явился завершеніемъ переговоровъ о поставленіи Иларіона. Въ наукѣ уже достаточно выяснилось, какъ высоко смотрѣли на себя Византійскія императорскія семьи и какъ поэтому неохотно и лишь по крайней нуждѣ соглашались онѣ въ эту пору на политическіе браки съ сосѣдними государями. Не представляется поэтому невѣроятнымъ, что бракъ Всеволода на представитель-

нцѣ дома Мономаха являлся крупною со стороны Имперіи уступкою, покрывавшею какія-то уступки съ нашей стороны. Вѣроятно, въ числѣ послѣднихъ былъ отказъ отъ домоганій признанія митрополитомъ Иларіона.

Подъ 6563 г. (1055 г.) Новгородская 1-ая лѣтопись, какъ извѣстно, сообщаетъ: „В семъ же лѣтѣ клевета бысть на епископа Луку отъ своего холопа Дудики; и изыде изъ Новагорода, и иде Кыеву, и осуди митрополитъ Ефримъ, и пребысть тамо 3 лѣта". Въ Мстиславовомъ Евангеліи подъ 4 ноября читаемъ: „въ тотъ же день священіе св. Софіи, иже есть въ Кіевѣ. Священа Ефремомъ митрополитомъ" [1]). Значитъ, послѣ отказа въ утвержденіи Иларіона (1052—53 г.) обѣ стороны согласились на кандидатурѣ Ефрема, смягченной бракомъ Всеволода Ярославича на греческой царевнѣ.

§ 33. Возникаетъ вопросъ, кто же этотъ Ефремъ, и есть ли у насъ данныя для сужденія по этому вопросу? Прежде всего нужно сдѣлать оговорку: Кіевское лѣтописаніе не знаетъ этого имени. Въ дальнѣйшемъ, когда намъ придется вернуться къ исторіи Древнѣйшаго свода 1039 г., нашедшаго свое продолженіе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ около 1073 г., мы увидимъ причину отсутствія имени этого митрополита въ кіевскомъ лѣтописаніи. Изъ приведеннаго сейчасъ мѣста видно, что имя это сохранилось въ Новгородской лѣтописи въ связи съ „клеветой" на епископа Луку.

Проф. И. Е. Евсѣевъ въ вводной статьѣ и примѣчаніяхъ къ изданному въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительской литературы" [2]) — Поученію Луки Жидяты дѣлаетъ предположеніе, что упоминаемый подъ 1055 годомъ митрополитъ Кіевскій Ефремъ есть тотъ же Ефремъ, который упоминается въ Новгородскомъ лѣтописаніи въ связи съ кончиною епископа Іоакима Корсунянина.

---

[1]) Арх. Сергій. Полный мѣсяцесловъ православнаго Востока, т. I.

Такъ называемая вторая Новгородская лѣтопись сообщаетъ: „в лѣто 6538 (1030). Преставися архиепископъ Акимъ Новгородцкій, и бѣше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше". Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ дополняетъ это извѣстіе: „и пріиде к Новугороду епископъ Иакимъ, и бѣ въ епископьи лѣтъ 42. И бѣ в него мѣсто ученикъ его Ефрѣмъ, и благословенъ бысть епископомъ Іоакимомъ, иже ны учити, понеже Руская земля внове крестися, и чтобы мужи и жены вѣру крестьянскую твердо дръжали, а поганскую бы вѣру забыли". Наконецъ, лѣтописецъ церквамъ Божіимъ подъ 6538 г. (1030): „Того же лѣта преставися первый епископъ Іоакимъ Новгородскій; бѣ во епископіи 42 лѣта, и бѣ в него мѣсто ученикъ его Ефремъ, и благословенъ бысть епископомъ Іоакімомъ, еже учити люди новопросвѣщенныя, „понеже Руская земля вновѣ крестися", чтобъ мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскія вѣры не держали и не имѣли бы; сей поучивъ люди 5 лѣтъ, святительству же не сподобился. Того же лѣта Ярославъ иде в Новъгородъ, и посади в Новѣгородѣ сына своего Владиміра 14 лѣтъ... Того же лѣта поставиша Великому Новугороду епископа Луку Жидяту".

Въ приведенныхъ выдержкахъ какъ будто ясно наростаніе толкованій на неправильно прочитанный текстъ такъ называемой второй Новгородской лѣтописи, гдѣ изъ „иже ны учаше" получилось „иже ны учити", что потребовало соотвѣтствующихъ комментаріевъ о вновь крещенной Русской землѣ и что, въ свою очередь, въ связи съ извѣстіемъ о поставленіи Луки Жидяты лишь въ 1036 г., могло повести въ Лѣтописцѣ церквамъ Божіимъ къ догадкѣ составителя „сей поучивъ 5 лѣтъ, святительству же не сподобился". Если признать древность и вѣрность извѣстія Лѣтописца церквамъ Божіимъ, то возможно согласиться на положеніе И. Е. Евсѣева о томъ, что этотъ Ефремъ, „иже ны учаше", сталъ митрополитомъ къ 1055 г. Ходъ событій тогда представляется въ слѣдующемъ видѣ. Уста-

и Охридскаго патріархата разно было встрѣчено нашими епископами: Анастасъ Корсунянинъ ушелъ къ Болеславу, Іоакимъ Корсунянинъ остался въ Новгородѣ. Въ лицѣ ученика его Ефрема онъ подготовилъ себѣ преемника, не признаннаго, однако, Ярославомъ, который вмѣсто него ставилъ епископомъ Луку Жидяту. Ясно, что Ярославъ руководился не случайнымъ капризомъ, но имѣлъ къ этому шагу какія-то важныя побужденія. Новый митрополитъ Ѳеопемптъ, прибывшій къ намъ около того же времени (1037), согласился на желаніе Ярослава. Правдоподобна догадка И. Е. Евсѣева, что послѣ устраненія отъ епископской каѳедры, Ефремъ „удалился или былъ удаленъ Ярославомъ куда-нибудь въ другое мѣсто“ [1]), и естественнѣе всего думать, что онъ вошелъ въ число клириковъ новой митрополіи, гдѣ, конечно, требовались люди ученые и знающіе русскій („иже ны учаше“) и греческій (ученикъ Іоакима) языки. И до этой неудачи, очевидно, не раздѣлявшій взглядовъ Ярослава на русскую церковную политику, Ефремъ теперь, очевидно, склоняется на сторону враждебную Ярославу—греческой міродержавной политики. Отсюда вполнѣ допустимо [2]), что греки, въ силу изложенныхъ выше стѣсненныхъ обстоятельствъ Печенѣжскаго вторженія, даже послѣ побѣды надъ нами въ 1043 г. пошли на уступки, выразившіяся въ томъ, что хотя они и отстранили явно непріемлемую кандидатуру „презвутера“ Иларіона, но согласились поставить митрополита изъ лицъ, если не русскихъ, то жившихъ на Руси и числившихся членами русской іерархіи, — Ефрема, человѣка ученаго, преданнаго видамъ греческой политики, но говорящаго по-русски и жившаго не мало лѣтъ на Руси. Къ тому же бракъ Всеволода окончательно покрывалъ неудачу Ярослава съ поста-

[1]) Памятники др.-рус. церк.-учит. литературы, в. I, стр. 20.

[2]) Неясны здѣсь отношенія Ярослава къ Западной церкви. Умѣстно вспомнить о трехъ бракахъ XI в. русскихъ князей съ Западными дина-

вленіемъ Иларіона. Такое предположеніе правдоподобно и потому, что объясняетъ отсутствіе митрополита во время погребенія Ярослава. Какъ уже указывалось выше, къ 1052—53 гг. нужно отнести удаленіе Иларіона (ниже увидимъ, что точнѣе это относится къ 1053 г.), бракъ Всеволода и, конечно, договоръ о кандидатурѣ Ефрема. Начало 1054 г. тогда будетъ годомъ поѣздки Ефрема въ Константинополь за рукоположеніемъ. Новому митрополиту не удалось застать въ живыхъ Ярослава: „Ярославу же приспѣ коньць житія и предасть душю свою въ суботу 1 поста св. Ѳеодора. Всеволодъ же съпрята тѣло отьца своего; възложьше на сани, везоша и Кыеву, попомъ поющемъ обычьныя пѣсни; и принесъше положиша и въ рацѣ мраморянѣ въ цьркъви св. София“ [1]).

Наконецъ, допущеніе видѣть въ тожествѣ именъ (Ефрема, ученика Іоакима и Ефрема митрополита) тожество лицъ — даетъ объясненіе „странному фатализму въ судьбѣ Луки имени Ефрема“ [2]) и „явному пристрастію въ судѣ надъ Лукою“ [3]) митрополита, осудившаго Луку за клевету холопа, т.-е. „за явно ложное обвиненіе по сознанію современниковъ“ [4]).

§ 34*а*. Ярославъ умеръ, едва-ли добившись опредѣленныхъ формъ церковной іерархіи для Руси, и его наслѣдникамъ пришлось вновь и вновь возвращаться къ этому вопросу церковно-политическаго отношенія къ Имперіи съ тою, однако, существенною разницею противъ отца, что дѣла церкви у нихъ осложнились дѣлами междукняжескихъ отношеній и ослабленіемъ могущества политически раздробленной Руси.

Если Ярославу не удалось рѣшить и закрѣпить вопроса о формахъ церковно-политическихъ отношеній Руси къ Византіи, то также не удалось ему добиться и канонизаціи Владиміра, о которой подымаетъ и рѣшительно ставитъ вопросъ

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 585—586.
[2]) Памятники др.-рус. церк.-учит. литературы, в. I, стр. 23.
[3]) Ibidem.

авторъ „Слова и Похвалы". Нѣтъ никакихъ указаній на то, что канонизація Владиміра какъ-либо подвинулась въ эту пору, какъ и ближайшее по Ярославѣ время. Здѣсь была несомнѣнная неудача.

§ 34*б*. Кончая рѣчь о времени Ярослава Мудраго, установителя въ Кіевѣ митрополіи 1037 г., не лишне упомянуть, что мы до сихъ поръ не можемъ сказать съ увѣренностью, какое мѣсто заняла новая митрополія Кіевская въ ряду другихъ митрополій Константинопольскаго патріархата, хотя по древнѣйшему списку митрополій Константинопольскаго патріарха можно съ вѣроятностью думать, что русская митрополія не выдѣлялась ничѣмъ изъ ряда другихъ митрополій, занимая въ немъ 61 мѣсто просто по времени своего устроенія. Древнѣйшій списокъ этотъ, относимый названіемъ ко времени императора Льва Мудраго,—составленъ значительно позднѣе, вѣроятно, во время императора Алексѣя Комнина [1]). Слѣдующій же списокъ, гдѣ читаемъ Русскую митрополію,—составленъ уже во время императора Андроника Палеолога Старшаго, т.-е. въ XIV вѣкѣ.

---

[1]) О митрополіи русской въ концѣ IX вѣка. Прибавл. къ Твор. Св. Отц. ч. IX (1850), стр. 132 и сл.; Макарій, митр. Исторія русской церкви, т. II, изд. 3, стр. 302; Голубинскій, Е. Исторія русской церкви, т. I[1], изд. 2, стр. 270; H. Gelzer. (Jahrbücher f. Protest. Theologie. 1886.

Глава III.

§ 35. Смерть Ярослава открываетъ передъ нами первую попытку „выработать какіе-нибудь компромиссы для примиренія непримиримыхъ началъ: государственнаго и семейно-династическаго“ [1]). Послѣднее, въ обычномъ пониманіи той эпохи, вело къ раздѣлу: „семейной группы—на рядъ отдѣльныхъ линій, общаго владѣнія—на рядъ отдѣльныхъ отчинъ“; тогда какъ первое начало—государственное—вело „къ необходимостя единства для интересовъ молодого государства, только-что построеннаго усиліями ряда поколѣній“ [2]). Первая попытка „примиренія непримиримыхъ началъ“ осуществилась—при раздѣленности владѣнія,—въ нераздѣльности общихъ дѣйствій трехъ старшихъ Ярославичей по оборонѣ Русской земли и по внутреннимъ дѣламъ ея [3]). Дѣйствительно, „братья-тріумвиры“ втроемъ ведутъ политику концентраціи въ своихъ рукахъ всѣхъ волостей Кіевской державы, втроемъ выпускаютъ „изъ поруба“ дядю Судислава, втроемъ воюютъ съ Торками и Половцами, втроемъ законодательствуютъ съ мужами своими.

Остается неяснымъ вопросъ церковно-іерархическій. По раздѣлѣ русской земли между сыновьями Ярослава (Полоцкъ—Всеслава), всѣ епископскія каѳедры оказались въ политиче-

---

[1]) Пресняковъ, А. Е. Княжое право въ древней Руси. Спб. 1909, 34.
[2]) Ibidem, 33.

скомъ владѣніи старшаго сына (Кіевъ, Новгородъ, Бѣлгородъ и Юрьевъ), что̀ съ одной стороны могло вести къ подчиненности ему остальныхъ въ церковныхъ отношеніяхъ ихъ къ митрополіи, но — съ другой стороны — внушало, естественно, Кіевскому князю мысль о необходимости крѣпкихъ и дружественныхъ отношеній „къ братіи“, потому что вопросъ церковной іерархіи для русской церкви былъ далекъ еще до окончательнаго рѣшенія въ смыслѣ установленія независимыхъ формъ молодой митрополіи отъ греческаго патріархата, и сыновьямъ Ярослава предстояло продолжать здѣсь дѣло отца. Несомнѣнно, при установленіи того тріумвирата старшихъ Ярославичей, о которомъ шла рѣчь выше, вопросъ церковный игралъ извѣстную и, вѣроятно, не послѣднюю роль, какъ будетъ играть и въ дальнѣйшемъ, привлекая къ себѣ вниманіе русскаго общества и русскихъ церковныхъ круговъ, изъ которыхъ выйдетъ тотъ идеалъ междукняжескихъ отношеній, что̀ такъ настойчиво проводится въ лѣтописи, — идеалъ братской любви и совмѣстной дружбы подъ отеческимъ водительствомъ старшаго брата — Кіевскаго князя, — несомнѣнно взятый изъ среды правящей церковной іерархіи, гдѣ равночестные „отцы наши“ — епископы — смыкались въ соборъ подъ отеческою рукою митрополита. Правда, жизнь была сложнѣе книжной монашеской теоріи и вела не къ осуществленію надуманнаго, а увлекала въ своей дѣйствительности самихъ авторовъ или прототиповъ этого идеала къ борьбѣ и отчужденности епископовъ отъ митрополита.

§ 36*а*. Какъ же рѣшили „трие Ярославичи“ между собою и за-едино церковно-іерархическія отношенія? И здѣсь, какъ и въ государственно-династическихъ вопросахъ, видимъ попытку единодушія, но полнаго только для перваго времени. Митрополитъ Ефремъ принятъ послѣ отстраненія кандидатуры Иларіона, и мы видимъ Ефрема дѣйствующимъ въ Кіевѣ въ 1055 г., т.-е. на первое время вопросъ о замѣщеніи каѳедры св. Софіи

„между собою". Невозможно отнести къ другому времени появленіе новыхъ епископскихъ каѳедръ. Если оставить въ сторонѣ домыслы позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, которымъ все еще довѣряютъ въ этихъ вопросахъ, и если опираться только на раннія извѣстія, лишенныя всякой придуманности, то передъ нами первое упоминаніе о епископскихъ каѳедрахъ, кромѣ встрѣчавшихся выше, будетъ подъ 1072 г. въ связи съ перенесеніемъ „свв. страстотерпця Бориса и Глѣба". Ипатьевская и Лаврентьевская лѣтописи кромѣ митрополита Георгія называютъ присутствующими на этомъ торжествѣ — еп. Петра Переяславскаго и Михаила Юрьевскаго, но, кажется, можно прибавить и Неофита Черниговскаго, упоминаемаго въ такъ называемомъ Житійномъ сказаніи о свв. Борисѣ и Глѣбѣ [1]) и въ позднѣйшихъ сводахъ [2]), такъ какъ имя это находимъ въ Любецкомъ синодикѣ, какъ имя перваго Черниговскаго епископа, поставленное выше епископа Іоанна, упоминаемаго въ лѣтописи, дѣйствительно, позднѣе 1072 г. [3]). Итакъ, за время политическаго властвованія трехъ старшихъ Ярославичей появляются до 1072 г. двѣ новыхъ епископскихъ каѳедры: въ Переяславлѣ и Черниговѣ. Совершенно естественна мысль, что соглашеніе братьевъ выразилось въ церковныхъ дѣлахъ установленіемъ епископій въ отдѣльныхъ земляхъ двухъ союзниковъ Кіевскаго владѣльца.

§ 36*б*. Вопросъ о томъ, когда возникли эти двѣ новыя епископскія каѳедры, нужно, вѣроятно, рѣшать въ связи съ извѣстіемъ о походѣ Всеслава Полоцкаго на Новгородъ. Мы не знаемъ, какъ относились въ Полоцкѣ къ церковнымъ событіямъ Кіева до Всеслава, но, повидимому, нѣтъ данныхъ говорить, что Полоцкъ не подчинялся Кіевскому предстоятелю

---

[1]) Срезневскій, И. Сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Спб. 1860, стр. 75.

[2]) Воскр. и Соф. I.

[3]) Ипатьев. 1089 г. Р. Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ по Лю-

русской церкви. Всеславъ въ своемъ походѣ на Новгородъ (1066—67 гг.) могъ преслѣдовать и церковный интересъ — захватить Новгородскую епископскую каѳедру въ свое обладаніе, уравнявши себя такимъ образомъ съ тѣми Ярославичами, которые, вѣроятно, только-что добились того же отъ Кіевскаго князя и митрополита. „Приде Всѣславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у св. Софие; о, велика бяше бѣда въ часъ тый! и понекадила съима“ [1]). Лѣтописецъ церквамъ Божіимъ отмѣчаетъ: „Поставиша епископа Новуграду Стефана. При семъ епископѣ, в лѣто 6575, князь Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотцкой взя Новъгородъ до Неревскаго конца и пожже; и поима все у св. Софіи, и паникадила и колоколы, и отъиде“. Невозможно не признать здѣсь ограбленіе св. Софіи въ покоренномъ Новгородѣ за желаніе Всеслава рѣшить для себя церковный вопросъ перенесеніемъ епископіи изъ Новгорода въ Полоцкъ, очевидно не имѣвшаго согласія на установленіе въ Полоцкѣ епископіи ни отъ Изяслава, ни отъ митрополита. Походъ Ярославичей, ихъ побѣда и обманное овладѣніе Всеславомъ, брошеннымъ „въ порубь“, на долго оставили для Полоцка вопросъ объ епископіи открытымъ. Если правильно пониманіе приведеннаго извѣстія о походѣ Всеслава, то возможно думать, что установленіе каѳедры для Переяславля и Чернигова относится близко къ году похода Всеслава (1066—67).

§ 36*в*. На это какъ будто наводитъ и слѣдующее сопоставленіе. Въ числѣ участниковъ церковнаго торжества 1072 г. упомянуты игумены: Ѳеодосій Печерскій, Софроній—св. Михаила, Германъ—св. Спаса, Никола Переяславскій. Указаніе на послѣдняго по землѣ, а не по храму, намекаетъ, что въ его лицѣ мы встрѣчаемъ единственнаго не-Кіевскаго игумена. Тогда всѣ другіе, перечисленные выше, должны быть признаны Кіевскими. Оставляя въ сторонѣ Печерскаго игумена,

отмѣченнаго на первомъ мѣстѣ не только изъ уваженія къ лицу, но и потому, что лѣтописная запись, кажется, вышла изъ Печерскаго монастыря, остановимся на игуменахъ св. Михаила и св. Спаса. Что это за монастырь св. Михаила—извѣстно: это монастырь Всеволода Переяславскаго, заложенный въ 1070 г., знаменитый впослѣдствіи Выдубицкій монастырь. „Того же лѣта заложена бысть црквы св. Михаила въ манастырѣ Вьсеволожи на Выдобычи“ [1]). Труднѣе съ монастыремъ св. Спаса. Конечно, правъ Е. Е. Голубинскій, утверждающій, что подъ этимъ именемъ нужно разумѣть монастырь Спасско-Берестовскій или Германечь [2]), по имени того игумена Германа, который упомянутъ подъ 1072 г. Но въ названіи этого монастыря, какъ и въ исторіи его сравнительно съ Выдубицкимъ—нельзя не видѣть монастыря Черниговскаго князя Святослава. Въ самомъ дѣлѣ, Всеволодъ строитъ монастырь въ Кіевѣ и даетъ ему имя своего соборнаго Переяславскаго храма [3]),—естественно думать, что то же право осуществляетъ Святославъ, основывая свой монастырь по имени своего Черниговскаго соборнаго храма (св. Спаса, заложеннаго еще Мстиславомъ Владиміровичемъ). Отсюда понятно, что Выдубицкій монастырь впослѣдствіи окрѣпъ и выросъ, затмевая при княжой помощи даже Печерскій, такъ какъ линія Всеволода надолго овладѣла впослѣдствіи Кіевскимъ столомъ, а св. Спаса монастырь не успѣлъ стать на твердое основаніе, испытывая на себѣ всѣ невзгоды, выпавшія на головы Гореславичей. Если это монастырь братьевъ Изяслава, построившаго свой Дмитровскій монастырь, то въ этомъ совмѣстномъ построеніи княжьихъ монастырей трехъ линій въ Кіевѣ, можетъ быть, есть намекъ, намъ теперь трудно-уловимый, на какое-то особое отношеніе князей къ Кіеву, едва-ли считавшемуся въ

[1]) Ипатьев., 6578 г.

[2]) Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви. I². Изд. 2. М. 1904. Стр. 585—6.

полновластномъ распоряженіи Изяслава. Княжескіе монастыри были и мѣстомъ остановокъ, и мѣстомъ погребенія князей. Неужели, только чтобы лечь по смерти въ Кіевѣ, да имѣть мѣсто для пребыванія во время пріѣздовъ, строили князья свои монастыри?

Во всякомъ случаѣ въ фактѣ построенія трехъ монастырей въ Кіевѣ тремя братьями (ни одинъ не пользуется отцовскимъ монастыремъ св. Георгія) нельзя не видѣть результата какого-то соглашенія, и его естественно ставить въ связь по смыслу и времени съ соглашеніемъ объ епископскихъ каѳедрахъ для Переяславля и Чернигова.

Все вмѣстѣ взятое, такимъ образомъ, говоритъ намъ, что церковный вопросъ уладился для Ярославичей не сразу, а къ 1066—70 гг.

§ 36*г*. Тогда возникаетъ предположеніе, не къ этимъ ли годамъ нужно отнести перемѣну на митрополичьемъ престолѣ Ефрема на грека Георгія, такъ какъ правдоподобнѣе думать, что согласіе на отдѣленіе отъ митрополичьей десятины новыхъ епископій удобнѣе и легче можно было получить при назначеніи новаго митрополита. Возможно, что это обусловливало со стороны грековъ и появленіе именно греческаго кандидата, пріемлемаго Ярославичами, какъ нейтральнаго. На основаніи записи Мстиславова Евангелія, подъ 4 ноября: „въ тотъ же день священіе св. Софіи, иже есть въ Кіевѣ. Священа Ефремомъ митрополитомъ“ [1]), при естественномъ предположеніи, что „священіе“ это было въ воскресенье, для времени съ 1051 г. до 1072 г. имѣемъ указаніе на пребываніе еще митрополита Ефрема на каѳедрѣ Кіева или въ 1061 г. или въ 1067 г., когда 4 ноября приходилось въ воскресенье.

§ 36*д*. Не лишено вѣроятія предположеніе, что переговоры Ярославичей съ Византіей о поставленіи новаго митро-

полита, каковымъ явился (впослѣдствіи) Георгій, вызывали въ Кіевѣ тревогу и опасенія, выразителемъ которыхъ явился тотъ волхвъ, разсказъ о которомъ Кіево-Печерскій сводъ 1073 г. сообщалъ, по догадкѣ А. А. Шахматова, подъ 6573 (1065) г., а Начальный сводъ перенесъ подъ 1071 (6579 г.) [1]). „Въ си же времена приде вълхвъ, прельщенъ бѣсъмъ; пришьдъ бо Кыеву, глаголаше: „явило ми ся есть 5 богъ, глаголющь сице: повѣдаи людьмъ, яко на пятое лѣто Дънѣпру потещи въспять, а землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Грьчьстѣ земли на Русьстѣ, а Русьстѣ на Грьчьстѣ, и прочимъ землямъ измѣнитися"; его же невѣгласи послушахуть, вѣрьнии же насмѣхахуться, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ". Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть без вѣсти" [2]). Нельзя ли въ этомъ, можетъ быть умышленно затемненномъ, изложеніи рѣчей волхва прочитать все ту же языческо-національную проповѣдь независимости и боязнь утраты въ христіанствѣ политической самостоятельности, съ каковой проповѣдью и даже партіею мы встрѣчались ранѣе въ Кіевѣ?

§ 37. Дружба и союзъ Ярославичей, какъ извѣстно, продолжались недолго. Нападеніе Половцевъ положило начало новой группировкѣ земель, спутавъ бывшее до сихъ поръ единодушіе въ ихъ распредѣленіи. Послѣ несчастной битвы на Альтѣ (1068 г.) въ Кіевѣ разыгралась первая описанная въ нашихъ источникахъ южная революція [3]), быстро окончившаяся удаленіемъ Изяслава и вступленіемъ на Кіевскій столъ „высѣченнаго изъ поруба" Всеслава. Загадочны отношенія Кіевлянъ къ Всеславу, неожиданно, по ходу разсказа, посаженному на столъ Кіева. Когда Изяславъ съ двоюроднымъ своимъ братомъ Болеславомъ пошелъ на Кіевъ и Всеслава, а послѣдній, можетъ быть опасаясь въ тылу Ярославичей, бѣжалъ,

[1]) Шахматовъ, А. А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, 456—457.
[2]) Шахматовъ, А. А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 509.

„утаивься Кыянъ", въ Полоцкъ, Кіевляне, возвратившись съ похода въ Кіевъ, „сотворили" вѣче и обратились за посредничествомъ къ Святославу и Всеволоду. Въ словахъ Кіевлянъ: „мы уже зъло сътворили есмы, къняза своего прогънавъше, а се, ведеть на ны Лядьску землю, а поидѣша въ градъ отьца своего; аще ли не хощета, то намъ неволя зажыгъшемъ градъ свои ступити въ Грьчьску землю",—какъ будто звучитъ недовольство прежней гречествующей политикой Изяслава, которую, однако, въ данный моментъ даже въ утрированномъ видѣ предпочитаетъ надвигающейся Польской. Если съ этимъ сопоставить отсутствіе митрополита не только въ переговорахъ Кіевлянъ и братьевъ съ Изяславомъ, но и въ моментъ вступленія Изяслава въ покорившійся Кіевъ („изидоша людие противу съ поклономъ, и приняша къязь свои Кыяне"), то возникаетъ предположеніе, не вплетался ли въ недовольство Кіевлянъ противъ Изяслава протестъ противъ церковной его политики, и не соединялся ли этотъ протестъ съ симпатіями къ Всеславу, обиженному при установленіи новыхъ епископскихъ каѳедръ, и естественно, враждебному греческой митрополіи Кіева?

§ 38. Княженіе Изяслава въ Кіевѣ ознаменовалось построеніемъ новой церкви первымъ нашимъ русскимъ святымъ—свв. братьямъ Борису и Глѣбу. Возможно, что событіе это вовсе не было какимъ-либо чрезвычайнымъ актомъ церковной жизни Кіевской Руси и, по крайней мѣрѣ, въ изложеніи причины построенія новой церкви звучатъ очень прозаическіе мотивы—обветшаніе стараго Ярославовой постройки храма. Но обстоятельства, сопровождавшія все это дѣло, открываютъ намъ нѣсколько новыхъ штриховъ въ жизни Кіевской митрополіи съ одной стороны, княжескихъ воззрѣній—съ другой. Митрополитъ—грекъ Георгій, не будь этого описанія церковнаго торжества 1072 г., промелькнулъ бы въ лѣтописи пустою

Изъ записей Вышегородской церкви (разныхъ редакцій), которыми пользовались Несторъ въ своемъ Чтеніи и Житійное сказаніе [1]), узнаемъ прежде всего, что отношеніе князей къ памяти первыхъ русскихъ святыхъ остается въ той же формѣ настойчиваго почитанія, какое видно было и въ пору княженія Ярослава и какое естественно не умалялось, а возрастало помѣрѣ тяжестей греческихъ притязаній и обиднаго пренебреженія новой паствой. Какъ Ярославъ, такъ и новый политическій обладатель Вышгорода—торжественно справлялъ „праздникъ велии на память святою", украшая его щедрою милостынею „нищимъ и оубогымъ всѣмъ" [2]). Ветхость старой церкви наводитъ Изяслава на мысль о новой (тоже деревянной) постройкѣ, что̀ и естественно, такъ какъ старой церкви было около полувѣка [3]). Новую церковь Изяславъ „назнаменовалъ" близъ старой и „моли пр. митрополита Георгия, тогда пасуща Христово стадо, да сотворитъ молитву на мѣстѣ томъ" [4]). Скоро церковь была выстроена, и князь далъ средства на украшеніе церкви („отъ дани княжи"). По просьбѣ князя („моли") митрополитъ Георгій „събра вьсь причетъ церковный и тако изидоша съ кресты въ прежереченый градъ, идеже бѣ тѣло святою" [4]). 19 мая 1072 г. „сотвориша обычное обновление церкви новѣи и святую же литургию въ неи скончаша". 20-го же мая было совершено перенесеніе мощей въ новую церковь. На торжествѣ были всѣ три Ярославича, большинство епископовъ (Неофитъ Черниговскій, Петръ Переяславскій, Никита Бѣлозерскій (? Бѣлгородскій), Михаилъ Юрьевскій, т.-е. не было епископа Ѳедора Новгородскаго и Ростовскаго епископа Леонтія, о причинахъ отсутствія котораго см. ниже § 42*б*) [5]) и множество духовенства и народа. Сначала

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ. §§ 42, 43 и 44.
[2]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 31.
[3]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 58, пр. 1.
[4]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 32.

торжественно перенесли мощи Бориса въ деревянной ракѣ и въ новой церкви положили въ раку каменную [1]). Здѣсь обнаружилось, что мощи Бориса цѣлы („ти видѣша цѣла лежаща"), а церковь „исполнися благыа воня" [2]). Всѣ прославили Бога, а митрополита „обиде оужасъ, бяше бо не твердо вѣруа къ святыма" [3]). Несторъ говоритъ откровеннѣе: „митрополитъ же бѣ невѣрьствуа, яко свята блаженаа" [4]). Такимъ образомъ, чудо, проявленіе Господней воли, заставило невѣрствующаго грека увѣровать и покаяться. Палъ ли онъ при этомъ ницъ [5]), или только „воздвигъ" руки на небо и повернулся на востокъ, принося прощеніе и свидѣтельствуя о святости братьевъ [6]),— фактъ побѣды русскаго святого надъ грекомъ оставался въ памяти восторженнаго народа. Затѣмъ везли мощи Глѣба на саняхъ, такъ какъ онѣ были уже въ каменной ракѣ, и здѣсь новое чудо съ остановкою на порогѣ храма засвидѣтельствовало невѣрующимъ святость и другого мученика [7]). Затѣмъ прикладывались къ мощамъ, цѣлуя главу св. Бориса и благословляясь рукою св. Глѣба. Отдѣльно отъ братьевъ Святославъ взялъ руку митрополита, держащаго руку св. Глѣба, и приложилъ послѣднюю „къ вреду, имъ же боляше на шии [8]), и ко очима, и къ тѣмени" [9]), при чемъ въ волосахъ Святослава остался ноготь св. Глѣба, что̀ было понято окружающими, какъ доброе проявленіе милости св. Глѣба искавшему исцѣленія Святославу. Послѣ литургіи былъ торжественный общій обѣдъ, раздача милостыни и установленіе новаго ежегоднаго праздника святымъ 20 мая [9]).

---

[1]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 75—76.
[2]) Ibid., 33.
[3]) Ibid., 76.
[4]) Ibid., 33.
[5]) Ibid., 76.
[6]) Ibid., 33.
[7]) Ibid., 76.
[8]) Отъ неудачной операціи этого „вреда" Святославъ и скончался

Не въ правѣ ли мы на основаніи изложеннаго сказать, что настроенія и воззрѣнія митрополита и князей по-старому, какъ во времена перваго митрополита Ѳеопемпта и ихъ отца Ярослава, расходились между собою? Здѣсь особенно характерно, что митрополитъ не вѣровалъ русскимъ святымъ, хотя канонизація ихъ давно совершилась, была церковь имени свв. братьевъ, наконецъ, былъ ежегодный праздникъ 24-го іюля, справлявшійся почти полвѣка русскою церковью. Не ясна ли въ этомъ политика Византіи, уступавшая въ церковномъ дѣлѣ (какъ и въ государственныхъ) лишь по нуждѣ, никогда дѣйствительно не признавая уступокъ, старательно ликвидируемыхъ при первой возможности? Наконецъ, и эта заносчивость ромея, не скрывавшаго своего невѣрія въ то, что было особенно дорого всякому русскому сердцу.

При разставаніи, по торжествѣ 20-го мая, братья „цѣловашеся“ и „мирно разидошася кождо во своа си“ [1]). А въ слѣдующемъ году вспыхнула вражда, приведшая къ политической и, кажется, церковной перемѣнѣ.

§ 39. Въ мартѣ 1073 г. Святославъ со Всеволодомъ изгнали изъ Кіева Изяслава. Нельзя не согласиться съ объясненіемъ враждебныхъ дѣйствій братьевъ противъ Изяслава, предложеннымъ проф. М. Грушевскимъ, какъ отвѣтъ на предполагаемую попытку Изяслава въ союзѣ со Всеславомъ вернуть себѣ Новгородъ, отданный Святославу въ пору плѣненія Всеслава въ „порубѣ“ и пріобщенія къ Кіеву Полоцка [2]). Обладаніе Кіевомъ ставитъ Святослава въ сложное въ международномъ отношеніи положеніе: Изяславъ старается добыть себѣ поддержку сначала у Болеслава Польскаго, потомъ у императора Генриха IV и, наконецъ, папы Григорія VII.

Трудно возстановить всѣ подробности этихъ событій. Попытка Изяслава найти поддержку у Болеслава оказалась не тщетной: Болеславъ началъ военныя дѣйствія, окончившіяся

[1]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 76.

миромъ у Сутейска, что было не позже конца 1074 г. [1]). Позднѣе, въ 1076 г., Святославъ даже помогаетъ Болеславу въ его борьбѣ съ Чехами [2]). Мы совершенно не знаемъ условій мира у Сутейска. Въ концѣ 1074 года Изяславъ обращается къ императору Генриху IV и представляется ему въ Майнцѣ въ январѣ 1075 г. Генрихъ, занятый личными дѣлами, не могъ оказать дѣйствительной помощи Изяславу, ограничившись отправленіемъ къ Святославу въ Кіевъ посольства, среди котораго былъ зять Святослава, Бурхардтъ. Объ этомъ посольствѣ помнитъ и наша лѣтопись, относя событіе къ 1075 г. [3]). Чѣмъ отвѣтилъ Святославъ на это вмѣшательство императора, мы не знаемъ, хотя богатые дары Святослава, привезенные изъ Руси посольствомъ, намекаютъ на благополучный для Святослава результатъ переговоровъ, въ чемъ западный лѣтописецъ склоненъ видѣть вліяніе ходатайства предъ императоромъ, сначала грозившимъ Святославу войною [4]), зятя Святослава, Бурхардта [5]). Еще весною 1075 г. Изяславъ, потерявъ надежду на помощь Генриха, отправилъ сына [6]) къ папѣ Григорію VII. Грамоты папы (отъ 1075 г.) [7]) не проливаютъ намъ большого свѣта на эти событія, хотя нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ грамотѣ Болеславу папа лишь проситъ его вернуть Изяславу взятыя ранѣе сокровища. Что касается дѣйствительной помощи отъ папы для возвращенія Кіевскаго стола, то объ ней нѣтъ рѣчи въ грамотахъ и объ ней, вѣроятно, должны были говорить послы, которыхъ Изяславъ долженъ былъ принять съ вѣрою и лю-

[1]) Линниченко, Ив. Взаим. отнош. Руси и Польши, К. 1884, стр. 115—116; Грушевський, М. Історія України—Руси. Т. II, вид. др., 63.

[2]) Лавр. 6584 г.

[3]) Лавр. 6583 г.

[4]) Pertz, Monumenta Germaniae, V, 219.

[5]) Pertz, Monumenta Germaniae, V, 230.

[6]) Вѣроятно, Ярополка, см. H. V. Sauerland и A. Haseloff. Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier, Codex Gertrudianus in Cividale (1901)

бовью. Правда, грамота Изяславу не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что папа его считаетъ главою Русскаго королевства, врученнаго отъ имени св. Петра, но это можетъ быть объяснимо обычною дальновидностью дипломатической дѣятельности куріи.

§ 40*a*. Любопытно отмѣтить, что на-ряду съ указанными переговорами Святослава съ западными государями и папой шли какія-то тревожныя отношенія съ Византіей. Подъ 1073 г. (6581) въ лѣтописи читается извѣстіе объ „основаніи" Печерской церкви игуменомъ Ѳеодосіемъ и епископомъ Михаиломъ, „митрополиту Георгію тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Кыевѣ сѣдящю" [1]). Конечно, трудно догадаться, что̀ за причина отъѣзда митрополита изъ Кіева. Но приведенное извѣстіе получаетъ нѣкоторый смыслъ въ сопоставленіи съ рядомъ другихъ наблюденій.

Мы имѣемъ въ виду тѣ два письма императора Михаила VII Дуки къ неназываемому по имени государю, на которыя уже давно обратилъ вниманіе В. Г. Васильевскій [2]). Какъ извѣстно, В. Г. отнесъ эти письма къ князю Всеволоду Ярославичу, собравъ данныя, подтверждающія его предположеніе съ достаточною полнотою. Не все изъ данныхъ В. Г. можетъ теперь быть принято нами, но зато многое можетъ быть добавлено въ подтвержденіе его мысли.

Письма Михаила VII Дуки, какъ извѣстно, предлагаютъ неназванному по имени государю бракъ его дочери съ порфиророднымъ братомъ императора, указывая на большое отличіе въ смыслѣ чести этого брака съ тѣмъ, о которомъ было соглашеніе адрессата о другой дочери съ сыномъ прежняго совластителя императора Михаила (т.-е. Романа Діогена). Въ этомъ смыслѣ письмо подходитъ къ князю Всеволоду Ярославичу, родство котораго съ Романомъ Діогеномъ возможно уста-

[1]) Лавр.

[2]) Труды, т. II, 3—55 стр. Текстъ въ Bibliotheca graeca medii aevi.

новить по лѣтописи, а дочь Ярослава—Янька—вполнѣ подходитъ подъ образъ невѣсты неудачнаго жениха [1]).

За высокую честь предлагаемаго брака императоръ требовалъ военной помощи: „Итакъ, отнынѣ тебѣ, какъ удостоенному родства съ моимъ державствомъ, слѣдуетъ, во-первыхъ, радоваться и веселиться по этому поводу и считать соглашеніе по истинѣ совершеннымъ и быть стражемъ нашихъ границъ, щадить область, намъ подвластную, быть союзникомъ и быть за-одно противникомъ во всемъ и противъ всѣхъ, съ благорасположеніемъ относиться къ тѣмъ, кто къ намъ благорасположенъ, отвергать и ненавидѣть тѣхъ, кто намъ враждебенъ".

Предположеніе В. Г. о томъ, что въ связи съ этимъ нужно понимать извѣстіе Татищева о походѣ на возставшихъ противъ императора Корсунянъ—Владиміра Мономаха и Глѣба Святославича (вмѣстѣ съ извѣстіемъ Муральта)—приходится отвергнуть, потому что въ Поученіи Владиміръ этого похода не упоминаетъ, а Глѣбъ сидѣлъ въ годы предполагаемаго похода въ Новгородѣ. Но отвергая именно это конкретное указаніе на помощь Всеволода, странную и по участію въ ней Глѣба Святославича, отца котораго письма обходятъ не безъ умысла, мы думаемъ,—вслѣдъ за В. Г.,—что письма дѣйствительно можно пріурочить къ 1073—74 г.г., и смыслъ помощи видѣть не въ походѣ на Корсунь, а въ невмѣшательствѣ въ событія болгарскаго возстанія 1073 г. и безпокойства, вылившагося въ 1074 г. въ походъ подъ Константинополь, „придунайской вольницы" [2]), и это тѣмъ болѣе, что приведенное мѣсто письма говоритъ лишь объ обереганьи границъ Имперіи и пощадѣ подвластной области, т.-е. о воздержаніи князя отъ предполагавшагося, повидимому, похода на Византійскія границы.

Если принять съ этою послѣднею оговоркою предположеніе В. Г. Васильевскаго и счесть письма императора къ князю Всеволоду, то передъ нами цѣлый рядъ выводовъ, цѣнныхъ

для объясненій русскихъ событій. Правда, есть трудность въ томъ обстоятельствѣ, что мы не знаемъ, каковы взаимныя отношенія писемъ въ ихъ хронологической связи, какъ и того, оба ли они были посланы, или въ одномъ изъ нихъ нужно видѣть лишь черновой проектъ. Но для нашихъ выводовъ эти вопросы не играютъ существенной роли, такъ какъ даже въ формѣ проекта любое письмо не теряетъ своего историческаго значенія.

§ 40*б*. Достойна вниманія, прежде всего, та, несвойственная византійскому политическому идеалу, нота смиренія, которая отчетливо звучитъ въ письмахъ, опредѣляющихъ какъ бы новыя отношенія: „Я люблю миръ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ людей, и желаю править моимъ государствомъ не на основаніи какого-либо стремленія къ расширенію его, такъ что ради этого враждовать съ правителями народовъ, но, считая для себя достаточнымъ то царство, которое я получилъ отъ Бога, я хочу привязать къ себѣ посредствомъ дружбы наиболѣе властительныхъ и разумныхъ мужей, каковъ ты, и какъ бы укрѣпить ихъ и укрѣпить себя такимъ единомышленнымъ союзомъ и настроеніемъ“. И дальше легко видѣть намеки на бывшія разногласія, долженствующія теперь смѣниться дружбою: „Итакъ, было бы нелѣпо и неразумно,... чтобы согласные между собою въ важнѣйшемъ разногласили въ маловажнѣйшемъ, чтобы спорили другъ съ другомъ объ ихъ (взаимныхъ) властяхъ тѣ, которые одного и того же Бога предпоставили (высшимъ) правителемъ въ собственныхъ государствахъ. Это было бы не что другое, какъ разсѣченіе одного и того же тѣла, растерзаніе и раздробленіе наиближайше соединенныхъ членовъ“. Въ другомъ мѣстѣ: „для насъ обоихъ, имѣющихъ соединиться дружбою, будетъ служить краеугольнымъ камнемъ самъ Господь, соединяющій прежде раздѣленное и связывающій единою средою въ самое точное скрѣпленіе“. Или: „связался союзъ любви... чрезъ общеніе двухъ родовъ, что̀ уничтожаетъ всякій споръ и

Отсюда имѣемъ право рисовать себѣ слѣдующую картину событій. Въ Кіевской Руси между митрополитомъ Георгіемъ и князьями сложились недобрыя отношенія, грозившія перейти при первой возможности въ открытый разрывъ. Въ этой связи стоялъ отъѣздъ митрополита въ Грецію и какой-то замышляемый походъ Руси, вѣроятно, въ связи съ неспокойными событіями на Дунаѣ. Можетъ быть, могло здѣсь примѣшиваться и безпокойное чувство князей отъ свержения Романа Діогена, родство съ которымъ Всеволода могло служить до того извѣстной гарантіей уваженія Имперіи къ княжеской семьѣ и русскимъ дѣламъ. Позволительно здѣсь подчеркнуть этотъ предшествующій сговоръ сына Романа съ дочерью Всеволода, можетъ быть, смягчавшій въ свое время появленіе грека Георгія на митрополичьемъ престолѣ Кіева. Въ предотвращеніе готовящагося похода императоръ спѣшитъ съ предложеніемъ брачнаго союза, который долженъ врага сдѣлать союзникомъ.

Письма адресовались Всеволоду, князю Переяславля, и естественно возникаетъ вопросъ, почему именно ему, а не Святославу. Въ письмахъ объ этомъ говорится несомнительно: „я хочу привязать къ себѣ посредствомъ дружбы наиболѣе властительныхъ и разумныхъ мужей, какъ ты... Относительно тебя это имѣетъ мѣсто даже болѣе, чѣмъ относительно другихъ правителей. Ибо союзъ съ тѣми, кто не имѣетъ одного съ нами благочестія, былъ бы неполнымъ, такъ какъ не доставало бы самаго существеннаго пункта; я разумѣю согласіе въ божественномъ обрядѣ“. И далѣе: „мало заботясь о другихъ правителяхъ, предпочитаю заключить союзъ съ тобою первымъ, прежде всего и болѣе всего ради тожества въ благочестіи, а не менѣе того по причинѣ сходства въ нашемъ образѣ мыслей“. Въ другомъ письмѣ менѣе рѣзко: „И что касается другихъ властителей народовъ, то я полагаю, достаточно будетъ, если я засвидѣтельствую имъ любовь письменно; они должны почи-

желать войны и раздора... и не удивляйся, что я тебя возвышаю изъ среды другихъ властителей и удостоиваю большой чести, ибо тождество исповѣданія и вѣры божественной уже сдѣлало ту наиточнѣйшую гармонію въ нашемъ взаимномъ настроеніи, о которой было выше сказано".

Можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ выводъ, къ которому ведутъ насъ выписанныя выше мѣста писемъ, но выводъ этотъ естественъ. Въ числѣ „другихъ властителей народовъ", изъ среды которыхъ императоръ „возвышаетъ" своимъ предложеніемъ брачнаго союза князя Всеволода,—нельзя не видѣть и Кіевскаго владѣльца, къ которому императоръ въ числѣ прочихъ „властителей" собирается лишь письменно засвидѣтельствовать свою любовь. Конечно, Святославъ разумѣется и подъ „другими правителями", которые не имѣютъ съ императоромъ одного благочестія, т.-е. „согласія въ божественномъ обрядѣ". Значитъ, Святославъ Кіевскій рѣзко разорвалъ съ греческой митрополіей, что, повидимому, повело не только къ отъѣзду митрополита, но и къ угрозѣ Святослава перейти въ обрядъ Западной церкви, впрочемъ, какъ увидимъ ниже, такъ и оставшейся угрозой. Во всякомъ случаѣ, въ Константинополѣ съ этимъ считались и принимали въ соображеніе менѣе рѣзкое поведеніе Всеволода въ возникшемъ раздорѣ. Не даромъ письма полны восхищенія императора передъ миролюбіемъ и умомъ Всеволода. Къ этому нужно прибавить, что предполагаемый по письмамъ императора походъ на Имперію, вѣроятно, долженъ былъ предпринять Всеволодъ, такъ какъ Святославъ былъ занятъ отношеніями съ Западомъ.

§ 41*а*. Повидимому, въ Переяславль посылались изъ Константинополя не только письма, но былъ посланъ и митрополитъ, нашедшій здѣсь пріемъ и пріютъ въ то время, когда Святославъ своимъ разрывомъ съ Византійской имперіей и возможными переговорами съ Западомъ обезоруживалъ и Польшу, и Генриха IV, и, кажется, самого папу Григорія VII.

лѣтописи, послужившія къ цѣлому ряду безосновательныхъ предположеній и сохраненныя намъ только Лаврентьевскимъ сводомъ: „В се же лѣто священа бысть церкы св. Михаила (Переяславьская) Ефрѣмомъ, митрополитомь тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславли митрополья, и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды“ [1]). Изъ начальной исторіи Печерскаго монастыря мы узнаемъ подробно личность Ефрема „митрополита“ въ Переяславлѣ. Сейчасъ достаточно того указанія, что изъ всѣхъ епископовъ Переяславскихъ только онъ носилъ титулъ митрополита, о чемъ помнитъ и Несторъ въ житіи Ѳеодосія [2]). Естественно предположеніе митрополита Макарія [3]), что Ефремъ носилъ имя митрополита только титулярно, такъ какъ одновременно съ нимъ въ Кіевѣ называется митрополитъ [4]). Почему Ефрему данъ былъ этотъ титулъ и сообщаетъ Лаврентьевскій сводъ: въ память того, что прежде здѣсь была митрополія. На вопросъ, когда же митрополія была въ Переяславлѣ, остается для отвѣта сдѣлать одно предположеніе: когда-то между 1073 г.,—годомъ отъѣзда митрополита Георгія въ Грецію,—и 1086 г., подъ которымъ упоминается митрополитъ Іоаннъ, погребающій Ярополка Изяславича. Сопоставляя этотъ выводъ съ указаніями, извлеченными изъ писемъ Михаила VII Дуки, на отступленіе Святослава отъ греческаго обряда и вѣрностію въ этомъ Всеволода, можемъ отнести пребываніе митрополита въ Переяславлѣ къ 1074—1078 гг., такъ какъ въ этомъ году ставится епископъ Германъ въ Новгородъ, гдѣ сидитъ сынъ Изяслава, что̀ свидѣтельствуетъ о примиреніи вернувшагося на Кіевскій столъ Изяслава съ греческой митрополіей.

---

[1]) Лаврент., 6597 (1089) г.

[2]) Патерикъ Кіево-Печерскаго монастыря. Памятники сл. рус. письменности, т. II, стр. 25.

§ 41б. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что до насъ сохранилось имя этого Переяславскаго митрополита изъ извѣстнаго написанія, греческаго сочиненія противъ Латынянъ: „Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας". Пріуроченіе и сочиненія, и автора его къ 1074—1078 гг. снимаетъ вопросъ, возможно ли было появленіе сочиненія противъ опрѣсноковъ ранѣе 1053 г. [1]), вставшій предъ изслѣдователями, относившими сочиненіе это вмѣстѣ съ авторомъ ко времени между 991 и 1004 или 1008 гг. [2]). Нельзя упускать изъ виду, какъ это дѣлалось обычно при разборѣ указаннаго сочиненія, что въ словахъ его: „Кто изъ учителей церкви предалъ вамъ, Римляне, такое странное правило (ἀτόπημα), расторгать законные браки священно-служителей?" [3])—опять находимъ указанія для датировки сочиненія митрополита Льва, такъ какъ борьба католической церкви съ женатымъ клиромъ, какъ извѣстно, послѣдовательно стала проводиться лишь въ серединѣ XI в., достигнувъ остроты въ понтификатъ Николая II (Латеранскій соборъ 1059 г.) и захвативъ непрерывное время до понтификата Григорія VII, съ огромной настойчивостью добившагося осуществленіи этой мѣры [4]). Въ нашей датировкѣ

---

[1]) Павловъ, А. С. Критическіе опыты по исторіи др. гр.-рус. полемики противъ Латынянъ. Спб. 1878, стр. 29—39.

[2]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви, т. I[1]; изд. 2, стр. 282.

[3]) Текстъ у Павлова, А. С. Критич. опыты по исторіи др. гр.-рус. полемики противъ Латынянъ, Спб. 1878, стр. 130. Переводъ взятъ пр. Филарета (Врем. Моск. Об. Ист. и Др. т. V, 1850, стр. 17).

[4]) Трубецкой, Е., князь. Религіозно-обществ. идеалъ западн. христ. въ XI в., в. I, стр. 155—189. X и первая половина XI вв. были въ католической церкви временемъ ослабленія въ вопросѣ о целибатѣ. Моментомъ возобновленія (да и то краткаго и малоуспѣшнаго) борьбы папства съ женатымъ духовенствомъ нужно считать Павійскій соборъ 1018 г. при папѣ Бенедиктѣ VIII, если не считать постановленій отдѣльныхъ соборовъ (Ингельгеймскаго 948 г., Аугсбургскаго 952 г. и Равеннскаго 967 г.), что даетъ право говорить о бракахъ духовенства въ первой половинѣ XI в., какъ о всеобщемъ обычаѣ (P. Hinschius. System des katholischen Kirchenrechts, в. I, 1869, 150). Митрополитъ Левъ, обычно относимый къ 991—1004 или 1008 гг., слѣдовательно, по мѣсту появленія настоящія

сочиненія митрополита Льва къ 1074—1078 гг. вопросъ о расторженіи браковъ женатаго духовенства звучитъ въ устахъ автора, какъ указаніе на живую, волнующую Западъ современность.

§ 42*a*. Все сказанное можетъ послужить намъ къ нѣкоторому разъясненію темнаго вопроса о начальной исторіи каѳедры стараго Ростова.

Какъ извѣстно, въ 1164 г. въ Ростовѣ при основаніи новой соборной церкви были найдены мощи Леонтія и Исаіи, епископовъ Ростовскихъ. Относительно перваго изъ нихъ была составлена записка о жизни и судьбѣ его тѣла (1170—1174 г.), слившаяся потомъ (1194—1204 г.) съ преданіемъ о жизни св. Леонтія, выбранными извѣстіями изъ лѣтописи о мощахъ, извѣстіями о праздникахъ и чудесахъ 1194 г. [1]). Такъ появилось Житіе, вызванное установленіемъ празднованія памяти св. Леонтія въ 1190 г. Житіе это сообщало, что Леонтій родился и воспитывался въ Царьградѣ „и за премногую его добродѣтель поставленъ бысть епископом граду Ростову", что до Леонтія здѣсь были епископы Ѳеодоръ и Ларіонъ, которые „избѣгоша не терпяще неверия и досажения людии" и что послѣ обращенія ростовцевъ Леонтій „с миром отъиде" къ Господу [2]).

Симонъ, епископъ Владимірскій, въ посланіи своемъ къ Поликарпу, по времени очень близкомъ къ указанному Житію св. Леонтія, сообщаетъ объ этомъ послѣднемъ иное. Симонъ, конечно, зналъ о тѣхъ свѣдѣніяхъ, что̀ читались въ Житіи св. Леонтія, и, слѣдовательно, сознательно имъ противорѣчилъ. Это можно думать и потому, что сообщеніе епископа Симона свѣдѣній о жизни св. Леонтія стоитъ въ ряду именъ другихъ еписко-

---

т.-е. во время прекращенія борьбы противъ этихъ браковъ. Павійскій соборъ м. б. точнѣе относить даже къ 1022 г. (Трубецкой, Е., князь, op. cit., 370 и пр. 2).

[1]) Ключевскій, В. О. Житія святыхъ, какъ истор. источникъ, М.

повъ, приводимыхъ Симономъ лишь съ обозначеніемъ каѳедръ, ими занимаемыхъ при жизни, что показываетъ въ авторѣ особое желаніе подѣлиться свѣдѣніями о жизни св. Леонтія, легко понятномъ, если помнить, что свѣдѣнія эти опровергали свѣдѣнія Житія. Изъ сообщенія епископа Симона узнаемъ, что св. Леонтій былъ изъ монаховъ Кіево-Печерскаго монастыря, русскій, что онъ былъ первый епископъ Ростову („и се бысть пръвый престолникъ"), мученически кончилъ свою жизнь, являясь третьимъ мученикомъ на Руси за Христову вѣру („и се третій гражанинъ бысть Рускаго мира: съ онема Варягома вѣнчася отъ Христа") [1]).

Всѣ попытки согласовать разнорѣчіе приведенныхъ источниковъ нужно признать неудачными, такъ какъ слишкомъ ясна подчеркнутость противорѣчія епископа Симона. Остается догадываться о причинахъ этого противорѣчія Симона. Онѣ становятся понятны изъ слѣдующихъ соображеній. Когда открылись мощи свв. Леонтія и Исаіи, Андрей Боголюбскій пожелалъ канонизаціи новыхъ святыхъ. Въ словахъ князя: „хвалю и славлю Тя, Господи Боже мои, и пречистою Матерь Твою, яко сподобилъ мя еси сицею сокровища въ области моего царьствия видѣти; уже ничемже охуженъ есмъ, милости Твоея дарова благодати Божия о сем святѣмъ мужѣ" [2] — читаемъ радость князя, добивавшагося митрополіи для своего княжества и видѣвшаго въ открытіи мощей еще одно изъ основаній своего права на устроеніе митрополіи. Житіе св. Леонтія должно было служить той же цѣли; въ немъ разсказывалось о древности Ростовской каѳедры, для чего были присочинены имена епископовъ Ѳеодора и Ларіона, впослѣдствіи, можетъ быть именно по первоначальному тексту Житія первой редакціи [3]), объявленныхъ присланными прямо изъ Царьграда, такъ что

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря. Памятники ст. рус. письменности, II, стр. 76.

Леонтій оказывался третьимъ епископомъ Ростовской каѳедры, объявленный, какъ и два предшествующіе, грекомъ, родомъ изъ Царьграда, присланный Константинопольскимъ патріархомъ. Это дѣлало Ростовскую каѳедру очень древнею по устроенію и съ перваго же времени подчиненною не митрополиту Кіевскому, а Константинопольскому патріарху. Такъ Житіе, жертвуя исторической правдой, служило цѣлямъ княжескихъ домоганій въ полученіи для своего княженія митрополіи. Но канонизація св. Леонтія не встрѣтила признанія со стороны митрополичьей каѳедры Кіева, находившейся въ рѣзкомъ разрывѣ съ епископомъ Ѳеодоромъ, получившимъ свой санъ отъ патріарха помимо митрополита и мечтавшимъ вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ о митрополіи для Владиміра. Когда чрезъ 30 лѣтъ, въ 1190 г., былъ установленъ праздникъ памяти св. Леонтія, т.-е. канонизація его была признана всею церковью, первоначальное Житіе, составленное еще при епископѣ Ѳеодорѣ и князѣ Андреѣ Боголюбскомъ, было переработано и пополнено, при чемъ уничтожены или смягчены слѣды стремленій еп. Ѳеодора, оставившаго по себѣ въ Кіевѣ темную память [1]). Однако, переработка эта не имѣла цѣлью возстановить дѣйствительныя преданія, жившія о епископѣ Леонтіи и записанныя позднѣе епископомъ Симономъ [2]), потому что канонизація Печерскаго постриженика, если бы таковымъ былъ тогда названъ св. Леонтій, встрѣтила бы противодѣйствіе со стороны митрополіи, еще недавно имѣвшей столкновеніе съ монастыремъ, къ тому же кончившееся побѣдою не митрополита [3]). Поэтому, сокративъ лишь подробности, явно непріемлемыя для митрополіи, какъ подробность о присылкѣ епископовъ на Ростовскую каѳедру прямо отъ Константинопольскаго патріарха,— Житіе, составленное при епископѣ Іоаннѣ по канонизаціи

---

1) Каллаѳатій В. О. Житія святыхъ, стр. 19.

1190 г., все остальное въ первой редакціи оставило по-старому [1]).

Здѣсь же становится понятнымъ, что св. Исаія остался въ ту пору безъ прославленія. Если о жизни св. Леонтія не было письменнаго источника, а Житіе его, какъ впослѣдствіи и епископъ Симонъ, разсказывало на основаніи источниковъ устныхъ [2]), и это обстоятельство давало широкую возможность дѣлать изъ постриженика Печерскаго монастыря грека, воспитаннаго въ Царьградѣ, а это въ свою очередь, давало возможность легко добиться согласія на канонизацію Кіевскаго митрополита,—то въ совершенно иномъ положеніи находились свѣдѣнія о жизни св. Исаіи, занесенныя Несторомъ въ Житіе св. Ѳеодосія, хорошо извѣстное и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ. Мѣнять сообщеніе Нестора о поставленіи епископа Исаіи на Ростовскую каѳедру изъ постриженіковъ Печерскаго монастыря было неудобно, а это лишало возможности получить согласіе митрополичьей каѳедры на канонизацію русскаго.

Присочиненность и искаженія извѣстій о жизни св. Леонтія въ той и другой редакціи его Житія вызвали со стороны епископа Симона изложеніе тѣхъ дѣйствительныхъ преданій, какія сохранились о Ростовской каѳедрѣ и первомъ ея епископѣ св. Леонтіи, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ для Симона, что св. мученикъ вышелъ изъ одного съ Симономъ Печерскаго монастыря, о возвращеніи которому его былой славы и значенія въ русской церкви мечталъ авторъ посланія къ Поликарпу.

§ 42*б*. Такимъ образомъ, выясняется, что мы имѣемъ право считать, опираясь на свидѣтельство епископа Симона и противъ Житій св. Леонтія, что первымъ Ростовскимъ епископомъ былъ св. Леонтій, а вторымъ—св. Исаія, оба постриженики Печерскаго монастыря. Возникаетъ вопросъ, къ какому же времени можно пріурочить поставленіе на каѳедру Ро-

[1]) Подробность о присылкѣ первыхъ епископовъ на Ростовскую каѳедру отъ патріарха была возстановлена впослѣдствіи по тексту перваго

стова того и другого епископа? На основаніи данныхъ, правда, не безусловныхъ, кончину епископа Леонтія относятъ къ 1072 или 1073 г. [1]). Принимая въ соображеніе, что св. Леонтій принялъ мученическій вѣнецъ за распространеніе Христовой вѣры, т.-е. что время его пребыванія на каѳедрѣ было едвали продолжительнымъ, мы можемъ отнести устроеніе каѳедры Ростова къ событіямъ междукняжескихъ отношеній, послѣдовавшихъ послѣ плѣна Всеслава Полоцкаго и передѣла владѣній между Ярославичами, когда Новгородъ Изяславъ уступилъ Святославу за Полоцкъ, который взялъ себѣ, выдавъ Всеволоду—Смоленскъ [2]). При этомъ распредѣленіи земель число епископскихъ каѳедръ становилось неравномѣрнымъ: Изяславъ Кіевскій владѣлъ теперь тремя (Митрополія, Бѣлгородъ и Юрьевъ), Святославъ Черниговскій—двумя (Черниговъ и Новгородъ), а Всеволодъ — одной (Переяславской). Естественно было послѣднему домогаться себѣ новой епископіи, чтобы уравняться съ Святославомъ, къ чему прибавлялось и то основаніе, что безъ этой мѣры Ростовскій край оставался глухимъ къ христіанству.

Когда былъ поставленъ на Ростовскую каѳедру Исаія, опредѣлить можно съ большою точностью. Житіе указываетъ на 6570 г., какъ годъ поставленія Исаіи на игуменство въ Дмитровскій монастырь Изяслава, ошибочно называя митрополитомъ подъ этимъ годомъ Іону, а поставленіе на Ростовскую каѳедру относитъ къ 6585 г., называя здѣсь митрополитомъ Іоанна [3]). Если въ первомъ указаніи Житія гдѣ-нибудь ошибка—или въ годѣ или въ митрополитѣ, потому что въ 1062 г. не было митрополита Іоанна (Іона ошибочно изъ Іоанна), то во второмъ указаніи у насъ нѣтъ данныхъ заподозрѣть вѣрность даты. Такимъ образомъ, поставленіе Исаіи

[1]) Филаретъ, Рус. свят. Май, стр. 160; Ключевскій, В. Житія святыхъ, стр. 13, пр. 2.

на Ростовскую каѳедру можно отнести къ 1077 г. и принять имя митрополита Іоанна, поставившаго Исаію. Тотъ перерывъ въ замѣщеніи Ростовской каѳедры, который, вслѣдъ за В. О. Ключевскимъ, мы принимаемъ, какъ 1073—1077 гг. [1]), — нельзя не поставить въ связь съ изложенными выше событіями Кіевской митрополіи и обладаньемъ Поволожья за это время (1073—1076 гг.) Святославомъ Ярославичемъ [2]), у котораго былъ разрывъ съ митрополіей, переѣзжавшей на это время въ Переяславль Всеволода.

§ 43. Смерть Святослава Ярославича отъ старой болѣзни, послѣ неудачной операціи, въ 1076 г., вступленіе въ Кіевъ Всеволода изъ Переяславля—возстановили митрополію въ Кіевѣ, но, повидимому, митрополиту Льву уже не удалось дожить до этого времени, такъ какъ встрѣчаемъ въ Кіевѣ митрополита Іоанна. Это водвореніе митрополіи и установленіе вновь старыхъ связей Кіева съ Имперіей, повидимому, измѣняетъ отношеніе къ Кіеву Польши, такъ какъ Изяславъ, не находившій поддержки здѣсь противъ Святослава, теперь, черезъ $6^1/_2$ мѣсяцевъ по его смерти идетъ на Кіевъ, располагая помощью „Ляховъ". Послѣ мира со Всеволодомъ на Волыни Изяславъ садится на Кіевскій столъ, но церковныя отношенія, налаженныя Всеволодомъ—остаются. Митрополитъ Іоаннъ въ 1077 г. поставляетъ на Ростовскую каѳедру, входящую вновь въ политическое обладаніе Всеволода, игумена Изяславова Дмитровскаго монастыря Исаію, а въ 1078 г. въ Новгородъ, гдѣ сидитъ на столѣ Глѣбъ Святославичъ, постриженика Печерскаго монастыря Германа изъ игуменовъ Святославова монастыря св. Спаса.

Понятно отсутствіе имени митрополита Русскаго Льва въ спискахъ Кіевскихъ митрополитовъ. Поставленный въ эпоху разрыва Святослава съ греческою церковью, онъ не имѣлъ пребыванія въ Кіевѣ и оставался все время на каѳедрѣ Пе-

[1]) Ключевскій В. О. Житія святыхъ, стр. 37.

реяславля, что въ Россіи, и лишь его преемнику митрополиту Іоанну удалось возстановить митрополію въ Кіевѣ.

§ 44. Въ какія формы отливался разрывъ Святослава съ митрополіей для Кіева, мы не знаемъ, но, кажется, говорить о дѣйствительномъ установленіи иного обряда—будетъ преувеличеніемъ. Изъ частыхъ посѣщеній Святославомъ Кіево-Печерскаго монастыря, о чемъ рѣчь будетъ ниже, изъ построенія Святославомъ новой, теперь уже каменной церкви свв. Борису и Глѣбу въ Вышгородѣ, до окончанія которой не дожилъ Святославъ [1]), наконецъ, изъ поставленія на Новгородскую каѳедру въ 1078 г. игумена Спасскаго монастыря въ Кіевѣ, фамильнаго Святослава,—можно смѣло говорить о старыхъ формахъ обряда въ Кіевѣ за это время и видѣть въ разрывѣ, особенно послѣ замиренія съ Имперіей Всеволода, съ которымъ у Святослава не было ссоры, личное столкновеніе князя, подсказанное его упорству необходимостью обезоружить западныхъ союзниковъ Изяслава.

Любопытно отмѣтить, что память Святослава подверглась преслѣдованію въ Кіевѣ. Глохнетъ его Спасскій монастырь, а тѣло князя перевозится изъ Кіева въ Черниговъ,—первый случай внѣкіевскаго погребенія политическаго владѣльца Кіева. Наконецъ, и въ лѣтописаніи Святославу не посчастливилось, такъ какъ мы не находимъ здѣсь никакого надгробнаго слова, что объясняется враждебнымъ отношеніемъ къ нему и другихъ круговъ Кіевскаго общества, кромѣ митрополита.

§ 45. Новый Кіевскій митрополитъ, вступившій въ управленіе всей русскою церковью еще въ 1077 г., былъ незаурядной фигурой въ рядѣ греческихъ предстоятелей русской церкви. Лѣтопись помнитъ его, какъ выдающагося своею ученостью („хытръ книгамъ и ученью“) и достойнаго представителя своего высокаго сана [2]). Необходимо указать, что эта характеристика лѣтописи находитъ подтвержденье въ словахъ

племянника митрополита Іоанна, придворнаго поэта при императорѣ Калоіоаннѣ, Ѳедора Птохо-Продрома, который называетъ дядю, воспитавшаго его въ благочестіи, „сильнымъ въ словѣ“ [1]). Не короткое пребываніе на каѳедрѣ митрополита Іоанна, „нареченнаго пророкомъ Христа“ (1077—1089 г.) было использовано имъ, при довольно благопріятныхъ для митрополіи междукняжескихъ отношеніяхъ, несомнѣнно съ большимъ искусствомъ, надолго укрѣпивъ положеніе греческой митрополіи въ Кіевѣ.

§ 46*a*. Съ именемъ митрополита Іоанна извѣстно Посланіе къ (анти-) папѣ Клименту III (1080—1099 гг.), являющееся отвѣтнымъ на посланіе Климента III, доставленное чрезъ какого-то епископа (котораго Іоаннъ называетъ „ὁ ἱερὸς ἀνὴρ καὶ τὰ πάντα τίμιος καὶ ἐνάρετος ἐπίσκοπος τῆς σῆς ἱερότητος“ [2]), о соединеніи церквей. По заключительнымъ словамъ Посланія митрополита: „Цѣлую тя азъ Іоанъ, худый митрополитъ рускый, и всѣхъ яже подъ тобою клирикы же и люди; цѣлуютъ же васъ иже съ нами святіи боголюбивіи епископи и игумени и иже съ нами благочестивіи церковніи людіе“ [3])—нужно думать, что митрополитъ отправилъ свое Посланіе послѣ соборнаго обсужденія съ епископами, игуменами, клиромъ и людьми, хотя все Посланіе написано отъ имени самого митрополита. Въ Посланіи, какъ извѣстно, перечисляется шесть главныхъ пунктовъ заблужденій Римской церкви, мимоходомъ затрагиваются и другія, а въ заключеніи предлагается обратиться съ предложеніемъ о возсоединеніи къ „нашему святому патріарху Коньстянтина града и тамо сущимъ св. митрополитомъ“, которые только и могутъ рѣшить подобный вопросъ.

---

[1]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви, т. I[1], изд. 2, стр. 286. пр. 4; Васильевскій, В. Г. Труды, т. I, стр. 174—175.

[2]) Павловъ, А. Крит. опыты по исторіи др. гр.-рус. полемики противъ Лат., стр. 169—170. Конецъ фразы въ греч. текстѣ: „καὶ ὁ σὺν ὑμῖν εὐσεβὴς

Намъ интересенъ вопросъ, когда въ Кіевѣ было это соборное обсужденіе папскаго посланія, и когда былъ написанъ отвѣтъ?

Попыткою отвѣта на послѣдній вопросъ является предположеніе В. Г. Васильевскаго, которое ставитъ въ связь Посланіе митрополита Іоанна Продрома съ событіями Греческой имперіи. Около 1089 г., когда Имперія находилась въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, императоръ, думая о помощи Латинскаго міра, отказался отъ своихъ связей съ Генрихомъ IV и подалъ руку примиренія папѣ Урбану II, предлагая на соборѣ въ Константинополѣ дружелюбно обсудить вопросы разногласія и заранѣе обѣщая безпрекословно принять рѣшенія собора [1]). Соборъ, назначенный на 1091 г., не состоялся. Но едва-ли не въ связи съ дружелюбными отношеніями стараго и новаго Рима стоитъ извѣстіе Никоновскаго свода: „Того же лѣта (6599—1091 г.) прінде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ". Сюда же нужно отнести и установленіе у насъ на Руси праздника 9-го мая, объясненіе которому — въ дружелюбныхъ сношеніяхъ между обѣими церквами въ концѣ XI в. Однако, о Посланіи митрополита Іоанна В. Г. Васильевскій указываетъ, что сочиненіе это писано около 1089 г. и можетъ служить примѣромъ сочиненій, проникнутыхъ задоромъ вражды и нетерпимостью. Эту характеристику [2]) нужно, конечно, понимать такъ, что при дружественныхъ отношеніяхъ обѣихъ церквей въ концѣ XI в. со стороны Латинской церкви В. Г. Васильевскій разумѣетъ папу Урбана, а митрополитъ Іоаннъ Продромъ писалъ свое Посланіе антипапѣ Клименту.

Совершенно разногласитъ В. Г. Васильевскому въ характеристикѣ Посланія митрополита Іоанна А. С. Павловъ. „По

---

[1]) Васильевскій, В. Г. Труды, т. 1, стр. 83.

[2]) Васильевскій, В. Г. Труды, т. I, стр. 91, 92—93 и пр. 4 на

духу любви и мягкости тона, — пишетъ А. С. Павловъ [1], — который проходитъ чрезъ Посланіе Іоанна отъ начала до конца, оно составляетъ довольно рѣдкое исключеніе не только въ русской, но и въ греческой литературной полемикѣ противъ латинства. Объясняется ли эта особенность Іоаннова посланія личнымъ характеромъ и богословскими мнѣніями автора, или она, такъ сказать, вынуждена была требованіями церковнаго этикета въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ папою, который первый заговорилъ съ нашимъ первосвятителемъ въ духѣ братской любви и съ изъявленіями готовности къ церковному миру, рѣшить не беремся; припомнимъ только, что въ другомъ сочиненіи, которое вовсе не предназначалось къ отсылкѣ на сторону, — въ каноническихъ отвѣтахъ черноризцу Іакову митрополитъ Іоаннъ внушаетъ своей паствѣ не чуждаться обыкновеннаго общенія съ Латинами, чтобы, въ противномъ случаѣ, не возникло большее зло — вражда и злопоминанье". Къ мнѣнію А. С. Павлова примыкаетъ въ общемъ и мнѣніе Е. Е. Голубинскаго [2].

Если принять мнѣніе В. Г. Васильевскаго относительно датировки, то нужно считать Посланіе Іоанна не столько образцомъ задора вражды и нетерпимости, сколько очень тонкимъ сарказмомъ надъ поступкомъ Климента III. Въ самомъ дѣлѣ, не могъ же митрополитъ Іоаннъ не знать, что Византія порвала связи своей политики съ Генрихомъ IV и открыто дружитъ съ папою Урбаномъ; а если такъ, то насмѣшкою звучатъ слова предложенія обратиться съ попыткою церковнаго мира къ Константинопольскому патріарху. Совершенно излишнимъ въ этомъ пониманіи было бы и указаніе митрополита Іоанна на свою готовность еще писать папѣ, повторенное два раза [3], если это предложеніе встрѣтитъ сочувствіе папы

[1]) Павловъ, А. С. Критич. опыты по исторіи др. гр.-рус. полемики противъ Лат., стр. 61.

[2]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Т. I¹. Изд. 2, стр. 856.

(„аще кротко и съ послушаніемъ пріимеши“ или „аще бо и тобѣ любо будетъ и Богу угодно“). Весь тонъ Посланія, какъ и послѣднее обѣщаніе писать по затронутымъ вопросамъ еще впредь, наконецъ, указаніе на соборное обсужденіе отвѣта въ Кіевѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ искренности и дѣловитости Посланія, очень далекаго какъ отъ задора вражды и нетерпимости, такъ и отъ тонкаго сарказма дипломатическаго языка, трудно допустимаго и по самымъ темамъ обсужденія. Это даетъ право думать, что датировка В. Г. Васильевскаго не вѣрна, и Посланіе митрополита Іоанна должно быть отнесено къ тому времени, когда у Византіи не была порвана нить переговоровъ съ Генрихомъ IV, ставленникомъ котораго былъ Климентъ III. Другою рѣчью, присылку епископа въ Кіевъ отъ папы Климента, какъ и отвѣтное Посланіе митрополита Іоанна нужно пріурочить къ тому времени, когда бы попытка папы не являлась неловкимъ шагомъ, а отвѣтное Посланіе митрополита Іоанна — злорадствомъ надъ нимъ. Чтобы опредѣлить это время, нужно имѣть въ виду и другой вопросъ, почему, дѣйствительно, папа обращается къ Кіевскому митрополиту, вынудивъ послѣдняго указать на неизбѣжность обращенія за дѣйствительнымъ рѣшеніемъ вопроса о соединеніи церквей къ патріарху въ Константинополь.

§ 46б. Наиболѣе вѣроятнымъ отвѣтомъ на поставленные выше вопросы намъ представляется попытка сопоставить отвѣтное Посланіе митрополита Іоанна съ разобранными выше событіями Кіевской Руси, вынесенными Изяславомъ на обсужденіе и вліяніе католическаго Запада. Изяславъ, изгнанный братьями изъ Кіева, просилъ о помощи и у Генриха IV, и у Григорія VII. Вмѣшательство въ Кіевскія дѣла Генриха IV, выразившееся въ посольствѣ Бурхардта, а папы Григорія VII въ его грамотѣ Изяславу, показываетъ живой интересъ, съ которымъ Западъ отнесся къ дѣлу Изяслава. Мы лишены, къ

слава Кіевскаго имѣла цѣлью вырвать у Изяслава эти средства, повидимому, путемъ самостоятельныхъ переговоровъ съ заинтересованными сторонами, что̀ вызвало отказъ въ помощи Изяславу отъ всѣхъ, включая и поднявшагося, было, государя Польши, и привело къ разрыву Святослава съ греческою митрополіей, переѣзжавшей на это время въ Переяславль. Какъ велъ все это дѣло Святославъ—неясно, но легко представить себѣ, что на рѣзко-обостренныхъ отношеніяхъ этого времени Генриха IV и папы Григорія VII онъ могъ безъ ущерба для себя затягивать всѣ переговоры, выясняя выгоднѣйшее. Когда Святославъ скончался, а престолъ Кіева занялъ Изяславъ, порвавшій, повидимому, связи съ Западомъ и принявшій къ себѣ въ Кіевъ греческую митрополію изъ Переяславля, на Западѣ произошелъ рѣшительный разрывъ Генриха IV съ папою Григоріемъ VII, приведшій въ 1080 г. къ объявленію императоромъ низложенія папы Григорія VII и избранію новаго папы Климента III. Священство и царство объединились въ дружномъ союзѣ, и совершенно естественно со стороны императора и новаго папы, если не вступить въ дѣйствительные переговоры о соединеніи церквей, то попытаться выяснить отношеніе въ Кіевѣ къ давнимъ связямъ и обѣщаніямъ Изяслава—нынѣшняго политическаго владѣльца Кіева Всеволода, предвосхищая возможное обращеніе къ нему низложеннаго папы Григорія VII. О томъ, что еще Изяславъ принялъ греческую митрополію, папа, конечно, зналъ, адресуя посланіе митрополиту Кіевскому, но завести сношенія подъ предлогомъ обсужденія вопроса о церковномъ мирѣ было выгодно для цѣлей борьбы съ Григоріемъ VII, не достаточно можетъ быть ясныхъ теперь намъ. Въ Кіевѣ, какъ и въ Византіи, зорко слѣдили за событіями Запада, знали соперничество и борьбу двухъ папъ и въ этой обстановкѣ ловили возможность дѣйствительнаго обсужденія возбужденнаго вопроса съ уступками не со своей стороны. Тонъ Посланія Іоанна

поднятый вопросъ: безъ злобной враждебности и непримиримости опредѣленно выставляются главнѣйшіе пункты необходимыхъ уступокъ съ той стороны, и митрополитъ какъ будто не сомнѣвается въ томъ, что вопросъ не заглохнетъ, а будетъ предметомъ дальнѣйшаго обсужденія, предварительнаго по формѣ, такъ какъ окончательное—есть дѣло Константинопольскаго собора.

Это ведетъ къ датировкѣ Посланія митрополита Іоанна нѣсколько болѣе ранней предложеннаго В. Г. Васильевскимъ, и даетъ возможность пріурочить Посланіе къ порѣ связей Византіи съ Генрихомъ IV и къ первымъ годамъ пребыванія Климента III на папскомъ престолѣ.

§ 47. Возникли ли дѣйствительные переговоры или продолжалось ли дальнѣйшее обсужденіе поднятыхъ вопросовъ, мы не знаемъ, но можно думать, что къ 1089 году сношенія Кіева съ Западомъ оживились въ связи съ бракомъ Генриха IV на вдовѣ маркграфа саксонскаго, дочери Кіевскаго князя Всеволода — Евпраксіи, несмотря на послѣдовавшій въ это время разрывъ Византіи съ Генрихомъ IV и Климентомъ III. Весьма допустимо это и для удовлетворительнаго отвѣта на непонятный вопросъ, какъ могъ установиться только у насъ праздникъ 9-го мая, несуществующій, конечно, у грековъ [1]). Праздникъ этотъ не встрѣчалъ безусловнаго признанія и не соблюдался строго, что̀ вызвало даже необходимость призвать авторитетъ свв. Бориса и Глѣба, для внушенія уваженія къ новому установленію [2]). Впрочемъ, установленіе это едва-ли времени митрополита Іоанна, скончавшагося въ 1089 г. [3]), а, вѣроятно, относится ко времени возвращенія отъ папы изъ Рима того грека митрополичья Ѳеодора, который,—по словамъ Никоновскаго свода,—принесъ въ Кіевъ много мощей святыхъ [4]).

[1]) Шляпкинъ, И. Русское поученіе XI в. о перенесеніи мощей Николая Чудотворца. СПБ. 1881, 22.

[2]) Сказаніе Іаковлевскій. И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 77 и 78.

Дѣло въ томъ, что оживленіе нашихъ сношеній съ Западомъ въ связи съ бракомъ императора Генриха IV на дочери Всеволода какъ будто возникло безъ того открытаго отношенія къ этому митрополита Іоанна, какое мы видѣли въ Посланіи его къ папѣ Клименту III, и это, вѣроятно, нужно поставить въ связь съ перемѣной политики Византіи къ Генриху IV и дружбою ея къ папѣ Урбану II. Не разговоры ли о предполагаемомъ бракѣ императора Генриха IV на Евпраксіи, естественно очень живые и настойчивые въ Кіевѣ, вызвали со стороны митрополита Іоанна рѣзкое осужденіе и угрозу благороднѣйшему князю, отдающему дочерей въ замужество въ народы, причащающіеся опрѣснокомъ: это недостойно и весьма неприлично; ибо онъ, Божіею милостіею благочестивый и православнѣйшій князь, за такіе браки своихъ дѣтей имѣетъ подвергнуться церковнымъ запрещеніямъ [1]). Возможность признать въ указанныхъ словахъ митрополита Іоанна намекъ на бракъ Евпраксіи съ императоромъ Генрихомъ IV ведетъ къ датировкѣ указанныхъ „Каноническихъ отвѣтовъ“ митрополита къ концу его жизни († 1089 г.), что̀ можетъ быть подтверждено также и анализомъ 32-го отвѣта [2]), о чемъ рѣчь будетъ ниже. Наконецъ, подтвержденіемъ сношеній Кіева въ эту пору съ императоромъ Генрихомъ IV и папою Климентомъ III, противъ чего возставалъ митрополитъ Іоаннъ, можетъ служить и указаніе лѣтописи на приходъ грека митрополичья отъ папы изъ Рима, если это указаніе точно. Римъ въ эту пору (съ начала 1091 г.) былъ въ обладаніи именно Климента III, въ то время какъ папа Урбанъ II былъ съ 1089 г. внѣ предѣловъ Рима, куда онъ прибылъ лишь въ ноябрѣ 1093 г. [3]).

---

[1]) Рус. Ист. Биб., т. VI, изд. 2. Прил., стр. 342. (Переводъ А. С. Павлова). Любопытно, что въ рус. текстѣ слова митрополита значительно смягчены.

[2]) Рус. Ист. Биб., т. VI, изд. 2, стр. 19.

§ 48. Короткое княженье Изяслава въ Кіевѣ, послѣ смерти Святослава и мира съ Всеволодомъ, захватившее почти 15 мѣсяцевъ (15 іюля 1077—3 окт. 1078), не могло быть отмѣчено какой-либо опредѣленной политикой въ церковномъ вопросѣ. Какъ уже сообщалось выше, греческая митрополія, возстановленная въ Кіевѣ еще Всеволодомъ, была принята и Изяславомъ; связи его съ католическимъ Западомъ порваны. Раздѣлъ земель между двумя Ярославичами привелъ, какъ извѣстно, къ лишенію земель Святославичей и сосредоточенію правобережныхъ земель (Кіевъ, Волынь, Туровъ) съ Новгородомъ въ рукахъ Изяслава, а лѣвобережныхъ (Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ и Поволожье) въ рукахъ Всеволода. Распредѣленіе епархій въ этомъ раздѣлѣ дало Изяславу, сверхъ митрополіи, три каѳедры (Новгородъ, Бѣлгородъ и Юрьевъ), три каѳедры были и у Всеволода (Черниговъ, Переяславль и Ростовъ).

На Нѣжатиной Нивѣ 3 окт. 1078 г. палъ Изяславъ, помогая брату Всеволоду противъ племянниковъ Олега и Бориса. Обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что, когда привезли тѣло убитаго князя въ Кіевъ, то „изиде противу ему весь городъ Кыевъ", но въ процессіи видимъ, что „съ пѣснми попове и черноризци понесоша и в градъ", т.-е. не участвуетъ митрополитъ. Едва-ли это можетъ быть понято, какъ демонстративный поступокъ со стороны послѣдняго, такъ какъ позднѣе, въ 1086 г., митрополитъ Іоаннъ участвуетъ въ погребеніи сына Изяслава—Ярополка [1]), вмѣстѣ съ отцомъ скитавшагося по католическому Западу и даже, какъ кажется, бывшаго именно тѣмъ сыномъ Изяслава, который исхлопоталъ у Григорія VII уже упомянутую нами грамоту на имя Изяслава-Дмитрія. Въ поминальномъ словѣ, которое было приложено къ описанію погребенія Изяслава въ Начальномъ сводѣ 1095 г., правда, есть мѣсто, въ которомъ князь оправдывается

передъ Господомъ за какое-то согрѣшеніе положеніемъ главы своей за брата своего: „аще что створилъ есть в свѣтѣ семь етеро согрѣшенье, отдасться ему“..., но въ этихъ словахъ вѣрнѣе видѣть намекъ на тотъ поступокъ Изяслава, когда онъ послѣ изгнанія Кіевлянами, вернувшись съ Польской помощью, при посредничествѣ братьевъ договорился съ Кіевомъ о покорности и принятіи его вновь на столъ, потребовавъ выдачи тѣхъ Кіянъ, которые „высѣкли“ Всеслава изъ поруба, и чрезъ сына Мстислава казнилъ ихъ: „исѣче числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ“ [1]). Хотя выше въ словѣ и говорится объ этомъ: „колко ему створиша Кіянѣ самого выгнаша, а домъ его разграбиша и не възда противу тому зла. Аще ли кто дѣеть: Кіянъ исѣклъ которѣи же высадили Всеслава ис поруба, то сь того не створѣ ни (=но) сынъ его“ [2]), но совершенно ясна придуманность этого оправданія. Напротивъ, въ погребеніи Изяслава не въ его именномъ монастырѣ св. Димитрія, а въ Десятинной церкви („положиша тѣло его в церкви св. Богородица, вложивъше и въ раку мраморяну“) [3]) нужно, вѣроятно, усматривать актъ особаго уваженія къ почившему князю, такъ какъ въ противномъ случаѣ его могло ждать если не погребеніе внѣ Кіева, какъ Святослава, то погребеніе въ Дмитровскомъ монастырѣ. Не даромъ, вѣдь, лѣтопись считаетъ нужнымъ пояснить, когда позже сообщаетъ о погребеніи князя Всеволода въ церкви св. Софіи, гдѣ лежалъ лишь прахъ ея создателя Ярослава, что эта особая честь оказана князю Всеволоду въ исполненіе воли отца его, который, видя праведность сына, говаривалъ ему: „аще ти подасть Богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемь, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее“ [4]).

[1]) Лаврент., 6577 г.

[2]) Ипатьев. ср. Лаврент. 6586 г.

Итакъ, въ обстановкѣ погребенія Изяслава отсутствіе митрополита нужно объяснять другими причинами, связанными съ перенесеніемъ каѳедры митрополита вновь въ Кіевъ, и здѣсь не лишне вспомнить, что перенесеніе это могло случиться лишь въ январѣ 1077 г., когда Всеволодъ занялъ Кіевскій столъ [1]), такъ что къ моменту смерти князя Изяслава прошло менѣе двухъ лѣтъ.

§ 49. „Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, принимъ власть Русьскую всю“ [2]). Внѣ владѣній Всеволода находились (кромѣ Полоцка) Новгородъ за Святополкомъ и Владиміръ съ Туровымъ за Ярополкомъ Изяславичами. Огромность земельныхъ владѣній дѣлала Всеволода, дѣйствительно, полновластнымъ хозяиномъ земли и церкви, такъ какъ въ рукахъ его находились всѣ каѳедры, за исключеніемъ Новгородской. Выдѣлъ земель въ руки князей, не имѣвшихъ собственной каѳедры, былъ выдѣломъ политическимъ, такъ какъ десятина съ такого княженья шла безспорно Десятинной церкви въ Кіевъ, т.-е. митрополіи. Вѣроятно, такъ приходилось платить и Всеславу, и Ярополку, и изъ поминальнаго слова этому послѣднему князю, гдѣ подчеркнуто отмѣчена исправность князя въ этомъ его обязательствѣ: „десятину дая святѣй Богородици отъ всего своего имѣнья по вся лѣта“ [3]), можно, кажется, догадываться о томъ, какъ неисправно выполнялось князьями это обязательство вообще.

§ 50. Была кромѣ Волыни земля, не имѣвшая своей каѳедры. Земля эта стояла во враждебныхъ отношеніяхъ къ Кіеву и едва-ли платила десятину митрополіи. Это — Тмуторокань, пристанище обиженныхъ и угнетенныхъ. Несомнѣнно, Всеволода должна была интересовать мысль взять въ свои руки эту область, чтобы полишить племянниковъ послѣдней части Русской земли, откуда ему постоянно грозила по-

пытка отнятія Чернигова, какъ и митрополита могла интересовать та же мысль объ установленіи здѣсь власти Кіевскаго князя для устройства правильнаго поступленія отсюда церковной десятины. Въ расправѣ съ Романомъ и Олегомъ мы и видимъ работу обоихъ представителей Кіева: удачный миръ Всеволода съ Половцами заставляетъ Романа вернуться безъ успѣха, а ловкая интрига, на чисто Византійскій вкусъ, приводитъ къ убійству Романа отъ руки прежнихъ союзниковъ— Половцевъ; „а Олга емше Козаре поточиша и за море Цесарюграду“ [1]), въ чемъ трудно не видѣть помощи греческой руки митрополита. Тмуторокань теперь остается безъ особаго политическаго владѣльца, и Всеволодъ посылаетъ туда своего посадника Ратибора (1079 г.). Это владѣнье Всеволода Тмутороканью продолжается недолго, такъ какъ въ 1081 г. сюда явились Давидъ Игоревичъ и Василько Ростиславичъ, захватившіе посадника Всеволодова Ратибора и сѣвшіе на этой землѣ. Въ 1083 г. явился въ Тмуторокань изъ Грекъ Олегъ, сначала захватившій, а потомъ отпустившій Давида и Володаря и утвердившійся здѣсь („и сѣде Тмуторокани“). Объ этомъ возвращеніи Олега позволительно думать, что оно было не самочинно, а, возможно, по соглашенію со Всеволодомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вернувшись въ 1083 г., Олегъ сидитъ въ Тмуторокани до 1094 г., т.-е. до смерти Всеволода, не предпринимая противъ него никакихъ активныхъ шаговъ къ возвращенію отцовскаго Чернигова. Не было ли здѣсь со стороны Всеволода неудавшейся попытки столкнуть интересы племянниковъ, сидѣвшихъ въ Тмуторокани съ 1081 г., съ вернувшимся Олегомъ? Во всякомъ случаѣ, предположеніе, что благодаря браку на знатной гречанкѣ Олегу явилась возможность вырваться изъ греческаго плѣна,— едва-ли правдоподобно [2]). Если возвращеніе Олега изъ Грекъ и отсутствіе съ его сто-

[1]) Лаврент., 6587 г.

роны активныхъ выступленій за свою отчину — есть результатъ его соглашенія со Всеволодомъ, пожелавшимъ сначала просто свести интересы племянниковъ, а теперь принужденнымъ признать захватъ Тмуторокани Олегомъ, то сюда же нужно отнести и устроеніе для Тмуторокани самостоятельной епископской каѳедры, какъ одно изъ условій соглашенія Кіевскаго князя съ Олегомъ.

Епископъ Симонъ въ посланіи Поликарпу называетъ въ числѣ другихъ епископовъ, поставленныхъ изъ братіи Печерскаго монастыря, Николая „Тьмутороканю“ [1]). Поликарпъ въ словѣ „О Никитѣ Затворници, иже по семь бысть епископъ Новуграду“ называетъ, въ числѣ „преподобныхъ“ отцовъ, исцѣлившихъ Никиту—Николу „иже бысть епископь Тмутороканю“ [2]). Никита, исцѣленный отцами съ игуменомъ Никономъ во главѣ (1078—88), показалъ впослѣдствіи великое воздержаніе, смиреніе и послушаніе, превзойдя всѣхъ добродѣтелью, за что и былъ поставленъ епископомъ Новгороду въ 1096 г. [3]). Изъ разсмотрѣнныхъ событій исторіи Тмутороканя, какъ кажется, естественнѣе всего отнести устроеніе каѳедры и посвященіе на нее епископа Николая именно на это время возвращенія Олега изъ Грекъ (1083 г.), такъ какъ предположить основаніе каѳедры къ годамъ обладанія Тмутороканемъ Всеволода (1079—1081 г.) едва-ли возможно, въ виду естественнаго противодѣйствія митрополита, конечно, не желавшаго безъ нужды дробить свою десятину. Потеря же этой десятины съ 1081 г. дѣлала вопросъ объ устроеніи особой каѳедры Тмутороканя для митрополита, повидимому, безразличнымъ. Въ соглашеніи же Всеволода съ Олегомъ этотъ пунктъ могъ играть немаловажную политическую роль. Тмутороканская епархія, мелькнувшая въ исторіи Кіевской Руси въ связи съ упоминаніемъ ея епископа, въ дальнѣйшемъ пропадаетъ со

---

[1]) Моск. Памятники древ.-рус. письм. т. II 76

страницъ источниковъ вмѣстѣ съ именемъ и самаго Тмуторо-канскаго княжества.

§ 51. Желаніе замирить выпущенныхъ Олегомъ изъ плѣна Давида и Василько—приводитъ Всеволода, какъ извѣстно, къ разрыву съ Ярополкомъ, видѣвшимъ въ уступкѣ Всеволодомъ Дорогобужа — Давиду, а Перемышля и Требоволя — Ростиславичамъ—дробленіе своей волости и нарушеніе своихъ правъ [1]). Ярополкъ бѣжитъ въ Польшу и, вернувшись оттуда съ военною помощью, заключаетъ со Всеволодомъ миръ, условій котораго не знаемъ. „И пересѣдевъ (Ярополкъ Володимери) мало дний, иде Звенигороду", гдѣ находитъ смерть отъ руки подосланнаго убійцы (1086 г.) [2]). Эта смерть приводитъ къ перегруппировкѣ земель: Давидъ садится во Владимірѣ, а Туровъ, Пинскъ, Берестье и Погорину получаетъ Святополкъ Изяславовичъ, перешедшій сюда изъ Новгорода, куда Всеволодъ посылаетъ своего внука Мстислава Владиміровича [3]).

Когда-то до 1091 г. [4]) бывшій игуменъ Печерскаго монастыря Стефанъ, по изгнаніи братіею создавшій собственный монастырь на Кловѣ, былъ поставленъ на Волынскую каѳедру во Владиміръ. Когда же могло случиться открытіе этой новой епископіи? Поминальное слово князю Ярополку Изяславичу, помѣщенное подъ 6594 г., ставитъ въ заслугу почившаго князя правильную уплату десятины Кіевской Десятинной церкви, т.-е. митрополіи, что̀ даетъ знать, что особой каѳедры во Владимірѣ до перехода его въ руки князя Давида — не было. Конечно, какъ и всякій князь, имѣвшій на дѣлѣ или въ планахъ свою собственную политику, отличную отъ политики Кіевскаго князя, Ярополкъ Изяславичъ добивался, вѣроятно, своей особой каѳедры для Волыни, но это желаніе разбивалось о противодѣйствіе Всеволода и митрополита. Давиду удалось добиться

[1]) Пѣсняковъ, А. Е. Княжое право въ древней Руси, стр. 52.
[2]) Лаврент., 6594 г.

устроенія Владимірской каѳедры между 1086—1091 гг. Когда же именно?

Въ 1089 г. совершилось долгожданное освященіе церкви Печерскаго монастыря, на которое собрались во главѣ съ митрополитомъ Іоанномъ слѣдующіе епископы: Лука Бѣлгородскій, Исаія Ростовскій, Іоаннъ Черниговскій и Антоній Юрьевскій [1]). Послѣ этого года мы нигдѣ не встрѣчаемъ имени Бѣлгородскаго епископа Луки, какъ не встрѣчаемъ и титула епископа Бѣлгородскаго до 1113 г. [2]). Черезъ два года послѣ освященія великой церкви Печерскаго монастыря, въ 1091 г. состоялось перенесеніе мощей св. Ѳеодосія въ эту великую церковь. Въ перечисленіи присутствующихъ здѣсь епископовъ [Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Владимірскій, Маринъ Юрьевскій и Антоній Порожьскый [3]) или Порьскій = Пороскій [4])],— митрополита тогда въ Кіевѣ не было, — обращаемъ вниманіе на первое упоминаніе епископа Владимірскаго—съ одной стороны, на перемѣщеніе епископа Юрьевскаго Антонія съ Юрьевской каѳедры, которую онъ занималъ еще въ 1089 г., на каѳедру Пороссскую и занятіе каѳедры Юрьевской къ 1091 г. епископомъ Мариномъ—съ другой.

Можно думать, что весь рядъ приведенныхъ наблюденій въ сопоставленіи между собою и дастъ намъ отвѣтъ на вопросъ о времени устроенія каѳедры Владиміра. Давидъ, конечно, продолжалъ домоганія Ярополка объ особой каѳедрѣ для Волыни, и митрополитъ вслѣдствіе неясныхъ намъ соображеній, вѣроятно, въ виду желанія Кіевскаго князя,—уступилъ. Но, не желая дробить свою десятину, митрополитъ могъ восполь-

---

[1]) Патерикъ Кіево-Печерскаго Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 10 и 195 и Ипатьев., 6597 г. Здѣсь запись оффиціальнаго характера, но ошибочно названъ Антоній „Гурьговьскымь ігуменомъ“ вм.—епископомъ.

[2]) Ипатьев., 6621 г.

[3]) Софійск. 1-ая, 6599 г.

зоваться смертью епископа Бѣлгородскаго Луки и, объединивъ эту каѳедру съ Юрьевскою каѳедрою Антонія въ Поросскую, т.-е. отъ Бѣлграда до Рси, — создаетъ вторую викарную себѣ каѳедру во Владимірѣ, куда и ставится епископъ Стефанъ. Удовлетворяя такимъ образомъ желаніе Владимірскаго князя, поддержанное, конечно, княземъ Кіевскимъ, о созданіи Владимірской каѳедры, митрополитъ соблюдалъ здѣсь и интересъ митрополичьей десятины, такъ какъ при такомъ устроеніи новой каѳедры содержаніе ея могло идти изъ общей митрополичьей десятины, безъ созданія новыхъ источниковъ, какъ шло содержаніе каѳедры Бѣлгорода, которую теперь вмѣстѣ съ Юрьевскою объединялъ подъ своимъ управленіемъ епископъ Антоній, едва-ли выигравшій въ смыслѣ увеличенія содержанія отъ такого соединенія. Такое пониманіе хода созданія Владимірской каѳедры объясняетъ намъ пребываніе въ Кіевѣ епископа Владимірскаго Стефана, проживающаго здѣсь въ своемъ Кловскомъ монастырѣ [1]) и погребеніе здѣсь же князя Давида Игоревича [2]), въ бытность котораго на Волыни создалась епископская тамъ каѳедра, не имѣвшая, повидимому, въ первое время каменной „епископьи“ [3]).

Однако, скоро могли обнаружиться обратныя стороны новоучрежденій и почувствоваться необходимость болѣе близкой каѳедры, чѣмъ Волынская, что̀ повело къ созданію вновь Юрьевской каѳедры, гдѣ въ 1091 г. находимъ епископа Марина, но къ сохраненію за Антоніемъ, имѣвшимъ, конечно, пребываніе въ старѣйшемъ Бѣлгородѣ, — титула Поросскаго. Не сюда ли нужно отнести слова 32-го правила „Каноническихъ отвѣтовъ“ митрополита Іоанна Продрома: „Иже оучастить епископью свою по земли той, паче кдѣ многъ народъ и людие и гради, о нѣмже се тщаніе и попеченіе и намъ любезно мниться се быти; боязньно же; но обаче и первому столнику

[1]) Лаврент., 6599 г.

рускому изволиться и сбору страны всея тоя, невъзбранно да будетъ“ [1]). Здѣсь прежде всего драгоцѣнное указаніе на порядокъ открытія новыхъ каѳедръ: необходимо согласіе „перваго столника“ и „сбора страны всея тоя“. Если подъ послѣднимъ ясно дается разумѣть помѣстный соборъ русской церкви, то не ясно значеніе выраженія „первый столникъ“. Митр. Макарій рѣшительно понимаетъ подъ этимъ выраженіемъ „великаго князя“ [2]), т.-е. Кіевскаго; А. С. Павловъ склоняется видѣть здѣсь переводъ „πρωτοθρόνφ“,—„обычнаго названія главнаго архіерея страны, у насъ—митрополита“ [3]). Вѣроятнѣйшимъ нужно считать первое мнѣніе изъ смысла правила, гдѣ митрополитъ въ первой половинѣ хвалитъ отъ своего лица заботу о большой паствѣ въ смыслѣ устроенія для нея отдѣльнаго епископа, выражая, однако, немотивированное въ отвѣтѣ опасеніе („намъ любезно мниться се быти; боязньно же“), которое должно уступить желанію перваго стольника русскаго и собора всей страны. Другими словами, первая часть отвѣта—точка зрѣнія митрополита, вторая—условія для рѣшенія вопроса сверхъ согласія митрополита. Естественно, что первый стольникъ русскій—здѣсь князь Кіевскій. Конечно, правъ А. С. Павловъ, что терминъ „первый столникъ“ относится къ главному архіерею страны, но употребленіе его здѣсь въ перенесеніи на княжескую іерархію объясняется отсутствіемъ въ языкѣ, а можетъ быть и пониманіи той поры—термина для обозначенія этой роли Кіевскаго князя, когда привычный впослѣдствіи титулъ великаго князя для Кіевскаго князя—еще не успѣлъ выработаться. Итакъ, въ 32-омъ правилѣ митрополитъ Іоаннъ выражаетъ похвалу мысли объ „учащеніи“ епископіи, хотя и съ опасеніемъ, отпадающимъ, какъ препятствіе на согласіе митрополита („невъзбранно да будетъ“), при „изволеніи“ Кіевскаго князя и помѣстнаго собора Русской церкви. Но о какомъ

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. VI, изд. 2, стр. 19.

„учащеніи“ епископіи говоритъ митрополитъ? А. С. Павловъ предполагаетъ въ подлинникѣ „διαμερίζειν“ — раздѣлять на части, поясняя, что „Халкидонскій соборъ (пр. 12) запретилъ раздѣлять одну епархію на двѣ, такъ какъ это вело къ образованію новыхъ митрополій. То же могло бы повториться и въ русской церкви, если бы при раздѣленіи одной епархіи на двѣ или болѣе епископъ старшей каѳедры удерживалъ нѣкоторыя преимущества надъ епископами новыхъ епархій (напримѣръ, право рукополагать ихъ). Вотъ почему митрополитъ Іоаннъ допускаетъ „учащеніе“ епископій въ русской землѣ „бонзньно“ и съ условіемъ, чтобы это дѣло совершалось съ согласія „русскаго первостольника“ [1]). Соглашаясь съ предлагаемымъ объясненіемъ, можно думать, что въ правилѣ митрополита обсуждается конкретный случай раздѣленія какой-то епископіи. Въ нашемъ пониманіи, митрополитъ говоритъ о созданіи вновь Юрьевской каѳедры изъ епископіи Пороссной.

Если все изложенное правдоподобно, естественно въ предыдущемъ (31-мъ) правилѣ искать отвѣтъ на вопросъ, который мы обошли выше,—что̀ заставило выдѣлять вновь епархію Юрьевскую? Правило говоритъ: „Иже не послушаютъ епископи своего митрополита совокуплятися призываемымъ отъ него соборъ творити, иже злѣ творящая поучити ихъ отечьскымъ наказаньемъ“ [2]). Отдаленность Владимірской каѳедры отъ Кіева, возможное противодѣйствіе Давида Игоревича — могли задерживать епископа Стефана „призываемый отъ митрополита соборъ творити“, что̀ вносило разстройство въ ходъ церковной жизни Кіевской Руси и естественно рождало мысль объ „учащеніи“ каѳедры Пороссной (къ вопросу объ условіяхъ созданія изъ которой вновь двухъ каѳедръ переходитъ митрополитъ въ 32-омъ правилѣ). Въ словахъ митрополита: „иже злѣ творящая“—какъ будто звучитъ мысль о ненамѣренномъ отсутствіи на соборахъ епископа Стефана.

§ 52. Отношенія князя Кіевскаго Всеволода и митрополита Іоанна Продрома трудно представить себѣ съ полною ясностью. Всеволодъ Ярославичъ былъ близокъ Византійскимъ правящимъ сферамъ, первымъ бракомъ былъ женатъ на греческой царевнѣ Мономахова дома [1]), былъ въ родствѣ съ домомъ императора Романа Діогена, наконецъ, изъ письма императора Михаила VII Дуки видна готовность и этого императора породниться съ Всеволодомъ чрезъ бракъ дочери Всеволода Янки съ братомъ императора. Близость, родство и дружба Всеволода съ императорскими домами вели, конечно, къ почтительнымъ и дружественнымъ отношеніямъ митрополита Іоанна къ Кіевскому князю, тѣмъ болѣе, что кромѣ родственныхъ узъ у Всеволода были неоспоримыя заслуги предъ Имперіей и церковью. Письмо Михаила VII Дуки указываетъ на какую-то важную для Византіи помощь, которую ждали отъ Всеволода по охранѣ имперскихъ границъ и которая если и не состоялась, то остановила замышляемый Русью походъ на Имперію въ очень тяжелое для послѣдней время. Примирительная позиція, которую занялъ Всеволодъ въ эпоху ссоры Руси съ Имперіей изъ-за церковныхъ дѣлъ, и пріютъ, оказанный имъ митрополи въ своемъ Переяславлѣ въ 70-хъ годахъ XI вѣка (§§ 41*а* и 41*б*), когда Святославъ Кіевскій не принималъ у себя митрополита,—все это были не второстепенныя вещи. И, думается, Всеволодъ въ этихъ условіяхъ могъ чувствовать себя безопаснымъ отъ греческихъ происковъ и могъ пользоваться своимъ родствомъ и своими заслугами въ интересахъ русской церкви, въ смыслѣ ея возвышенія изъ ряда обычныхъ митрополій Константинопольскаго патріарха. Къ сожалѣнію, мы не видимъ такихъ поступковъ Кіевскаго князя, а наблюдаемъ дружбу съ митрополитомъ Іоанномъ и пренебреженіе, переходящее въ ссору, съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ, который

[1]) Ипатьев., 6561 г. Что Всеволодъ былъ женатъ два раза, видно изъ

въ пору игуменства великаго Никона неослабно звалъ къ борьбѣ съ греками за общерусскіе интересы церкви и государства (§§ 75*е* и 75*ѣ*). А между тѣмъ стѣсненное положеніе Имперіи и выгоды церковнаго раздѣленія на Западѣ, кажется, во многомъ могли помочь Всеволоду въ этомъ „полегчаніи" греческой руки надъ русскою церковью. Но Всеволодъ занятъ другими вопросами и заботами. Династическіе интересы и борьба противъ „дѣтьскихъ князей"—были у Кіевскаго князя на первомъ планѣ. Византія служила этимъ интересамъ Всеволода, какъ было съ заточеніемъ Олега Святославича въ Грецію и съ примиреніемъ съ нимъ Всеволода черезъ четыре года. Единственно, что̀ остается памятникомъ Всеволодова княженія этого времени для русской церкви—усвоеніе мысли объ апостольской проповѣди и благословеніи Кіева ап. Андреемъ [1]).

§ 53. Въ одномъ изъ писемъ Михаила VII Дуки ко Всеволоду, послѣ заявленія о неимѣніи у императора „какого-либо стремленія къ расширенію (государства)" и радостнаго признанія „согласія въ божественномъ обрядѣ" Имперіи съ Переяславскимъ княземъ, читаются слѣдующія строки: „ибо научаютъ меня священныя книги и достовѣрныя исторіи, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и вѣщатели провозгласили въ нихъ слово Евангелія". И въ концѣ письма: „утвердитель апостольскаго и каѳолическаго благочестія или вѣры у насъ обоихъ,—онъ же самъ совершитъ и этотъ достохвальный союзъ, чтобы сообразно тому, какъ у насъ обоихъ одно начало рода и одинъ образъ благочестія, утвердилась также одна и та же связь родства"... [2]).

---

[1]) Изъ литературы этого вопроса достаточно указать на работы Голубинскаго, Е. Исторія рус. цер. Т. I[1], изд. 2, стр. 19—34; Васильевскаго, В. Г. Труды, т. II, стр. 213 и сл. и Малышевскаго, И. Сказаніе о посѣщеніи Русской страны св. ап. Андреемъ. (Владимірскій сборникъ.

Много Византійскихъ традиціонныхъ воззрѣній похоронено въ этихъ строкахъ: и отказъ отъ міровой политики, чего не могли не опасаться въ Кіевѣ, и готовность уравнять себя съ молодою русскою церковью въ легендарномъ основателѣ своей церкви. Послѣднюю мысль прочно освоили Всеволодъ съ семьею, и митрополитъ Кіевскій не могъ оспаривать или противодѣйствовать реальному осуществленію того, о чемъ говорилъ самъ императоръ. „В лѣто 6594 Всеволодъ заложи церковь св. Андрѣя при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ, створи оу церкви тоя манастырь, в нем же пострижес дщи его дѣвою именемь Янька“ [1]). А подъ 6598 г. сообщается о великой строительной дѣятельности епископа Переяславскаго Ефрема, окончившаго каѳедральный Переяславскій храмъ св. Михаила, а на воротахъ построившаго храмъ св. Ѳедора „и св. Андрѣя оу церкве оу воротъ и городъ каменъ и строенно банное камяно“ [2]). Но не сейчасъ возникла легенда, разсказывающая, какъ протекала и къ чему привела апостольская дѣятельность Андрея на Руси. Трудность возникновенія легенды состояла въ невозможности безъ уязвленія національнаго достоинства говорить о водвореніи христіанства въ Кіевѣ или на Руси апостоломъ, такъ какъ это вело бы къ мысли, что мы не сумѣли, воспринявъ свѣтъ Христовъ отъ апостола,—удержаться въ вѣрности слову апостола, вынужденные потомъ вновь искать воспріятія Христова ученія. Какъ увидимъ далѣе, тѣ, кто мечталъ о независимыхъ отъ Имперіи формахъ церковнаго устроенія Руси,—отнеслись къ легендѣ объ апостольской проповѣди у насъ Андрея съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Такъ Печерская редакція и продолженіе Древнѣйшаго свода 1039 г., созданныя игуменомъ Печерскимъ Никономъ въ 1073 г., какъ и продолженіе этой лѣтописной работы—такъ называемый Начальный сводъ 1095 г.—не знали этой легенды и, наоборотъ, утверждали, что апостолы на Руси не

учили [1]). Легенда не была включена, повидимому, и въ продолженіе и переработку Начальнаго свода Несторомъ (1110 г.), утверждавшимъ въ своемъ другомъ литературномъ трудѣ— „Чтеніи о житіи и погубленіи свв. страст. Бориса и Глѣба", написанномъ около 1081 — 1088 гг., когда письмо императора Михаила VII было, вѣроятно, общеизвѣстно, согласно съ прежнимъ лѣтописаніемъ, что въ русской землѣ „не бѣша бо ни апостоли ходили" [2]). Появившаяся, наконецъ, въ одной изъ переработокъ свода Нестора, легенда выходила изъ затрудненія, въ какомъ находилось національное самолюбіе при сопоставленіи апостольской проповѣди на Руси съ крещеніемъ Руси при св. Владимірѣ, такъ, что говорила не о проповѣди апостола Андрея, а лишь о водруженіи имъ креста на горахъ Кіевскихъ и о пророченіи апостольскомъ величія будущаго града. Во второй своей части легенда вела апостола въ Новгородъ, откуда направляла его удивленнаго новгородскими банями, — въ Римъ [3]). Грубоватая насмѣшка надъ сѣверными обычаями, какая звучитъ въ этой второй части легенды, неучтиво заставляющей апостола служить орудіемъ своеобразной полемики, даетъ видѣть въ авторѣ, какъ это и отмѣчалось,— южанина, знакомаго, но недовольнаго Новгородцами и ихъ обычаями. Точнѣе узнать автора легенды трудно, какъ и отвѣтить на вопросъ, когда и кто внесъ эту легенду въ переработку свода Нестора 1110 г. Принадлежность легенды, такъ сказать, дому Всеволода не можетъ служить здѣсь путеводною нитью, такъ какъ и первая и вторая редакція Повѣсти врлѣтъ, повидимому, совершались подъ вліяніемъ Владиміра Мономаха [4]).

§ 54. Дружественныя отношенія непритязательнаго Кіевскаго князя съ митрополитомъ Іоанномъ продолжались до вре-

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 556.
[2]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 4.
[3]) Лѣтопись по Лавр. списку. Изд. 3, Спб. 1897, стр. 7—8.
[4]) „Русская Энциклопедія" т. I, подъ „Андрей апостол" — статья

мени и разбились, повидимому, не о вопросы, волновавшіе лучшую часть Кіевскаго общества, а о вопросъ семейный князя. Предстоящій бракъ дочери Всеволода Евпраксіи съ императоромъ Генрихомъ IV вызываетъ со стороны митрополита, въ виду разрыва Византійской имперіи съ Генрихомъ IV и Климентомъ III и начавшейся дружбы съ непризнаваемымъ Генрихомъ папою Урбаномъ II, — рѣзкое осужденіе, о которомъ говорилось выше (§ 47). Этою ссорою Всеволода съ митрополитомъ объясняется нѣкоторое сближеніе князя съ Печерскимъ монастыремъ и слѣды этого сближенія будутъ указаны въ исторіи Печерской обители (§ 76). Впрочемъ, забѣгая впередъ, нужно сказать, что здѣсь не было полной перемѣны церковной политики и отношенія къ Имперіи, такъ какъ при митрополичьей каѳедрѣ и Десятинной церкви въ эту пору подготовляются два литературные памятника рѣзко-враждебнаго Печерскому монастырю направленія, очевидно расчитывающіе на признаніе ихъ со стороны князя Всеволода. И въ фактѣ готовности Всеволода добиться канонизаціи св. Ѳеодосія, о чемъ мечтали не только въ обители святого (§ 75), нужно видѣть скорѣе семейную заботу Всеволода привлеченіемъ симпатій широкихъ круговъ Кіевскаго общества, далеко ему не дружественныхъ,—создать возможность передачи престола Кіевскаго въ руки сына своего—Владиміра.

§ 55. А между тѣмъ, какою широкою возможностью измѣненій въ положеніи русской церкви въ смыслѣ ослабленія зависимости ея отъ Имперіи, при желаніи къ тому Кіевскаго князя, столь вліятельнаго и уважаемаго въ бѣдствовавшей тогда Византіи, звучатъ слова лѣтописи: „иде Янъка в Грекы, дщи Всеволожа, реченая преже; и приведе Янка митрополита Іоана скопьчину, его же видѣвше людье вси рекоша: се навье пришелъ; отъ года до года пребывъ умре; бѣ же сей мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ“ [1]). Совершенно

ясно, что послѣ смерти книжнаго и сильнаго въ словѣ митрополита Іоанна, у котораго съ Кіевскимъ княземъ въ концѣ жизни митрополита произошла ссора, Всеволодъ посылаетъ свою дочь Янку, о которой писалъ императоръ Михаилъ VII, какъ о невѣстѣ для своего брата, возлагая на нее порученіе „привести“ митрополита угоднаго Кіевскому князю. Результатомъ переговоровъ Янки съ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ, находившимся тогда въ затруднительномъ положеніи и готовымъ, очевидно, идти на уступки просьбамъ Руси,—и было назначеніе Іоанна скопца, „умомъ простого и просторѣка“, конечно, не способнаго на какую-либо борьбу съ Кіевскимъ княземъ. Смерть новаго митрополита (1090—1091 г.г.) [1]) открыла вновь вопросъ о замѣщеніи митрополичьей каѳедры Руси, рѣшенный, однако, уже послѣ смерти Всеволода, можетъ быть въ виду тяжелыхъ условій Имперіи, такъ какъ въ 1093 г. митрополита въ Кіевѣ не было: 14 апрѣля этого года на погребеніи князя Всеволода „собрашася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простии людье“ [2]). Всеволода похоронили въ св. Софіи, митрополіи, такъ что предполагать простое неучастіе митрополита въ погребеніи—невозможно.

Глава IV.

§ 56. Кіево-Печерскій монастырь, зародившійся въ самомъ концѣ княженія Ярослава и уже въ пору Ярославичей занявшій первое мѣсто среди монастырей Кіева и всей Руси, въ первоначальной своей исторіи выступаетъ, какъ дѣятель, далеко выходящій за предѣлы монастырской ограды, развивающій большую литературную работу, берущій въ свои руки лѣтописаніе, начатое при митрополичьей каѳедрѣ Ѳеопемпта, пытающійся вліять на княжескую и церковную жизнь Кіевской Руси, выдвигающій изъ своей среды рядъ лицъ, занявшихъ съ честью епископскія каѳедры, и, естественно, вызывающій къ себѣ разнообразное отношеніе князей, митрополи, епископовъ и другихъ руководящихъ слоевъ Кіевскаго общества. Несмотря на это выдающееся значеніе Кіево-Печерскаго монастыря въ пору Ярославичей и позднѣйшую, по крайней мѣрѣ, до второй половины XII вѣка, нельзя признать исторію его достаточно изученною, и изслѣдователямъ предстоитъ можетъ быть еще не одинъ разъ вернуться къ изученію и оцѣнкѣ этого незауряднаго явленія Кіевской жизни XI — XII вѣковъ [1]). Возможно, что указанный пробѣлъ въ изученіи исторіи церковно-общественной жизни Кіева находится въ связи съ тѣми затруд-

[1]) Это нужно сказать и послѣ работы L. K. Goetz'a: „Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands" (Pas-

неніями, съ которыми встрѣчается изслѣдователь въ разборѣ извѣстій о первоначальной жизни монастыря, очень рано ставшаго предметомъ благочестивой легенды, выросшей изъ среды самого монастыря, но перебитой какимъ-то темнымъ памятникомъ также древнѣйшаго времени, до насъ не дошедшимъ въ отдѣльномъ видѣ — такъ называемымъ Житіемъ св. Антонія. Только послѣ работъ А. А. Шахматова надъ начальными русскими лѣтописными сводами, Кіево-Печерскимъ патерикомъ и Печерскою лѣтописью мы располагаемъ данными, позволяющими разобраться не только въ этихъ памятникахъ, свидѣтеляхъ литературной работы Печерской братіи, но и въ самой исторіи Кіево-Печерскаго монастыря.

§ 57. Первымъ по времени сочиненіемъ, вышедшимъ изъ среды Печерскаго монастыря и имѣвшимъ цѣлью разсказать о началѣ и жизни послѣдняго,—была переработка и продолженіе свода митрополита Ѳеопемпта 1039 г., сдѣланная монахомъ Никономъ. Никонъ обратился къ этой работѣ, вѣроятно, въ 1072 г. и закончилъ ее къ 1073 г. [1]). Здѣсь подъ 6570 (1062) г. [2]) Никонъ разсказалъ о началѣ Печерской обители, игуменствѣ Варлаама и Ѳеодосія, но смерть Антонія (7 мая 1073 г.) и Ѳеодосія (1074 г.) въ этомъ сводѣ не упоминались. Позднѣе, около 1078 г., Никонъ, тогда уже игуменъ, вернулся къ этой работѣ, которая потомъ продолжалась въ монастырѣ и послѣ смерти Никона (1088 г.). Въ это же время игуменства Никона въ Печерскомъ монастырѣ былъ составленъ другой памятникъ, драгоцѣнный для начальной исторіи монастыря—Житіе Ѳеодосія, написанное знаменитымъ Несторомъ. На основаніи данныхъ этихъ двухъ сочиненій и можетъ быть нарисована начальная исторія Печерской обители.

§ 58. Въ Сводѣ Никона 1073 г. исторія возникновенія монастыря изложена въ связи съ первою попыткою русской церкви поставить русскаго митрополита Иларіона: монастырь

выросъ изъ „печерки“, которую ископалъ Иларіонъ „мужь благъ, кънижьнъ и постьникъ“, когда былъ однимъ изъ поповъ церкви св. Апостолъ въ любимомъ княземъ Ярославомъ Берестовѣ. Пещера эта была мала,—въ двѣ сажени,—и находилась на холмѣ надъ Днѣпромъ среди великаго лѣса. Сюда тайно удалялся презвитеръ Иларіонъ съ Берестова пѣть часы и молиться Богу. Въ 1051 г. Ярославъ поставилъ Иларіона митрополитомъ, а пещерка такъ и осталась, заброшенная и неизвѣстная. Но скоро („не по мънозѣхъ дьньхъ“) пещерка ожила, въ ней появился новый насельникъ — преподобный Антоній.

Какъ излагалъ Никонъ въ своей работѣ жизнь и странствія Антонія до его поселенія въ пещерѣ Иларіона, мы можемъ теперь судить послѣ извлеченія этого разсказа А. А. Шахматовымъ изъ той слитной статьи, какая читается подъ 1051 г. въ Повѣсти вр. лѣтъ и которая тамъ же читалась въ Начальномъ сводѣ 1095 г., соединившемъ разсказъ Никона съ другою версіею о созданіи Печерскаго монастыря—Житіемъ Антонія, тенденціозно излагавшимъ весь ходъ дѣла. Составитель Начальнаго свода 1095 г. пользовался Житіемъ Антонія съ особою, какъ увидимъ, цѣлью, и особенно интересовался мыслію Житія Антонія установить связь Печерской обители со св. Горою. Такъ какъ разсказъ Никона ничего не говорилъ о путешествіи Антонія на Аѳонъ, а называлъ какую-то другую страну, то въ своемъ изложеніи этихъ противорѣчащихъ разсказовъ составитель Начальнаго свода вышелъ изъ затрудненія такъ, что опустилъ названіе страны, куда устремился Антоній: „и възложи сему Богъ в сердце въ страну ити; онъ же устремился въ Святую Гору“ [1]). Возникаетъ вопросъ, какъ же читалось въ разсказѣ Никона названіе страны? А. А. Шахматовъ предлагаетъ читать здѣсь „въ страну Грьчьску ити“ [2]). Но едва-ли это можетъ быть принято. Невозможно думать,

[1]) Лаврент. 6559 г.

что составитель Начальнаго свода 1095 г. не зналъ, что Аѳонъ—греческая страна и что читать „и възложи сему Богъ в сердце въ страну Грьчьску ити; онъ же устремися в Святую Гору“—можно безъ риска впасть въ противорѣчіе. Аѳонъ, вѣроятно, уже былъ извѣстенъ у насъ на Руси, и русскіе, кажется, даже имѣли тамъ свой монастырь послѣ 1071 г. и до 1100 г. [1]). Естественнѣе думать, что въ разсказѣ Никона читалось иначе, т.-е. или указывалась страна не-греческая или греческая, но опредѣленная, названная по имени и такимъ образомъ противорѣчащая прямому указанію на Аѳонъ Житія Антонія. Трудно сказать, когда именно ушелъ Антоній въ это благочестивое путешествіе, но во всякомъ случаѣ до 1051 г., т.-е. въ пору неладовъ Ярослава съ Константинополемъ и только-что учрежденной греческою митрополіей въ Кіевѣ. Поэтому скорѣе можно думать, что Антоній отправился въ Болгарію, съ которой у насъ, конечно, были связи съ давнихъ поръ ея еще независимаго отъ грековъ существованія и куда легче было идти неученому Антонію изъ-за трудностей греческаго языка. Болгарія тогда уже была греческимъ катепанатомъ, но такое прямое указаніе остановило редактора Начальнаго Свода, какъ расходящееся съ указаніемъ Житія Антонія на Аѳонъ.

Другое затрудненіе, въ которомъ находился составитель Начальнаго Свода 1095 г. при комбинированіи двухъ редакцій разсказа о жизни Антонія,—встрѣтилось при написаніи мірского имени Антонія. И здѣсь, вѣроятно, было разногласіе въ разсказѣ Никона и въ Житіи Антонія: „бѣ нѣкыи человѣкъ, именьмь мирьскымь, отъ града Любьча“. Рѣшить, какъ же читалось имя мірское Антонія въ разсказѣ Никона — нѣтъ данныхъ, какъ нѣтъ данныхъ догадаться, почему здѣсь могло возникнуть въ нашихъ источникахъ это разногласіе.

Итакъ, пещера Иларіона нашла новаго насельника—нѣкоего человѣка изъ града Любеча, благочестиваго путешествен-

ника, принявшаго монашеское постриженіе съ именемъ Антонія въ Болгаріи въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. По возвращеніи изъ своего путешествія на Русь, въ Кіевъ, Антоній обходилъ Кіевскіе монастыри, выбирая, гдѣ ему поселиться. Но сердце его не склонилось ни къ одному изъ нихъ, „Богу не хотящю“. Тогда Антоній сталъ ходить „по дьбрьмъ и по горамъ“, пришелъ на холмъ надъ Днѣпромъ, гдѣ была пещера Иларіона, и здѣсь въ ней поселился.

Разсказъ Никона не скрываетъ причины ухода Антонія въ дебри и горы и если не говоритъ объ этомъ прямо, то это нужно объяснить, конечно, тѣмъ, что разсказъ вышелъ изъ монашеской среды, выше всего ставящей не прямое порицаніе заблужденій, а обличеніе „яко же издалеча притчами наказуа“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно понять поступокъ инока, горящаго высокою жаждою строгихъ подвиговъ, если онъ начинаетъ съ того, что обходитъ монастыри, „мышляше, къде бы жити“, а кончаетъ тѣмъ, что уходитъ въ пещеру среди лѣса? И подробной картиной подвижнической жизни Антонія въ этой пещерѣ лѣтописецъ совершенно ясно даетъ знать, чего не могъ найти Антоній въ тогдашнихъ Кіевскихъ монастыряхъ. Иначе говоря, Антоній не вступилъ въ монастыри, потому что жизнь ихъ не соотвѣтствовала взглядамъ его и была далека отъ настоящей монашеской жизни. Антоній селится внѣ монастырей, въ пещерѣ, чтобы отдаться здѣсь истиннымъ подвигамъ аскетизма. Нашъ выводъ о причинѣ поселенія Антонія не въ монастырѣ, а въ лѣсу въ пещерѣ — находитъ подтвержденіе въ Житіи Ѳеодосія, гдѣ Несторъ рисуетъ картину скитанія Ѳеодосія, во многомъ напоминающую картину обхожденія монастырей Антоніемъ. „Егда же пришедъ (Ѳеодосій въ Кіевъ), обходя вся монастыря, хотя бытя мнихъ и моляся имъ, да пріатъ будетъ ими. Они же видѣвши отрока простость и ризами худыми облечена, не хотяще того пріати“ [1]). Мона-

[1]) П...

стыри Кіева не отличались, значитъ, строгимъ уставомъ, что и могло послужить къ непріятію Антонія, едва-ли блиставшаго ризами, и привести его къ отвращенію отъ жизни въ этихъ монастыряхъ и поселенію въ пещерѣ. Ѳеодосій былъ счастливѣе Антонія въ томъ смыслѣ, что ему не пришлось начинать столь необычное дѣло, какъ поселеніе въ пещерѣ вмѣсто монастыря. „И тогда бѣ слышалъ о блаженнемъ Антоніи, живущемь в печерѣ, и окрылатѣвша умомь, устремися къ печере“ [1]). Несторъ, разсказывая въ Житіи Ѳеодосія о введеніи послѣднимъ въ Печерской обители устава Студійскаго монастыря, не забываетъ упомянуть о безуставныхъ Кіевскихъ монастыряхъ, непріявшихъ Ѳеодосія въ юности его, какъ и Антонія, по возвращеніи изъ благочестиваго путешествія въ Кіевъ: „Всякому же хотящему быти черноризцю и приходящему к нему, не отвращаше ни убога, ни богата, но вься пріимаше съ всякимь усердіемь, бѣ бо самь во искушеніи томь былъ, якоже и выше речеся, егда пріиде отъ града своего, хотя быти мнихъ: якоже обиходящу тому вься монастыря, и не хотяху того пріати, Богу тако сътворьшу на искушеніе ему. Сіа бо вься воспоминаше преподобный, какова скорбь бываетъ человѣку, хотящему постричися и небрегому“ [2]).

Въ этомъ поступкѣ Антонія, необычномъ и для той поры, рисуется образъ человѣка рѣшительнаго и крѣпкаго волей, не останавливающейся передъ препятствіями жизни. Антоній поселился въ пещерѣ. Она оказалась пещерой Иларіона. Но Иларіонъ ископалъ пещеру для тайной молитвы. Откуда же стало извѣстно, что пещера Антонія — пещера Иларіона? Да и само по себѣ непонятно, какъ могло случиться скоро то, о чемъ говоритъ Никонъ: „По семь же увѣдѣвъше добрыи чловѣци приходяху къ нему, приносяще ему, еже на потребу,

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 20.

и просяху у него благословения". Естественно, возникаетъ мысль, что поселеніе Антонія въ пещерѣ не было тайнымъ и не было совершено имъ безъ разрѣшенія и благословенія митрополита Иларіона. Изъ дальнѣйшей жизни Печерскаго монастыря, изъ постоянныхъ обращеній братіи къ Антонію то за разрѣшеніемъ построить церковь внѣ пещеры, какъ это было въ игуменство Варлаама, то за поставленіемъ новаго игумена послѣ ухода Варлаама, является естественное предположеніе, что Антоній былъ собственникомъ той земли, гдѣ была пещера и гдѣ онъ, собравъ братію, устроилъ Печерскій монастырь, ктиторомъ котораго считался до самой смерти. Если это было такъ, то не отъ митрополита ли Иларіона или не при его ли посредничествѣ Антоній получилъ въ собственность землю, гдѣ была пещера Иларіона. Митрополитъ „и по духу и на дѣлѣ самъ былъ такой же подвижникъ" [1]), такъ что не могъ не сочувствовать Антонію и не покровительствовать ему, а слѣдовательно не могъ признавать добрыми монастыри, отказавшіе въ пріемѣ Антонію. Какъ бы мы ни представляли простоту общественнаго строя Кіевской Руси, нельзя думать, что Антоній могъ занять пещеру на правѣ заимки, такъ какъ пещера эта лежала недалеко отъ Берестова, мѣста княжескаго поселенія. Да и въ дальнѣйшей исторіи монастыря совершенно ясно, что Антоній былъ собственникомъ лишь небольшого куска земли, гдѣ была пещера. Такъ, когда игуменъ Варлаамъ задумалъ поставить церковь внѣ пещеры, то онъ для этого проситъ разрѣшенія лишь у Антонія, тогда какъ построеніе монастыря Ѳеодосіемъ „на горѣ" заставило братію просить эту гору у князя Изяслава.

Все изложенное, какъ кажется, даетъ право думать, что поселеніе Антонія въ пещерѣ, являвшееся до извѣстной степени протестомъ противъ тогдашнихъ монастырей, не обошлось безъ сочувствія, разрѣшенія и содѣйствія митрополита

Иларіона и, конечно, князя Ярослава—собственника этой земли. Во всей обстановкѣ поселенія Антонія мысль эта находитъ подтвержденіе. Собравшись уйти въ горы и дебри изъ Кіева, Антоній ушелъ лишь на три версты, въ землю загородной княжеской резиденціи и именно въ ту самую пещеру, гдѣ подвизался попъ Иларіонъ.

§ 59. Когда-то до 1058 г. [1]), т.-е. до пришествія Ѳеодосія къ Антонію, въ пещеру явился новый инокъ—Никонъ, будущій составитель разсказа о началѣ Печерскаго монастыря и редакторъ лѣтописнаго свода 1073 г. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ своемъ изложеніи начальной исторіи Печерской обители и въ разсказѣ о великихъ подвижникахъ этого монастыря Никонъ не упоминаетъ о себѣ. Прежде всего это можно объяснить личной скромностью автора. Не возбуждаетъ удивленія и то, что Житіе Ѳеодосія, не разъ упоминая о Никонѣ, не сообщаетъ намъ, кто онъ, откуда и когда пришелъ къ Антонію. Житіе Ѳеодосія составлялось Несторомъ въ игуменство Никона, и здѣсь могло сказаться вліяніе игумена. Вслѣдствіе изложеннаго у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ отвѣтить на вопросъ, кѣмъ былъ Никонъ до своего поселенія въ пещерѣ съ Антоніемъ.

Въ Житіи Ѳеодосія Несторъ часто называетъ Никона великимъ. Какъ можно понять этотъ эпитетъ? Когда игуменъ Ѳеодосій ввелъ въ Печерскій монастырь Студійскій уставъ, то по этому уставу онъ „вся приходящаа съ радостью пріимаше, но не тогда абіе постригаше его, но повелеваше ему въ своей одѣжди ходити, дондеже извыкняше всь строй монастырьскый; тожде по сихъ облачаше его въ мнишескую одѣжду и тако пакы въ всѣхъ службахъ искушаше его; и тогда, остригъ, облачаше его во мантію, дондеже пакы бываше чернець искусенъ житіемь чистымь; и тогда сподобляше его пріати [2]) ве-

[1]) Шахматовъ, А. А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 434.

ликій ангельскій образъ и тако полагаше на нь куколь“ [1]). Изъ этого мѣста можно усмотрѣть иной взглядъ въ Печерскомъ монастырѣ на схиму, чѣмъ даже скоро послѣ (XII в.): т.-е. схима была обязательною ступенью для всякаго инока обители. Если Ѳеодосій этого требовалъ отъ всѣхъ приходящихъ, то, конечно, и самъ носилъ эту схиму, какъ носилъ ее и постригавшій его Никонъ [2]). Не намекомъ ли на этотъ великій ангельскій образъ звучитъ эпитетъ Никона „великій“? Никонъ былъ презвитеръ и черноризецъ искусный, постригавшій по повелѣнію Антонія приходящихъ жить съ ними. Несторъ ставитъ Никона въ рядъ съ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, называя ихъ тремя свѣтилами, молитвами и постомъ разгоняющими тьму бѣсовскую [3]). Когда въ пещеру пришли и пострижены были здѣсь Никономъ подъ именами Варлаама и Ефрема сынъ перваго у Изяслава боярина Ивана и „каженикъ нѣкто отъ княжа дому“, Изяславъ, разгнѣванный, требуетъ „единаго отъ нихъ (пещерниковъ) привести предъ ся, дръзнувша таковаа сътворити“. Къ князю привели Никона. Почему къ князю привели Никона, если онъ постригалъ Варлаама и Ефрема „повелѣніемъ“ Антонія? Изяславъ не могъ не знать этого, потому что Антоній уже „прославленъ бысть въ Русьстѣ земли“, и самъ Изяславъ приходилъ къ нему съ дружиною, прося у него благословенья и молитвы [4]). Антоній былъ даже извѣстенъ до этого событія и княгинѣ, которой онъ „възвѣсти“ о желаніи матери Ѳеодосія принять монашество, и княгиня приняла ее въ монастырь св. Николы [5]). Не потому ли привели къ Изяславу Никона, что послѣдній

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 28.

[2]) Ibidem, стр. 57.

[3]) Ibidem, стр. 23.

[4]) Шахматовъ, А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 588—589.

[5]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус.

не только фактически постригъ Варлаама и Ефрема безъ разрѣшенія князя, но и сумѣлъ ихъ склонить на этотъ шагъ? Князь Изяславъ въ гнѣвѣ на Никона говоритъ: „на заточеніе послю тя и сущаа с тобою и печеру вашу раскопаю“ [1]), т.-е. считаетъ именно Никона виновникомъ всего дѣла. И дальше совершенно ясно, что Изяславъ помирился съ Антоніемъ „и иже с нимь“, но Никону приходится удалиться изъ Кіева. Онъ уходитъ въ Тмуторокань. Все это даетъ право думать, что инціатива дѣла увлеченія Варлаама и Ефрема на путь монашескаго житія дѣйствительно исходила отъ Никона, а не отъ Антонія. Это важно отмѣтить потому, что дѣло это было первымъ камнемъ созданія изъ скромной двусаженной пещеры разсадника русскихъ епископовъ, что могло стать только тогда, когда среди братіи появились бы сановитые люди, пригодные для занятія епископскихъ каѳедръ, первыми изъ которыхъ и были Варлаамъ и Ефремъ. Несомнѣннымъ кажется, что мысль Никона не ограничивалась привлеченіемъ двухъ знатныхъ лицъ въ число братіи пещеры, но имѣла въ виду привлечь вмѣстѣ съ ними и средства для созданія изъ пещеры монастыря, долженствующаго быть образцомъ строгаго уставнаго монастыря, такъ какъ только изъ безспорно-строго-подвижническаго монастыря могли выходить лица, поставленіе которыхъ на епископскія каѳедры не вызывало бы возраженій отъ митрополіи. Вотъ почему, несмотря на вынужденное отшествіе Никона въ Тмуторокань, мысль его о созданіи монастыря приводится въ исполненіе. Любопытно, что Антоній съ уходомъ Никона совершенно отстраняется отъ этого дѣла, кореннымъ образомъ мѣнявшаго бытъ пещеры. На свое мѣсто Антоній ставитъ Варлаама, лицо близкое князю, а самъ удаляется въ ину гору, копая тамъ ину пещеру. Варлаамъ съ разрѣшенія Антонія ставитъ церковь малу надъ пещерой, но дальнѣйшее устрой-

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря. Памятники, изд.-е

ство монастыря прервано удаленіемъ Варлаама на игуменство въ княжой Дмитровскій монастырь. Во главѣ монастыря ставится Ѳеодосій, по уходѣ Никона ставшій презвитеромъ въ обители. Всѣ событія произошли въ короткій промежутокъ времени: Варлаамъ постриженъ 19 ноября 1060 г., Ефремъ—28 января 1061 г. [1]), Никонъ удаляется въ февралѣ того же 1061 г. въ Тмуторокань [2]), и за 1061—1062 гг. происходитъ удаленіе Антонія, игуменство и уходъ Варлаама, вступленіе въ игуменство Ѳеодосія, построившаго „въ мало врѣмя“ церковь, ограду и кельи многи на горѣ, подаренной княземъ Изяславомъ, куда и переселяется вся братія [3]). Не противорѣчіемъ здѣсь является то обстоятельство, что Варлаамъ — первый игуменъ, строитъ малу церковь надъ пещерой, а Ѳеодосій — второй игуменъ — церковь велику, съ оградой и кельями на горѣ. Между этими событіями лежитъ приглашеніе Изяславомъ игумена Варлаама въ свой княжой монастырь,— оно и должно объяснить дѣло. Пока между княземъ и пещерой было отношеніе худого мира послѣ доброй ссоры, братія могла только располагать кускомъ земли надъ печерой, когда же князь взялъ Варлаама, чѣмъ, конечно, примирился съ событіемъ его постриженія,—явилась возможность расширить мѣсто и размѣры монастыря, получивъ отъ князя „гору“.

Итакъ, пещера Антонія, послѣ прихода Никона и Ѳеодосія пополняется братіей, но не имѣетъ средствъ выйти изъподъ земли и развернуться въ монастырь. Привлеченіе двухъ знатныхъ людей даетъ средства къ этому, но ссора съ княземъ мѣняетъ обстановку: удаляется Никонъ и Антоній. Однако, идея выстроить монастырь—живетъ. Къ ея осуществленію приступаетъ одинъ изъ привлеченныхъ Никономъ вельможъ,

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 435.

[2]) Ibidem.

[3]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ постриженія уже ставшій игуменомъ. Ему не удается осуществить мечту братіи, но его удаленіе открываетъ возможность новому игумену выстроить монастырь въ болѣе широкомъ размѣрѣ и на лучшей мѣстности. Вслѣдъ за этимъ Ѳеодосій приступаетъ и къ внутреннему устроенію монастыря.

Если мысль вырастить изъ скромной пещеры разсадникъ будущихъ іерарховъ русской церкви принадлежитъ Никону, то можно думать, что тогда же, когда обдумывалось все это, рѣшено было положить въ основу будущаго монастыря забытый греками Студійскій уставъ. Это представлялось въ то время совсѣмъ не простой задачей, такъ какъ въ Кіевѣ такого устава не оказалось. Не съ этою ли цѣлью изучить уставы монастырскіе Греціи, какъ и все то, что могло интересовать разсадникъ будущихъ іерарховъ въ жизни и быту греческаго патріархата,—поѣхалъ въ Константинополь второй изъ сановныхъ людей, принявшихъ постриженіе отъ Никона, — „каженикъ" Ефремъ, поселившійся въ одномъ изъ Цареградскихъ монастырей. Къ этому Ефрему былъ теперь посланъ игуменомъ Ѳеодосіемъ одинъ изъ братьевъ новаго монастыря, и Ефремъ, „исписавъ", послалъ весь уставъ Студійскаго монастыря къ Ѳеодосію [1]).

Никонъ за это время на „Тмутороканскомъ островѣ", „близь града" основываетъ монастырь, о которомъ Несторъ говоритъ, какъ о „славномъ" [2]). Удивительно, что здѣсь, въ новомъ мѣстѣ, пришлецъ изъ Кіева скоро становится вліятельнымъ человѣкомъ. Такъ, когда скончался отъ отравы греческаго катепана князь Тмутороканскій Ростиславъ (3 февраля 1067 г.), Никонъ „умоленъ бысть отъ людей техъ пріити ко Святославу князю" просить на Тмутороканскій столъ его

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 28.

сына [1]). Поджидая возвращенія Святослава изъ похода на Всеслава, Никонъ посѣтилъ Печерскую обитель. Встрѣча Никона съ Ѳеодосіемъ была очень трогательна: оба поклонились другъ другу въ ноги, потомъ обнялись и плакали оба, что долго не видались. Ѳеодосій просилъ Никона не покидать монастыря, что̀ Никонъ и обѣщалъ по возвращеніи изъ Тмутороканя, куда онъ долженъ былъ отвезти новаго князя и гдѣ онъ долженъ былъ управить свой монастырь. Дѣйствительно, Никонъ скоро вернулся къ Ѳеодосію, „вся своя предавь блаженному в руцѣ“, и съ радостью великою „покаряяся ему“ [2]), своему ученику и постриженнику. Ѳеодосій „зѣло любяше“ Никона, считая его своимъ отцомъ („якоже отца себѣ имѣаше“), ввѣрялъ его заботамъ на случаи своего ухода изъ монастыря братію, среди которой Никонъ былъ старше всѣхъ. Ему и брату Стефану Ѳеодосій поручалъ поучать братію „отъ книгъ почитающе“, такъ какъ самъ поучалъ изъ своего духовнаго опыта („духовными словесы“) [3]). Возвращеніе Никона въ Печерскій монастырь (1068 г.) [4]) совпадаетъ съ какой-то загадочной попыткой Антонія вмѣшаться въ политическую жизнь Кіева. Послѣ неудачнаго столкновенія Ярославичей съ Половцами, въ Кіевѣ, какъ извѣстно, произошло волненіе, приведшее къ изгнанію Изяслава, убѣжавшаго за помощью „въ Ляхы“, и къ посаженію на столъ выведеннаго Кіевлянами изъ поруба Всеслава. Когда Изяславъ двинулся съ Болеславомъ къ Кіеву, Всеславъ бѣжалъ отъ Кіевлянъ въ свой Полоцкъ, а Кіевляне чрезъ Святослава и Всеволода мирятся съ Изяславомъ. Въ Кіевъ вступаетъ „предъ отцемъ“ Мстиславъ Изяславичъ, который производитъ здѣсь короткую расправу съ участниками бунта и поставленія Всеслава: 70 человѣкъ

---

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 32.

[2]) Ibidem, стр. 33.

„исѣче", другихъ ослѣпилъ, „другыя же без вины погуби, не испытавъ" [1]). Рѣзкія слова лѣтописанія нужно поставить въ связь съ другимъ мѣстомъ того же Свода 1073 г.: „въ си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ, и нача гнѣватися Изяславъ на Антония из Вьсеслава, и присълавъ Святославъ въ нощь поя Антония Чьрнигову. Антоній же пришьдъ Чьрнигову, възлюби Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся вьсели; и есть ту манастырь св. Богородица на Болдинахъ горахъ, близь сего мѣста" [2]). Антоній потомъ вернулся когда-то въ княженіе, кажется, того же Изяслава. Въ чемъ же могла заключаться вина Антонія, заставившая его одного уйти изъ монастыря? Не въ протестѣ ли его противъ попранія крестоцѣлованія Ярославичами при захватѣ Всеслава и не въ моральной ли поддержкѣ, которую могъ оказать Антоній Всеславу при вокняженіи послѣдняго въ Кіевѣ, въ которой Антоній опирался на чудесное совпаденіе вступленія Всеслава на столъ со днемъ воздвиженія Креста (14-го сентября). Какую роль здѣсь игралъ Никонъ — неясно, но запись его объ этихъ событіяхъ въ Сводѣ 1073 г., гдѣ Никонъ ставитъ въ связь съ крестопреступленіемъ Ярославичей и молитвою въ поругѣ Всеслава къ Кресту объ избавленіи своемъ изъ плѣна — нашествіе Половцевъ, которымъ Господь показалъ Русской землѣ силу крестную, „да не преступаютъ честьнаго крьста, цѣловавъше его" [3]) — показываетъ на полное сочувствіе Никона выступленію Антонія съ проповѣдью соблюденія крестоцѣлованія въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Въ 1073 году вспыхнула борьба между Ярославичами, и монастырь опять выступаетъ съ попыткою вліять на отношенія братьевъ. Когда Изяславъ, изгнанный изъ Кіева Святославомъ и Всеволодомъ, бѣжалъ опять „въ Ляхы", Святославъ, сѣвшій на Кіевскій столъ, зоветъ игумена Печерской обители на обѣдъ, отъ участія въ ко-

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о древ. рус. лѣт. сводахъ, стр. 609.
[2]) Ibidem, стр. 596.

торомъ Ѳеодосій уклонился въ видѣ протеста. Игуменъ Ѳеодосій считалъ Святослава „не по закону сѣдша на столѣ томь, яко отца си, брата старѣйшаго прогнавша“ [1]), и не только уклонился отъ обѣда, но „не преставше, обличаа его: овогда епистоліа пиша к нему, овогда вельможамъ... веляше... повѣдати тому“ [2]). Послѣ написанія „великой зѣло“ епистоліи отношенія между княземъ и игуменомъ дошли до такой непріязненности, что „промчеся, еже на заточеніе быти осуждену блаженному“. Братія, многіе бояре—старались упросить Ѳеодосія прекратить обличенія, и Ѳеодосій, послѣ размышленія, что въ этихъ условіяхъ такимъ путемъ онъ ничего не добьется отъ князя, прекращаетъ укоры Святославу и начинаетъ „мольбою молити, дабы възвратилъ брата своего въ область свою“ [3]). Ѳеодосій, словомъ, уступилъ, пошелъ на компромиссъ, который выразился и въ томъ, что игуменъ, въ первое время велѣвшій въ монастырѣ поминать на богослуженіи изгнаннаго князя Изяслава, не признавая, такимъ образомъ, Святослава своимъ княземъ,—теперь велитъ поминать и послѣдняго, правда, послѣ Изяслава. Не такъ поступилъ Никонъ. Онъ снова покидаетъ Печерскую обитель и съ двумя братьями уходитъ въ свой Тмутороканскій монастырь, „не послушавъ“ Ѳеодосія, просившаго не разлучаться съ нимъ. Эта непреклонность Никона отразилась и въ его лѣтописномъ сводѣ 1073 года, гдѣ рѣзко обличается Святославъ, какъ нарушитель заповѣди отца и Бога, и гдѣ авторъ, подъ вліяніемъ распрей Ярославичей, влагаетъ въ уста умирающаго Ярослава заповѣдь дѣтямъ, въ которой читаемъ идеалъ междукняжескихъ отношеній, какой представлялся Никону и братіи Печерской обители, какъ путь прекращенія братскихъ которъ князей. Нельзя не остановиться на этой сторонѣ взглядовъ Никона: княжескія которы могутъ

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 49.

погубить землю Русскую, поэтому долгъ князей — жить мирно между собою и слушаться старшаго брата; старшій братъ — князь Кіевскій; онъ — въ отца мѣсто; князья должны довольствоваться своею землею, не преступать чужого предѣла и не обижать братьевъ; старшій князь въ послѣднемъ случаѣ долженъ помогать обиженному. Невольно задаемся вопросомъ, какъ могла сложиться такая идеальная теорія братскихъ отношеній князей подъ отеческимъ водительствомъ старшаго? Жизнь и родовыя воззрѣнія князей того времени далеки были отъ такого воплощенія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этотъ идеалъ междукняжескихъ отношеній Никонъ вложилъ обычно-церковныя воззрѣнія на отношенія епископовъ къ митрополиту: каждый епископъ сидитъ въ своей епархіи, не преступая ея предѣловъ, а старшій между ними епископъ,—Кіевскій митрополитъ,—отецъ имъ и старѣйшина. Этотъ идеалъ іерархическихъ отношеній церкви Никонъ выдвигаетъ и для руководства князей. Пусть живутъ такъ, сильные братской любовью подъ водительствомъ старшаго, а не губятъ Русскую землю! И опять здѣсь, въ этой проповѣди междукняжескихъ отношеній, идущей изъ Печерскаго монастыря, какъ и въ другомъ важномъ дѣлѣ—въ созданіи изъ пещеры монастыря—разсадника епископовъ,—на первомъ мѣстѣ—Никонъ. Это онъ, конечно, вдохновляетъ Ѳеодосія на борьбу съ Святославомъ, поправшимъ идеалъ братскихъ отношеній князей и, непримиримый, уходитъ въ Тмуторокань, предоставляя Ѳеодосію мольбами молить Святослава о возвращеніи Кіевскаго стола Изяславу.

Когда вернулся Никонъ изъ Тмутороканя, — не знаемъ, во всякомъ случаѣ уже по смерти Ѳеодосія [1]), а можетъ быть и Святослава, въ игуменство Стефана. Когда въ монастырѣ поднялась борьба противъ новаго игумена, и Стефанъ былъ изгнанъ братіей, послѣдняя выбираетъ себѣ игуменомъ

---

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон. По

Никона, остававшагося во главѣ монастыря до самой смерти (1088 г.) [1]).

§ 60. Подводя итогъ нѣсколько растянувшейся характеристикѣ Никона и его значенія въ начальной исторіи Печерскаго монастыря, мы получаемъ яркій образъ незауряднаго дѣятеля, съ большой энергіей, смѣлостью, широкимъ взглядомъ на церковь, на государственные вопросы. Никонъ—презвитеръ и черноризецъ искусный—былъ душою дѣла созданія изъ пещерки монастыря. Но не простой монастырь предносился его взору, какихъ было достаточно тогда подъ Кіевомъ. Его монастырь — строго-уставный, какихъ не принесли съ собою греческіе митрополиты. Его монастырь съ большой національной задачей—насадить истинное монашество, нетрудное для пещерниковъ, и подготовить русскихъ епископовъ, прошедшихъ суровую школу Студійскаго устава. Въ этомъ ясно недовольство существующимъ, недовольство дѣятельностью митрополичьей каѳедры. Но въ этомъ не вся задача монастыря. Онъ долженъ выступать и въ пору политическихъ волненій съ проповѣдью безусловнаго исполненія крестоцѣлованья въ междукняжескихъ отношеніяхъ, съ проповѣдью братской любви князей подъ руководствомъ старѣйшаго во имя крѣпости и силы Русской земли.

Естественно думать, что такая яркая и даровитая натура: аскета, готоваго на подвигъ пещернаго житія, и мыслителя, подымающагося до сознанія общерусскихъ интересовъ и дѣлъ, имѣла время до поселенія въ пещерѣ Антонія на подготовку въ области церковно-государственныхъ вопросовъ, на полученіе образованія вообще. Но оба источника наши о начальной исторіи Печерскаго монастыря молчатъ о прошломъ этого замѣчательнаго человѣка, вводя его предъ читателемъ какъ уже великаго Никона, презвитера и искуснаго черноризца.

§ 61. Какъ рисуется намъ Никонъ по своей жизни и дѣятельности въ Печерскомъ монастырѣ, такъ рисуется намъ

и митрополитъ Иларіонъ, первый русскій митрополитъ, поставленный Ярославомъ. Иларіонъ тотъ же аскетъ, ископавшій себѣ пещеру для тайной молитвы, и смѣлый политическій дѣятель, принявшій избраніе на митрополичій столъ Кіева. Едва-ли древность наша была такъ богата людьми, подобными Иларіону и Никону, чтобы намъ пройти мимо такого сопоставленія. Тогда вспомнимъ, что жизнь и дѣятельность Иларіона намъ извѣстны до поставленія его на митрополію въ 1051 г., послѣ чего мы совершенно о немъ ничего не знаемъ. Наоборотъ, великій Никонъ является въ пещерѣ Антонія вдругъ, когда-то послѣ 1051 г.—до 1058 г. Нельзя ли въ этомъ видѣть двѣ разорванныя части единой біографіи, т.-е. въ лицѣ великаго Никона—ушедшаго съ митрополіи Иларіона?

Въ самомъ дѣлѣ, въ II главѣ мы имѣли случай останавливаться на извѣстіяхъ о митрополитѣ Иларіонѣ и установить, что ко времени погребенія Ярослава (1054 г.) митрополита въ Кіевѣ не было, и что подъ 1055 г. есть извѣстіе о пребываніи на митрополичьемъ столѣ Кіева новаго митрополита Ефрема. Больше того, извѣстіе о рожденіи Владиміра Мономаха у Всеволода отъ греческой „царицы“ (1053 г.) дало намъ право предполагать, что поставленіе Иларіона было ликвидировано къ 1052—53 г. Естественно задаться вопросомъ, что оставалось дѣлать выбранному, было, на митрополью соборомъ русскихъ епископовъ Иларіону, когда переговоры съ Греками привели къ его устраненію и къ поставленію на каѳедру предстоятеля русской церкви — Ефрема? „Постникъ“ Иларіонъ, по нашему предположенію, вновь вернулся къ своимъ подвигамъ аскетизма въ свою прежнюю пещерку съ тою разницею противъ подвиговъ прежняго времени, что теперь онъ былъ не „попомъ“, а „мнихомъ“. Принятіе имъ великаго ангельскаго образа—схимы—снимало съ него санъ епископа и возвращало къ презвитерству, какъ могло снять и имя. Принимая остроумное предположеніе проф. Шлякова, что постриженія того

гаемый получалъ имя святого, память котораго падала на этотъ день, получаемъ любопытное подтвержденіе нашей догадки о тожествѣ Иларіона и Никона. Память Никона падала на воскресенье между 1051—1054 гг. одинъ разъ: это воскресенье 7 ноября 1053 г.

Итакъ, чрезвычайно правдоподобнымъ представляется весь ходъ событій. Иларіонъ, послѣ того какъ выяснился вопросъ о непріемлемости его кандидатуры на митрополичій столъ, отстраняется каѳедры и епископства. Выходъ простой: онъ принимаетъ схиму и становится презвитеромъ и черноризцемъ Никономъ, великимъ Никономъ, по Житію Ѳеодосія. Куда же отправился новый инокъ, какой монастырь выбралъ онъ мѣстомъ своихъ духовныхъ подвиговъ? Изъ предыдущаго разбора свѣдѣній о началѣ Печерскаго монастыря мы уже выводили участіе, которое встрѣтилъ Антоній, не нашедшій пріюта въ Кіевскихъ монастыряхъ послѣ возвращенія изъ своего путешествія,—со стороны Иларіона и, повидимому Ярослава,—перваго—указавшаго свою пещерку, второго—подарившаго Антонію землю этой пещеры. Отсюда ясно было намъ и нѣкоторое недовольство Иларіона тогдашними безуставными монастырями, такъ какъ его забота объ Антоніи иначе понята быть не можетъ. Но тогда понятно и то, что, покинувъ каѳедру, Иларіонъ—теперь великій Никонъ—не можетъ искать поселенія въ этихъ монастыряхъ, а возвращается въ свою пещеру къ ея новому владѣльцу и насельнику—Антонію. Это объясняетъ и то, почему впослѣдствіи Никонъ, повидимому душа и двигатель всей послѣдующей исторіи скромной пещерки и превращенія ея въ уставный монастырь, остается въ тѣни въ разсказахъ и своего же лѣтописнаго свода 1073 г. и въ Житіи Ѳеодосія. Слишкомъ спорной и гонимой фигурой для каѳедры являлся этотъ бывшій русскій избранникъ на Кіевскую митрополію, чтобы выдвигаться теперь на первое мѣсто. Создавая изъ пещерки монастырь, долженствующій своимъ уставомъ возродить и на-

поличья каѳедра, и долженствующій создать кадръ подготовленныхъ и высокихъ жизнью лицъ для занятія епископскихъ каѳедръ, чтобы содѣйствовать обрусѣнію епископата и возможности бороться противъ появленія епископовъ-грековъ,—Иларіонъ не желалъ это большое и нужное дѣло открыто брать на свои плечи и, выставляя впередъ себя людей безспорныхъ и безупречныхъ для митрополіи, какъ сначала Антоній, потомъ Варлаамъ и Ѳеодосій, самъ сознательно вставалъ въ тѣнь отъ ихъ высокихъ и праведныхъ образовъ. Тогда становится понятнымъ, почему лѣтописаніе, начатое при митрополичьей каѳедрѣ около 1039 г., оказывается перенесеннымъ въ пещеру. Бывшій митрополитъ рѣшилъ взять теперь лѣтописецъ митр. Ѳеопемпта, чтобы дополнить его главнымъ образомъ разсказомъ о томъ, какъ возникъ Кіево-Печерскій монастырь, его дѣтище и его работа на благо и процвѣтаніе русской церкви. Понятно, почему Никонъ извѣстенъ Изяславу, требующему отъ него отвѣта въ постриженіи Варлаама и Ефрема, понятны и попытки Никона вмѣшаться въ политическую жизнь Кіева, такъ какъ въ единодушіи князей онъ видѣлъ главное условіе возможности дальнѣйшей борьбы за то, чего ему не удалось осуществить при Ярославѣ—за независимое отъ Константинополя избраніе русскихъ митрополитовъ соборомъ русскихъ, теперь изъ его монастыря взятыхъ, епископовъ.

§ 62. Если принять предложенную догадку о тожествѣ Иларіона съ великимъ Никономъ, то ходъ возникновенія Кіево-Печерскаго монастыря представится намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Когда въ Кіевъ пришелъ изъ своего благочестиваго путешествія Антоній и здѣсь не былъ принятъ ни однимъ изъ Кіевскихъ монастырей, жившихъ тою распущенною, безуставною жизнію, какою жило и большинство монастырей тогдашней Греціи, — въ новомъ инокѣ, горѣвшемъ жаждою дѣйствительнаго подвига, принялъ участіе митрополитъ Иларіонъ. Иларіонъ

митрополіи въ монастырь, а занимавшійся „попомъ“ тайными подвигами аскетизма, и, очевидно, такъ же, какъ Антоній, недовольный монастырями Кіева, помѣстилъ Антонія въ свою пещеру, гдѣ до митрополичьей каѳедры молился Богу въ тайнѣ, и исхлопоталъ у Ярослава землю этой пещеры—Антонію, такъ какъ пещера была близко княжеской резиденціи—Берестова, несомнѣнно на землѣ князя. Когда утвержденіе Иларіона на митрополичьемъ столѣ встрѣтило живой отпоръ со стороны Константинополя, и Иларіону пришлось оставить каѳедру для Ефрема, Иларіонъ принимаетъ схиму съ именемъ Никона (7 ноября 1053 г.) и удаляется какъ простой презвитеръ въ пещеру къ Антонію. Иларіонъ не былъ доволенъ монастырями русскими той поры, чтобы идти туда, и возвращеніе въ пещеру было естественно во всѣхъ смыслахъ. Хотѣлъ ли Иларіонъ тамъ замкнуться, какъ и Антоній, только для подвиговъ монашескихъ? Едва-ли. Пещера уже была извѣстна „добрымъ людямъ“, приходившимъ къ Антонію за благословеніемъ и приносящимъ ему „еже на потребу“, еще при Ярославѣ. Когда преставился Ярославъ и „прея власть“ въ Кіевѣ Изяславъ, Антоній прославленъ былъ въ Русской землѣ. Изяславъ съ дружиною приходилъ въ пещеру къ Антонію. прося благословенія и молитвъ [1]). Если бы Иларіонъ пожелалъ уйти въ тайные подвиги монашеской жизни, онъ выбралъ бы другое мѣсто поселенія. У насельниковъ пещеры установились добрыя отношенія съ княземъ Изяславомъ и его семьей, что̀ видно изъ обращенія Антонія къ супругѣ Изяслава съ просьбою о помѣщеніи въ монастырь матери Ѳеодосія [2]). Такъ текла жизнь въ пещерѣ Антонія и Никона, пользующаяся общимъ уваженіемъ и добрыхъ людей, и княжеской семьи, но не выходящая, однако, изъ пещеры на болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 588—589.
[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

подвиги аскетизма. Въ 1058 г. [1]), т.-е. чрезъ пять лѣтъ по пришествіи Никона, къ Антонію же пришелъ, не найдя себѣ пріюта въ Кіевскихъ монастыряхъ, юноша Ѳеодосій, съ отроческихъ лѣтъ возлюбившій подвигъ монашеской жизни. Ѳеодосія направили въ пещеру къ Антонію, потому что въ Кіевѣ было извѣстно, что въ пещерѣ не взирали на худость ризъ прибывающихъ. Несторъ въ Житіи Ѳеодосія какъ будто даетъ знать, что съ приходомъ Ѳеодосія число пещерниковъ достигло трехъ: „и бѣ видѣти свѣтила три, суще въ печерѣ, разгоняща тму бесовьскую молитвою и алканіемь: мню же преп. Антоніа и блаженнаго Ѳеодосіа и великого Никона. Сіи бѣша въ печерѣ моляще Бога, и Богъ же бѣ с ними: „идѣже бѣ, рече, два или трие съвокупленіи во имя Мое, ту есмь посреди ихъ“ [2]).

Затѣмъ въ жизни пещеры наступаетъ рѣшительный переломъ: скромная пещера собирается переустроиться въ монастырь. Мысль объ этомъ у Никона могла придти, конечно, раньше, но нужны были: во-первыхъ, средства, а во-вторыхъ, разрѣшеніе епископа области, для пещеры — митрополита. Средства пришли вмѣстѣ съ новыми лицами, пожелавшими вступить въ число братіи: это были — сынъ перваго у князя (Изяслава) въ боярахъ Ивана и нѣкто каженикъ отъ княжого дома. Первый изъ пришедшихъ—Варлаамъ—принялъ постриженіе 19 ноября 1060 г., а второй — Ефремъ — 28 января 1061 г. [3]). Принятіе этихъ двухъ лицъ въ число пещерниковъ давало не только средства, но и основаніе той школѣ будущихъ епископовъ, какою сдѣлался скоро Кіево-Печерскій монастырь. Для послѣдняго нужны были, однако, не только монахи изъ знатныхъ семей, но и введеніе въ жизнь братіи новаго монастыря строгаго монастырскаго устава. Добытыя средства открывали возможность „возградить“ монастырь изъ

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 23.

[2]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 434.

пещеры и поѣздкою въ Константинополь кого-либо изъ братіи привезти подлинный списокъ Студійскаго устава. Замыслы Иларіона, готовые уже осуществиться, встрѣтили неожиданное препятствіе. Несторъ указываетъ здѣсь на гнѣвъ князя Изяслава за постриженіе безъ его княжого разрѣшенія „болярина и каженика". Гнѣвъ Изяслава палъ на того, кто проводилъ все дѣло, былъ его душою и иниціаторомъ — Никона. Онъ схваченъ и представленъ предъ Изяславомъ. На угрозы Изяслава сослать Никона „и сущая с тобою" и раскопать пещеру, Никонъ отвѣчаетъ съ мужествомъ и упорствомъ. Ударъ княжого гнѣва всколыхнулъ всю пещеру. Антоній съ братіей, взявши одежды свои, рѣшили уйти въ иную область. Когда объ этомъ узнала жена Изяслава, она уговорила Изяслава удержать Антонія „и иже с нимь" отъ ухода. Княгиня, какъ уже знаемъ, чтила Антонія и исполняла его просьбы, такъ что заступничество ея здѣсь очень понятно. Изяславъ отпускаетъ Никона и проситъ Антонія съ братіей вернуться въ свою пещеру. Послѣ трехъ дней увѣщанія пещерники рѣшили вернуться въ пещеру. Несторъ въ Житіи Ѳеодосія рисуетъ это возвращеніе, какъ побѣдоносное: „яко се нѣкоторіи храбріи отъ брани, победивше супостата своего, врага діавола". Но побѣда эта была далеко неполной: Никону пришлось покинуть пещеру.

Въ изложеніи Несторомъ описаннаго „гнѣва" Изяслава скрыта дѣйствительная картина событія. Въ самомъ дѣлѣ, непонятна возможность такой размолвки между пещерою и княземъ, который до того съ уваженіемъ относился къ Антонію и пещерникамъ, какъ и княжеская семья, и который едва-ли могъ препятствовать созданію истиннаго монастыря, школы будущихъ русскихъ іерарховъ. Обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Варлаамъ принялъ постриженіе 19 ноября 1060 г., Ефремъ — 28 января 1061 г. По изложенію Нестора, гнѣвъ Изяслава и его ссора съ пещерою случились уже послѣ по-

января — началѣ февраля 1061 г. Бояринъ Иванъ, отецъ Варлаама, неудовлетворенный исходомъ столкновенія Изяслава съ пещерою, силою вырвалъ сына, чтобы вернуть его къ прежней жизни. Нельзя думать, чтобы бояринъ Иванъ, такъ горячо потрясенный уходомъ сына и его постриженіемъ въ пещерѣ, ждалъ спокойно вмѣшательства Изяслава, которое потомъ его такъ не удовлетворило, цѣлыхъ два съ половиною мѣсяца (19 ноября 1060 г. — февраль 1061 г.). Вѣроятно, онъ понуждалъ Изяслава, жаловался ему на Никона и пещерниковъ, увлекшихъ его сына въ монашество. Однако, князь приступилъ къ „гнѣву“ только послѣ второго постриженія, что̀ даетъ право думать, что въ этомъ Изяславъ уступилъ давленію не „перваго въ боярахъ“ Ивана, а лица болѣе сильнаго. Кого же? Вспомнимъ, что для превращенія пещерки въ монастырь требовалось разрѣшеніе митрополита, какъ епископа области. Не отъ него ли исходило давленіе на князя? Это помогаетъ объяснить, почему „гнѣвъ“ князя свелся послѣ трехъ дней переговоровъ къ удаленію одного Никона и къ полученію послѣ этого разрѣшенія митрополита на устроеніе новаго монастыря. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ Несторъ въ Житіи Ѳеодосія, когда говоритъ, что послѣ возвращенія Антонія съ братіей въ пещеру „многымъ приходити въ печеру благословеніа ради отъ отець тѣхъ и друзіи отъ нихъ бываху мнихи, Божіею благодатью“ [1]), т.-е. препятствій къ вступленію въ число братіи теперь уже не было, такъ какъ пещера была признана монастыремъ. Яснѣе это видно изъ другого мѣста, гдѣ Несторъ пишетъ, что „по отхожденіи же отець тѣхъ святыхъ (Никона съ товарищемъ и Ефрема), блаженный отець нашъ Ѳеодосіе поставленъ бысть прозвитеромъ, повеленіемъ великаго Антоніа“ [2]). Дѣйствительно, съ уходомъ „прозвитера“ Никона среди оставшейся братіи нуженъ былъ священ-

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 25—26.

никъ, и Ѳеодосія ставятъ на эту степень. Но, вѣдь, это поставленіе уже никакъ не могло быть помимо разрѣшенія митрополита.

Значитъ, дѣло созданія монастыря нужно представлять себѣ въ такомъ видѣ. Иларіонъ, вернувшійся въ свою пещеру къ Антонію, могъ съ самыхъ первыхъ дней мечтать о созданіи изъ нея монастыря, но, несмотря на дружественныя отношенія къ пещерѣ князя Изяслава и его семьи, — не могъ получить разрѣшенія митрополита на открытіе монастыря. Однако, пещера стала населяться безъ этого разрѣшенія: былъ принятъ (1058 г.) Ѳеодосій, затѣмъ Варлаамъ, Ефремъ и другіе, неназванные Несторомъ, лица. Что кромѣ Ѳеодосія, Варлаама и Ефрема у Антонія и Никона были и другіе товарищи по пещерному житію, видно изъ указаній Нестора въ Житіи Ѳеодосія въ разсказѣ о „гнѣвѣ“ Изяслава: „Антоній и иже с нимь“ [1]), гдѣ нужно разумѣть не только Ѳеодосія, Варлаама и Ефрема (Никонъ былъ схваченъ княземъ), потому что тогда въ другомъ мѣстѣ, гдѣ разсказывается о мужествѣ Варлаама, взятаго отцемъ силою домой изъ пещеры и подвергаемаго здѣсь искушеніямъ прежней жизни, слова „и съ сущими с нимь“ въ выраженіи: „Преподобный же Антоніе и съ сущими с ними [2]) и съ блаженнымъ Ѳеодосіемь бѣша в печали мнозѣ его (Варлаама) ради“... будутъ относиться только къ одному Ефрему, такъ какъ Никона среди пещерниковъ не было.

Настойчивость, съ какою обходилась пещера безъ разрѣшенія митрополита, естественно, заставила послѣдняго принудить князя вмѣшаться въ это дѣло. При посредничествѣ Изяслава, конечно, и удалось получить согласіе митрополита Ефрема на созданіе изъ пещеры монастыря, при условіи непремѣннаго удаленія изъ Кіева бывшаго митрополита Ила-

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

ріона, съ дѣятельностью и даже присутствіемъ котораго въ Кіевѣ Ефремъ не хотѣлъ мириться. Пещера три дня обсуждала требованіе митрополита, и приняла условія: Никонъ удаляется въ Тмуторокань, митрополитъ даетъ право на устроеніе монастыря Антонію. Но Антоній не былъ иниціаторомъ этого дѣла, можетъ быть, не чувствовалъ себя пригоднымъ для него, а по натурѣ—не способенъ былъ на компромиссъ. Онъ, какъ ктиторъ вновь разрѣшеннаго монастыря, ограничивается поставленіемъ въ игумены Варлаама, а самъ удаляется въ ину гору. Что князь здѣсь не былъ чуждъ всѣхъ событій, видно изъ того, что Антоній поселяется на княжеской же землѣ, конечно, съ разрѣшенія князя.

§ 63. Итакъ, послѣ всѣхъ тревогъ февраля 1061 г. пещера становится монастыремъ, ктиторомъ котораго, Антоніемъ, ставится игуменомъ Варлаамъ, а Ѳеодосій — пресвитеромъ братіи, „бѣ бо сице братіи съвъкупилоси до 15“ [1]). Откуда могла образоваться къ этому времени такая цифра братіи, мы знаемъ изъ указанія Нестора въ Житіи Ѳеодосія, что теперь для желающихъ вступленія въ монастырь препятствій не было: „Такжде оттоле многымъ приходити в печеру благословеніа ради отъ отець тѣхь, и друзии отъ нихъ бываху мнихи, Божіею благодатью“ [2]). Никонъ въ своемъ лѣтописномъ сводѣ 1073 г. опускаетъ всѣ событія 1061 г. По его разсказу князь Изяславъ приходилъ къ Антонію, поселившемуся въ пещерѣ Иларіона, съ дружиною, прося у него благословенія и молитвы. Всѣ знали великаго Антонія и чли его. „И събрася братия къ нему числѣмь 12, ископаша печеру велику, и цркъвь, и кѣлия. Съвъкупленѣ же братіи, рече имъ Антонии: „живѣте собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хощю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ уединивъся жити“; и постави имъ игумена,

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 26.

[2]) Ibidem, стр. 25—26.

именьмь Варлама, а самъ иде въ гору и ископа печеру... братия же съ игуменъмь живяху въ печерѣ“ [1]).

Разногласіе между записью Никона и Житіемъ Ѳеодосія въ цифрѣ братіи къ этому времени (по Никону — 12, по Нестору — 15) нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Никонъ, не сообщая о трудныхъ событіяхъ роста монастыря изъ пещеры, даетъ ту цифру, какая была тогда въ дѣйствительности подъ рукой Варлаама. Несторъ же, вводя въ подробности всего пережитого, ведетъ счетъ всѣмъ братьямъ обители, какъ остававшимся въ монастырѣ, такъ и временно удалившимся: по порученію ли игумена, — какъ Ефремъ, по внѣшнему ли давленію, — какъ Никонъ и „другы черноризець монастыря св. Мины“ [2]).

Когда Антоній удалился въ другую пещеру, Варлаамъ, поставленный Антоніемъ игуменомъ новаго монастыря, приступаетъ къ вынесенію монастыря изъ пещеры. Это было предпринято съ разрѣшенія Антонія [3]) и выразилось пока только въ построеніи „малой церквици“ надъ пещерой во имя св. Богородицы. Несторъ вновь подчеркиваетъ, что теперь монастырь былъ признанъ оффиціально: „Тажде убо оттоле всѣмь явлено бысть мѣсто то, бѣ бо мнозѣми прежде не вѣдомо“ [4]).

§ 64. Варлааму пришлось стоять во главѣ новаго монастыря лишь короткое время, между 1061 — 1062 гг., такъ какъ онъ „изведенъ бысть княжимь повеленіемь въ монастырь св. мученика Дмитріа, и тамо игуменомь поставленъ бысть“ [5]). Объ этомъ событіи Никонъ сообщаетъ съ оттѣнкомъ досады: „Изяславъ постави манастырь св. Дьмитрия, и выведе Варлама на игуменьство къ св. Дьмитрию, хотя сътворити вышнии

---

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 589.

[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 26.

[3]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 589.

[4]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

сего манастыря, надѣяся богатьству“ [1]). Понятно раздраженіе Никона. Князь Изяславъ, вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу росту новаго монастыря, созидаетъ свой княжой монастырь, куда отдаетъ и, конечно, не малыя средства, могущія помочь первымъ днямъ Печерской обители. Но только ли въ этомъ источникъ раздраженія Никона? Обратимъ вниманіе на одно обстоятельство. Новгородскій сводъ (ред. 1079 г.) сообщаетъ подъ 6569 г. (1061): „поставленъ бысть Новугороду епископъ Стефанъ“ [2]). Мы не знаемъ, откуда взятъ на епископью новый Новгородскій владыка, какъ не знаемъ того, кто онъ былъ и откуда родомъ. Но вполнѣ возможно предположеніе, что такой именно конкретный случай замѣщенія освободившейся каѳедры поставилъ передъ княземъ вопросъ о необходимости подготовки кандидатовъ на епископскія каѳедры, тогда всѣ находившіяся въ политическомъ обладаніи Изяслава, и князь, естественно, желаетъ взять это дѣло въ свои руки, создавая свой княжой монастырь. Между тѣмъ созданіе монастыря-разсадника будущихъ іерарховъ внѣ политическаго вліянія княжой власти было мыслію Никона и Антонія, такъ что здѣсь столкнулись два серьезныхъ церковно-политическихъ взгляда, и братія Печерской обители справедливо опасалась сильнаго конкуррента въ Дмитровской обители Изяслава, откуда выходили бы не независимые іерархи, а ставленники князя. Изяславъ зналъ, конечно, планы и намѣренія Антонія и Никона, и въ устроеніи своего монастыря и выведеніи въ него Варлаама дѣйствовалъ не случайно. Естественно думать, что князь, желая имѣть русскихъ кандидатовъ на епископскія каѳедры, боялся возраженій со стороны митрополита противъ кандидатуры на епископскія каѳедры кого-либо изъ братіи Печерскаго монастыря, почему поспѣшилъ устроеніемъ своего монастыря, не имѣя въ виду ссориться тѣмъ съ Печерскою обителью и собираясь руко-

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 589.

водиться въ устроеніи Дмитровскаго монастыря бывшимъ игуменомъ Печерскаго. Что ссоры съ послѣднимъ у Изяслава не было, видимъ изъ дальнѣйшихъ отношеній князя къ Печерской обители. Взявъ Варлаама, князь охотно даетъ по просьбѣ новаго игумена—Ѳеодосія—землю для построенія всего монастыря надъ пещерою.

§ 65. Объ избраніи новаго игумена, на мѣсто ушедшаго Варлаама, Несторъ и Никонъ сообщаютъ разно. Несторъ разсказываетъ, что братія, собравшись „изволеніемъ всѣхъ", извѣстили преподобнаго Антонія, что нарекли себѣ игуменомъ Ѳеодосія, „яко и чьрньчьскоую жизнь оуправивъша и божия извѣсто заповѣди из лиха вѣдоуща" [1]). (Фразы: „преподобный же призвалъ св. Ѳеодосіа, благословивъ его на игуменьство" — нѣтъ въ сп. XII в. и Берсен.). Никонъ въ своемъ Сводѣ сообщаетъ, что братія обители, „съвѣтъ сътворьше", пошла къ старцу Антонію и сказала: поставь намъ игумена. На вопросъ Антонія: кого хотите? братія отвѣчала: кого хочетъ Богъ и ты. Антоній, указавъ на послушаніе, кротость и смиреніе Ѳеодосія, сказалъ: „да сь будеть вамъ игуменъ". И братія была рада, поклонилась Антонію и поставила Ѳеодосія игуменомъ [2]). Объясненіе этого разногласія нужно, повидимому, искать въ разновременности записи и въ тѣхъ особыхъ событіяхъ, которыя разыгрались между временемъ написанія Свода 1073 г. Никономъ и Житія Ѳеодосія Несторомъ. Какъ здѣсь, такъ и въ разсказахъ о поставленіи слѣдующихъ игуменовъ—Стефана, затѣмъ Никона,—Несторъ проводитъ точку зрѣнія избранія игумена всею братіею, а не ставленія по благословенію извнѣ. Точка зрѣнія Нестора на этотъ вопросъ особенно ясна изъ разсказа объ изгнаніи братіею Стефана игумена и поставленіи на его мѣсто Никона. „И се, яко же мьню, по

[1]) Сборникъ XII в. Моск. Усп. Собора, изд. А. Шахматовымъ и

Божію изволенію, быти того (Никона) постановленію" [1]). Желая провести мысль о полной внутренней независимости монастыря, Несторъ и избраніе Ѳеодосія рисуетъ именно какъ избраніе братіею. Между тѣмъ, едва-ли это было такъ.

Какъ извѣстно, право созданія монастыря въ то время принадлежало всякой юридически и канонически правоспособной личности. Для построенія требовалось: во-первыхъ, согласіе епископа области и, во-вторыхъ, матеріальное обезпеченіе новоучреждаемой обители [2]). По изложенному выше разсказу о событіяхъ 1060—1062 гг. видимъ, что средства на обезпеченіе монастыря пещера получила, вѣроятно, въ связи съ вступленіемъ въ число братіи Варлаама и Ефрема, а согласіе епископа области, т.-е. митрополита Кіевскаго, — въ связи съ условіемъ удаленія изъ монастыря Никона. Возможно, что Никонъ добивался получить на себя разрѣшеніе епископа, но потерпѣлъ неудачу. Кому же далъ митрополитъ согласіе на построеніе монастыря? Изъ разсказа Никона и Нестора ясно, что это согласіе получилъ Антоній: онъ былъ собственникомъ пещеры, онъ ставитъ Варлаама первымъ игуменомъ монастыря. Антонію, какъ ктитору монастыря, принадлежало право поставленія игуменовъ [3]). Объ этомъ и разсказываетъ Никонъ въ своемъ Сводѣ.

Но почему же Несторъ, разсказавъ о поставленіи Антоніемъ перваго игумена—Варлаама [4]), о поставленіи имъ же Ѳеодосія—не желалъ разсказать, какъ Никонъ. Объясненіе этому нужно видѣть въ слѣдующемъ соображеніи. Печерскій монастырь, ставившій себѣ цѣлью созданіе на Руси истиннаго монашества и достойныхъ русскихъ кандидатовъ на епископ-

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 57.

[2]) Соколовъ, И. И. Состояніе монашества въ Византіи с. пол. IX до нач. XIII в. Казань, 1894, стр. 350—351.

[3]) Ibidem, стр. 358—359.

[4]) Патерикъ Кіев. Печер. Монаст. Памятники ст.-рус. письменности,

скія каѳедры, не имѣлъ въ виду жить по указаніямъ и руководству епископа области, т.-е. митрополита-грека. Въ Византіи, дѣйствительно, существовалъ классъ такъ называемыхъ независимыхъ (αὐτεξούσια καὶ αὐτοδέσποτα) монастырей, которые не были обязаны платить епархіальной власти какихъ-либо взносовъ, и по отношенію къ которымъ епархіальная власть имѣла только право возношенія, поставленія и дисциплинарную; иногда же монастыри освобождались и отъ такого подчиненія духовной власти. Право независимости монастыри получали или силою царской власти или по распоряженію своихъ ктиторовъ [1]). Ктиторъ Печерской обители—Антоній, видимо, не сдѣлалъ этого распоряженія. Смерть его случилась, кажется, 7 мая 1073 г.; объ ней не упоминаетъ Сводъ Никона, потому что авторъ Свода удалился изъ монастыря ранѣе этого событія [2]). Но почему объ этой кончинѣ не сообщаетъ Несторъ въ Житіи Ѳеодосія? Отвѣтъ будетъ тотъ, что монастырь Печерскій смертью Антонія былъ поставленъ въ большое затрудненіе, такъ какъ Антоній не сдѣлалъ соотвѣтствующаго распоряженія о независимости монастыря. Оставалась, правда, возможность полученія независимости княжескимъ распоряженіемъ, но каѳедра могла возражать, какъ и возражала позднѣе, что право это—право царской, а не княжеской власти. Въ монастырѣ поэтому скоро появилась мысль объявить о распоряженіи Антонія о независимости монастыря, какъ сдѣланномъ не передъ смертью, а еще при жизни, при первыхъ же шагахъ новаго монастыря. Отраженіе этого взгляда мы и находимъ у Нестора въ Житіи Ѳеодосія. Антоній, поставивъ Варлаама братіи „в себѣ мѣсто", удаляется въ иную пещеру, гдѣ живетъ въ затворѣ, не исходя изъ нея, „идѣже и нынѣ честное его тѣло лежитъ" [3]), т.-е.

---

[1]) Соколовъ, И. И. Состояніе монашества въ Визант. церкви съ пол IX в. до нач. XIII в., стр. 367.

[2]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 436—437.

Антоній еще при жизни отстранился отъ монастырской жизни, сдѣлавъ монастырь независимымъ. Отсюда и то странное противорѣчіе Нестора въ описаніи затворнической безысходной жизни Антонія послѣ удаленія въ ину пещеру—съ разсказомъ Никона (въ житіи Исаакія) о вмѣшательствѣ Антонія въ политическую жизнь Кіева и распрю князей и даже о бѣгствѣ Антонія изъ Кіева въ Черниговъ подъ вліяніемъ неудовольствія вернувшагося на престолъ Изяслава [1]). Этимъ тенденціознымъ изображеніемъ отношенія ктитора Антонія къ Печерскому монастырю и объясняется отсутствіе описанія его кончины у Нестора и въ продолженіи Свода 1073 г. Отстранивъ отъ монастырской жизни Антонія еще при его жизни, Несторъ старается выставить истиннымъ ктиторомъ монастыря Ѳеодосія, на него перенося всю заслугу дѣла созданія монастыря: „и бысть монастырь славень: ее же и донынѣ есть, Печерьскый монастырь наречемъ, иже отъ св. отца нашего Ѳеодосіа съставленъ есть“ [2]). Здѣсь былъ не только расчетъ канонизаціей Ѳеодосія освятить все дѣло созданія монастыря, ему по идеѣ не принадлежавшее, но и упрочить оспариваемое каѳедрой по смерти Ѳеодосія положеніе независимости монастыря, которымъ монастырь фактически пользовался при его жизни.

Думаю на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, что разсказъ Никона о назначеніи Ѳеодосія въ игумены ктиторомъ Печерскаго монастыря—Антоніемъ—первоначальнѣе и вѣрнѣе передаетъ дѣло.

§ 66*a*. Новый игуменъ проявилъ дѣятельность, нѣтъ сомнѣнія, по ранѣе еще въ пещерѣ предрѣшенному плану. Прежде всего необходимо было создать настоящій монастырь, вынеся его изъ-подъ земли. Варлаамъ, первый игуменъ, но-

---

[1]) Вотъ почему нахожу неудачной вставку А. А. Шахматовымъ словъ: „и живяше въ ней, не выходя изъ нея“ въ разсказъ Никона изъ Житія Ѳеодосія, на стр. 589.

[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

строилъ лишь небольшую деревянную церковь надъ пещерой, то-есть на землѣ, уже съ давнихъ поръ принадлежавшей Антонію, но жить монахи и теперь продолжали въ пещерѣ. Для того, чтобы выстроить настоящій монастырь съ келіями для братіи не подъ землею,—нужны были средства и земля. Средства уже стали притекать. Такъ, несомнѣнно, Варлаамъ и Ефремъ пришли въ обитель не съ пустыми руками; такъ, вслѣдъ за ними, по оффиціальномъ признаніи монастыря, „(оттоле) многымъ приходити въ печеру благословеніа ради отъ отець тѣхь, и друзіи отъ нихъ бываху мнихи, Божіею благодатью“ [1]); наконецъ, по уходѣ Варлаама и вступленіи въ игуменство Ѳеодосія, „многымъ отъ вельможъ приходити к нѣму благословенія ради, и отъ имѣній своихъ малу нѣкакову часть подаваа имъ“ [2]). Что касается земли, то ее можно было получить только отъ князя, такъ какъ пещера Иларіона, потомъ подаренная княземъ Антонію, лежала на княжеской землѣ, прилежавшей къ княжескому двору, Берестову. Варлаамъ не обращался къ князю съ подобной просьбой въ силу намъ неясныхъ соображеній, и братіи приходилось довольствоваться клочкомъ Антонія. Теперь при Ѳеодосіи дѣло измѣнилось. Ѳеодосій обращается къ князю Изяславу съ просьбой о даренія монастырю всей горы надъ пещерой Иларіона. Трудно сомнѣваться въ томъ, что взятіе Варлаама княземъ Изяславомъ въ игумены его княжого монастыря и дало братіи всю гору надъ пещерой. Впрочемъ, это косвенно подтверждается тѣмъ отношеніемъ къ монастырю, какое сохранилъ Варлаамъ по уходѣ на игуменство въ Дмитровскій монастырь. Варлаамъ, какъ игуменъ этого монастыря, ходилъ въ благочестивыя путешествія. Первое было предпринято въ Іерусалимъ, а второе, „по вре-

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 26.

[2]) Такъ надо читать и по сп. XII в., и по Бер., и по А. Л. С. Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности

мени некоемь", въ Константинополь, гдѣ онъ обходилъ всѣ монастыри и купилъ „еже на потребу монастырю своему". На обратномъ пути изъ этого второго путешествія Варлаамъ скончался во Владимірѣ въ монастырѣ, называвшемся „Святою Горою". „Заповѣдавь сущим с нимъ, да допровадять тѣло его в монастырь блаженнаго Ѳеодосіа и ту положать его, и вся сущаа, яже бѣ купилъ въ Коньстянтинѣ градѣ, иконы и ино еже на потрѣбу, повелѣ сіа вдати блаженному" [1]). Нужно, слѣдовательно, думать, что князь, исполнившій эту волю Варлаама, хотя всѣ вещи въ Константинополѣ были пріобрѣтены для Дмитровскаго монастыря и, вѣроятно, не только на деньги Варлаама,—исполнилъ и ту просьбу братіи о землѣ, которую возбудилъ передъ княземъ Ѳеодосій по отшествіи игумена Варлаама, и которую, конечно, поддержалъ и бывшій Печерскій игуменъ. „Изяславъ же,—говоритъ Никонъ въ своемъ Сводѣ [2]),—слышавъ (просьбу Ѳеодосія), радъ бысть, посъла мужь свои и въда имъ гору ту". Игуменъ и братія выстроили на этой землѣ новую церковь, бо́льшую той, что построилъ Варлаамъ, украсили ее иконами, оградили все мѣсто „стѣлпиемь", поставили кельи. Новый монастырь въ своемъ названіи хранилъ всегда память о той пещерѣ, изъ которой онъ выросъ.

Несторъ въ Житіи Ѳеодосія, по неяснымъ намъ соображеніямъ, разсказываетъ объ этомъ построеніи церкви, ограды и келій на новомъ мѣстѣ такъ, что не упоминаетъ ни о князѣ, ни о дареніи земли [3]). Впрочемъ, Несторъ не упоминаетъ еще объ одномъ важномъ обстоятельствѣ: о количествѣ братіи.

§ 66*б*. Никонъ, въ своемъ Сводѣ, разсказываетъ, что къ моменту вступленія въ игуменство Ѳеодосія число братіи достигло 20. Если вспомнить цифру братіи ко времени вступ-

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 32.

[2]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 590.

[3]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

пленія въ игуменство Варлаама—12 [1])—и сопоставить это съ хронологическою сѣтью событій, какъ мы знаемъ охватывающею лишь около года (начало 1061—1062 г.), то все же вызоветъ наше удивленіе, что за первое время игуменства Ѳеодосія, въ теченіе того же 1062 года, число братіи, какъ указываетъ Никонъ, достигло 100 человѣкъ [2]). Никонъ ставитъ въ связь этотъ страшный ростъ братіи (съ 20 до 100) съ просьбою Ѳеодосія къ князю Изяславу о землѣ подъ монастырь: „и посъла единого отъ братиѣ къ Изяславу кънязю, река тако: „кънияже мои! се, Богъ умъножаетъ братию, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою“. Откуда эти цифры, и почему Несторъ ни слова не говоритъ о нихъ, хотя фактъ этого роста братіи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія? Объяснить этотъ ростъ братіи существованіемъ такого порыва къ монашеству въ обществѣ, едва-ли возможно. Мы не знаемъ далѣе такихъ цифръ и такого роста монашества въ позднѣйшее время. Объяснить его желаніемъ многихъ, жившихъ до того въ міру, теперь, подъ вліяніемъ высокаго примѣра пещерниковъ, идти въ монашество, тоже невозможно, потому что прибытіе 80 человѣкъ падаетъ какъ разъ на то время, когда основные пещерники уже отстранились отъ жизни обители или добровольно, какъ Антоній, или подъ давленіемъ извнѣ, какъ Никонъ, — и въ монастырѣ выдвигается новый и мало до того извѣстный человѣкъ—Ѳеодосій, по годамъ очень молодой и едва-ли тогда авторитетный. Объяснить собраніе этого количества братіи не изъ міра, а изъ другихъ монастырей, по терминологіи Е. Е. Голубинскаго, несобственныхъ или ненастоящихъ [3]),—едва-ли возможно по той причинѣ, что можно сомнѣваться въ существованіи въ ту пору такого рода монастырей [4]). Если же думать,

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 589.
[2]) Ibidem, стр. 590.
[3]) Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви. I². Изд. 2, стр. 582.

просто о совокупленіи братіи изъ другихъ Кіевскихъ монастырей, то все же непонятно, что̀ заставляло монаховъ уходить въ новый, только-что начинающійся монастырь, идти жить въ пещеру подъ землею.

Приходится искать какихъ-то общихъ причинъ, заставившихъ такое огромное количество людей идти къ Ѳеодосію, были ли то монахи сосѣднихъ монастырей, или другія лица. Не лишено значительности и то обстоятельство, что въ Византіи монастыри общинножительные имѣли опредѣленный штатъ братства, при чемъ число братіи бывало рѣдко столь велико, какъ въ первые же мѣсяцы игуменства Ѳеодосія. Какъ увидимъ ниже, въ монастырѣ Печерскомъ былъ введенъ Студійскій уставъ и, вѣроятно, въ редакціи патріарха Алексѣя, по которому число братіи полагалось отъ 40 до 50 чел., „кромѣ сущимъ по селомъ". Болѣе этой цифры было лишь въ Лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго (120 чел.) и—позднѣе—въ монастырѣ императора Іоанна Комнина Пантократорѣ (130 чел.) [1]). Отсюда, кажется, можно выводить, что такое стеченіе монашествующихъ, какое мы видѣли въ Печерской обители, было вынужденнымъ для устроителей монастыря, такъ какъ иначе едва-ли бы они вышли за предѣлы обычныхъ для того времени Византійскихъ цифръ.

Подыскивая объясненіе тому обстоятельству, что въ Кіевѣ нашлось сразу столь значительное число лицъ, пожелавшихъ вступить въ новосозидаемую Печерскую обитель, при томъ условіи, что впослѣдствіи не наблюдалось нигдѣ столь сильнаго роста братіи, ни въ самомъ Печерскомъ монастырѣ, ни въ другихъ монастыряхъ, и при томъ условіи, что цифра эта едва-ли была достигнута желаніемъ устроителей, такъ какъ превышала обычныя цифры штатовъ Византійскаго монашества, исключая очень богатой Лавры св. Аѳанасія, и такъ какъ сопрягалась съ огромнымъ расходомъ на содержаніе братіи, едва-ли легко покрываемымъ изъ тогдашнихъ средствъ

[1]) Соколовъ, И. И. Состояніе монашества въ Виз. церкви съ пол. IX

Печерской обители,—мы останавливаемся на слѣдующемъ соображеніи. Изъ предыдущаго выяснилось, что митрополитъ Иларіонъ, сочувствовавшій дѣлу поселенія Антонія въ пещерѣ, впослѣдствіи, въ схимѣ подъ именемъ Никона, удалился въ ту же пещеру Антонія. Это вело къ мысли, что Иларіонъ относился отрицательно къ тогдашнимъ Кіевскимъ безуставнымъ монастырямъ. Былъ ли въ этомъ Иларіонъ одинокъ? Обратимъ вниманіе на то, что вступленіе на митрополичью каѳедру Ефрема и устраненіе съ нея Иларіона едва-ли прошло такъ, чтобы не задѣть никого изъ окружающихъ и трудившихся съ Иларіономъ. Нельзя сомнѣваться, что вступленіе Иларіона въ управленіе церковью русской сопровождалось устраненіемъ многихъ клириковъ времени Ѳеопемпта и привлеченіемъ новыхъ клириковъ того духа и направленія, что былъ самъ митрополитъ Иларіонъ. Уходъ Иларіона и вступленіе Ефрема не могло не отразиться на нихъ. Предполагаемъ удаленіе клириковъ эпохи Иларіоновскаго управленія рукою новаго митрополита. Куда же ушли эти клирики отъ св. Софьи? Они могли уходить въ Кіевскіе монастыри въ число рядового братства. Но какъ они относились къ этимъ безуставнымъ монастырямъ—видно изъ отношенія къ этимъ послѣднимъ Иларіона. Естественно, что при первой возможности всѣ клирики спѣшили собраться къ своему бывшему митрополиту, правда, вынужденному уйти изъ созидающагося монастыря, но духомъ остававшемуся въ немъ. Можно думать, что это наличіе большого числа устраненныхъ клириковъ толкало мысль Иларіона собрать ихъ въ общее житіе, создавъ гнѣздо будущихъ русскихъ архіереевъ. Къ этому числу клириковъ можетъ быть нужно причислить и тѣхъ священнослужителей, которыхъ могъ рукоположить Иларіонъ за время своего пребыванія на каѳедрѣ, и которыхъ санъ не признавался новымъ митрополитомъ [1]).

Такое предположеніе объясняетъ многое: и необычную наличность въ Кіевѣ 100 человѣкъ, жаждущихъ вступленія въ новый монастырь, и принятіе столь огромнаго количества братіи совсѣмъ еще молодымъ, безъ большихъ средствъ монастыремъ, вопреки указаніямъ обычной практики Византійскихъ монастырей и устава патріарха Алексѣя, которымъ Печерская обитель собиралась руководиться.

§ 66*в*. Слѣдующею задачею, выпавшею на долю новаго игумена Ѳеодосія, послѣ „совокупленія“ братіи и устроенія монастыря „на горѣ“, подаренной княземъ Изяславомъ, — было введеніе устава общей жизни.

„Въ Греціи къ тому времени, какъ мы приняли христіанство, пишетъ Е. Е. Голубинскій [1]), монашество, процвѣтавшее вообще весьма недолго (какъ цѣлое, а не въ отдѣльныхъ людяхъ, о которыхъ рѣчь особая), давно уже пало. Мы вовсе не были призваны (т.-е. оказались вовсе не призванными) къ тому, чтобы возстановить его, и мы могли принять его отъ нихъ въ его позднѣйшемъ превращенномъ видѣ только какъ цѣлое, а не такимъ образомъ, чтобы сдѣлать въ цѣломъ какой-нибудь выборъ“. Въ Греціи въ ту пору существовало три устава монашеской жизни: „истинное общинножитіе, общинножитіе весьма неистинное (т.-е. это общинножитіе съ сохраненіемъ права частной собственности) и келліотство“ [2]). Случилось такъ, что монашество наше стало жить по двумъ послѣднимъ уставамъ, „далеко не строго монашескимъ, которыхъ какъ таковыхъ собственно никогда не признавала церковь и которые, бывъ изобрѣтены самоволіемъ и фарисействомъ человѣческимъ, существовали единственно на тѣхъ же правахъ, на которыхъ существуетъ всякое злоупотребленіе“ [3]). Такое существованіе монашества на Руси, повидимому, не вы-

---

[1]) Е. Голубинскій, Исторія русской церкви. Т. I², изд. 2, 635.
[2]) Ibidem, стр. 634.
[3]) Ibidem, стр. 633—634.

зывало безпокойства или заботъ о насажденіи монашества истиннаго у митрополитовъ Кіевскихъ, и попытку перенести къ намъ уставъ истиннаго общинножитія взялъ на себя нарождающійся Печерскій монастырь. Дѣло это не было начато Ѳеодосіемъ, такъ какъ еще до его игуменства инокъ Ефремъ отправился въ Константинополь, несомнѣнно, съ цѣлью изученія жизни монашества Византійскаго. Вспомнимъ, предпринятое позднѣе, путешествіе въ Константинополь игумена Дмитровскаго монастыря Варлаама, обходившаго здѣсь всѣ монастыри, — чтобы понять, что дѣло правильнаго устроенія монастырской жизни шло у насъ путемъ частной инціативы, а не руководства съ митрополичьей каѳедры. Къ Ефрему скопцу отправилъ Ѳеодосій въ Константинополь „единаго отъ братіа“, „да весь уставъ Студійскаго монастыря принесеть, исписавъ“ [1]). Изъ приведеннаго мѣста выходитъ, что именно о Студійскомъ монастырскомъ уставѣ думали въ Печерской обители и этотъ уставъ хотѣли ввести у себя. Изложеніе и у Нестора, и у Никона ведется такъ, чтобы показать, что введеніе устава не измѣнило нравственной и подвижнической жизни игумена и братіи; уставъ лишь внесъ внѣшній порядокъ, твердое основаніе: и вступленію новыхъ братьевъ, и жизни братіи, и порядку службы. Ѳеодосій, получивъ уставъ, „повелѣ почести предъ братіею. И оттоле начатъ вься въ своемъ монастырѣ творити по уставу св. обители Студійскыа, якоже и донынѣ, — пишетъ Несторъ,—есть ученикомъ его съвръшающимъ сице“ [2]).

Е. Е. Голубинскій съ большою убѣдительностью указалъ на то, что Ѳеодосіемъ былъ введенъ уставъ Студійскаго монастыря въ редакціи патріарха Алексѣя [3]), представляющій собою первую полную запись литургическо-дисциплинарной

[1]) Патерикъ Кіевск. Печерск. Монаст., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 28.

практики Студійскаго монастыря, составленный, — кромѣ студійскихъ записей, еще на основаніи правилъ древнихъ устроителей монашеской жизни, обычаевъ Великой церкви и порядковъ другихъ монастырей [1]). Это введеніе строго-общежительскаго устава было крупнѣйшею заслугою новаго монастыря предъ русской церковью, какъ попытка насажденія истиннаго монашества. „И бѣ видѣти на земли человѣкы, житіемъ точныа ангеломъ, и монастырь той подобенъ небеси“ [2]). Жизнь Печерскаго монастыря не осталась одинокой: „отъ того же (Печерскаго) манастыря переняша вси манастыреве уставъ: тѣмь же почтенъ есть манастырь Печерьскый старей всѣхъ“ [3]).

§ 67. Такъ изъ скромной двусаженной пещеры выросъ монастырь съ братіею въ 100 человѣкъ, храмомъ и келіями, огороженными заборомъ. Въ отличіе отъ монастырей Кіевскихъ той поры этотъ Печерскій монастырь жилъ строгимъ уставомъ общежитія, руководимый примѣромъ высоко-аскетической жизни игумена Ѳеодосія. Къ послѣднему князья и бояре, слыша его доброе житіе, шли исповѣдать свои грѣхи и великую пользу принимали душѣ своей [4]). Духовныя дѣти игумена оказывали всякую поддержку монастырю и братіи: „приношаху ему отъ имѣній своихъ на утешеніе братіи и на устроеніе монастырю; друзи же села вдающе монастыреви и братіи“ [5]). Въ числѣ духовныхъ дѣтей и жертвователей былъ „христолюбецъ“ — князь Изяславъ [6]). Отношенія его къ Печерскому монастырю свидѣтельствуютъ, что страхи Никона о желаніи князя затмить обитель Антонія устроеніемъ своего Дмитровскаго монастыря—оказались напрасными, и Дмитровскій монастырь ста-

[1]) Соколовъ, И. И. Состояніе монаш. въ Ваз. цер. съ пол. IX в., стр. 322.

[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 30.

[3]) Лавр. 6559.

[4]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 31.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem.

новится какъ бы духовнымъ сыномъ Печерскаго: послѣ смерти Варлаама, перваго игумена Дмитровскаго монастыря, Изяславъ беретъ игуменомъ одного изъ братьевъ Печерскаго же монастыря — Исаію [1]). Въ праздникахъ Дмитровскаго монастыря игуменъ и братія Печерскаго принимаютъ постоянное участіе. Князь часто призываетъ Ѳеодосія къ себѣ, но чаще самъ приходитъ въ монастырь насыщаться духовныхъ словесъ своего духовнаго отца [2]). Послѣ извѣстнаго случая отказа вратаря монастыря впустить князя къ игумену „дондеже годъ вечерьній будетъ", отношенія князя сдѣлались еще лучше, и Изяславъ сталъ чтить Ѳеодосія, какъ одного изъ первыхъ святыхъ отцевъ, и слушался его, и дѣлалъ все „повеленаа ему" отъ игумена Печерской обители [3]).

Такъ, окруженная общимъ признаніемъ правящихъ верховъ, жила и крѣпла новая обитель, насадительница подлиннаго монашества. Вдали отъ нея, въ Тмутороканѣ, жилъ истинный создатель обители, вынужденный удалиться волею митрополита Ефрема, — Никонъ, бывшій Кіевскій митрополитъ.

§ 68. Изъ предыдущей главы мы уже знаемъ, что около 1065—67 г.г. въ Кіевѣ произошла смѣна митрополитовъ. Въ связи съ этимъ появились новыя каѳедры въ Черниговѣ и Переяславлѣ, позднѣе монастыри св. Спаса и Выдубицкій, какъ разсадники будущихъ епископовъ для новыхъ каѳедръ иныхъ политическихъ владѣльцевъ, чѣмъ Кіевскій князь, наконецъ, насильственная попытка рѣшенія вопроса объ епископіяхъ въ

[1]) По Житію Исаіи это было въ 1062 г., что едва-ли вѣроятно: Варлаамъ взятъ былъ на игуменство въ 1061 году, послѣ чего совершилъ два путешествія: одно въ Іерусалимъ, а другое „по времени некоемъ" въ Константинополь, по дорогѣ откуда и скончался (Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 32), что ведетъ позднѣе 1062 г., да и митр. Іона (нужно Іоанна) Житія еще не было въ 1062 г. въ Кіевѣ.

[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

свою пользу со стороны Полоцкаго князя Всеслава (§§ 36*а*, *б*, *в* и *г*.). Изъ этихъ событій одно имѣло для обители большое значеніе: смѣна митрополитовъ, видимо, дала возможность вернуться въ монастырь Никону.

Никонъ за время своего невольнаго удаленія изъ монастыря (1061 г.—1067 г.) проявилъ большую дѣятельность въ далекой Тмутороканской окраинѣ. Здѣсь онъ, какъ знаемъ, создалъ „славный“ монастырь съ церковью св. Богородицы „близъ града“ [1]) и своею дѣятельностью, видимо, вышелъ далеко за предѣлы своей обители. Такъ, когда 3 февр. 1067 г. скончался отъ отравы греческаго катепана Тмутороканскій князь Ростиславъ, Никонъ „умоленъ бысть“ отъ людей „острова“ идти къ князю Святославу просить на Тмутороканскій столъ сына этого князя—Глѣба. Святослава Никонъ въ Черниговѣ застать не могъ, такъ какъ три Ярославича тогда были въ походѣ на Всеслава Полоцкаго, и Никонъ ожидалъ возвращенія князя въ Печерской обители [2]). Несторъ очень трогательно описываетъ встрѣчу Никона съ Ѳеодосіемъ, „молившимъ“ великаго Никона „не отлучитися ему отъ него“. Изъ этой просьбы Ѳеодосія видимъ, что для Никона въ это время открылась возможность возвращенія въ Кіевъ, что̀ наводитъ на мысль объ отраженіи въ судьбѣ Никона перемѣны лицъ на митрополичьей каѳедрѣ. Никонъ, конечно, съ радостью возвращается въ Печерскій монастырь, послѣ поѣздки съ сыномъ Святослава княземъ Глѣбомъ въ Тмуторокань и устроенія дѣлъ своего Тмутороканскаго монастыря, ставшаго „прикладомъ“ [3]) Печерскаго. Вѣроятно, Никонъ привезъ Ѳеодосію и драгоцѣнности или казну своей Тмутороканской обители, т. к. Несторъ пишетъ: „и вся своя предавъ блаженному въ руцѣ, самъ же

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 26.

[2]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 435.

[3]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

бѣ съ всякою радостію покаряяся ему“ [1]). Впрочемъ, какъ увидимъ, покореніе это было инымъ противъ обычнаго иноческаго игумену, такъ какъ Никонъ занялъ въ обители первенствующее мѣсто, направляя вновь дѣятельность и монастыря, и игумена.

§ 69. Никонъ вернулся въ неспокойное время (іюль-августъ 1068 г.) [2]): на Русскую землю напали Половцы, и Ярославичи потерпѣли пораженіе. Мы уже знаемъ, что пораженіе Изяслава вызвало въ Кіевѣ революцію: Изяславъ—изгнанъ, а Всеславъ Полоцкій, чрезъ преступленіе крестоцѣлованія захваченный Ярославичами и посаженный въ порубъ за годъ передъ тѣмъ,—высаженъ изъ поруба Кіевлянами на Кіевскій столъ. Уже указывалось и на то, что Антоній Печерскій выступалъ въ этихъ событіяхъ, какъ защитникъ этого переворота, опираясь на чудесное совпаденіе праздника Креста (15 сент.) съ указанными событіями, и видя въ этомъ перстъ Божій. Никонъ, занесшій эти событія въ свой лѣтописный Сводъ въ такомъ освященіи, значитъ, сочувствовалъ борьбѣ Антонія за соблюденіе князьями крестоцѣлованія. Если справедливы были наши соображенія, что въ Кіевѣ описанная революція имѣла въ числѣ другихъ источниковъ и недовольство церковной политикой Ярославичей (§ 37), то тѣмъ понятнѣе становится роль обители Антонія и Никона, защитниковъ русской церкви отъ угнетеній греческаго господства.

Всеславъ сидѣлъ въ Кіевѣ лишь 7 мѣсяцевъ, потомъ съ Ляшской помощью вернулся Изяславъ. Гнѣвъ вернувшагося князя палъ на Кіевлянъ съ большою силой и безъ достаточныхъ основаній, по оцѣнкѣ Никона [3]). Гнѣвъ князя захватилъ и жизнь Печерской обители: Антонію пришлось бѣжать изъ Кіева ночью въ Черниговъ къ князю Святославу. Послѣдній

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности т. II, стр. 33.

уже начиналъ игру противъ старшаго брата, подготовляя, видимо, сочувствіе къ себѣ Кіевской общественности [1]). Не знаемъ, какъ все это отразилось на Никонѣ, но Ѳеодосій остался и монастырь, повидимому, не пострадалъ. Впрочемъ, и Антоній вернулся въ Кіевъ изъ Чернигова (гдѣ на Болдиныхъ горахъ устроилъ, было, монастырь) кажется также еще при Изяславѣ. Нельзя сомнѣваться, что умѣренность гнѣва Изяслава къ Печерской обители, откуда вышла непріятная для него поддержка Всеславу, правда, во имя высокаго идеала о нерушимости клятвеннаго крестоцѣлованія, — основывалась на нежеланіи, а можетъ быть и боязни князя ссориться съ монастыремъ, уже широко-популярнымъ въ дружинныхъ кругахъ и съ руководителями его жизни, почитаемыхъ, какъ „первыхъ святыхъ отцевъ“. Вспомнимъ свидѣтельство Павла, игумена одного изъ монастырей области князя Святослава, приведенное Несторомъ, что князь Святославъ много разъ высказывалъ близкимъ свою зависть брату Изяславу „еже такова светилника имать въ области своей“, какъ Ѳеодосій [2]). Вспомнимъ, что Всеволодъ когда-то около 1067 г. беретъ себѣ на Ростовскую каѳедру епископомъ Леонтія, постриженника обители преподобнаго Ѳеодосія. Изъ Житія Ѳеодосія видимъ, что Изяславъ скоро по-прежнему сталъ бывать въ монастырѣ [3]), Ѳеодосій — навѣщать князя [4]).

§ 70. За это время, по словамъ Нестора, число братіи продолжало возрастать, такъ что игумену явилась нужда „распространити монастырь на поставленіе кѣліамъ, множества ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ“ [5]). Работа эта была произведена игуменомъ и братіей. За это же время у монастыря появились и земельныя имущества, благочестивыя приношенія

[1]) Грушевський, М. Історія України-Руси, т. II, вид. др., стр. 60—61.
[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 49.
[3]) Ibidem, 39, 44.
[4]) Ibidem, 34.

вѣрующихъ [1]). Пожертвованія были, повидимому, обычнымъ явленіемъ и выражались въ присылкѣ съѣстныхъ продуктовъ [2]), вина [3]), масла [4]), книгъ [5]), золота [6]), въ окованіи иконъ [7]). Несторъ въ разсказахъ объ этихъ пожертвованіяхъ дѣлаетъ ударение не на самыхъ пожертвованіяхъ, а на обстоятельствахъ, ихъ сопровождавшихъ, приводя примѣры изъ жизни Ѳеодосія, свидѣтельствующіе о твердости вѣры, евангельской добротѣ и святой прозорливости игумена. Этимъ и дается разумѣть, что пожертвованія текли широко, превышая нужды братіи и обители. Что послѣднее имѣло мѣсто, видно изъ построенія Ѳеодосіемъ „двора близ монастыря“, гдѣ повелѣніемъ игумена находили прибѣжище нищіе, слѣпые, хромые, трудоватые, получающіе „еже на потрѣбу“ отъ монастыря десятину всѣхъ монастырскихъ доходовъ. На „дворѣ“ этомъ была построена и церковь св. первомученика Стефана [8]). Щедротъ монастыря хватало и на посылку каждую субботу воза хлѣбовъ „иже в темницахъ сущихъ и въ узахъ“ [9]).

Такъ прошли годы 1068 — 1073, когда въ Кіевѣ разразились событія, нашедшія отраженіе и въ жизни русской церкви, и въ жизни Печерской обители. Намъ уже приходилось касаться и того и другого вопроса, такъ что здѣсь частью опять придется повторить сказанное.

§ 71. Между Ярославичами произошла ссора и борьба. Святославъ въ союзѣ съ Всеволодомъ изгнали Изяслава изъ Кіева, и земли Изяслава стали предметомъ раздѣла братьевъ-

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, 42, 48 и 31.
[2]) Ibidem, 41.
[3]) Ibidem, 42.
[4]) Ibidem, 44.
[5]) Ibidem, 39.
[6]) Ibidem, 36.
[7]) Ibidem, 39.
[8]) Ibidem, 42.

побѣдителей. Сейчасъ же по вступленіи въ Кіевъ братья устраиваютъ обѣдъ, на который, по словамъ Нестора, приглашается въ числѣ другихъ и игуменъ Печерскаго монастыря. Однако, въ Печерской обители не было радости или торжества по поводу изгнанія Изяслава, хорошо относившагося къ монастырю. Ѳеодосій отклонилъ предложеніе братьевъ-князей и открыто порицалъ ихъ поступокъ. Князья „не възмогоста прогнѣватися на нь“, тѣмъ болѣе, что имъ пришлось сейчасъ же идти въ походъ на Изяслава, какъ извѣстно, нашедшаго, было, короткую поддержку со стороны Болеслава: „устремистася на прогнаніе брата своего, иже отъ всеа тоа области отгнаста его и тако възвратишася въспять“ [1]). Когда Всеволодъ ушелъ въ свой Переяславль, а Святославъ утвердился въ Кіевѣ, закрѣпивъ миромъ союзъ съ Болеславомъ, теперь отказавшимъ Изяславу въ поддержкѣ и вынудившимъ его тѣмъ искать помощи сначала у императора, потомъ у папы,—Ѳеодосій вновь началъ обличенія противъ Святослава, „яко неправедно сътворивша, не по закону сѣдша на столѣ томь, яко отца си, брата старѣйшаго прогнаша“ [2]). Это выступленіе Ѳеодосія нужно ставить въ связь съ отраженіемъ тѣхъ же вопросовъ междукняжескихъ отношеній въ Сводѣ Никона 1073 г. Тамъ мы найдемъ объясненіе того, что̀ называлъ Ѳеодосій „закономъ“ въ междукняжескихъ отношеніяхъ, и откуда могла родиться мысль о Кіевскомъ князѣ, какъ старѣйшемъ и отцѣ другимъ князьямъ русскимъ. Никонъ взглядъ монастыря на эти событія изложилъ въ „рядѣ“ Ярослава, и мы уже имѣли случай видѣть, откуда брали схему этихъ идеальныхъ отношеній, рекомендуемыхъ монастыремъ князьямъ, какъ предсмертную волю отца, Никонъ и Ѳеодосій. Схема бралась изъ отношеній епископовъ къ митрополиту, считающемуся епископамъ отцемъ и

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 49.

[2]) Ibidem, 49.

старѣйшиной [1]), и закономъ считалось уваженіе границъ чужихъ епархій и благопокореніе митрополиту.

Ѳеодосій или писалъ „епистоліа“ къ Святославу, или говорилъ порицаніе князю приходившимъ въ монастырь вельможамъ, поручая имъ передать эти слова Святославу. Вспоминая то мѣсто въ разсказѣ Нестора, гдѣ говорится о поученіяхъ братіи въ церкви игуменомъ Ѳеодосіемъ „духовными словесы“ и о повелѣніяхъ его великому Никому или „преподобному отцю нашему Стефану“ — поучать братію „отъ книгъ почитающе“ [2]), думаемъ, что и епистоліи, особенно послѣднюю „великую зѣло“, гдѣ приводились историческіе примѣры, конечно, „отъ книгъ почитающе“, Ѳеодосій поручилъ составлять Никону или Стефану, вѣроятнѣе, какъ увидимъ, первому. Въ видѣ протеста Ѳеодосій приказалъ поминать въ богослуженіи князя Изяслава, „яко столному тому князю и старѣйшину всѣхъ“, а Святослава — не поминать, какъ „чрезъ законъ сѣдшу на столѣ томъ“ [3]). Эта непрекращающаяся, вызывающая дѣятельность игумена довела дѣло до остраго столкновенія, такъ какъ князь Святославъ, ударивъ о землю епистолій Ѳеодосія „великой зѣло“, „яко левъ рикнулъ на праведнаго“. Всѣ сторонники Ѳеодосія стали убѣждать его прекратить свои нападки на князя, собирающагося осудить игумена на заточеніе. О томъ же, кромѣ вельможъ, молила Ѳеодосія испуганная братія. И Ѳеодосій — уступилъ мольбамъ братіи и вельможъ, понимая, что ничего не добьется только

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ не лишено интереса и то наблюденіе, что позднѣе, въ Повѣсти вр. лѣтъ, встрѣчаемъ подобную попытку формулировать на церковно-іерархическомъ языкѣ новое понятіе столицы государства—въ словахъ Олега: „се буди мати градомъ Русьскимъ“ (Лавр. 6390 г.), что̀ являлось попыткою перевода „митрополіи“, тогда какъ до того это понятіе формулировалось въ словахъ Святослава матери о Переяславлѣ на Дунаѣ: „яко то есть середа земли моей“ (Лавр. 6477 г.) (Хрущовъ, И. О др. рус. истор. повѣстяхъ и сказаніяхъ. Кіевъ. 1878, стр. 107).

[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности

„сими словесы", и рѣшивъ болѣе не укорять князя Святослава, а при случаяхъ „мольбою молити" о возвращеніи Изяславу отнятыхъ земель. Единственнымъ слѣдомъ размолвки оставалось поминаніе въ эктеніяхъ имени князя Святослава послѣ имени князя Изяслава [1]).

Иначе поступилъ Никонъ. Не добившись „покоренія" Святослава и не найдя для своей мысли о законѣ междукняжескихъ отношеній, нарушенномъ Святославомъ и Всеволодомъ, поддержки среди Кіевскаго общества, помирившагося съ переворотомъ, — Никонъ уходитъ съ двумя братьями обители опять въ Тмуторокань въ свой монастырь, вернувшись оттуда уже по смерти Ѳеодосія и, кажется, Святослава.

§ 72. Какъ только „разумѣ" Святославъ „преложеніе" Ѳеодосія, сейчасъ же („не по мнозехъ же дьнехъ") послалъ къ нему узнать, можетъ ли навѣстить блаженнаго? Свиданіе состоялось, а за нимъ окрѣпло и установилось такое же дружеское отношеніе князя къ монастырю и игумену, какое было при князѣ Изяславѣ: Святославъ часто приходитъ къ Ѳеодосію „насыщаться духовнаго того брашна", „многажды" и Ѳеодосій посѣщаетъ князя [2]).

Какъ столкновеніе монастыря съ княземъ Изяславомъ въ 1061—1062 году привело къ скорому примиренію и расширенію монастыря за счетъ княжеской земли, такъ и столкновеніе 1073 года привело къ примиренію и дальнѣйшему расширенію. Несторъ старается изобразить, что мысль о расширеніи монастыря была предметомъ жаркой молитвы и мечтаній игумена Ѳеодосія еще до бурныхъ событій 1073 года, какъ это открылось „человѣку нѣкоему христолюбиву и боящуся Бога" во время ночного проѣзда его мимо монастыря: онъ увидѣлъ въ чудномъ свѣтѣ Ѳеодосія, молящагося передъ цер-

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 51.

[2]) Ibidem, стр. 50.

ковью монастырской, и пламень, вышедшій отъ верха церкви и перешедшій другимъ концемъ на то мѣсто, гдѣ впослѣдствіи и была заложена Ѳеодосіемъ каменная церковь, такъ что огненная дуга соединяла монастырскую церковь съ мѣстомъ будущей церкви. Другое чудо свидѣтельствовало о мечтаніяхъ и всей братіи о томъ же. „Мнози людіе“, жившіе близъ того мѣста, ночью были разбужены пѣніемъ и увидѣли „множество иноковъ“ со свѣчами идущихъ во главѣ съ игуменомъ изъ церкви монастырской съ иконой Богородицы туда, гдѣ впослѣдствіи выросла каменная церковь; здѣсь „пѣніе и молитву сътворьше“, вернулись иноки опять въ старую церковь. Несторъ думаетъ, что это было явленіе ангеловъ въ образѣ Печерскихъ монаховъ [1]). Какъ ни были жарки молитвы и мечтанія братіи, возможность устроенія новаго монастыря и каменной церкви открылась лишь по примиреніи игумена Ѳеодосія съ княземъ Святославомъ въ 1073 году. Самый подарокъ княземъ нужной земли произошелъ по описанію Нестора такъ же чудесно, какъ и ночныя выхожденія на то мѣсто ангеловъ въ образѣ монаховъ. Когда Ѳеодосій рѣшилъ приступить къ заложенію новой церкви, то „въ начатокъ таковаго дѣла събрася множество людій“, среди которыхъ одни указывали одно мѣсто для будущей церкви, другіе — другое, но ни одно изъ этихъ мѣстъ такъ не подходило для созданія храма, какъ княжое поле, лежащее близъ. Какъ разъ въ это время — „по строенію Божію“ — князь Святославъ проѣзжалъ мимо и, увидѣвъ „многъ нарядъ“, поинтересовался узнать, „что творять ту“. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Святославъ подъѣхалъ съ дороги къ собравшимся и указалъ мѣсто для постройки каменной церкви на своемъ полѣ, т.-е. подарилъ нужную землю [2]). Не будемъ касаться анализомъ всего приведеннаго разсказа, — слишкомъ

---

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон. Памятники ст.-рус. письменности, т. II,

легко современному читателю воскресить предъ собою все, описанное здѣсь въ особомъ стилѣ, какъ и требовалось въ „Житіи“ святого. Итакъ земля была подарена, и князь первый началъ рыть здѣсь землю для фундамента будущей церкви. Построеніе каменной церкви, очень обширной для того времени, какою была новая церковь Печерскаго монастыря, требовало не мало, а очень много средствъ. Но о средствахъ нѣтъ и упоминанія въ источникѣ,—такъ щедро притекали пожертвованія и такъ быстро богатѣлъ монастырь.

Въ Начальномъ сводѣ 1095 года подъ 1073 годомъ было отмѣчено о заложеніи новой церкви въ Печерской обители иначе, чѣмъ это дѣлаетъ Несторъ: „Того же лѣта основана бысть церковь Печерьскаа Святославомъ княземь, сыномъ Ярославлимь, игуменомъ Федосьемь, епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгиеви тогда сущю въ Грѣцѣхъ, а Святославу в Кыевѣ сѣдящю“ [1]). Мы уже знаемъ, что отъѣздъ митрополита въ Грецію былъ началомъ того разрыва Кіева съ Константинополемъ, который охватываетъ время съ 1073 по 1076 годъ, когда со смертью Святослава, вступленіемъ на Кіевскій столъ вернувшагося Изяслава, повидимому, возстановились старыя отношенія къ патріархату и Имперіи вмѣстѣ съ водвореніемъ на митрополіи Кіевской Іоанна Продрома.

Какую позицію въ этомъ занялъ Кіево-Печерскій монастырь, опредѣлить у насъ немного данныхъ. Дружественныя отношенія Ѳеодосія къ князю Святославу до самой кончины блаженнаго показываютъ, что въ разрывѣ Святослава не было ничего, что могло бы вызвать впослѣдствіи, при возстановленіи греческой митрополіи въ Кіевѣ, желаніе скрыть слѣды этого отношенія. Ѳеодосію не удалось пережить этого времени, черезъ годъ послѣ заложенія своей каменной церкви, онъ скончался 3-го мая 1074 года [2]).

---

[1]) Ипатьев. 6581 г.

[2]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 55.

§ 73. Въ Житіи Ѳеодосія и въ Начальномъ сводѣ 1095 года о кончинѣ Ѳеодосія есть довольно обширные разсказы, не во всемъ между собой согласные.

Лѣтописный разсказъ точно сообщаетъ ходъ болѣзни Ѳеодосія, протекавшей 8 дней (съ субботы 26 апрѣля по субботу 3 мая 1074 года). Когда прошли пять первыхъ дней, т.-е. въ среду 30-го апрѣля, Ѳеодосій приказалъ вынести себя на дворъ и туда созвать всю братію. Ударили въ било, и всѣ сошлись къ церкви, гдѣ на саняхъ лежалъ умирающій игуменъ. Ѳеодосій предложилъ братіи выбрать себѣ игумена, чтобы передъ смертью дать ему благословеніе. Братія просила Ѳеодосія, какъ отца всѣхъ, указать самому новаго игумена, обѣщая слушать его, какъ самого Ѳеодосія. Однако Ѳеодосій не исполнилъ просьбы и вновь предложилъ братіи избрать игумена „кромѣ двою брату, Николы и Игната“. Братія, отойдя отъ умирающаго къ церкви, послѣ нѣкотораго обдумыванія рѣшила послать двухъ братьевъ къ Ѳеодосію вновь просить объ указаніи имъ игумена. На этотъ разъ Ѳеодосій не отказалъ, указавъ, что онъ назоветъ имъ игумена „не по своему изволенью, но по Божью строенью“. Выборъ Ѳеодосія палъ на Іакова презвитера, пришедшаго въ Печерскую обитель съ братомъ своимъ Павломъ изъ монастыря „с Летьца“. Братія, такъ долго просившая Ѳеодосія объ указаніи имъ новаго игумена, теперь не согласилась на выборъ Ѳеодосіемъ Іакова и просила благословить игуменомъ Стефана „деместника“, какъ выросшаго подъ рукой Ѳеодосія. На это Ѳеодосій сказалъ: „се азъ по Божью повелѣнью, нарекѣ бяхъ Иякова, се же вы свою волю створити хощете“, но подчинился указанію братіи и, благословивъ Стефана, завѣщалъ ему соблюдать уставъ и преданья монастырскія. Братія снесла Ѳеодосія въ келью. На шестой день, т.-е. 1-го мая, приходилъ въ монастырь навѣщать больного игумена князь Святославъ съ сы-

будетъ что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменьство Стеѳану, не дай его въ обиду". На седьмой день, т.-е. 2-го мая, Ѳеодосій вновь призывалъ будущаго игумена Стефана и братію и далъ имъ такое завѣщаніе: если по его смерти монастырь „начнетъ строити и прибывати в немъ, то вѣжьте, яко приялъ мя есть Богъ". На восьмой день болѣзни Ѳеодосій скончался. Братія по волѣ почившаго положила ночью съ свѣщами и пѣснями останки его въ пещеру, „идѣже показа труды многы".

Можно думать, вслѣдъ за А. А. Шахматовымъ [1]), что разсказъ этотъ, дошедшій до насъ чрезъ Начальный сводъ 1095 г., былъ записанъ во время игуменства Никона и имѣлъ извѣстную тенденцію оправдать изгнаніе братіей изъ монастыря игумена Стефана, получившаго предсмертное благословеніе отъ Ѳеодосія, но выбраннаго вопреки желанію Ѳеодосія и, слѣдовательно, вопреки Божію повелѣнію, которое выразилось въ желаніи Ѳеодосія видѣть игуменомъ послѣ себя Іакова „с Летьца". Тенденцію разсказа можно видѣть и въ словахъ Ѳеодосія князю, гдѣ ясно желаніе автора предсмертной просьбой Ѳеодосія объяснить поддержку, которую нашелъ Стефанъ у Святослава противъ братіи, видѣвшей въ дѣятельности новаго игумена нарушеніе того, что̀ „устроилъ въ службахъ" Ѳеодосій, измѣненіе преданій и уставовъ монастырскихъ. Даже въ оговоркѣ Ѳеодосія: „шедше кромѣ мене нарьцѣте (игуменомъ), его же хощете, кромѣ двою брату, Николы и Игната" — можно видѣть указаніе на послѣдующія событія, такъ какъ Никола, упомянутый здѣсь, есть конечно, тотъ Никола, который, нѣсколько позже смерти Ѳеодосія, укралъ у мниха Конона „крабицу малу, плѣну сущу сребра", которую Конону далъ на соблюденье „мужъ нѣкый, хотя отъити на путь" [2]).

Несторъ въ своемъ разсказѣ не даетъ подробностей избранія Стефана и предварительнаго указанія Ѳеодосіемъ въ

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 437—438.
[2]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 56.

игумены Іакова, можетъ быть потому, что былъ постриженникомъ этого игумена. Когда Ѳеодосій почувствовалъ смертную болѣзнь свою, онъ, — по Нестору, — приказалъ собрать всю братію, что̀ была въ монастырѣ „и еже и въ селѣхъ или на иную кую потрѣбу отшли“, и далъ ей поученіе [1]). Этотъ поступокъ взволновалъ братію, подумавшую, что игуменъ желаетъ осуществить свою давнюю мысль („еда къде отшьедъ съкрытися хощеть въ таннѣ мѣстѣ, ти жити единъ и намъ не вѣдоущемъ его“), отъ которой его не разъ отговаривали князь, вельможи и особенно братія [2]). Послѣ этого поученія братіи Ѳеодосій ослабѣлъ настолько, что три дня не могъ ни говорить, „ниже очію възвести“. Однако на четвертый день онъ всталъ, собралъ братію и предложилъ ей „помыслить въ собѣ“, кого хочетъ она, чтобы онъ поставилъ „въ себѣ мѣсто игумена“. Братія, выйдя вонъ изъ келіи, „сами въ себѣ съвѣтъ сътвориша, и якоже съ съвѣта вьсѣхъ Стефана игоумена къ себѣ нарекоша быти, деместика соуща цркъвьнааго“ [3]). На другой день Ѳеодосій спросилъ ихъ, кого они выбрали, и по названіи братіею Стефана, „того призвавъ и благословивъ, игумена въ себе мѣсто нарече“, братію же „много научивъ, иже покоритися тому“, отпустилъ. Потомъ призвалъ одного Стефана и училъ его „о паствѣ св. стада“. Стефанъ такъ и не отлу-

[1]) Здѣсь въ Житіи Ѳеодосія позднѣйшихъ редакцій, чѣмъ редакція XII в. въ „Сборникѣ XII в. Моск. Усп. Соб.“, изд. подъ набл. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова (М. 1899 г.), находится вставка о посѣщеніи Ѳеодосія передъ смертію княземъ Святославомъ, отчасти взятая изъ указанія дальнѣйшаго текста Житія: „Бѣ бо (Святославъ) прежде того дьни былъ у него и виднлъ болѣзнь его тяшку зѣло“, отчасти изъ лѣтописнаго разсказа о посѣщеніи Святославомъ умирающаго Ѳеодосія, и имѣющая цѣлью приписать еще XI в. обращеніе Печерской обители въ княжую, чтобы тѣмъ окончательно ликвидировать всѣ попытки митрополичьей каѳедры подтянуть монастырь подъ свою руку. Вставка эта, повидимому, относится ко второй половинѣ XII в. и будетъ предметомъ дальнѣйшаго обсужденія (см. Шахматовъ, А. Кіев.-Печ. Патерикъ и Печер. лѣт. Извѣстія отд. рус. яз. и слов., 1897 г., т. II, кн. 3, стр. 824).

чался послѣ этого отъ Ѳеодосія, служа ему со смиреніемъ, „бѣ бо убо болѣзнію зѣло съдръжимъ“. Когда настала суббота, день, указанный ранѣе Ѳеодосію, какъ день смертный, Ѳеодосій прощался съ братіей и, давъ ей послѣднее наставленіе и завѣщаніе о своемъ погребеніи, вновь оставшись одинъ, сталъ молиться Богу. Одинъ изъ братьевъ, который всегда служилъ Ѳеодосію, „мало сътвори скважьницю“ и видѣлъ эту послѣднюю молитву, послѣ которой Ѳеодосій скончался. За день до смерти, умирающаго посѣтилъ князь Святославъ, который потомъ, узнавъ о смерти его, „плакася по немъ много“ [1]). По кончинѣ Ѳеодосія братія затворила монастырь и не впускала никого изъ множества собравшихся людей и бояръ смотрѣть на изнесеніе тѣла Ѳеодосія въ пещеру изъ церкви. Пошелъ дождь, и толпа разошлась. Тогда братія могла вынести тѣло Ѳеодосія, тѣмъ болѣе что солнце вновь засіяло.

У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ объяснить эту разницу въ описаніи кончины и погребенія Житія и лѣтописнаго разсказа.

§ 74. Итакъ, Ѳеодосій скончался и новому игумену Стефану, избранному братіей [2]), выпало на долю окончить построеніе каменной церкви, заложенной Ѳеодосіемъ. Это дѣло удалось выполнить Стефану „въ мало лѣтъ“, — по Житію [3]); на третье лѣто по началу, т.-е. въ 1075 г.,—по лѣтописи [4]). Но освященія—не послѣдовало. Мы легко можемъ догадаться, почему. Это было время разрыва Святослава съ Греціей и, естественно, въ Кіевѣ могло не быть теперь и викарныхъ епископовъ для освященія церкви, какъ нашелся Михаилъ Юрьев-

---

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 55.

[2]) Несторъ подчеркиваетъ это въ послѣднихъ словахъ Ѳеодосія братіи: „И се вамъ игуменъ, его же сами изволисте“... (Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 54).

[3]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 56.

[4]) Ипатьев. 6583 г.

скій въ 1073 г., въ самомъ началѣ недоразумѣній. Какъ отнесся къ этому разрыву монастырь и новый игуменъ? Судя потому, что по изгнаніи своемъ изъ монастыря Стефанъ былъ поставленъ около 1091 г. епископомъ во Владиміръ, думаемъ, что поведеніе его было таково, что не заслуживало порицанія возстановленной митрополіи. Съ другой стороны и отношенія его съ Святославомъ были какъ будто хороши, что̀ видно изъ приводимаго уже разсказа лѣтописи о предсмертномъ завѣщаніи Ѳеодосія Святославу не давать въ обиду новаго игумена. Въ 1076 году скончался Свято̀славъ, и въ Кіевъ могъ вновь вернуться изъ Тмуторокани Никонъ, не примирившійся съ Святославомъ и его нарушеніемъ правъ старшаго брата. Никонъ не могъ вернуться въ томъ же году (Святославъ умеръ въ декабрѣ 1076 г.), такъ что возвращеніе его нужно отнести къ 1077 г.; а уже въ 1078 г. Никонъ—игуменъ [1]).

Какая была причина удаленія Стефана съ игуменства, — рѣшить опредѣленно невозможно. Можно только сопоставить нѣсколько наблюденій. Такъ, за время игуменства Стефана, видимо дружившаго съ Святославомъ, послѣ смерти послѣдняго случилась перемѣна на Кіевскомъ столѣ двухъ политическихъ владѣльцевъ. Сначала сѣлъ Всеволодъ, чрезъ полгода уступившій столъ Кіевскій вернувшемуся Изяславу. Вспомнимъ, какъ дружелюбно относился Изяславъ къ Печерскому монастырю и какъ горячо всталъ на его защиту Печерскій монастырь съ игуменомъ Ѳеодосіемъ во главѣ по изгнаніи Изяслава изъ Кіева братьями. Вспомнимъ, что Никонъ ушелъ въ Тмуторокань, не примирившись съ событіями 1073 года. Обратимъ вниманіе, что со времени возвращенія Изяслава на Кіевскій столъ и до его кончины въ 1078 г. не разъ освобождались епископскія каѳедры: такъ, въ 1078 г. поставленъ

---

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 91. У Д. И. Абрамовича (Изслѣдованіе о Кіево-Печер. Патерикѣ. Сб. 1902, ... XI, пр. 22) есть указаніе на 1077 г., какъ годъ вступ-

епископъ Германъ въ Новгородъ, около 1077 г. — епископъ Исаія — въ Ростовъ, можетъ быть около этого же времени Лука — въ Бѣлгородъ. И все — постриженники Печерскаго монастыря. Правда, Германъ поставленъ изъ игуменовъ монастыря св. Спаса, монастыря Святослава, когда въ Новгородѣ сидѣлъ еще Глѣбъ Святославичъ, но Исаія поставленъ въ Ростовъ изъ игуменовъ Дмитровскаго монастыря Изяслава, а Лука, кажется, изъ рядовыхъ братьевъ Печерской обители. Почему же за это время не былъ поставленъ Стефанъ, получившій каѳедру на Волыни уже въ княженіе въ Кіевѣ Всеволода? Если допустить, что Стефанъ въ эпоху водворенія въ Кіевѣ Всеволода сумѣлъ сдружиться съ этимъ княземъ, принесшимъ съ собой въ Кіевъ вновь греческую іерархію изъ Переяславля, то мы поймемъ, что къ моменту возвращенія въ Кіевъ Изяслава братіи, дорожившей и помнившей этого князя, чтобы возстановить съ нимъ былыя отношенія дружбы, нужно было пожертвовать игуменомъ, такъ недальновидно сдружившимся съ Всеволодомъ.

Справедливость нашего предположенія можно подтвердить указаніемъ на избраніе въ игумены Никона, такъ мужественно отказывавшагося признать попраніе правъ Изяслава отъ Святослава и Всеволода.

Стефанъ былъ не только отстраненъ игуменства, но „тако діаволъ ражьже на гнѣвъ“ братію, „яко же и отъ манастыря того тьща отгнаша“ [1]). Въ судьбѣ Стефана приняли участіе „мнози отъ болярь“, его духовныя дѣти, перешедшіе къ нему отъ Ѳеодосія, которые дали ему средства „отъ имѣнии своихъ еже на потрѣбу того тѣлеси и на иноу потрѣбу. Онъ же, и тоу емоу Богу помогающю, молитвами блаженнаго наставника емоу и отца Ѳеодосиа състави себѣ манастырь и церквь възгради“ [2]).

---

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон. Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 57.

[2]) Сборникъ Моск. Успенск. Собора XII в. Изд. А. Шахматовымъ и

Въ приведенномъ отрывкѣ напрашивается на размышленіе раздѣленіе, какое дѣлаетъ авторъ между помощью бояръ—она шла на потребу тѣла и на иную потребу—и помощью Бога и молитвъ Ѳеодосія въ построеніи монастыря и церкви. Стефанъ, изгнанный изъ монастыря, не пошелъ въ другой монастырь и не былъ приглашенъ въ игумены, хотя тутъ скоро открывались игуменскія мѣста въ монастырѣ св. Спаса (за уходомъ въ 1078 году Германа) и въ монастырѣ св. Димитрія (за уходомъ въ 1077 году Исаіи въ Ростовъ), и хотя въ послѣдній въ свое время переходилъ Варлаамъ, первый игуменъ Печерскаго монастыря. Это подтверждаетъ наше предположеніе о недовольствѣ Стефаномъ князя Изяслава, ктитора Дмитровскаго монастыря. Однако, откуда же взяты Стефаномъ средства на „составленіе“ на Кловѣ монастыря и церкви во имя Влахериской Божьей Матери? Несторъ не говоритъ, прибѣгая къ описательному выраженію о помощи Божьей да молитвъ св. Ѳеодосія. Изъ нашихъ соображеній вытекаетъ возможность думать, что средства пришли отъ Всеволода, который позднѣе провелъ Стефана на епископскую каѳедру Владиміра. Позднѣе же, въ 1091 году, при совсѣмъ иныхъ политическихъ и монастырскихъ обстоятельствахъ, Стефанъ, тогда епископъ Владимірскій, какъ увидимъ, будетъ играть въ жизни Печерскаго монастыря нѣкоторую роль вновь, какъ близкій другъ и совѣтникъ [1]), что̀ лишній разъ подтверждаетъ временную необходимость его удаленія въ 1077—78 гг.

§ 75*a*. Такъ въ 1077—1078 годахъ во главѣ Печерской обители становится бывшій митрополитъ Иларіонъ, теперь великій Никонъ, иниціаторъ и душа всего роста Печерскаго монастыря изъ скромной пещеры и сторонникъ вмѣшательства и руководства монастыря политической жизнью Кіевской Руси. Никонъ вступилъ въ управленіе обителью уже въ послѣднее десятилѣтіе своихъ преклонныхъ лѣтъ, и годы брали свое надъ

немощами тѣла. Если, какъ увидимъ, въ немъ не угасъ „духъ живъ", и на игуменскомъ стулѣ онъ тотъ же непреклонный борецъ и политическій мыслитель, то въ смыслѣ подвиговъ аскетизма онъ уже не даетъ живого примѣра братіи, уступая въ этомъ высоко-учительной жизни Ѳеодосія. И среди братіи монастыря, едва-ли въ цѣломъ понимавшей дѣятельность новаго игумена, видимъ рѣзкую оппозицію во имя высоты аскетическаго подвига. Объ этомъ говоритъ Несторъ въ Житіи Ѳеодосія: „то же многажды окушашеся врагъ тако же пакы и тому (т.-е. Никону) спону сътворити, и на того крамолу възложити, но не возможе" [1]. Что этой крамолой—было недовольство братіи ослабленіемъ аскетическихъ трудовъ со стороны игумена, видно изъ другого мѣста того же Житія, гдѣ Несторъ „пресеченіе слову сътворихъ" для разсказа о слѣдующемъ событіи времени игуменства Никона. Въ первую недѣлю великаго поста въ пятокъ Ѳеодосій установилъ, „да бываютъ хлѣбы чисти зѣло, друзіи же отъ нихъ с медомъ и с макомъ твореніи", какъ отдыхъ послѣ воздержанія и трудовъ предыдущихъ дней. Когда Никонъ приказалъ келарю такъ и сдѣлать, послѣдній, видимо считая это нарушеніемъ суровыхъ требованій поста, отвѣтилъ, что нѣтъ муки на печеніе такихъ хлѣбовъ. Онъ солгалъ игумену. Братія шла съ обѣдни въ трапезу, предвкушая „постный обѣдъ", но тутъ вдругъ привезли въ монастырь хлѣбовъ чистыхъ съ медомъ и макомъ, такъ что вышло, что Господь „не презри труда и молитвы преподобныхъ своихъ, и да пакы не разорится установленное бл. Ѳеодосіемъ". Когда черезъ два дня (въ воскресенье) Никонъ приказалъ келарю сдѣлать опять такіе же хлѣбы „по обычаю", то келарь, солгавшій тогда, что муки нѣтъ, приказалъ дѣлать тѣсто. Но въ тѣстѣ оказалась жаба [2]. Другой примѣръ критики игумена Никона со стороны партіи ригористовъ видимъ

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон. Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 57.

[2]) Ibidem, стр. 43—44.

въ тѣхъ вставкахъ въ разсказъ о началѣ Печерскаго монастыря Свода 1073 года, которыя А. А. Шахматовъ справедливо относитъ [1]) ко времени преемника Никона по игуменству Іоанна. Здѣсь, во-первыхъ, въ перечисленіи великихъ подвижниковъ Печерскихъ упоминается Матвѣй—прозорливецъ, въ концѣ повѣсти о которомъ читаемъ: „при семь бо старьци Федосии представилъся и бысть Стефанъ, игуменъ, и по Стефани Никонъ и сему старцю и еще сущю, единою ему стоящю на заоутрѣнии вьзведе очи свои, хотя видити игумена Никона и видѣ осла стояща на игумени мѣстѣ и разумѣ яко не вьсталъ есть игуменъ“ [2]). Мѣсто это драгоцѣнно и потому, что свидѣтельствуетъ о возобладаніи въ монастырѣ партіи ревнителей аскетизма, и самъ игуменъ Іоаннъ, смѣло порицавшій ослабленіе монашескихъ подвиговъ Никона, блисталъ этими достоинствами и былъ главою партіи. Другая вставка—въ повѣсти о Исаакіи, который впалъ въ тяжкій недугъ послѣ попытки анахоретства. По смерти Ѳеодосія Исаакій рѣшилъ бороться съ дьяволомъ тѣмъ, что „нача оурод̀ьство творити“. Юродство въ концѣ стало выражаться въ „пакостяхъ“ „ово игумену, ово братьи, ово мирьскымъ чловѣкомъ“. Исаакій уходилъ изъ монастыря и „поча по миру ходити, тако же оуродомъ ся творя“. Его „пакости“ игумену, которымъ былъ тогда Никонъ, выражались въ томъ, что Исаакій вселился въ пещеру, гдѣ прежде неудачно подвизался, и здѣсь „совокупи собѣ оуныхъ и вьскладаше порты чернѣцькыа“, т.-е. изображалъ въ карикатурѣ, собирая дѣтей вмѣсто взрослыхъ, прежніе труды пещернаго житія и собиранія иноковъ игумена Никона, видимо теперь далеко отошедшаго отъ той поры. Несомнѣнно, что „пакость“ эта Никону находила сочувствіе по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кто включилъ этотъ разсказъ въ лѣтопись, стараясь представить дѣло Исаакія, какъ божественное обличеніе

[1]) Шахматовъ А. Разысканія о древ. рус. лѣт. сводахъ, стр. 449.

Никону. Естественно, эти „пакости“ не проходили безнаказанно, и составитель разсказа утверждаетъ, что „ово отъ игумена Никона (Исаакій) раны приимаше, ово ли отъ родитель дѣтьскыхъ“ [1]). Возможно думать, что юродство Исаакія направилось на осмѣяніе далекаго прошлаго въ жизни Никона, если не по наущенію, то подъ вліяніемъ разговоровъ и толковъ среди партіи ревнителей аскетическихъ подвиговъ.

§ 75*б*. Новый игуменъ Печерскаго монастыря, несмотря на ослабленіе физическихъ подвиговъ, сумѣлъ высоко поднять политическое значеніе обители и въ церковномъ отношеніи намѣтить и выдвинуть рядъ вопросовъ, имѣвшихъ цѣлью добиться отъ митрополіи большаго уваженія къ русской церкви, готовя почву для неосуществившейся въ 1051 году мечты о независимой русской церкви. Всѣ планы игумена о политическомъ и церковномъ возрожденіи Руси строились на поддержкѣ политическаго владѣльца Кіева, съ которымъ Никонъ имѣлъ давнія связи, и въ защиту котораго такъ мужественно вставалъ противъ Святослава и Всеволода. И дѣйствительно, видимъ большую дружбу князя Изяслава съ Печерскою обителью, какъ и въ былое время: рядъ епископовъ ставится изъ постриженниковъ Печерскаго монастыря: Германъ—Новгороду, Исаія—Ростову, Лука — Бѣлгороду. Когда, въ 1078 году, въ битвѣ на „Нѣжатинѣ нивѣ“ палъ Изяславъ, Никонъ посвятилъ ему въ продолженіи къ своему Своду 1073 года, которое несомнѣнно велось въ это время въ обители, большое надгробное слово, гдѣ рисуетъ тѣлесный и духовный обликъ павшаго князя въ глубоко-лирическомъ тонѣ [2]). Князь Изяславъ въ этой характеристикѣ выходитъ у Никона тѣмъ идеальнымъ княземъ, которыми хотѣлъ видѣть своихъ сыновей Ярославъ въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ: какъ старѣйшій изъ всѣхъ, Изяславъ помогаетъ обидимому, „не желая большая части, ни имѣнья хотя большаго“, руководясь только братской любовью

[1]) Ипатьев. 6582 г.
[2]) Ипатьев. 6586 г.

и по-апостольски утѣшая печальнаго брата. Это надгробное слово Изяславу, чрезвычайно обширное для лѣтописи вообще, становится особенно краснорѣчивымъ при сравненіи его съ тѣми колкими словами, какія записаны о похвальбѣ Святослава передъ послами „из Немець“ своимъ богатствомъ подъ 6583 годомъ и протокольною записью о смерти Святослава, безъ всякой надгробной памятки подъ 6584 годомъ. Правда, о сынѣ Святослава—Глѣбѣ, убитомъ въ 6586 году, есть въ лѣтописи нѣсколько теплыхъ словъ, но ихъ нужно объяснить давнимъ знакомствомъ Никона съ Глѣбомъ по Тмутороканю. Дружба къ Изяславу Никона перешла на Ярополка Изяславовича и его семью. Ярополкъ предъ смертью „вда всю жизнь свою Небльскую волость и Дерьвьскую и Лучьскую и около Киева“ [1]). Этому Ярополку посвящена значительная надгробная статья въ продолженіи Свода 1073 года подъ 6595 годомъ, но еще ранѣе Ярополкъ выведенъ, какъ дѣйствующее лицо, въ описаніи погребенія Изяслава, гдѣ „Ярополкъ идяше по немь плачася съ дружиною своею“, и гдѣ въ уста Ярополка вложено нѣсколько словъ причитанія [2]). Надгробная статья подъ 6595 годомъ, начинаясь описаніемъ кончины Ярополка отъ руки проклятаго Нерядца и погребенія тѣла князя въ отцовскомъ монастырѣ св. Дмитрія „оу церкви св. апостола Петра, юже бо самъ началъ здати“, гдѣ видимъ слѣды сочувствія погибшему князю въ той подробности, что „вси Кияне великъ плачь створиша надъ нимь“,—переходитъ въ похвальное слово князю, какъ кроткому, смиренному, братолюбивому и нищелюбивому, десятину дающему „отъ всихъ скотъ своихъ св. Богородици и отъ жита на вся лѣта“, всегда молившаго Бога дать ему смерть, подобную смерти свв. Бориса и Глѣба, „да омыю грѣхи вся своею кровью“. Великую любовь къ обители преподобнаго Ѳеодосія имѣла и дочь этого Ярополка, супруга Глѣба Всеславича, вмѣстѣ со своимъ су-

[1]) Ипатьев. 6666 г.

пругомъ „ревнующи отцю своему Ярополку". Въ 1108 году „мѣсяца июля въ 11 и трапезницю кончаша повелѣньемь Глѣбовомъ, иже ю истяжа" [1]). А подъ 6666 годомъ въ Ипатьевской лѣтописи сохранилась выпись изъ вкладной книги Печерскаго монастыря, гдѣ указано, что „Глѣбъ вда въ животѣ своемъ съ княгинею 600 гривень серебра, а 50 гривень золота, а по княжи животѣ княгини вда 100 гривень серебра, а 50 гривень золота, а по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью и все да и до повоя". За эту любовь къ обители княгиня „положена бысть въ Печерьскомъ манастыри съ княземъ въ гробѣ оу св. Федосья оу головахъ". Въ связи съ этимъ отношеніемъ линіи Ярополка Изяславича къ Печерской обители стоитъ извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи подъ 6636 годомъ: „В се же лѣто преяша церковь Дмитрия Печеряне, и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо". Здѣсь рѣчь идетъ о Дмитровскомъ монастырѣ Изяслава, у котораго Ярополкъ Изяславичъ построилъ церковь св. Петра, въ которой и былъ похороненъ. Къ этому времени пресѣкся домъ старшаго сына Изяслава — Мстислава, домъ второго сына—Святополка—какъ бы выдѣлился изъ дѣдовскаго монастыря съ построеніемъ Святополкомъ своего Михайловскаго монастыря, а домъ третьяго сына—Ярополка—къ 1128 году былъ представленъ любящею „великою любовью" Печерскую обитель дочерью Ярополка, супругою Глѣба Всеславича. Ей и могла принадлежать мысль отдать монастырь св. Дмитрія въ даръ обители св. Ѳеодосія, что̀, несомнѣнно, вызвало возраженія въ домѣ Святополка, считавшаго и свои права на дѣдовскій монастырь. Печеряне, добившись полученія дара, наименовали его монастыремъ св. Петра, давая понять, что взяли долю Ярополка Изяславича.

§ 75*в*. Тѣсная дружба, связавшая князя Изяслава съ Печерскою обителью, прервалась скоро смертью князя въ 1078 году.

[1]) Ипатьев. 6616 г.

На Кіевскій столъ садится князь Всеволодъ, что, разумѣется, мѣняетъ многое въ планахъ Никона. Всеволодъ въ былое время былъ почитателемъ обители св. Ѳеодосія. Такъ, на вновь открывавшуюся Ростовскую каѳедру онъ взялъ постриженника Печерскаго монастыря св. Леонтія, у себя въ Переяславлѣ послѣ перваго епископа Петра, о которомъ не знаемъ, откуда онъ родомъ и изъ какого монастыря, ставитъ Ефрема—каженика Изяслава, ушедшаго въ 1061 году въ пещеру къ Антонію, потомъ ѣздившаго въ Константинополь и жившаго тамъ въ одномъ изъ монастырей. Указаніе Симона въ Патерикѣ на Николая Переяславскаго, бывшаго епископомъ ранѣе Ефрема („посемь же: Николае и Ефремь Переяславлю"); нужно счесть ошибочнымъ, такъ какъ Николай этотъ былъ игуменомъ въ Переяславлѣ при епископѣ Петрѣ, что ясно дается знать изъ перечисленія духовныхъ лицъ, бывшихъ въ 1072 году на перенесеніи мощей свв. братьевъ Бориса и Глѣба [2]). Но если ошибочно названъ санъ Николая, то относительно его былой принадлежности братству Печерской обители едва-ли Симонъ могъ ошибаться. Въ 1077 году въ Ростовъ Всеволода ставится опять постриженникъ Печерской обители — Исаія. Итакъ, за время обладанія Кіевомъ Изяслава и Святослава Всеволодъ охотно беретъ къ себѣ бывшихъ постриженниковъ Печерской обители на высшія церковныя мѣста. Но отношенія Всеволода къ монастырю св. Ѳеодосія и Антонія по вступленіи на Кіевскій столъ не отличаются особою близостью, пока у Всеволода были добрыя отношенія съ митрополитомъ Іоанномъ Продромомъ.

§ 75г. Никонъ за время своего игуменства вновь поднялъ вопросы, важные для дальнѣйшаго развитія русской церкви на началахъ національно-независимаго существованія. Такъ,

---

[1]) Лаврент. 6580. Здѣсь можетъ быть важное указаніе на-то, что это за старый Ростовскій лѣтописецъ, которымъ пользовался Симонъ, такъ

къ этому времени прежде всего нужно отнести составленіе перваго Житія св. Владиміра. Подъ этимъ Житіемъ нужно разумѣть древнѣйшую часть памятника, извѣстнаго подъ названіемъ Памяти и Похвалы мниха Іакова. Несомнѣнно, это памятникъ, сложно-составной по происхожденію, и ясны три отдѣльныя произведенія, связанныя въ немъ въ одну оправу [1]): 1) ясно выдѣляющаяся Похвала св. Ольгѣ; 2) два Житія св. Владиміра, слитыя такъ, что возстановить ихъ въ прежнемъ видѣ представляется дѣломъ труднымъ. Но совершенно для насъ достаточно указанія А. А. Шахматова на то, что древнѣйшее изъ этихъ Житій основывалось въ исторической (житійной) части на Древнѣйшемъ сводѣ 1039 года [2]), а въ похвальной части на „Словѣ о законѣ и благодати“ [3]), чтобы согласиться, что появленіе этого Житія могло относиться ко времени игуменства Никона-Иларіона, у котораго мнихъ Іаковъ могъ найти и передѣлку Древнѣйшаго свода 1039 года и „Слово о законѣ и благодати“. На составленіе этого Житія св. Владиміра нужно смотрѣть, какъ на подготовку къ ожидаемой канонизаціи равноапостольнаго князя, основанія къ которой уже давно были положены авторомъ Слова о законѣ и благодати. Конечно, въ этомъ составленіи Житія видимъ ту же заботу Никона объ этомъ національномъ дѣлѣ, какъ и въ пору прежней дѣятельности его въ качествѣ кандидата, а потомъ замѣстителя митрополичьяго стола Кіева. Подтвержденіе такому пріуроченію даннаго памятника видимъ и въ скоромъ составленія при Десятинной церкви, какимъ-то гречествующимъ лицомъ изъ числа духовенства такъ называемой Корсунской легенды, имѣвшей цѣлью навсегда снять вопросъ о канонизаціи Владиміра, и служившей во многомъ отвѣтомъ на составленіе Житія въ Печерской обители. Правда, Корсунская легенда, вѣроятно, появилась уже по смерти Никона, какъ и

[1]) Шахматовъ А. Разысканія о древн. рус. лѣт. сводахъ, §§ 2—7.
[2]) Ibidem, § 7.
[3]) Ibidem, стр. 18.

Житіе Антонія, отвѣчавшее на вопросъ о канонизаціи св. Ѳеодосія,—но это нужно объяснить тѣмъ, что смерть Никона во многомъ развязала руки грекамъ и гречествующимъ.

Вторымъ вопросомъ, поднятымъ тѣмъ же Никономъ, былъ вопросъ о канонизаціи св. Ѳеодосія. Памятникомъ этого является не разъ уже цитированное нами Житіе Ѳеодосія, составленное при игуменѣ Никонѣ въ Печерской обители инокомъ Несторомъ между 1081—1088 г.г. [1]). Любопытна увѣренность въ возможномъ достиженіи этой канонизаціи, которая отразилась въ начальныхъ словахъ Житія: „начатъкъ словоу съписанна (азъ) положихъ еже о житии преп. отца нашего Ѳеодосия бывъша игоумена манастыря сего святыя Владычицѣ нашея Богородицѣ, его же и день оусъпение нынѣ праздьноующе память творимъ“ [2]). Несторъ совершенно ясно даетъ знать, что въ Печерскомъ монастырѣ дорожили національнымъ значеніемъ такой канонизаціи. По его словамъ нужда имѣть жизнеописаніе святого—нужда, конечно, монастырская: чтобы „по насъ сущіи чернорисцы“, читая это Житіе, укрѣплялись „на прочий подвигъ“, но „наипаче“ эта нужда для всей страны Русской: „яко и въ странѣ сей таковь явися мужь и угодникь Божій“. Возможность появленія на Руси угодника столь высокаго подвига объясняетъ примѣнительно къ молодой русской церкви слова Господа: „мнози будуть послѣдніи пръвіи“. И если пишется въ отеческихъ книгахъ: „слабу быти послѣднему роду“, то образъ Ѳеодосія опровергаетъ попытки приложенія словъ этихъ къ намъ. Конечно, канонизація Ѳеодосія была бы закрѣпленіемъ мысли о возмужалости русской церкви, изъ рядовъ которой выходятъ св. Ѳеодосіи, способные на великое дѣло насажденія истиннаго общежительнаго монашества безъ указанія и помощи греческихъ митрополитовъ Руси. Казалось бы, безспорность святой жизни Ѳеодосія и широкая

[1]) Шахматовъ А. Разысканія о древн. рус. лѣт. сводахъ, стр. 56.

извѣстность его среди правящихъ круговъ Кіева дѣлала несомнѣнной возможность канонизаціи. Однако, ея не послѣдовало. Несторъ въ концѣ Житія Ѳеодосія приводитъ случаи чудотворенія святого по смерти, что̀ должно было служить основаніемъ къ канонизаціи, какъ признаніе Господомъ заслугъ почившаго игумена. Кромѣ того нагляднаго доказательства, что „въ лѣто же то молитвами блаженнаго отца наша Ѳеодосія умножися всѣхъ благыхъ въ монастырѣ томъ, еще же и въ области гобино бысть и въ животныхъ приплодъ, яко же нѣсть было николи же“ [1]),—какъ оправданіе словъ св. Ѳеодосія братіи: „обаче же о семъ разумѣйте дръзновеніе мое къ Богу: егда видите вься благаа въ манастырѣ семь умножающася, видите, яко близъ ми Владыки небеснаго сущи“ [2]),—Несторъ приводитъ три чуда святого: о боляринѣ, о украденомъ сребрѣ и о болѣвшемъ клирицѣ. Первое и послѣднее чудо чрезвычайно характерны для сужденія о кругѣ лицъ, ожидающихъ канонизаціи Ѳеодосія. Боярин̀ нѣкій, боясь заточенія отъ князя, молится св. Ѳеодосію: „вѣдѣ, отче, яко святъ еси и се врѣмя приспѣло есть; подщися моля Владыку Небеснаго“ [3]). Изъ этого мы въ правѣ выводить, что ожиданіе скорой канонизаціи, выразившееся въ монастырѣ составленіемъ Житія, охватывало болѣе широкіе круги, чѣмъ стѣны Печерской обители. Увѣренность въ святости св. Ѳеодосія была настолько безспорна, что были почитатели его, молящіеся ему, даже „отъ клироса святыа и великіа церки Софейскыа“, какъ тотъ болящій клирикъ, который по молитвѣ святому Ѳеодосію получилъ отъ него жезлъ исцѣленія [4]). Если даже среди Софійскихъ клириковъ жило признаніе Ѳеодосія святымъ, то кто же могъ сомнѣваться въ неизбѣжности канонизаціи святого игумена Печерской обители? Но канонизаціи не послѣдовало.

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 55.

[2]) Ibidem, стр. 54.

[3]) Ididem, стр. 55.

[4]) Ibidem, стр. 56.

Вопросъ о канонизаціи Ѳеодосія игуменъ Никонъ соединялъ, видимо, съ вопросомъ объ освященіи каменной церкви новаго монастыря, закладку которой началъ преподобный, а окончаніе ея и устроеніе новыхъ келій было дѣломъ игумена Стефана. Изъ Житія мы знаемъ, что, когда игуменъ Стефанъ окончилъ постройку каменной церкви этой и „сограділъ“ монастырь при ней, вся братія переселилась туда, а въ старомъ монастырѣ „мало ихъ“ оставилъ игуменъ, „имъ же обычай усыпающую братію тамо погрѣбати“. Въ ветхой церкви приказано было совершать службу, „по вся дни“ за умершую братію, что̀ показываетъ отсутствіе у игумена Стефана мысли о возможности неполученія разрѣшенія на освященіе новой церкви. Такъ создались два монастыря: новый и ветхій, а посреди нихъ дворъ „на пріатіе нищимъ“ съ церковью св. Стефана. Всѣ эти три группы зданій: 1) каменная церковь и новыя келіи, 2) дворъ для нищихъ и церковь св. Стефана, 3) ветхая церковь и старыя келіи — были обнесены общей оградой, но внутри разгорожены на разные дворы. „Богъ же вся на потрѣбу даа“ [1]). Значитъ, освященіе новой церкви не могло задерживаться отсутствіемъ средствъ на украшеніе и отдѣлку новой церкви въ игуменство Никона, какъ предполагаютъ обычно въ литературѣ, такъ какъ вообще невозможно думать, чтобы монастырь Печерскій не получилъ нужныхъ для этого средствъ, если изгнанный игуменъ его нашелъ средства выстроить даже свой собственный монастырь. Разрѣшеніе на освященіе церкви тоже не могло, какъ видѣли, задержаться, да и не было къ тому основаній со стороны митрополита. Слѣдовательно, столь продолжительное существованіе неосвященной каменной церкви (съ 1075 по 1089 г.) и непріятное осложненіе жизни братіи необходимостью ежедневнаго хожденія или въ ветхую церковь или въ церковь св. Стефана, для чего приходилось выходить за ограду своего монастыря, такъ какъ

[1]) Памятники сл.-рус. письменности, т. II,

всѣ дворы были разгорожены,—могутъ быть поняты, какъ нежеланіе игумена Никона раздѣлять вопросъ о канонизаціи Ѳеодосія отъ освященія его церкви.

Канонизацію Ѳеодосія, несмотря на широкое къ ней сочувствіе Кіевскаго общества, митрополичья каѳедра отклонила подъ тѣмъ, кажется, предлогомъ, что выдвинула канонизацію Антонія, дѣйствительнаго основателя Печерскаго монастыря, отказываясь признать эту роль за Ѳеодосіемъ. Какъ въ отклоненіе канонизаціи св. Владиміра создается при Десятинной церкви Корсунская легенда, такъ въ отклоненіе канонизаціи Ѳеодосія создается при каѳедрѣ Житіе Антонія.

§ 75*д*. Ни одинъ изъ указанныхъ вопросовъ, поднятыхъ Никономъ, не разрѣшился въ благопріятномъ смыслѣ, конечно, потому что не нашелъ энергичной поддержки князя Всеволода, въ это время дружившаго съ митрополитомъ, но составленія Житій свв. Владиміра и Ѳеодосія показываютъ, что въ Печерскомъ монастырѣ на такую поддержку Всеволода противъ митрополита Іоанна—расчитывали. На чемъ же строились эти расчеты?

Скоро послѣ перенесенія мощей свв. братьевъ Бориса и Глѣба въ новую деревянную церковь въ 1072 году, возникаетъ мысль о сооруженіи имъ каменной церкви. Созданіе такой церкви въ Вышгородѣ было „умысломъ“ князя Святослава, которому, однако, не суждено было дожить до ея окончанія. Онъ скончался, когда церковь была выведена на 50 локтей. Дѣло это продолжалъ князь Всеволодъ, закончившій было эту постройку. „И яко бысть свершена, и абіе на ту нощь врутися ей верхъ и скрушися вся“ [1]). Къ ожидаемому торжественному освященію этой новой церкви, такъ неожиданно развалившейся, было, повидимому, составлено въ Печерскомъ монастырѣ все тѣмъ же Несторомъ Житіе свв. Бориса и Глѣба, между 1081—1088 г., но ранѣе Житія Ѳеодосія. Составленіе

[1]) Срезневскій, И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ; Сильвестровскій сб. XIV в. Спб. 1860, стр. 81.

Житія на этотъ случай было поручено Печерской обители, конечно, не княземъ Всеволодомъ, довольно равнодушно относившимся къ обители св. Ѳеодосія, а было, вѣроятно, порученіемъ или князя Святослава или Изяслава, наслѣдовавшаго Кіевскій столъ послѣ брата, заложившаго церковь. Въ своемъ трудѣ Несторъ не уклонился отъ обычныхъ въ Печерской обители выступленій общественнаго характера. Прежде всего, бросается въ глаза политическая тенденція въ совѣтахъ князьямъ покоряться старѣйшему. Мы знаемъ, что это соотвѣтствовало политическимъ взглядамъ Никона и Печерской обители на междукняжескія отношенія: „Видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая къ старѣишему брату... Мнози бо суть нынѣ дѣтьскы князи не покоряющеся старѣишимъ и супротивящеся имъ и оубиваемы суть; ти не суть такои благодѣти сподоблены, яко же святая сия". Конечно, это былъ намекъ на еще живую дѣйствительность, на событія 1078 года. „Мы же ни мало имамъ покорения къ старѣишимъ, нъ овогда преки глаголемъ имъ, овъгда же оукаряемъ я, многажды же супротивимся имъ". Всеволоду не могла не быть близкой къ сердцу эта проповѣдь покоренія старѣйшему. Не на этомъ ли сочувствіи Всеволода взглядамъ Печерской обители на междукняжескія отношенія, изложенныя и въ Сводѣ 1073 года, и въ работѣ Нестора, строилъ Печерскій монастырь свои расчеты на возможность со стороны князя Всеволода найти отвѣтную поддержку вопросамъ канонизаціи свв. Владиміра и Ѳеодосія, близкихъ и важныхъ не одному монастырю.

Расчеты оказались ложными, и не въ характерѣ Всеволода была рѣшительная ссора съ митрополитомъ за обще-русскіе вопросы и упорная борьба достиженія. Князь, несомнѣнно, располагавшій громаднымъ авторитетомъ въ Византіи и въ силу родственныхъ связей съ императорскими домами, и въ силу слабости тогдашней Имперіи, Всеволодъ былъ больше занятъ семейными дѣлами, жаждой удержать по возможности

войну, себѣ плетеніе тонкихъ нитей на Византійскій образецъ противъ опасныхъ „дѣтьскихъ князей". Не видимъ никакихъ поползновеній со стороны Всеволода двинуть вопросъ о „полегчаньи" греческой руки надъ русскою церковью, если не считать усвоенія брошеннаго въ письмѣ Михаила Дуки намека на просвѣщеніе Руси ап. Андреемъ. Ясна далекая теоретичность этого утвержденія и безплодность для текущей жизни Кіевской Руси. Видимо, въ Печерскомъ монастырѣ вооружились противъ дѣйствительнаго усвоенія этого путешествія апостола Андрея на Русь, что̀ видно изъ того же Житія свв. Бориса и Глѣба Нестора, гдѣ авторъ съ большою опредѣленностью говоритъ: „Не бѣша бо ни апостоли ходили къ нимъ (русскимъ), никто же бо имъ проповѣдалъ бѣ слова Божия" [1]). И далѣе въ притчѣ о наймѣ рабочихъ въ вертоградъ, Несторъ проводитъ мысль, которую мы видѣли и въ Житіи Ѳеодосія, о томъ, что позванные позже не уступаютъ позваннымъ раньше. Можетъ быть не трудно догадаться, почему въ Печерскомъ монастырѣ такъ горячо возстали противъ увѣреній грековъ о проповѣди апостола Андрея. Если Богъ призвалъ насъ одновременно съ греками, то мы оказались неспособными усвоить равно съ ними ученіе Христово, терніи заглушили ростки, и мы вновь обращались къ грекамъ за ученіемъ и церковью. Это вело къ мысли о необходимости постоянной надъ нами опеки, противъ возможности самостоятельнаго церковнаго житія Кіевской Руси. Всеволодъ упорно проводилъ эту мысль о проповѣди апостола Андрея на Руси, и здѣсь обѣ стороны остались при своемъ. Сообщеніе лѣтописи подъ 1086 г. [2]) о заложеніи Всеволодомъ и въ Кіевѣ церкви св. Андрея, при которой былъ устроенъ монастырь для дочери Всеволода Янки, стоитъ въ противорѣчіи съ утвержденіемъ Нестора о томъ, что апостолы на Руси не были, занесеннымъ имъ въ Житіе свв. Бориса и Глѣба (1081—1088 г.). Ясно, что въ эти

[1]) Срезневскій, И. Сильвестровскій сбор., стр. 4.
[2]) Ипатьев. 6594 г.

годы не могло быть и рѣчи объ общей работѣ князя Всеволода съ Печерскимъ монастыремъ и его руководителемъ Никономъ. Какъ бы въ противовѣсъ Печерской обители Всеволодъ обстраиваетъ свой Выдубицкій монастырь, заложенный, какъ уже знаемъ, въ 1070 г. Въ 1088 г. торжественно освящена была каменная церковь этого монастыря митрополитомъ Іоанномъ въ присутствіи епископовъ: Луки Бѣлгородскаго, Исаіи Ростовскаго и Ивана Черниговскаго [1]).

§ 76. Въ этомъ же 1088 г. скончался Никонъ, игуменъ Печерскій [2]). Съ нимъ ушелъ со сцены иниціаторъ и двигатель роста и жизни обители, непримиримый борецъ за общерусское дѣло—установленія на Руси независимой церкви; съ нимъ ушелъ со сцены живой свидѣтель всей исторіи монастыря отъ возникновенія его въ пещерѣ, свидѣтель первыхъ шаговъ устроенія греческой іерархіи на Руси, раннихъ недоразумѣній нашихъ съ Византіей и первой попытки обособленія для самостоятельной церковной жизни.

Смерть Никона многое измѣнила какъ въ монастырѣ Печерскомъ, такъ и въ жизни русской церкви.

Въ монастырѣ видимъ вступленіе въ игуменство Іоанна, личности котораго намъ уже приходилось касаться въ упоминаніи тѣхъ вставокъ въ лѣтописный трудъ Никона о началѣ Печерскаго монастыря, гдѣ новый игуменъ критически отзывался о времени игуменства Никона. Несомнѣнно, въ монастырѣ теперь возобладала иная партія, иныя точки зрѣнія. Партія ревнителей, къ которой принадлежалъ игуменъ Іоаннъ, не отличалась широтою задачъ и политической непримиримостью Никона. Это видно изъ быстрыхъ уступокъ Печерскою обителью многихъ позицій. Въ первую голову — разъединеніе вопроса о канонизаціи Ѳеодосія съ освященіемъ новаго храма. Въ 1089 (6597) г. освящена была церковь Печерскаго монастыря митрополитомъ Іоанномъ при епископахъ Лукѣ Бѣл-

[1]) Ипатьев. и Лаврентьев. подъ 6596 г.

городскомъ, Исаіи Ростовскомъ, Іоаннѣ Черниговскомъ и Антоніи Юрьевскомъ [1]). Вторая и третья уступки состояли въ литературномъ усвоеніи игуменомъ Іоанномъ тѣхъ двухъ произведеній, возникшихъ при каѳедрѣ и Десятинной церкви въ отвѣтъ на Житія свв. Владиміра и Ѳеодосія,—Корсунской легенды и Житія Антонія,—которыя имѣли цѣлью многое исказить въ прошлой жизни и церкви русской, и Печерской обители. Правда, какъ увидимъ, въ Начальный сводъ 1095 г. игуменъ Іоаннъ включилъ не все это цѣликомъ, — слишкомъ смѣло искажали эти произведенія дѣйствительный ходъ событій; но самый фактъ возможности неполнаго ихъ отрицанія характеренъ для партіи компромиссовъ, которая стала во главѣ Печерскаго монастыря. Конечно, партія эта не снимала съ очереди задачъ предыдущаго времени, избирая лишь для нихъ путь постепенныхъ достиженій. Единственно, въ чемъ новый игуменъ не шелъ на уступки,—это въ проповѣди нравственныхъ началъ въ жизни князей и общества, готовый въ этомъ итти на открытую ссору, подымаясь до большой рѣзкости и высоты. Неожиданно у монастыря во время игуменства Іоанна наладились отношенія съ княземъ Всеволодомъ, что̀ нужно поставить въ связь съ ссорою князя съ митрополитомъ. Назначенія новыхъ епископовъ за это время Всеволодова княженія — опять изъ Печерской обители или изъ ея бывшихъ постриженниковъ: Николай—въ Тмуторокань, Маринъ—въ Юрьевъ, Стефанъ — во Владиміръ. Но самымъ характернымъ фактомъ дружбы князя нужно считать согласіе его на канонизацію св. Ѳеодосія, что̀ выразилось въ разрѣшеніи епископамъ въ 1091 г. перенести мощи Ѳеодосія въ каменную церковь въ отсутствіе въ Кіевѣ митрополита, въ очевидномъ расчетѣ добиться канонизаціи святого отъ новаго ожидаемаго предстоятеля русской церкви.

Итакъ, столкновеніе монастыря съ каѳедрою при Никонѣ, не кончившееся побѣдою Никона при отсутствіи поддержки со

[1]) Ипатьев. 6597 г. и Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 60 и 195.

стороны князя, теперь, послѣ смерти Никона, приводитъ къ попыткѣ со стороны каѳедры, пользуясь дружбою князя и смертью борца за русское дѣло, по-своему истолковать и изложить прошлое русской церкви и Печерскаго монастыря. Въ выясненіи тенденцій этихъ двухъ памятниковъ національной борьбы—Житія Антонія и Корсунской легенды—мы найдемъ новыя стороны къ объясненію частью дальнѣйшей исторіи монастыря и русской церкви, частью уже изложенной жизни митрополичьей каѳедры и русскаго общества.

Глава V.

§ 77*а*. Два памятника, составленные въ концѣ XI вѣка, какъ отрицательный отвѣтъ на желаніе игумена Никона добиться канонизаціи свв. Владиміра и Ѳеодосія,—не дошли до насъ въ подлинномъ видѣ, но оба возстановлены въ основныхъ своихъ частяхъ трудами А. А. Шахматова [1]).

Главнымъ источникомъ для возстановленія недошедшаго до насъ Житія Антонія является знаменитый трудъ епископа Владимірскаго и Суздальскаго Симона и мниха Печерскаго монастыря Поликарпа, сохранившійся въ разныхъ редакціяхъ, не лишающихъ, однако, возможности судить о первоначальномъ видѣ этого труда. Намъ съ особою внимательностью придется заняться разборомъ произведенія Симона и Поликарпа, такъ какъ опредѣленіе источниковъ и побудительныхъ причинъ къ составленію указанными лицами этого сборника сказаній о знаменитыхъ подвижникахъ матери-обители авторовъ—должно намъ дать цѣнныя наблюденія для дальнѣйшихъ сопоставленій.

Не можетъ вызывать сомнѣнія, что образованію этого сборника сказаній, получившаго впослѣдствіи названіе Печерскаго Патерика, положило основаніе посланіе епископа Симона Поликарпу, написанное около 1222 г., въ заключеніе коего Симонъ привелъ рядъ сказаній о Печерскихъ подвижникахъ:

---

[1]) Шахматовъ, А. А. Корсунская Легенда о крещеніи Владиміра (Сборникъ статей въ честь В. И. Ламанскаго, т. II, стр. 1029—1153). Его же. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, гл. V; Его же. Житіе Антонія и Печерская лѣтопись (Ж. М. Н. Пр., 1898, мартъ); Его же. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, гл. XII.

Онисифорѣ, Евстратіи, Никонѣ, Кукшѣ и Пименѣ, Аѳанасіи, князѣ Святославѣ, Еразмѣ, Ареѳѣ, Титѣ и Евагріи [1]). Вѣроятно, позже перваго, между 1222—1226 гг., Симонъ написалъ второе посланіе Поликарпу [2]) (Ср. „Приду же и на другая сказанія, да увѣдятъ вси“...) [3]), гдѣ сначала излагалъ чудесное основаніе церкви, затѣмъ покованіе раки, прибытіе мастеровъ и иконописцевъ, чудо о Іоаннѣ и Сергіи, нахожденіе св. трапезы и освященіе церкви (Ср. „И много ти бихъ, брате Поликарпе, писалъ, но постигнеть мя повѣсти дѣющаго лѣто. Сдравъ буди и спасай душю свою“...) [4]). Почему епископъ Симонъ, начавъ съ поучительныхъ наставленій Поликарпу, перешелъ на историческое обозрѣніе чудесъ основанія обители, можно, кажется, понять изъ посланія Поликарпа къ игумену, гдѣ, по-моему, ясно указана причина появленія, какъ посланій Симона, такъ и дополнительныхъ къ нимъ трудовъ Поликарпа: „...дивлюся, како премолчана быша великаа исправленіа св. отець нашихъ Антоніа и Ѳеодосіа? [5]). То аще толико светило угасе небреженіемь, то како отъ него луча въсіяють: сихъ мню преподобныхъ отець нашихъ Печерьскыхъ... Въ житіи же св. Антоніа вся житіа ихъ вписана суть, аще и въкратцѣ речена. Но паче прежде реченніи черноризци ясно реку, а не въ тайне, яко же и прежде: аще бо азъ премолчю, отъ мене забвена будуть, и к тому не помянутся имена ихъ, яко же было и до сего дьни. Се же речеся въ 15 лѣто твоего игуменства, еже не бысть помяно-

---

[1]) Шахматовъ, А. А. Кіевопечер. Патерикъ и Печерск. лѣтопись (Изв. отд. рус. яз. и сл. 1897 г. Т. II, кн. 3, стр. 796—797).

[2]) Ibidem.

[3]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 187.

[4]) Ibidem, стр. 195.

[5]) Здѣсь въ первоначальномъ текстѣ (у Поликарпа), несомнѣнно, не упоминалось имени Ѳеодосія, что ясно изъ послѣдующихъ словъ: „толико светило угасе небреженіемь“, что относится только къ Антонію, а по отношенію къ Ѳеодосію было бы невѣрно, такъ какъ существовало и было

веніа 100 и 60 лѣтъ, нынѣ же, твоеа ради любьве, утаенная слышана быша и память любящимъ Бога присно чтома и хвалима"... [1]). Отсюда, вспоминая частыя ссылки на Житіе Антонія епископа Симона въ его посланіяхъ Поликарпу, можно думать, что нахожденіе этого забытаго и небрегомаго Житія и послужило толчкомъ къ литературной работѣ обоихъ авторовъ. Неизвѣстно, гдѣ и кѣмъ изъ нихъ было найдено это Житіе. Симонъ въ первомъ же посланіи говоритъ, что Поликарпъ уже самъ читалъ Житіе Антонія [2]), что̀ какъ бы наводитъ на мысль, что найти Житіе посчастливилось именно Поликарпу, хотя возможно и то предположеніе, что Симонъ до своего перваго посланія имѣлъ возможность ознакомить при личномъ свиданіи Поликарпа съ найденнымъ памятникомъ. Послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ изъ обращенія Поликарпа къ игумену Акиндину, гдѣ Поликарпъ говоритъ, что онъ собирается излагать житія, дѣянія и знаменія дивныхъ мужей, бывшихъ въ Печерскомъ монастырѣ, о которыхъ онъ слышалъ отъ епископа Симона, „иже и сказа мнѣ грѣшному о св. и велицемъ Антоніи, бывшаго начальника Рускимъ мнихомъ, и о св. Ѳеодосіи, и иже по нихъ святыхъ и преподобныхъ отець житіа и подвиги, скончавшихся дому Пр. Божіа Матере" [3]). Въ предположеніи, что Житіе Антонія нашлось на сѣверѣ отъ Кіева,—нѣтъ ничего страннаго, если вспомнить, что Кіевъ бывалъ не разъ разграбляемъ, и, напр., извѣстіе Ипатьев. лѣтописи подъ 6679 г. „и взяша имѣнья множьство и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша всѣ Смолняне и Соуждалци и Черниговци и Олгова дружина"... достаточно для объясненія дѣла. Итакъ, въ началѣ XIII в. было найдено Житіе Антонія. Но почему же его епископъ Симонъ и По-

---

[1]) Патерикъ Кіевск. Печер. Мон., Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 95—96.

[2]) Ibidem, 76.

ликарпъ не просто переписали и передали Печерской обители и обществу, а подвергли передѣлкѣ, добавленіямъ и распространеніямъ. Изъ работъ надъ возстановленіемъ этого памятника А. А. Шахматова мы знаемъ причину этого. Житіе слишкомъ расходилось съ обычною литературой о первыхъ годахъ жизни Печерской обители (Житіемъ Ѳеодосія, лѣтописью) [1]). Симонъ первый взялъ на себя трудъ переработки этого памятника и въ первомъ посланіи къ Поликарпу ограничился нѣсколькими выдержками изъ него, можетъ быть потому, что пользованіе самою интересною частью Житія — разсказомъ о возникновеніи каменной церкви — было особенно затруднено необходимостью большихъ передѣлокъ и согласованій съ обычною литературой. Выдержки изъ Житія Антонія епископъ Симонъ дѣлалъ, видимо, послѣ критической ихъ провѣрки. Критеріемъ служило здѣсь Симону, во-первыхъ, „Поминаніе" монастыря, а, во-вторыхъ, подтвержденія извѣстій Житія въ номенклатурѣ и обстановкѣ Печерской обители, которую Симонъ хорошо зналъ, какъ живалый тамъ любознательный человѣкъ. Найдя такимъ образомъ несомнѣнныя для себя, послѣ этой провѣрки, новыя данныя изъ исторіи Печерскаго монастыря, Симонъ рѣшилъ дополнить ихъ разсказами, взятыми или со словъ старцевъ изъ братіи того времени, когда Симонъ былъ еще рядовымъ братомъ обители, ко времени написанія посланія, видимо, уже умершихъ, что̀ видно изъ отсутствія предложеній Поликарпу провѣрить разсказы опросомъ ихъ на мѣстахъ, и къ этому присоединить описаніе нѣкоторыхъ событій, которымъ Симонъ былъ очевидцемъ.

§ 77*б*. Первый разсказъ Симона относится по времени къ игуменству Пимена, и построенъ на живомъ преданіи двухъ поколѣній—до Симона: „Слышахъ — говоритъ Симонъ—вещь предивну отъ блаженныхъ тѣхъ старецъ: яко рѣша, слышавше

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 275, § 191[11].

отъ самовидець онѣхъ таковаго чудеси бывшаго"... [1]). И дальше: „Анисифоръ... вся видѣннаа и слышаннаа възвѣсти игумену и всей братіи, отъ них же азъ обретохъ единаго, иже исповѣда ми вещь сію отъ тѣхъ пръвыхъ черноризець" [2]). По смыслу разсказъ этотъ примыкаетъ къ посланію Симона Поликарпу, поясняя основную мысль этого посланія, „что ради имѣти тщаніе и любовь" къ обители пр. Антонія и Ѳеодосія.

Дальнѣйшіе же разсказы Симона построены, какъ уже указано А. А. Шахматовымъ [3]), на хронологической основѣ, которая едва-ли была случайностью построенія. „И ина такова обрящеши, брате Поликарпе, въ житіи святаго Антонія" [4]), пишетъ Симонъ въ началѣ разсказа о Евстратіи. Нельзя сомнѣваться, что оттуда именно и взятъ этотъ разсказъ. Возможно, что Симонъ передѣлалъ изложеніе Житія Антонія, но есть двѣ детали, убѣждающія насъ въ заимствованіи подробностей этого разсказа изъ изложенія Житія. Когда Евстратій предалъ душу свою Господу, то „бѣ видѣти" его душу, носимую на огненной колесницѣ, запряженной огненными конями, „и гласъ бысть, глаголя греческыи: „се добрый небеснаго града гражанинъ нареченный". Здѣсь прежде всего любопытно, что небесный голосъ говоритъ „греческыи". Едва-ли какому-либо русскому литературному произведенію шла такая подробность. Но она характерна, какъ увидимъ, для Житія Антонія, составленнаго при митрополичьей каѳедрѣ гречествующею рукою, которая не могла себѣ представить Бога говорящаго на другомъ языкѣ съ людьми кромѣ греческаго,—какъ не могли Ромеи допустить по искренней совѣсти и для обращенія къ Богу иного языка, кромѣ греческаго. Слова, приведенныя Симономъ,

[1]) Патерикъ Кіевск. Печерск. Мон., Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 77.

[2]) Ibidem, стр. 78.

[3]) Шахматовъ, А. Житіе Антонія и Печерская лѣтопись (Журн. М. Нар. Пр. 1898 г., мартъ, стр. 109, пр.).

[4]) Патерикъ Кіевск. Печерск. Мон., Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 180.

какъ небесныя: „се добрый небеснаго града гражанинъ нареченный“ — не полны. Изъ дальнѣйшаго текста: „И сего (ради) Протостраторъ зовется въ поминаніи вашемъ“ [1]), — видно, что „нареченіе“ Евстратія небеснымъ голосомъ, неприведенное Симономъ, дало послѣднему право сблизить Евстратія Житія съ Протостраторомъ „Поминанія“ монастырскаго. Нельзя себѣ представить иного пути составленія епископомъ Симономъ этого разсказа объ Евстратіи, какъ путь чтенія и изученія Житія Антонія съ монастырскимъ „Поминаніемъ“ въ рукахъ. Найдя въ Житіи разсказъ объ Евстратіи, а въ „Поминаніи“, вѣроятно, только имя мученика, его прозвище (Протостраторъ) и день поминовенія — Симонъ рѣшилъ для себя достовѣрность этого разсказа Житія Антонія въ положительномъ смыслѣ и внесъ его, въ передѣлкѣ, въ замышленный рядъ разсказовъ о подвижникахъ Печерской обители. Но „нареченіе“ Евстратія, какое читалось въ Житіи Антонія, Симонъ опустилъ, и намъ трудно теперь ясно представить себѣ причину этого поступка Симона. Не стояло ли въ „нареченіи“ — первомученикъ (πρωτοστάτης) и не читались ли слова небеснаго голоса: „се добрый небеснаго града гражанинъ нареченный первымъ“? Возможно, что Симонъ опустилъ названіе Евстратія первымъ гражданиномъ небеснаго града (т.-е. первомучеником), такъ какъ считалъ это прямымъ противорѣчіемъ обычному русскому счету нашихъ мучениковъ за Христа, что̀ подтверждается сопоставленіемъ того мѣста посланія Симона, гдѣ рѣчь идетъ о св. Леонтіи, епископѣ Ростовскомъ. „И се третій гражанинъ бысть Рускаго мира: съ онема Варягома вѣнчася отъ Христа, Его же ради пострада“ [2]). Итакъ, разсказъ объ Евстратіи взятъ епископомъ Симономъ изъ Житія Антонія.

Вторымъ въ рядѣ сказаній Симона о подвижникахъ Пе-

---

[1]) Патерикъ Кіевск. Печерск. Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, Т. II, стр. 79.

черской обители — является разсказъ о Никонѣ. А. А. Шахматовымъ убѣдительно доказана связь этого разсказа съ предъидущимъ и возможность отнесенія его содержанія къ тому же источнику—Житію Антонія [1]). Слова Симона въ этомъ сказаніи: „Многа же и ина исправленіа того блаженнаго Никона повѣдуеть, о нихъ же нѣсть нынѣ врѣмя писати“ [2]) ясно даютъ знать, что въ Житіи Антонія сообщалось больше приведеннаго, а непонятное указаніе Симона на несвоевременность дальнѣйшихъ заимствованій ведетъ, конечно, къ мысли, что авторъ встрѣтилъ нѣчто непріемлемое. И этотъ разсказъ Житія критически провѣрялся Симономъ. Часть, какъ видимъ, отброшена, часть принята и изложена въ посланіи по тому же основанію, что̀ и разсказъ объ Евстратіи: Симонъ нашелъ указаніе на Никона въ „Поминаніи“ Печерской обители: „Сіи же убо Никонъ Сухій именуется въ поминаніи вашемъ,— истекъ кровію и изъгнивъ отъ ранъ, и ихну“ [3]). Обращаю вниманіе на это поясненіе нареченія Никона, чего нѣтъ, при болѣе, конечно, требующемъ поясненій (или хотя бы перевода) названіи Евстратія. Въ разсказѣ о Никонѣ у Симона были еще точки опоры, позволившія автору повѣрить указанію о немъ Житія. Это,—во-первыхъ, указаніе на взятіе „желѣзъ“ Никона и скованья ихъ „на потрѣбу олътареви“, что̀, видимо, поясняло нѣчто извѣстное каждому иноку Печерской обители, и—во-вторыхъ — указаніе повѣсти о Никонѣ въ Житіи на приходъ въ монастырь „Половчина“, ставшаго мнихомъ „и с родомъ своимъ“, такъ какъ это объясняло, очевидно, названіе притвора въ Печерской церкви: „и ту животъ свой скончаша... и суть положени въ своемъ притворѣ“ [4]).

Слѣдующій разсказъ Симона о Кукшѣ и Пименѣ-Постникѣ

---

[1]) Шахматовъ, А. Житіе Антонія и Печер. лѣт. (Ж. М. Н. Пр. 1898, мартъ, стр. 108—109).

[2]) Патерикъ Кіевск. Печерск. Монаст., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 80.

[3]) Ibidem, 81.

[4]) Ibidem, 80.

исцѣленаго“) [1]) и возможность событія подтверждается ссылкою на Житіе Антонія („аще ли кому невѣрно мниться написаное се, да прочтеть житія св. Антонія, отца нашего, началника Русьскымъ мнихомъ, и тако да вѣруеть“) [2]), гдѣ разсказывался случай аналогичнаго исцѣленія отъ тѣла подвижника Моисея Угрина [3]).

Князь Никола Святоша былъ незаурядным явленіемъ среди братіи Печерской обители, что̀ видно изъ словъ сказанія о немъ Симона: „Его же (князя) вси ту сущіи черньци свѣдають, добродѣтельное его послушание“ [4]). Необычность постриженія члена княжескаго дома съ одной стороны, твердое послушаніе забывающаго свое княжеское прошлое брата, наконецъ, продолжительность пребыванія въ монастырѣ,—дѣлали изъ жизни князя Святоши источникъ поученія и памятствованія братіи. Объяснять включеніе разсказа о немъ въ рядъ сказаній Симона—нѣтъ такимъ образомъ нужды. Въ повѣствованіи этомъ обращаетъ вниманіе одна фраза, на которой по мѣсту возможно остановиться. Князь Изяславъ Давидовичъ, по смерти Святоши, разболѣлся и получилъ исцѣленіе отъ власяницы Святоши, которую онъ уже потомъ всегда надѣвалъ для излеченія и въ походъ. Однажды, „съгрѣшившу ему нѣкогда“, князь не одѣлъ власяницы, и былъ убитъ въ бою. Правильный ходъ приведеннаго разсказа, сохранившійся въ Берсеньевской и Ѳеодосьевской редакціяхъ Патерика, въ Основной и Кассіановскихъ прерывается такъ: „Ту же власяницу взимаше на ся, егда разболяшася, и тако здравъ бываше. Самъ же къ брату ехати хотяше, и удръжанъ бысть отъ тогда сущихъ епископъ. Въ всякую же рать сію власяницю на себѣ имаше,

[1]) Патерикъ Кіевск. Печер. Монаст., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 183.

[2]) Ibidem.

[3]) Шахматовъ, А. А. Житіе Антонія (Ж. М. Н. Пр. 1898, мартъ, стр. 109).

[4]) Въ Берсен. первоначальнѣе. Патерикъ Кіевск. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 183.

и тако безъ вреда пребываше“ [1]). Кажется безнадежнымъ пытаться возстановить мѣсто этой вставки въ первоначальномъ текстѣ, но древность ея несомнѣнна, какъ потому что она встрѣчается въ Основной редакціи Патерика, такъ и потому, что она описываетъ время игуменства въ Печерской обители грека Ѳеодоса (о которомъ рѣчь будетъ ниже), который былъ, видимо, назначенъ на игуменское кресло Печерской обители, почему и былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ тѣми епископами, которые дорожили независимостью Печерскаго монастыря отъ греческой митрополіи и которые могли удерживать князя Изяслава отъ посѣщенія монастыря въ это время греческаго игуменства.

Симонъ, въ разсказѣ о подвигахъ Святоши, не забываетъ, по обычаю, ссылаться на обстоятельства, извѣстныя братіи обители: упоминаетъ келію Святоши и библіотеку, сохраняющуюся въ монастырѣ „донынѣ“ [2]).

Послѣднимъ разсказомъ, основаннымъ на преданіи уже прямомъ, является разсказъ объ Еразмѣ: „се слышахъ отъ тѣхъ свѣдѣтѣль святыхъ и самовидець, блаженныхъ старець“ [3]). Разсказы же объ Аревѣ и о ссорѣ попа Тита съ діакономъ Евагріемъ основаны на личномъ свидѣтельствѣ Симона. „И се видѣхъ, тамо мі сущю въ пещерѣ“ [4]), говоритъ Симонъ въ первомъ разсказѣ и далѣе ведетъ изложеніе въ первомъ лицѣ множественнаго числа, такъ какъ выступаетъ въ числѣ другихъ братьевъ; „ино дивное же самъ видѣхъ въ томъ же святомь монастырѣ“ [5]), говорится во второмъ разсказѣ, который также ведется въ 1 лицѣ множественнаго числа.

§ 77*в*. Приведенный разборъ перваго ряда сказаній епископа Симона даетъ, какъ кажется, возможность представить

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 86.

[2]) Ibidem, 86.

[3]) Ibidem, 87.

[4]) Ibidem, 186.

себѣ въ такомъ видѣ возникновеніе и ходъ работы автора. Пожелавъ высказаться о своемъ великомъ почитаніи обители свв. Антонія и Ѳеодосія и тѣмъ поучить тому же Поликарпа, Симонъ съ этою цѣлью рѣшилъ привести рядъ чудесныхъ событій изъ жизни братіи монастыря. Къ тому же побуждало его и желаніе переработать вновь найденный древнѣйшій патерикъ Кіево-Печерскаго монастыря, какимъ было—послѣ лѣтописи—Житіе Антонія. Изученіе Житія привело автора къ сомнѣніямъ въ достовѣрности его содержанія, но послѣ нѣкоторой провѣрки было найдено нѣчто пріемлемое, какъ подтверждаемое монастырскимъ „Поминаніемъ“ и непонятными безъ Житія названіями предметовъ и зданій обители. Искаженность исторіи Печерской обители, читаемой въ Житіи, вѣроятно, навела Симона на мысль записать то изъ устныхъ преданій, жившихъ еще среди братіи, которыя слышалъ Симонъ, какъ рядовой постриженникъ Печерскаго монастыря въ давнее время (около 30 лѣтъ назадъ) и о которыхъ могъ думать, что они или умрутъ вмѣстѣ съ нимъ, или подвергнутся искаженіямъ, подобнымъ искаженіямъ ранней исторіи Печерскаго монастыря въ Житіи Антонія.

§ 77*г*. Симонъ не могъ не понять тенденціозности искаженій Житія Антонія, что̀ видно хотя бы изъ умѣнья его довольно опредѣленно отвергнуть, угадавъ такую же тенденціозность, Житіе св. Леонтія епископа Ростовскаго, какъ мы уже видѣли выше въ §§ 41*а* и 41*б*. Это, можетъ быть, объясняетъ намъ, почему Симонъ послѣ перваго посланія вновь вернулся къ Житію Антонія. Здѣсь видимъ попытку Симона и явно искаженное тенденціей изложеніе въ Житіи ранней исторіи Печерскаго монастыря очистить отъ гречествующихъ домысловъ и согласовать съ общеизвѣстными преданіями и обычной литературой, чтобы вплести новый лавръ въ вѣнецъ славы любимой матери—обители, безспорный и для митрополичьей каѳедры, какъ заимствованный изъ произведенія, составленнаго при послѣдней. Такъ возникло второе посланіе

Симона, написанное уже послѣ 1222 года (ср. „Приниду же и на другая сказания, да увѣдять вси“...) [1]).

Первый разсказъ въ этомъ второмъ посланіи епископа Симона взятъ только въ начальной своей части изъ Житія Антонія и, видимо, значительно передѣланъ. Житіе, какъ уже указано А. А. Шахматовымъ, во-первыхъ, отодвигало построеніе Печерскаго монастыря къ 30-мъ годамъ XI вѣка, и, во-вторыхъ, выставляло Антонія создателемъ этого монастыря. Принять въ такой формѣ изложеніе Житія было для Симона невозможно, но въ Житіи онъ нашелъ упоминаніе о поясѣ варяжскаго князя Аѳрикана и о Шимонѣ, сынѣ Аѳрикана. Эта нить дала возможность епископу Симону провѣрить разсказъ Житія въ преданіи потомковъ этого Шимона, связанныхъ тѣснымъ образомъ и съ домомъ Мономаха, и съ Суздальской землею. Найдя уже здѣсь преданіе о молитвѣ, написанной Ѳеодосіемъ по просьбѣ Шимона, преданіе о чудесахъ при покованіи раки Ѳеодосія усердіемъ Георгія Шимоновича (фактъ покованія былъ извѣстенъ изъ лѣтописи [2]) и изъ монастырскаго преданія), наконецъ, разсказъ о записи имени Шимона въ Печерскомъ монастырѣ, какъ перваго здѣсь погребеннаго, и объ обычаѣ рода Георгія Шимоновича хорониться въ Дмитровскомъ монастырѣ (приписномъ съ 1128 года Печерскому) [3]) послѣ вклада гривны шейной въ 100 гривенъ злата Георгіемъ, — епископъ Симонъ не имѣлъ основаній не повѣрить и возможности участія Шимона въ предоставленіи средствъ на постройку каменной церкви монастыря, т.-е. разсказу Житія о поясѣ варяжскаго князя Аѳрикана. Оставалось лишь исправить хронологію этого мѣста Житія, вставивъ историческое событіе похода трехъ Ярославичей на Половцевъ въ 1068 году, хотя слова „приде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу“ остались, какъ слѣдъ пріуроченія

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-русской письменности, т. II, стр. 187.

[2]) Ипатьев. 1180 г.

разсказа Житія ко времени этого князя, а приходъ трехъ Ярославичей къ Антонію „молитвы ради и благословенія", какъ и всѣ разговоры Шимона съ Антоніемъ, въ то время (1068 г.), когда уже игуменствовалъ Ѳеодосій,—остались, какъ слѣдъ выдвиганія Антонія его Житіемъ въ роль создателя каменнаго монастырскаго храма. Симонъ исправилъ ходъ разсказа Житія и въ томъ мѣстѣ, гдѣ сообщается о похвалѣ Антонія Шимону. „Призвавъ же Антоній блаженнаго Ѳеодосіа, рече: „Симоне, сій хощет въздвигнути таковую церковь", — пишетъ епископъ Симонъ, — „и дасть ему поясъ и венецъ", чѣмъ и согласуетъ разсказъ Житія Антонія съ обычной литературой, гдѣ построеніе каменной церкви приписывалось (какъ и было на самомъ дѣлѣ) Ѳеодосію. Дальнѣйшіе разсказы—о написаніи Ѳеодосіемъ молитвы по просьбѣ Шимона и о чудесахъ при покованіи раки Ѳеодосія—Симонъ писалъ, вѣроятно, по семейнымъ преданіямъ рода Георгія Шимоновича.

Вторая повѣсть въ этомъ посланіи Симона Поликарпу—о пришествіи мастеровъ изъ Царьграда—взята цѣликомъ изъ Житія Антонія, потребовавъ лишь той передѣлки, что почти вездѣ рядомъ съ Антоніемъ поставлено имя Ѳеодосія, хотя вездѣ дѣйствующимъ лицомъ, какъ слѣдъ пользованія Житіемъ, остается Антоній: онъ разговариваетъ съ мастерами, онъ имъ объясняетъ смыслъ видѣнія Царицы Небесной, онъ выступаетъ въ молитвенной бесѣдѣ съ Господомъ о ниспосланіи росы. Послѣдняя подробность можетъ служить яркимъ подтвержденіемъ того, что Житіе Антонія рѣзко передавало всю роль въ созданіи каменнаго храма Антонію въ противоположность дѣйствительности и изложенію Житія Ѳеодосія, гдѣ устроеніе этого храма приписывалось „чистѣй того (Ѳеодосія) молитвѣ и непорочней" [1]) и его личному участію [2]). Изложеніе Симо-

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 46—47.

[2]) Ibidem, стр. 49.

номъ разсказа Житія Антонія о мастерахъ и о чудесномъ поясѣ князя Аѳрикана не только сопровождалось передѣлкою, но и сокращеніемъ тѣхъ, конечно, подробностей, которыхъ литературное искусство Симона не было въ состояніи согласовать съ общеизвѣстными данными о тѣхъ же событіяхъ. „Въ житіи бо св. Антоніа се пространнѣе обрящеши", пишетъ онъ Поликарпу [1]).

Третья повѣсть Симона—о пришествіи писцовъ,—нужно думать, также заимствована изъ Житія Антонія съ тою же самою передѣлкою, что̀ и въ предыдущей, т.-е. съ замѣною имени Антонія именами Антонія и Ѳеодосія. Косвенно это можно подтвердить тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь Симонъ не дѣлаетъ указанія, откуда заимствовалъ онъ содержаніе повѣсти, что̀ при извѣстной уже намъ заботливости автора къ указанію источниковъ, ведетъ къ нашей догадкѣ, тѣмъ болѣе, что смыслъ разсказа тотъ же, что̀ и предыдущаго—связать все съ Царьградомъ, съ чудесною помощью и благословеніемъ Божьей Матери Влахернской. Наконецъ, что касается времени описаннаго въ разсказѣ этомъ, то изъ послѣдняго разсказа Симона въ данномъ (второмъ) посланіи къ Поликарпу будетъ видна возможность думать, что Житіе Антонія захватывало не только время игуменства Никона, къ которому относится этотъ разсказъ о писцахъ, но даже начальные годы игуменства Іоанна. Какъ всегда, Симонъ и здѣсь заботливо подчеркиваетъ подтвержденія своего изложенія въ предметахъ и именахъ обители. Икона „намѣстная" въ Печерской обители была Влахернская,—разсказъ о мастерахъ объяснялъ ея появленіе; мощи лежатъ подъ стѣнами каменной церкви обители и надъ ними написаны изображенія святыхъ,—разсказъ о мастерахъ объяснялъ, откуда могъ монастырь получить эти мощи; „мусіа", которою „устроенъ" алтарь,—принесли писцы изъ Царьграда, „суть же и нынѣ свиты ихъ на полатахъ и книгы ихъ Грѣческая

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

блюдомы въ память чудеси" [1]); писцы эти „суть положены въ своемъ притворѣ" [2]), который, очевидно, связывался съ ихъ именемъ. Заключительная часть этого сказанія Симона частью построена на догадкѣ (почему Стефанъ по оставленіи Печерскаго монастыря построилъ на Кловѣ монастырь съ церковью во имя Влахернской Божьей Матери), частью на мѣстныхъ преданіяхъ (что храмъ Ростова, заложенный Владиміромъ Мономахомъ, и храмъ Суздаля, заложенный Юріемъ Долгорукимъ,— построены „всѣмъ подобіемъ" Печерскому).

Четвертый разсказъ Симона—о Іоаннѣ и Сергіи—построенъ на монастырскомъ преданіи: „И се сказаша намъ— пишетъ Симонъ—блаженіи ти черноризьци" [3]). Преданіе это жило въ обители, такъ какъ оно объясняло, почему „оттоле не дадяху клятися св. Богородицею никому же", и „поставленіе" церкви св. Іоанна Предтечи „удуже на полата въсходять" [4]). Пріуроченіе же преданія времени игуменства Никона и Іоанна должно было исходить изъ названія престола церкви (Іоаннъ), такъ какъ врядъ ли у Симона были здѣсь какія-либо болѣе надежныя для этого данныя.

Уже высказано было выше, что послѣдній—пятый—разсказъ Симона—о св. трапезѣ и освященіи церкви—есть данныя относить къ Житію Антонія. Здѣсь также, какъ и въ разсказѣ о писцахъ, нѣтъ указанія Симона на источникъ своихъ свѣдѣній, что̀ ведетъ къ Житію. Но болѣе рѣшительнымъ доказательствомъ является слѣдующее соображеніе. Въ разсказѣ объ освященіи церкви сообщается, что епископы явились сослужить въ освященіи новаго храма Печерской обители митрополиту, не бывъ имъ къ тому позваны („никимъ же званіи бывше"). На вопросъ митрополита, почему они пришли, „не

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 9.

[2]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 9.

[3]) Ibidem, стр. 194.

[4]) Ibidem, стр. 10.

званіи бывше", епископы отвѣчали, что „от тебе, владыко, присланній" позвалъ насъ на этотъ день освящать церковь Печерскаго монастыря. „И отвеща Антоній, епископъ Юрьевский: „азъ бѣхъ боля, сеа же нощи вниде чернецъ къ мнѣ, глагола ми: заутра свящается церкви Печерьскаа, да будеши тамо. Якоже точію слышахъ—и тако здравъ быхъ, и се есмь по повелѣнію вашему" [1]). Нельзя сомнѣваться, что къ еп. Антонію являлся Антоній Печерскій, здѣсь у Симона не названный по имени („чернецъ"), вѣроятно, потому что заключительная или вводная часть разсказа, гдѣ объяснялось это чудо,—отпала. Если вспомнить, что Житіе Ѳеодосія кончается приведеніемъ ряда чудесъ,—чудо о боляринѣ, объ украденномъ сребрѣ и о болѣвшемъ клирицѣ,—необходимыхъ для подтвержденія и прославленія новаго святого (ср.: „вѣдѣ, отче, яко святъ еси и се врѣмя приспѣло есть" [2]), — то станетъ понятнымъ приведеніе и въ Житіи Антонія такого же ряда чудесъ новаго святого. Среди этихъ чудесъ приводились разсказы о писцахъ, которыхъ Антоній нашелъ въ Царьградѣ чрезъ 10 лѣтъ по своей смерти, о собраніи епископовъ на освященіе церкви безъ приглашенія митрополита по приглашенію св. Антонія, чудесно являвшагося имъ въ видѣ черица и исцѣлившаго одного изъ нихъ, своего одноименца—Антонія, епископа Юрьевскаго.

§ 77*д*. Возможность предположенія объ отнесеніи сказаній о мастерахъ, писцахъ, трапезѣ и освященіи Печерской церкви къ Житію Антонія даетъ очень важное хронологическое указаніе на время составленія этого Житія: оно было написано послѣ освященія церкви, т.-е. послѣ 1089 года. Это не противорѣчитъ указанію Поликарпа на 160 лѣтній промежутокъ пренебреженія Житіемъ въ Печерской обители, такъ какъ Поликарпъ отсчитывалъ отъ времени „угасенія толикаго свѣ-

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 11.

тила", т.-е. отъ времени смерти Антонія, которую онъ, какъ указано А. А. Шахматовымъ, относилъ къ 1072 году [1]).

§ 77*е*. Если, какъ видимъ, довольно ясны источники труда епископа Симона, взявшаго свои сказанія частью (о Евстратіи и Никонѣ, о созданіи церкви, о мастерахъ и писцахъ, о трапезѣ и освященіи церкви) изъ Житія Антонія, частью изъ „Поминанія" монастырскаго (Кукша и Никонъ), частью изъ преданій, жившихъ въ потомствѣ Георгія Симоновича (о молитвѣ, написанной Ѳеодосіемъ, о покованіи раки и о завѣщаніи Георгія), частью изъ преданій монастырскихъ (о Іоаннѣ и Сергіи, о Онисифорѣ, Аѳанасіи и Василѣ, Николѣ Святошѣ и Ерасмѣ), частью изъ личнаго свидѣтельства (объ Аревѣ, о Титѣ и Евагріи),—то не такъ просто обстоитъ дѣло съ опредѣленіями источниковъ труда Поликарпа.

§ 77*ж*. Вслѣдъ за А. А. Шахматовымъ думаемъ, что трудъ Поликарпа дошелъ до насъ въ перебитомъ видѣ и авторомъ распредѣленъ былъ иначе: сначала было составлено сказаніе о Іоаннѣ затворникѣ и Моисеѣ Угринѣ, послѣ котораго помѣщалось, вѣроятно, то обращеніе къ Акиндину, которое читается теперь за разсказомъ объ Агапитѣ, затѣмъ шли сказанія о Никитѣ и Лаврентіи затворникахъ, Агапитѣ, Григоріи, Прохорѣ, Маркѣ, Ѳедорѣ и Василіи, Пименѣ, наконецъ, отдѣльно отъ этого ряда излагались сказанія о Спиридонѣ и Алимпіи [2]).

Возможно предположеніе, что смерть прервала работу епископа Симона надъ Житіемъ Антонія и заставила Поликарпа принять на себя продолженіе этой работы. По приблизительному подсчету А. А. Шахматова, Поликарпъ закончилъ первую часть работы въ 1232 г. [3]). Какъ литературный

[1]) Шахматовъ. А. Житіе Антонія и Печер. лѣтоп. (Ж. М. Н. Пр., 1898, мартъ, стр. 113—114. Его же. Разысканія о древн. рус. лѣт. сводахъ. стр. 276 и пр. 1.

[2]) Шахматовъ, А. Житіе Антонія и Печер. лѣт. (Ж. М. Н. Пр. 1898, мартъ, стр. 123, пр. 1).

[3]) Ibidem, стр. 114.

работникъ, Поликарпъ, повидимому, держался нѣсколько иныхъ воззрѣній на источники, чѣмъ его предшественникъ. Мы не видимъ у Поликарпа тѣхъ заботливыхъ ссылокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, откуда почерпнутъ тотъ или другой разсказъ, не видимъ вообще критическаго отношенія къ источнику, какое встрѣчали въ работахъ епископа Симона. Наоборотъ, есть случаи, позволяющіе если не допускать измышленія Поликарпа, то указывать на неумѣнье его вставлять сказаніе въ историческую оправу съ достаточною опредѣленностью и смѣлое занесеніе имъ преданій безъ всякой провѣрки, лишь съ глухою ссылкою на авторитетъ епископа Симона.

§ 77з. Въ начальномъ обращеніи къ Акиндину Поликарпъ указываетъ на свое желаніе разсказать о дивныхъ мужахъ Печерской обители, сказанія о которыхъ онъ слышалъ отъ епископа Симона, „иже и сказа мнѣ грѣшному о св. и велицемь Антоніи, бывшаго начальника Рускимъ мнихомъ и о св. Ѳеодосіи, и иже по нихъ святыхъ и преподобныхъ отець житіа и подвиги, скончавшихся дому Пречистыа Божіа Матере“ [1]). Въ заключеніе своей первой части Поликарпъ, высказавъ удивленіе тому, что „толико светило угасе небреженіемь“, какъ пр. Антоній, задается вопросомъ: „то како отъ него (свѣтила) луча въсіяютъ: сихъ мню препод. отець нашихъ Печерьскыхъ“ [2]). Поликарпъ думаетъ, что если бы онъ разсказалъ все то, что̀ слышалъ о тѣхъ святыхъ отцахъ отъ епископа Симона, то многіе бы не повѣрили ему „менѣ грѣшнаго суща съвѣдя Поликарпа“ [3]). Но, подчиняясь волѣ игумена, онъ берется писать о тѣхъ, „ихъ же ми умъ постигнетъ и память принесетъ“, потому что „въ житіи же св. Антоніа вся житіа ихъ вписана суть, аще и въкратцѣ речена“. Онъ будетъ излагать „ясно“, а не „въ тайне, яко

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 90.

[2]) Ibidem, стр. 95.

же и прежде". Изъ этихъ словъ Поликарпа къ Акиндину выходитъ, что авторъ, найдя въ Житіи Антонія краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскаго монастыря, о которыхъ епископъ Симонъ ему разсказывалъ подробнѣе, собирается, припомнивъ всѣ эти разсказы, записать, если не для нынѣшней братіи, которая, зная автора, не повѣритъ его сказаніямъ, то для „сущихъ по насъ".

Обращаясь къ труду Поликарпа по отдѣльнымъ сказаніямъ, замѣчаемъ, что слова автора объ извлеченіи имъ темъ своихъ разсказовъ изъ Житія Антонія могутъ относиться лишь къ той первой части этого труда, которую они и замыкаютъ, т.-е. къ сказанію о Моисеѣ Угринѣ и Іоаннѣ-Затворникѣ. Не можетъ возбуждать сомнѣнія, что сказаніе о Моисеѣ, дѣйствительно, взято изъ Житія Антонія: „Се же вписано есть въ житіи св. отца нашего Антоніа, еже о Моисѣи" [1])... Но сказаніе о Моисеѣ предваряется вводнымъ разсказомъ о Іоаннѣ-Затворникѣ, о которомъ можно сказать съ рѣшительностью, что изъ Житія Антонія онъ взятъ быть не можетъ. Кромѣ того, что здѣсь нѣтъ никакой ссылки на Житіе, важнымъ указаніемъ является объясненіе Іоанна, какъ онъ былъ наученъ свыше молиться „сущему мертвецу, противу тебѣ лежащу", имени котораго Іоаннъ не зналъ и лишь послѣ „увѣдалъ", что это Моисей Угринъ. Іоаннъ былъ въ монастырѣ 30 лѣтъ. Житіе Антонія, какъ мы знаемъ, было составлено послѣ 1089 г., но до 1095 г., такъ какъ въ это время было уже использовано въ Начальномъ сводѣ 1095 г. Моисей Угринъ, по Житію Антонія, прибылъ къ Антонію въ 1031 г. [2]), пробылъ здѣсь 10 лѣтъ, такъ что смерть его относится Житіемъ къ 1041 г. Неужели же могла эта смерть такъ забыться въ Печерскомъ монастырѣ къ 1060 г. (1090 г.—30 л.=1060 г.), т.-е. чрезъ двадцать лѣтъ, чтобы потребовалось небесное указаніе на мо-

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 106.

[2]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 270.

гилу Моисея, а Іоанну Затворнику — разузнаваніе имени погребеннаго („последи же увѣдахъ, яко се бысть Моисей, Угринъ родомъ"). Не имѣя возможности допускать такой странности въ изложеніи Житія, приходится думать, что разсказъ о Іоаннѣ Затворникѣ взятъ не оттуда. Возможно предположить, что Житіе называло имя Іоанна Затворника въ связи съ сказаніемъ о Моисеѣ Угринѣ, который и по смерти цѣлилъ отъ блуда, какъ цѣлилъ и при жизни, но развитіе изъ этого простого упоминанія имени Іоанна цѣлаго разсказа, читаемаго теперь,—есть дѣло самого Поликарпа. Вѣроятно, сюда и нужно отнести указаніе автора, что въ Житіи Антонія вписаны житія нѣкоторыхъ подвижниковъ „вькратцѣ речена", которыя авторъ излагаетъ „ясно". Наше предположеніе подтверждается, повидимому, всѣмъ построеніемъ разсказа, ведущагося внѣ времени, такъ какъ нѣтъ ни одного историческаго пріуроченія, нѣтъ имени игумена, нѣтъ даже имени брата, которому Іоаннъ сообщаетъ о своемъ быломъ исцѣленіи и котораго исцѣляетъ костью отъ мощей Моисея.

Переходя ко второй части работы Поликарпа, обращаемъ вниманіе на новый источникъ, съ которымъ имѣетъ дѣло авторъ, и изъ котораго онъ по той же литературной манерѣ, какъ и въ первой части „вькратцѣ реченное" излагаетъ „ясно". Источникъ этотъ обрывается на 1110 г., такъ какъ къ этому году относится самое позднее историческое указаніе въ этой части работы Поликарпа (смерть Пимена). А. А. Шахматовъ, указавъ на это обстоятельство, высказалъ предположеніе, что въ рукахъ Поликарпа былъ трудъ Нестора, доведенный до 1110 г., позднѣе переработанный Сильвестромъ въ 1116 г. [1]). Это дѣлаетъ трудъ Поликарпа, при всей свободѣ его обращаться съ короткими замѣтками памятниковъ, разрастающимися у него въ сказаніи,—чрезвычайно цѣннымъ для опредѣленія хода дальнѣйшаго лѣтописанія въ Печерскомъ мо-

[1]) Шахматовъ, А. Житіе Антонія и Печер. лѣт. (Ж. М. Н. Пр. 1898 г.,

настырѣ послѣ Начальнаго свода 1095 г. и для опредѣленія той редакціи, которой подверглось это лѣтописаніе, изложенное въ Сводѣ Нестора, въ Выдубицкомъ монастырѣ подъ перомъ игумена Сильвестра, взятое изъ Печерскаго монастыря, повидимому, не безъ внѣшняго давленія новаго политическаго владѣльца Кіева—Владиміра Мономаха.

Первый разсказъ въ этомъ рядѣ сказаній Поликарпа посвященъ Никитѣ Затворнику, отъ котораго въ юности его святые отцы печерскіе отогнали бѣса, и который позднѣе поставленъ былъ епископомъ Новгороду (1096 г.). Прельщенный бѣсомъ, Никита пророчествовалъ и, между прочимъ, предсказалъ гибель Глѣба Святославича въ Заволочьи (1078 г.). Какъ читалось объ этомъ „вькратцѣ“ въ трудѣ Нестора, возстановить теперь у насъ нѣтъ данныхъ, возможно только думать, что тамъ были какіе-то опорные для Поликарпа пункты, чтобы развить весь этотъ разсказъ. Въ перечисленіи св. отцевъ, изгнавшихъ бѣса изъ Никиты, Поликарпъ взялъ, видимо, имена всѣхъ иноковъ обители, какія нашелъ у Нестора и какія можно было пріурочить къ описанному событію. Но здѣсь онъ сдѣлалъ одно упоминаніе, которое обнаруживаетъ, что авторъ выходилъ даже и за предѣлы Несторовой работы. На послѣднемъ мѣстѣ стоитъ имя Онисифора-прозорливца [1]). Это, конечно, тотъ Онисифоръ, о которомъ излагалъ сказаніе Симонъ, ссылаясь на преданіе, жившее среди братіи: „Слышахъ вещь предивну отъ блаженныхъ тѣхъ старець: яко рѣша, слышавше отъ самовидець онѣхъ таковаго чудеси бывшаго“ [2]). Симонъ относитъ время жизни Онисифора къ игуменству Пимена, предшественника Ѳеодосія, т.-е. ко второй четверти XII вѣка, что можно видѣть и изъ указанія на передачу разсказа: очевидцы событія передали его другому поколѣнію братіи, отъ котораго слышалъ разсказъ въ молодости Симонъ. Какъ Поликарпъ могъ отнести

[1]) Патерикъ Кіевск. Печер. Монастыря, Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 92.

[2]) Ibidem, стр. 77.

Онисифора ко времени игуменства Никона? Думаю, что здѣсь Поликарпъ сдѣлалъ ту ошибку, которую уже указалъ А. А. Шахматовъ, считая игумена Пимена середины XII в. за Пимена Постника, бывшаго при исцѣленіи Никиты въ числѣ братіи монастыря, что̀ ясно изъ поставленія Поликарпомъ въ перечисленіи св. отцевъ Пимена на третье мѣсто, послѣ игумена Никона и Іоанна, „иже бысть по немь игуменъ“ [1]). Второй разсказъ о Лаврентіи Затворникѣ отнесенъ Поликарпомъ къ тому же времени, что̀ и первый, такъ какъ въ желаніи Лаврентія идти въ затворъ противились „святіи ти отци“. Здѣсь даже нѣтъ возможности указать, какіе опорные пункты для своего разсказа взялъ Поликарпъ въ трудѣ Нестора, кромѣ имени Лаврентія съ прозвищемъ. Возможно, что все это „постигнуто“ Поликарпомъ безъ всякихъ другихъ указаній въ источникѣ. Изъ подробностей разсказа нельзя не остановиться на уходѣ Лаврентія въ Дмитровскій монастырь, отношенія котораго къ Печерскому приняли формы, изображенныя Поликарпомъ, лишь послѣ 1128 г., когда Дмитровскій монастырь Печеряне „переяли“ [2]).

Третій разсказъ Поликарпа возвращаетъ насъ къ Житію Антонія, что̀ видно отчасти изъ указанія самого автора: „Бѣ нѣкто отъ Киева постригшеся, именемь Агапитъ, при блаженнемь отци нашемь Антоніи, иже послѣдъствоваше житію его ангельскому, самовидець бывъ исправленію его“ [3]), отчасти изъ того духа нетерпимости, какимъ проникнуто отношеніе Агапита къ Арменину врачу, что̀ едва-ли похоже на русскую дѣйствительность XI в. Почему Поликарпъ вновь вернулся къ Житію Антонія, кажется, можно догадаться по хронологическому пріуроченію чудесъ Агапита ко времени игумена Ивана, видимо

---

[1]) Шахматовъ. А. Житіе Антонія и Печер. лѣт. (Ж. М. Н. Пр., 1898 г., мартъ, стр. 120).

[2]) Лаврент., 6636 г.

[3]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монаст., Памятники сл.-рус. пись-

не придуманнаго Поликарпомъ. Обращаютъ вниманіе подробности разсказа: объ отказѣ Агапита отъ денегъ, что̀ заставляетъ даже всѣхъ „разумѣть, яко рабъ Божій есть“ [1]) или о томъ, что у Агапита въ келіи „не бѣ ничто же крадомаго“ [2]),—относящіяся ко времени Поликарпа, никакъ не къ XI в., когда еще дѣйствовалъ строго-общежитный уставъ, введенный Ѳеодосіемъ [3]).

Четвертый разсказъ о Григоріи Чудотворцѣ ясно распадается на двѣ части. Вторая разсказываетъ о столкновеніи Ростислава Всеволодовича съ Григоріемъ и о потопленіи Григорія по приказанію этого князя. Здѣсь, несомнѣнно, Поликарпъ имѣетъ какое-то твердое основаніе въ работѣ Нестора, такъ какъ придумать самъ это во всѣхъ подробностяхъ онъ не могъ. Что же касается первой части, гдѣ разсказаны чудеса Григорія съ татями, то она вся едва-ли не придумана Поликарпомъ изъ какого-либо упоминанія Нестора о чудѣ Григорія съ ворами. Здѣсь всѣ подробности не XI вѣка, когда у братьевъ Печерской обители не было собственности, даже книгъ, тѣмъ болѣе „малаго оградца“.

Разсказъ Поликарпа о Прохорѣ-Лебединкѣ имѣлъ основанія въ лѣтописномъ трудѣ Нестора, гдѣ, конечно, говорилось и о столкновеніи Святополка съ игуменомъ Иваномъ, сосланнымъ княземъ въ Туровъ, но возвращеннымъ изъ боязни предъ Владиміромъ Мономахомъ, и о примиреніи Святополка съ оби-

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-русс. письменности, т. II, стр. 93.

[2]) Ibidem.

[3]) Нельзя допустить, что уставъ, введенный Ѳеодосіемъ, уже въ томъ же XI вѣкѣ палъ настолько, что всѣ указанныя черты соотвѣтствовали дѣйствительности. Несторъ въ Житіи Ѳеодосія тогда едва-ли бы сталъ такъ говорить о введеніи Ѳеодосіемъ устава, какъ это онъ дѣлаетъ (§ 66в). Несторъ писалъ Житіе въ игуменство Никона, а мы изъ § 75а и § 76 знаемъ, что послѣ Никона игуменство взялъ Іоаннъ, глава партіи ревнителей строгой жизни и точнаго исполненія завѣтовъ Ѳеодосія и устава. Когда же въ XI в. могло случиться такое забвеніе дѣла Ѳеодосія? Указаніе лѣтописи подъ 1096 г.: „Безбожныѣ... поидоша по кельямъ, высѣкающе двери и изношаху

телью Ѳеодосія, гдѣ какая-то роль отводилась брату Прохору; но относительно голода въ Кіевѣ и раздачи Прохоромъ хлѣбовъ изъ лебеды, чудесно превращавшихся въ сладкій хлѣбъ, можно думать, что все это — „постиганіе умомъ“ Поликарпа (о которомъ онъ говоритъ Акиндину) прозвища Прохора—Лебедникъ. Относительно случая съ солью, подвозъ которой изъ Галича прекратился, что заставило Прохора превращать пепелъ въ соль, чтобы не дать князю и купцамъ притѣснять бѣдняковъ, можно думать, что здѣсь Поликарпомъ перенесена въ прошлое обычная и для его времени картина соляного голода въ Кіевѣ изъ-за недоразумѣній съ Галичемъ.

Разсказъ о Маркѣ Печерникѣ, конечно, имѣлъ основаніемъ упоминанія въ лѣтописи Нестора имени Марка въ разсказѣ объ ископаніи тѣла Ѳеодосія, какъ указано А. А. Шахматовымъ [1]), но подробности взяты Поликарпомъ изъ современной ему дѣйствительности, такъ какъ въ XI вѣкѣ, конечно, за копаніе могилъ для умершаго брата никто не платилъ денегъ [2]) и въ XI вѣкѣ Ѳеофилъ не могъ „раздавъ же все свое, да иже и до срачицы, токмо остави себѣ свиту едину, тако и мантію“... [3]), такъ какъ одежда еще была монастырской, а собственнаго имущества у брата быть не могло.

Въ разсказѣ о Ѳедорѣ и Василіи Поликарпъ взялъ нѣсколько указаній лѣтописи Нестора, гдѣ упоминалось, вѣроятно, „вькратцѣ“ о столкновеніи князя Мстислава Святополковича съ Василіемъ и Ѳедоромъ, кончившемся смертью этихъ братьевъ Печерскаго монастыря, когда Святополкъ былъ въ Туровѣ,—и связалъ столкновеніе это съ сюжетомъ о Варяжской пещерѣ, взятымъ изъ Житія Антонія, при чемъ вложилъ въ уста Ѳедора указаніе на свой источникъ: „въ житіи

---

[1]) Шахматовъ, А. Житіе Антонія и Печерск. лѣт. (Ж. М. Н. Пр., 1898, мартъ, стр. 122).

[2]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон.. Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 110.

св. Антонія,—говоритъ Ѳедоръ — повѣдается, Варяжскій поклажай есть, понеже съсуди Латиньстіи суть. И сего ради Варяжскаа печера зовется и донынѣ"... [1]). Къ этому разсказу легко шелъ конецъ о смерти князя Мстислава „въ Володимери" (1099 г.), какъ наказаніе за столкновеніе съ обителью и убійство иноковъ.

Послѣдній въ этомъ рядѣ сказаній разсказъ Поликарпа о Пименѣ Многострадальномъ имѣлъ опорой запись о немъ „въ лѣтописци" [2]), т.-е. въ трудѣ Нестора гдѣ смерть Пимена связана была съ появленіемъ трехъ огненныхъ столповъ надъ Печерскимъ монастыремъ, такъ какъ въ день этотъ скончались еще два брата обители на далекомъ отъ Печерскаго монастыря сѣверѣ—въ Вятичахъ—Кукша и Никовъ. Почему изъ этихъ трехъ именъ Поликарпъ остановился только на Пименѣ — неясно. Подробности и этого разсказа перенесены въ Житіе Пимена изъ современной Поликарпу дѣйствительности, что̀ видно изъ многихъ противорѣчій уставу XI вѣка, дѣйствовавшему, конечно, и послѣ смерти Ѳеодосія, какъ, напримѣръ, — проживанія въ монастырѣ родителей Пимена и ихъ рабовъ [3]) или постриженія въ схиму только предъ смертью [4]), и постриженія за деньги [5]), тогда какъ по уставу Ѳеодосій всѣхъ братьевъ по испытаніи постригалъ въ схиму и, конечно, даромъ.

Два заключительныхъ сказанія Поликарпа записаны имъ не изъ письменнаго, повидимому, источника. На это нѣтъ никакихъ указаній. Пріуроченіе же подвиговъ Спиридона ко времени игумена Пимена основано, видимо, на мысли Поликарпа, что послѣ игумена Ивана въ Печерской обители Пименъ Постникъ занималъ игуменское кресло [6]), какъ это видно и

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 119.

[2]) Ibidem, стр. 127.

[3]) Ibidem, стр. 126.

[4]) Ibidem, стр. 128.

[5]) Ibidem, стр. 128.

[6]) Шахматовъ, А. Житіе Антонія и Печер. лѣт. (Ж. М. Н. Пр. 1898 г., мартъ, стр. 124).

изъ перваго разсказа Поликарпа о Никитѣ, гдѣ Онисифоръ Прозорливецъ времени Пимена игумена XII вѣка отнесенъ ко времени игумена Никона. Разсказъ объ Алимпіи, конечно, Поликарпъ слышалъ, можетъ быть не во всѣхъ этихъ подробностяхъ, въ Ростовѣ, гдѣ онъ видѣлъ икону работы Алимпія, привезенную сюда изъ Кіева Владиміромъ Мономахомъ, „иже и донынѣ стоитъ, ей же азъ самовидецъ быхъ". Затѣмъ Поликарпъ излагаетъ чудеса, бывшія съ нею въ Ростовѣ на памяти и въ свидѣтельствѣ самого автора. Что касается подробностей этого разсказа, то онѣ носятъ тѣ же слѣды быта обители XIII в., перенесенныя въ XI в.: Алимпій беретъ деньги за иконы и третью часть заработка оставляетъ „на потрѣбу тѣлу своему" и др. Въ началѣ же разсказа Поликарпъ связалъ обученіе Алимпія иконописанію съ приходомъ писцовъ изъ Греціи къ игумену Никону, указаніе на который онъ нашелъ въ Житіи Антонія.

§ 78. Разборъ трудовъ Симона и Поликарпа со стороны опредѣленія источниковъ, откуда почерпнули они содержаніе разсказовъ, нужный намъ для дальнѣйшихъ соображеній по исторіи Печерской обители XI и XII вв., приводитъ къ важнымъ выводамъ и относительно не дошедшаго до насъ Житія Антонія. Но опредѣленіе содержанія этого памятника основывается не только на Печерскомъ Патерикѣ. Какъ уже указывалось выше, составитель Начальнаго свода 1095 г. имѣлъ предъ собою это Житіе Антонія и правилъ по нему нѣкоторыя части лѣтописнаго Свода 1073 г. Наконецъ, общерусскій Сводъ 1423 г. сохранилъ на себѣ слѣды новой переработки въ изложеніи событій начала XI в. по Житію Антонія.

Извлеченіе всѣхъ этихъ отрывковъ Житія Антонія изъ трехъ приведенныхъ источниковъ—Печерскаго Патерика, Начальнаго свода и общерусскаго Свода 1423 г.—сдѣлано А. А. Шахматовымъ [1]), и предлагаемая ниже попытка сведенія добытыхъ

[1]) Шахматовъ, А. А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, гл. XII;

этимъ изслѣдователемъ результатовъ лишь съ незначительными дополнительными замѣчаніями должна занять наше вниманіе, какъ неизбѣжная по самому ходу изложенія.

§ 79. Вѣроятнымъ заглавіемъ недошедшаго памятника нужно считать слова, повторенныя и Симономъ, и Поликарпомъ: „Житіе святаго Антонія, отца нашего, начальника Рускимъ мнихомъ“ [1]).

Житіе, придерживаясь особой хронологіи, относило начало Печерскаго монастыря къ 30-мъ годамъ XI в. Нѣкій мужъ изъ города Любеча, желая поднять на себя подвигъ монашества, отправляется въ благочестивое путешествіе на Аѳонъ. Здѣсь онъ обошелъ монастыри, полюбилъ монашеское житіе и, придя въ одинъ изъ монастырей (названіе котораго было дано въ Житіи), умолилъ игумена возложить на него мнишескій образъ. Игуменъ благословилъ Антонія возвратиться „в Русь опять“ и предрекъ, что отъ него много людей приметъ постриженіе. Когда Антоній вернулся въ Русь, онъ поселяется въ Варяжской пещерѣ. Къ Антонію стала стекаться братія. Такъ пришелъ изъ польскаго плѣна Моисей Угринъ, о которомъ въ Житіи была, какъ знаемъ, большая статья, свидѣтельствующая, что выростаніе монастыря началось по Житію въ 1030—1031 году. Моисей, бывшій чудесно постриженъ еще въ польскомъ плѣну чернецомъ отъ св. Горы, послѣ 10-лѣтняго подвига у Антонія скончался, и отъ тѣла его совершались чудеса (Іоаннъ Затворникъ). Въ числѣ пришельцевъ, получившихъ постриженіе отъ руки Антонія, былъ будущій митрополитъ Иларіонъ, Ѳеодосій, Евстратій, Никонъ и Агапитъ, посрамившій врача-Армянина. Когда братіи собралось достаточно, чтобы вывести изъ пещеры монастырь, Антоній нашелъ помощь у новоприбывшаго въ Кіевъ митрополита-грека Ѳеопемпта: среди пришедшихъ съ послѣднимъ на Русь грековъ Антоній нашелъ грека Михаила, который далъ Антонію запись

[1]) Патерикъ Кіевск. Печерск. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 183 (въ Кассіанов. здѣсь вставка имени Ѳеодосія), стр. 90.

Студійскаго устава, и трехъ пѣвцовъ-грековъ „съ роды своими", которые положили начало правильному церковному пѣнію. Построеніе деревяннаго монастыря и церкви надъ пещерой совершено было игуменомъ (Житіе не назвало его имени), поставленнымъ Антоніемъ, пожелавшимъ уединиться. Передъ уходомъ въ пещеру Антоній напоминаетъ братіи, что на монастырѣ благодать св. Горы. Передъ смертью своей Антоній рѣшилъ приступить къ построенію каменной церкви и переселенію монастыря на гору. Этому помогала небесная помощь свыше. Варягъ Симонъ, который впослѣдствіи съ родомъ своимъ оставилъ латинскую буесть, далъ Антонію золотые вѣнецъ и поясъ съ Распятія, и по этому поясу были сосчитаны размѣры новаго храма, а вѣнецъ повѣшенъ надъ трапезой. Въ это же время пришли четыре мастера-грека, нанятые строить храмъ Печерскаго монастыря самою Богородицею въ Царьградѣ. Богородица подтвердила мѣру церкви, чудесно узнанную Симономъ, прислала чрезъ мастеровъ свою икону (Влахернской Божьей Матери), мощи святыхъ для положенія подъ стѣны новаго храма. Антоній въ молитвѣ дважды просилъ Господа указать мѣсто новому храму: сушей и росой, а въ моментъ закладки низвелъ съ неба огонь. Какъ предрекла Богородица мастерамъ, Антоній скончался послѣ закладки новаго храма, но окончаніе и освященіе его совершилось чудесною помощью Антонія. Въ этой заключительной части Житіе приводило случаи чудесъ Антонія по смерти, какъ необходимое подтвержденіе къ готовящейся канонизаціи. Такъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ своей смерти Антоній нанялъ въ Греціи писцовъ для росписи церкви; невидимо прислалъ въ монастырь каменную трапезу, когда митрополитъ хотѣлъ отложить освященіе изъ-за отсутствія таковой; созвалъ чудесно епископовъ на освященіе церкви отъ имени митрополита, при чемъ исцѣлилъ епископа Антонія отъ недуга.

Время составленія этого Житія падаетъ на время до 1095 г., такъ какъ въ это время былъ составленъ Начальный сводъ,

имѣвшій Житіе въ числѣ своихъ источниковъ. По предположенію А. А. Шахматова, Житіе возникло въ концѣ 80-хъ или самомъ началѣ девяностыхъ годовъ, не раньше 1087 г. [1]). Выше было указано, что Житіе появилось послѣ 1089 г., года освященія каменной церкви въ Печерской обители, о которомъ такъ имѣлся разсказъ. Такая датировка прежде всего даетъ право думать, что Житіе это возникло въ иной средѣ, чѣмъ Печерскій монастырь, откуда незадолго передъ тѣмъ (между 1081—1088 г.) вышло Житіе Ѳеодосія, отводившее Антонію второстепенное мѣсто въ дѣлѣ созданія Печерской обители. Несоотвѣтствіе содержанія Житія Антонія не только съ Житіемъ Ѳеодосія, но и Сводомъ 1073 года подтверждаетъ это предположеніе. Задаваясь мыслью, гдѣ же могло возникнуть это Житіе, останавливаемся на предположеніи, что составлено оно было при митрополичьей каѳедрѣ, не одобрявшей роли и позиціи, занятой Печерскимъ монастыремъ во имя общерусскихъ интересовъ и дѣлъ и въ порицаніе дѣятельности первыхъ митрополитовъ-грековъ на Руси. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно ясно, что Житіе Ѳеодосія подчеркивало насажденіе строго-общиножитнаго монашества на Руси трудами Ѳеодосія, какъ самостоятельную заслугу русскаго монашества внѣ водительства митрополита-грека и будило сознаніе возможности и для русской церкви, имѣющей среди своего монашества столь праведныхъ подвижниковъ, какъ Ѳеодосій, добиваться независимости въ своемъ устроеніи, какъ уже подготовленной и возросшей. Въ этомъ выступленіи монастыря съ вопросомъ о канонизаціи Ѳеодосія для каѳедры было много непріятнаго и опаснаго съ точки зрѣнія византійской политики. Естественно, что каѳедра и вступила въ борьбу. Противъ канонизаціи Ѳеодосія, такъ и непризнанной митрополіей, было выдвинуто предположеніе канонизовать Антонія, какъ истиннаго основателя Печерской обители. Совершенно ясна цѣль этого предложенія.

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 276 и пр. 1.

Русская церковь еще не имѣла своихъ святыхъ (такъ какъ вопросъ о канонизаціи свв. Бориса и Глѣба возбуждалъ скептическое отношеніе митрополита), хотя и страстно этого домогались (вспомнимъ сказанія о Варягахъ-мученикахъ, Житіе Владиміра, Житіе Ольги, имена Даміана, Матвѣя, Іеремія, Исаакія, Житіе Ѳеодосія). Возможно было разсчитывать, что будетъ съ радостью принято предложеніе канонизовать если не Ѳеодосія, не тѣхъ, о коихъ думали и желали, то—Антонія, перваго показавшаго пещерное житіе въ Кіевѣ. Канонизація Антонія какъ бы закрѣпляла признаніе и безспорность его Житія, составленнаго къ этому празднеству, а въ Житіи каѳедра старалась сбить традиціонные пути жизни Печерской обители, по-своему разсказавъ ея прошлое, и тѣмъ предопредѣлить будущее. Смерть Никона, видимо, развязала каѳедрѣ руки. На игуменскомъ креслѣ возсѣлъ въ Печерскомъ монастырѣ Иванъ, сразу же согласившійся идти на уступки: разъединить освященіе церкви отъ канонизаціи Ѳеодосія. Это давало право расчитывать и на большую уступчивость со стороны монастыря—на согласіе канонизовать Антонія и на принятіе его Житія.

§ 80. Понять смыслъ всѣхъ тенденціозныхъ искаженій исторіи Печерской обители въ Житіи Антонія теперь, не имѣя въ наличности даннаго памятника,—не легко, однако, и въ дошедшихъ отрывкахъ и передѣлкахъ его проглядываютъ, безспорно—ясныя мысли. Самая главная изъ нихъ—объявить дѣло созданія и устроенія Печерскаго монастыря — греческою помощью и участіемъ—съ одной стороны, небесною помощью, явленною только чрезъ грековъ,—съ другой. Два мѣста назывались въ Житіи, какъ центры греческой благодати и помощи: Аѳонъ и Константинополь. Антоній отправляется изъ Любеча въ благочестивое путешествіе не въ Болгарію, какъ повѣствовалъ Сводъ 1073 г., а на Аѳонъ. Тамъ онъ смотрѣлъ монастыри, обходилъ ихъ и полюбилъ монашеское житіе. Въ. [illegible] Аѳонскихъ онъ „умоли“ игумена

о постриженіи въ монашество. По сохранившемуся обрывку въ Начальномъ сводѣ 1095 г. (чрезъ Повѣсть вр. лѣтъ) можно думать, что Житіе прямо называло, какой это былъ монастырь: „приде в манастырь ту, и умоли игумена того“ [1]). Антоній принялъ отъ руки игумена этого монастыря и іерейскій санъ, такъ что впослѣдствіи постригалъ всѣхъ приходившихъ въ его пещеру въ Кіевѣ. Игуменъ сказалъ Антонію: „иди в Русь опять, и буди благословенье отъ Святыя Горы и рече ему яко отъ тебе мнози черньці быти имуть“. Антоній сознаетъ, что чрезъ него принесена благодать и благословеніе Аѳона, и молится, вселяясь въ пещеру въ Кіевѣ: „Господи, утверди мя в мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ“. Когда собралась къ Антонію братія, и онъ пожелалъ уйти въ затворъ, то, обращаясь къ братіи, еще разъ передаетъ имъ эту мысль о благодатной связи возникающаго монастыря съ Аѳономъ: „се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имьже мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы“. Эта мысль еще разъ подчеркивалась въ Житіи тамъ, гдѣ объяснялось происхожденіе названія монастыря: „есть же манастырь Печерскый отъ благословенья Святыя Горы пошелъ“. Такъ прежде всего тѣсно связывалось возникновеніе русскаго общежитнаго монашества изъ пещерножитія—съ примѣромъ и благодатью, вывезенною Антоніемъ съ Аѳона. Задаваясь мыслью, почему на Аѳонъ послало Житіе Антонія, думаю, что объясненіе этого нужно искать въ личности составителя Житія, повидимому, бывшаго монахомъ на Аѳонѣ. Какъ понять указаніе на какой-то опредѣленный монастырь, гдѣ получилъ постриженіе Антоній, какъ не желаніемъ бывшаго монаха прославить свою обитель? Къ этому присоединимъ и то наблюденіе, что самая мысль сдѣлать Житіе

[1]) Лаврент., 6559 г.

святого орудіемъ борьбы была извѣстна на Аѳонѣ, откуда могъ заимствовать ее и авторъ нашего Житія, такъ какъ еще въ X в. (около 980 г.) тамъ было составлено Житіе Петра Аѳонскаго, знаменитаго исихаста, не только для прославленія святого, но и для посрамленія и изгнанія съ Аѳона киновіальной жизни, начало которой положилъ здѣсь Аѳанасій въ 964 г., устроеніемъ Лавры для собирающагося въ монахи Н. Фоки [1]). Но не только съ тою цѣлью, чтобы приписать Аѳонской благодати устроеніе самаго святого мѣста на Руси, какимъ представлялся русскому обществу XI в. Печерскій монастырь,— Житіе вело Антонія на Аѳонъ, но и съ цѣлью покрыть Аѳонской благодатью чрезъ посредство Антонія-іерея монашескій санъ митрополита Иларіона, о которомъ, какъ мы знаемъ, можно думать, что духовнымъ саномъ онъ обязанъ представителямъ у насъ на Руси еще остававшейся болгарской іерархіи. По времени это не могло быть, такъ какъ Антоній пришелъ въ Кіевъ уже въ митрополію Иларіона, но Житіе передвигало все событіе въ далекое прошлое, къ 30-мъ годамъ XI в. Это пріуроченіе, конечно, было сдѣлано и съ другою цѣлью,—связать возникновеніе Печерскаго монастыря, т.-е. истиннаго уставнаго монашества, съ моментомъ появленія на Руси греческой іерархіи. Антоній пришелъ на Русь съ Аѳона въ 30—31 году, поселился въ пещерѣ, а когда братія стала пребывать и явилась мысль создать монастырь, среди грековъ, прибывшихъ на Русь въ свитѣ митрополита Ѳеопемпта, можно было найти и монаха Михаила, сообщившаго Антонію Студійскій уставъ, и пѣвцовъ, установившихъ въ монастырѣ правильное пѣснопѣніе. Не даромъ, вѣдь, въ Сводѣ Ѳеопемпта 1039 г., въ картинѣ устроенія церковной жизни Кіевской Руси съ приходомъ митрополита, можно читать: „И при семъ нача вѣра хрьстияньска плодитися и расширяти, и чьрноризьци почаша мъножитися, и манастыреве починаху быти“ [2]). Утвер-

[1]) Востокъ христіанскій. Исторія Аѳона, часть III. Кіевъ. 1871. § 31.

жденіе, что Студійскій уставъ и пѣніе въ монастырѣ установлено отъ греческой митрополіи, разбивало самую главную заслугу помимо содѣйствія каѳедры Печерской обители передъ русскою церковью, такъ тщательно отмѣченную въ Житіи Ѳеодосія. Если Антоній пришелъ въ Кіевъ въ 1030—1031 г., то онъ не могъ поселиться въ пещерѣ Иларіона. Житіе и не называло этой пещеры, поселяя Антонія въ какую-то Варяжскую пещеру. Изъ словъ монаха Ѳедора князю Мстиславу Святополковичу, приводимыхъ Поликарпомъ: „въ житіи святаго Антоніа повѣдается, Варяжскій поклажай есть, понеже съсуди Латиньстіи суть. И сего ради Варяжскаа печера зовется и донынѣ“ [1]), какъ будто можно заключить, что поселеніе Антонія случилось на мѣстѣ когда-то бывшаго здѣсь поселенія католиковъ. Это подтверждается и тѣмъ отношеніемъ Житія къ католикамъ, которое отразилось въ сказаніи Симона о созданіи церкви: „Иже прежде бывъ Варягъ, нынѣ же благодатію Христовою христіанъ... оставивъ латиньскую буесть и истиннѣ вѣровавъ въ Господа нашего Іисуса Христа и со всѣмъ домомъ своимъ, яко до 3.000 душь и со ерѣи своими“ [2])... Житіе, видимо, было не прочь возвеличить греческое православіе за счетъ „латинской буести“, какъ и за счетъ „арменьской вѣры“ [3]).

Съ Аѳона Антоній привезъ благодать и пророческое благословеніе игумена, изъ Константинополя пришло все остальное. Такъ, монахъ Михаилъ, прибывшій въ свитѣ митр. Ѳеопемпта, принесъ изъ Константинополя Студійскій уставъ, пѣвцы—пришли оттуда же, наконецъ, небесная помощь явилась тоже изъ Константинополя: Божья Матерь тамъ явилась мастерамъ,ославъ строить домъ во имя свое на Руси, давъ имъ мощи святыхъ, чтобы положить ихъ подъ стѣны будущаго

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 119.

[2]) Ibidem, стр. 5.

[3]) Ibidem, стр. 93—95.

храма, и свою икону. Изъ Константинополя пришли и писцы, принесшіе мусію. Все это дѣлало Печерскій монастырь не мѣстомъ національнаго сознанія и движенія, а дѣломъ благодатной и чудесной помощи грековъ и черезъ грековъ.

Житіе Антонія являлось не только изложеніемъ житія этого святого, но и патерикомъ Печерскимъ, сообщая о чудесахъ и подвигахъ первыхъ соподвижниковъ Антонія. Здѣсь выдвигались имена, о которыхъ мы или ничего не знаемъ помимо Житія, какъ имена Моисея Угрина и Іоанна Затворника, Агапита, или только то, что имена ихъ были въ „Поминаньи" монастырскомъ, какъ указываетъ еп. Симонъ объ Евстратіи и Никонѣ Сухомъ. Два послѣднихъ имени, можно думать, принадлежали дѣйствительнымъ лицамъ, такъ какъ смерть ихъ связана съ исторіей Половецкихъ набѣговъ, т.-е. событій недавняго прошлаго, и смерть Евстратія даже можетъ быть пріурочена къ опредѣленному году [1]). Относительно же трехъ первыхъ у насъ нѣтъ этой увѣренности. Трудно догадаться, почему Житіе Антонія останавливалось на этихъ именахъ, но можно указать въ разсказѣ о нихъ характерныя черты греческой руки. Какъ извѣстно, Моисей тяжко пострадалъ въ католическомъ польскомъ плѣну, принявъ монашество, также какъ и Антоній, отъ какого-то монаха попина съ Аѳона [2]). Женѣ, искавшей любви его, Моисей отвѣчаетъ съ брезгливостью грека къ католику: „Всуе трудъ твой. Не мни бо мя, яко безумна или не могуща сего дѣла сътворити; но, страха ради Божіа, тебѣ гнушаюся, яко нечистыи" [3]). Евстратію небесный голосъ говоритъ по-гречески, давая въ прозвищѣ какую-то греческую игру словъ; Агапитъ посрамляетъ врача

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 276, пр. 1.

[2]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 104.

[3]) Ibidem., стр. 105. Въ Ѳеодосьевской редакціи: „яко нечистоты". (Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II,

„армѣнина родомъ и вѣрою“ и гонитъ его изъ своей келіи: „Изыди отъ мене, иновѣрне и нечестиве!“, и затѣмъ Армянинъ, оставивъ „арменьскую вѣру“, „истинно вѣровалъ въ Господа Іисуса Христа“.

Заключительная часть „Житія Антонія“, какъ уже указывалось выше, излагала чудеса преподобнаго по смерти, какъ основанія къ его прославленію. Въ чудесахъ этихъ нельзя не видѣть попытки покрыть легендарною завѣсой, повидимому, случаи столкновенія монастыря съ каѳедрой, очевидно, памятные въ Кіевѣ и по своей близости къ моменту составленія памятника, и по степени своей остроты. Какъ уже извѣстно, каменная церковь, заложенная при Ѳеодосіи и оконченная въ 1075 г. въ игуменство Стефана, стояла неосвященной до 1089 г. Мы догадывались, что освященіе стало возможнымъ благодаря уступчивости новаго игумена Ивана, согласившагося разъединить освященіе церкви отъ прославленія Ѳеодосія, на чемъ, повидимому, настаивалъ монастырь въ игуменство Стефана и Никона. Житіе Антонія, повидимому, имѣло цѣлью объяснить продолжительность стоянія церкви неосвященною необходимостью ея внутренняго украшенія, на что наводитъ мысль разсказъ о пришествіи писцовъ изъ Константинополя, нанятыхъ тамъ самимъ Антоніемъ чрезъ 10 лѣтъ по своей смерти, т.-е. въ 1082 г., хотя правдоподобнѣе думать, что мысль о мозаическихъ украшеніяхъ храма могла явиться у Никона въ виду безнадежности ожидать близкаго освященія. Два послѣднихъ чуда, бывшихъ по Житію при освященіи храма въ 1089 г., открываютъ предъ нами обстановку этого событія. Когда послѣдовало согласіе митрополита на освященіе церкви, игуменъ и братія желали пріурочить это событіе къ престольному празднику монастыря такъ, чтобы 15 августа могла быть совершена служба въ новой церкви. Митрополитъ же, видимо, не желалъ такого пріуроченія, какъ не желалъ дѣлать изъ освященія церкви великое церковное торжество. Такъ было выставлено имъ требованіе соорудить въ

новой церкви непремѣнно каменную трапезу, что̀ должно было отодвинуть освященіе на неопредѣленное время. Но игуменъ и братія нашли возможность выполнить за нѣсколько оставшихся дней это требованіе, и митрополитъ поневолѣ „повелѣ быти священію вечерніи“ 13 августа. На слѣдующій день должно было состояться освященіе церкви, и митрополитъ не только не поспѣшилъ созвать епископовъ на это служеніе, но былъ чрезвычайно удивленъ, когда епископы, незванные имъ, сошлись на литургію, ссылаясь на какого-то вѣстника, пригласившаго ихъ отъ имени митрополита. Попытка митрополита „изыскати такыхъ человѣкъ, кто суть звавшеи тѣхъ“ была остановлена лишь чудеснымъ образомъ [1]). Имѣемъ право рисовать себѣ картину столкновенія митрополита съ монастыремъ, гдѣ епископы оказались не на сторонѣ митрополита. Житіе сообщало обо всемъ этомъ такъ, что удареніе падало не на препятствія со стороны митрополита, а на чудеса, бывшія при этомъ. Братія сама желала имѣть каменную трапезу, но не нашла ни одного мастера. Тогда положили деревянную трапезу, а митрополитъ „не въсхотѣ дрѣвянѣй трапезѣ быти въ таковѣй велицѣ церкви“. Чудесно явилась къ 13 августа каменная трапеза, такъ что никто не зналъ, кто ее принесъ и откуда. Когда на слѣдующій день сошлись епископы, митрополитъ удивился: „что ради приидосте, не звани бывше?“ Когда епископы сказали ему, что ихъ звалъ посланецъ отъ его имени, „святитель же хотѣ изыскати такыхъ человѣкъ“. Тутъ послѣдовалъ „гласъ“, и митрополитъ понялъ о чудѣ. „И вси въ ужасти быша отъ великихъ чудесъ“ [2]).

Такъ каѳедра пыталась чрезъ составленіе „Житія Антонія“ и канонизацію этого начальника русскимъ инокомъ смирить Печерскій монастырь и его національный характеръ, подвести подъ руку митрополита, закрывъ густымъ покрыва-

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники сл.-рус. письменности, т. II, стр. 10—11.

ломъ легендъ и присочиненій все досадное и острое въ прошлой жизни обители съ точки зрѣнія каѳедры.

§ 81. Едва-ли требуетъ поясненія то обстоятельство, что эта попытка каѳедры встрѣтила живой отпоръ со стороны монастыря, вѣроятно поддержанный и общественнымъ сочувствіемъ. Канонизаціи Антонія не послѣдовало, а Житіе его, не встрѣтивъ признанія, скоро затерялось и забылось, такъ что въ началѣ XIII вѣка экземпляръ, попавшій въ руки епископа Симона, вызвалъ послѣдняго къ большой литературной работѣ его передѣлки, продолженной потомъ Поликарпомъ. Житіе забылось, какъ цѣлый памятникъ, но остались жить въ лѣтописи тѣ заимствованія изъ него, какія были сдѣланы въ 1095 году авторомъ Начальнаго Свода.

§ 82. Другой памятникъ, появившійся, какъ кажется, позднѣе Житія Антонія и имѣвшій цѣлью ликвидировать поднятый Печерскимъ монастыремъ вопросъ о канонизаціи св. Владиміра—съ одной стороны, весь болгарскій періодъ исторіи русской церковной іерархіи,—съ другой,—возстановленъ, какъ уже и указывалось, А. А. Шахматовымъ подъ именемъ Корсунской легенды.

Содержаніе этого произведенія рѣзко расходилось съ тѣмъ изложеніемъ о великомъ событіи крещенія Руси, которое читалось, со всѣми умолчаніями, въ Сводѣ митрополита Ѳеопемпта 1039 года.

Въ началѣ легенды разсказывалось объ идолопоклонствѣ князя Владиміра и тѣхъ кровавыхъ требахъ, которыми онъ осквернилъ русскую землю [1]), о блудной жизни его до крещенія, при чемъ приводилось извѣстное теперь по лѣтописи перечисленіе женъ и наложницъ князя. Не довольствуясь,—разсказывалось далѣе,—всѣмъ этимъ, Владиміръ послалъ своего воеводу Олега къ Корсунскому князю „прошати за себе дъщере его". Когда князь Корсунскій отклонилъ эту просьбу подъ

[1]) Шахматовъ, А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, § 96.

предлогомъ „поганства“ жениха, Владиміръ пошелъ на Корсунь войной. Взять Корсунь удалось благодаря измѣнѣ Ждьберна, варяга родомъ, пустившаго въ станъ Владиміра стрѣлу съ совѣтомъ, написаннымъ на ней, перехватить Корсунь и съ суши. Владиміръ безчеститъ дочь Корсунскаго князя въ присутствіи ея отца и матери, которыхъ „по трьхъ дьньхъ“ предаетъ смерти, а дочь выдаетъ за Ждьберна, поставивъ его намѣстникомъ Корсуня. По взятіи Корсуня, Владиміръ черезъ воеводу Олега и Ждьберна сватается къ сестрѣ Византійскихъ императоровъ Константина и Василія—Аннѣ, грозя, въ случаѣ отказа, Константинополю судьбою Корсуня. Императоры, послѣ совѣщанія съ соборомъ духовенства, согласились принять предложеніе Владиміра подъ условіемъ его крещенія. Тогда Владиміръ отправляетъ мужей своихъ „по вьсѣмъ языкомъ, испытая законъ ихъ, како вѣруютъ“. По возвращеніи пословъ и ихъ одобрительномъ отзывѣ о цареградскомъ богослуженіи, Владиміръ избираетъ греческую вѣру „свѣтьлоу и православноу“ и извѣщаетъ царей о своемъ желаніи креститься. Цари уговариваютъ сестру ѣхать въ Корсунь къ сѣверному жениху. Когда Анна прибыла въ Корсунь, Владиміръ раздумалъ принять крещеніе, но наказанъ былъ за то слѣпотою. По совѣту Анны онъ спѣшитъ съ крещеньемъ въ расчетѣ чрезъ то возвратить зрѣніе, что̀ и случилось. Это чудо увлекло многихъ вельможъ Владиміра на крещенье. Когда состоялся бракъ Владиміра съ Анной, цари съ патріархомъ Фотіемъ прислали Владиміру дары многи, мощи святыхъ и „даша емоу митрополита Михаила“. Владиміръ, вернувъ царямъ Корсунь „за вѣно царицѣ дѣля“, съ женою, митрополитомъ Михаиломъ, епископомъ Анастасомъ, съ Корсунскими попами и дьяконами и всемъ причтомъ церковнымъ—отправляется въ Кіевъ, взявъ церковные сосуды, мощи свв. Климента и Фива, иконы, книги, „мѣдянѣ дъвѣ капищи и 4 конѣ мѣдяны“. Вернувшись въ Кіевъ, Владиміръ сокрушаетъ идоловъ и зоветъ всѣхъ креститься. По крещеніи

и селамъ. Затѣмъ Владиміръ приступилъ къ построенію Десятинной церкви „по благословенію митрополита“ и по окончаніи ея „поручи ю епископу Анастасоу Корсоунянинoу и попы Корсоуньскыя пристави слоужити въ ней, въдавъ тоу вьсе, еже бѣ възялъ въ Корсоуни“... Помолившись въ новой церкви, князь даетъ ей десятину и устраиваетъ праздникъ, установленный и на будущее время. Затѣмъ въ легендѣ разсказывалось о милостыни Владиміра по крещеніи, его кончинѣ, и заключалось все краткой похвалой.

§ 83. Если сопоставить приведенное изложеніе событія принятія христіанства Владиміромъ съ тѣмъ, которое читалось въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г.,—будетъ ясно, что новый разсказъ не имѣлъ цѣли возвеличенія виновника событія. Въ Древнѣйшемъ сводѣ 1039 г. избраніе вѣры являлось дѣломъ личной убѣжденности князя послѣ длинной рѣчи греческаго философа, здѣсь же—лишь незначительнымъ эпизодомъ въ длинномъ рядѣ добыванія невѣстъ. Очень ярко въ легендѣ встаетъ фигура князя „побѣженаго похотью женьскою“, князя „несытаго блуда“, сквернящаго землю русскую даже кровавыми требами. Правда, все это до крещенія, но, вѣдь, и самое крещеніе принято княземъ лишь съ тою цѣлью, чтобы привести къ себѣ царевну Анну. Никакой убѣжденности въ истинности новой вѣры у князя не было. Онъ хотѣлъ обмануть и Анну, и ея братьевъ—и не принять крещенія. Только небесное вмѣшательство заставило князя смириться, а чудо возвращенія зрѣнія—принять и увѣровать въ новую вѣру. Самъ собою послѣ этого долженъ былъ отпасть вопросъ о возможности канонизаціи Владиміра. Да, онъ крестился и землю крестилъ, но его ли въ томъ заслуга? Корсунская легенда очень искусно воспользовалась здѣсь тѣмъ мотивомъ о добываніи молодцомъ дѣвицы посредствомъ осады чужеземнаго города, который былъ разработанъ въ дружинныхъ кругахъ Кіева и говорилъ больше сердцу княжескаго дружинника, чѣмъ тонко-задуманное и безсодержательное изложеніе Древнѣйшаго свода 1039 г. Образъ

былиннаго Владиміра цѣликомъ вошелъ въ Корсунскую легенду, не вызывая протеста своею неправдоподобностью, такъ какъ былина эта была живымъ достояніемъ общества.

Но не только въ этомъ была цѣль составленія Корсунской легенды. Переводя крещеніе Владиміра изъ Кіева въ Корсунь, она устанавливала прямую іерархическую нить отъ русской церкви къ Константинопольскому патріархату, соединяя съ большою естественностью личное крещеніе князя съ установленіемъ церкви отъ руки имперіи Новаго Рима. Князь Владиміръ, по крещеніи, получаетъ и руку греческой царевны и митрополита Михаила. На Руси, такимъ образомъ, сразу установилась греческая митрополія. Не касаясь подробностей важности такого истолкованія прошлаго русской церкви съ точки зрѣнія византійской политики, обратимъ вниманіе на видное мѣсто, которое отведено въ легендѣ построенію Десятинной церкви и установленію десятины. Какъ уже указывалось ранѣе, при установленіи на Руси греческой митрополіи въ 1037—1039 гг., Ярославъ воздвигаетъ новый соборъ—св. Софью, какъ главный храмъ митрополіи и резиденцію митрополита. Десятинная церковь, игравшая ту же роль во времена Охридской іерархіи, уходитъ въ тѣнь передъ новымъ соборомъ. Но полной ликвидаціи ея быть не могло, потому что сборъ десятины, повидимому, продолжалъ производиться по той же грамотѣ времени Владиміра, что̀ лежала въ Десятинной церкви. Отсюда становится понятной попытка, вышедшая изъ среды духовенства этой церкви, связать возникновеніе послѣдней и грамоты, въ ней хранящейся, съ греческою митрополіею въ Кіевѣ, чему не могла не покровительствовать каѳедра, для которой прошлое Десятинной церкви съ ея существенною для грековъ десятиной—всегда оставалось живымъ намекомъ на обидное прошлое, неподдающимся уничтоженію.

§ 84. Авторомъ этого памятника былъ, конечно, грекъ-корсунянинъ, которымъ пополнялись ряды митрополичьихъ кли-

Десятинной церкви, гдѣ составъ духовенства, вѣроятно, съ первыхъ же годовъ пополнялся изъ корсунскихъ выходцевъ и гдѣ во главѣ всталъ епископъ Анастасъ-корсунянинъ, какъ въ Новгородѣ—Іоакимъ [1]). Въ Десятинной церкви, конечно, хранились записи епископскихъ и другихъ іерархическихъ именъ, служившихъ при данной церкви, и здѣсь авторъ легенды могъ найти имя и санъ Анастаса, о которомъ Древнѣйшій сводъ 1039 г. говорилъ, какъ объ измѣнникѣ, вѣроятно, не называя его сана. Передавъ роль измѣнника былинному Ждьберну и, такимъ образомъ, реабилитировавъ Анастаса, авторъ могъ спокойно сообщить и его духовный санъ. Эта подробность наводитъ на мысль, что имя Анастаса упоминалось въ грамотѣ, данной Владиміромъ Десятинной церкви, и опустить имя Анастаса—не представлялось автору Корсунской легенды возможнымъ. Вотъ почему возникло то противорѣчіе легенды, что въ Кіевѣ при Владимірѣ живетъ митрополитъ Михаилъ и еп. Анастасъ. Вопросъ, откуда взято авторомъ имя перваго русскаго митрополита,—можно считать достаточно выясненнымъ, чтобы здѣсь останавливаться [2]).

Время составленія Корсунской легенды опредѣлить можно, какъ послѣднюю четверть XI в. [3]), т.-е. по времени памятникъ близокъ къ Житію Антонія, составленному, какъ уже указывалось, послѣ 1089 г. и, вѣроятно, послѣ смерти митр. Іоанна, поступки котораго здѣсь истолковывались, что̀ наводитъ на мысль объ отшествіи митрополита къ Господу. И то, и другое произведеніе, какъ видѣли, служили интересамъ грековъ, точнѣе каѳедры, и боролись съ русскими интересами и стремленіями.

---

[1]) Шахматовъ, А. Корсунская легенда (Сбор. ст. въ честь В. И. Ламанскаго, стр. 1088 и 1136).

[2]) Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви, т. I², над. 2, стр. 276—281; Шахматовъ, А. А. Корсунская легенда (Сбор. ст. въ честь В. И. Ламанскаго, стр. 1097—1101).

[3]) Шахматовъ, А. А. Разысканія о др.-рус. лѣт. сводахъ, стр. 134.

Но составленіе ихъ было, очевидно, разновременно, и вотъ на какомъ основаніи. Житіе Антонія старалось отодвинуть возникновеніе Печерской обители ко времени митрополита Ѳеопемпта, т.-е. составитель Житія еще стоялъ на дѣйствительной исторической почвѣ по крайней мѣрѣ въ вопросѣ установленія въ Кіевѣ церковной іерархіи, желая, подобно Древнѣйшему своду 1039 года, представить расцвѣтъ Печерскаго монастыря, какъ и всѣхъ сторонъ русской церкви—отъ установленія въ Кіевѣ греческой митрополіи. Корсунская же легенда задавалась цѣлью изобразить, что на Русь выпало счастье сразу же по крещеніи войти въ составъ греческой церкви, и называла даже имя перваго митрополита-грека. Естественно думать, что Корсунская легенда по времени позднѣе Житія Антонія, такъ какъ при наличности легенды автору Житія едва-ли была нужда возвеличивать время митрополита Ѳеопемпта, который согласно мысли легенды былъ лишь однимъ изъ ряда митрополитовъ-грековъ, начатыхъ митрополитомъ Михаиломъ времени князя Владиміра. Итакъ, есть основаніе думать, что Корсунскую легенду нужно отодвинуть за Житіе, которое появилось послѣ 1089 года, т.-е. къ 1090—1095 годамъ.

§ 85. Уже указывалось выше, что заслуга митрополита Іоанна Продрома предъ Имперіей заключалась въ томъ, что онъ сумѣлъ создать штатъ клириковъ, среди которыхъ и послѣ смерти Іоанна, несмотря на слабость новаго митрополита, явилась возможность появленія только-что указанныхъ литературныхъ произведеній. Составленіе ихъ было, конечно, не безъ расчета на принятіе княземъ Всеволодомъ, такъ долго дружившимъ съ митрополитомъ и такъ преданнымъ интересамъ греческой митрополіи. Понятно, что и Печерская обитель обращалась къ тому же князю, протестуя противъ тенденціознаго искаженія прошлаго монастыря и русской церкви въ этихъ произведеніяхъ. Какую же позицію занялъ князь Всеволодъ?

Нужно обратиться къ надгробному слову, посвященному ему въ Начальномъ сводѣ 1095 г., чтобы тамъ найти отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что смерть князя Всеволода близка къ указаннымъ событіямъ. Слово это носитъ въ дошедшемъ до насъ видѣ слѣды переработки, но та часть его, гдѣ говорится о нравственной чистотѣ Всеволода,—близка именно духу и взглядамъ игумена Ивана. Къ его же авторству можно отнести и картину широкаго недовольства, возбужденнаго управленіемъ Всеволода въ Кіевскомъ обществѣ и „первой дружинѣ“, такъ какъ впослѣдствіи работа игумена Ивана, продолженная Несторомъ, правилась игуменомъ Всеволодова монастыря, который не внесъ бы этихъ подробностей. Вотъ, что писалъ авторъ Начальнаго свода 1095 г. о роли Всеволода въ этомъ недовольствѣ общества: „нача (князь) любите смыслъ оуныхъ и свѣтъ творяше с ними. Си же начаша і заводитя и негодовати дружины своея первыя“. Князю „оу сихъ же печали въсташа и недузи ему і приспѣваше к нимъ старость“. Тіуны грабили людей, а Всеволодъ не зналъ того за своими болѣзнями. Здѣсь нельзя не видѣть старанія, изобразивъ нравственную чистоту личной жизни князя, переложить на старость и „оуныхъ“ дружинниковъ неудачи истекшаго правленія. Такое расположеніе автора Начальнаго свода 1095 г. къ князю даетъ право думать, что послѣдніе годы жизни Всеволода сблизили его съ Печерской обителью, забывшей за то князю его греческія симпатіи прежняго времени и готовой оправдать князя и въ неудачѣ всего управленія.

Дѣйствительно, имѣемъ данныя говорить о переломѣ церковной политики Всеволода въ послѣдніе годы его жизни. Разумѣемъ событіе перенесенія мощей Ѳеодосія въ каменную церковь въ 1091 г. Разсказъ этотъ, повидимому, былъ включенъ въ составъ Начальнаго свода позднѣе его составленія, что̀ видно изъ перваго лица, въ которомъ ведется изложеніе, и второстепенной роли игумена Ивана, даже не названнаго

по имени. Вполнѣ возможно, что въ 1095 г. авторъ Начальнаго свода имѣлъ основанія обойти молчаніемъ это событіе, что̀ видно будетъ изъ изложенія первыхъ лѣтъ княженія Святополка, враждебно отнесшагося къ Печерскому монастырю и „первой дружинѣ", съ которыми Всеволодъ успѣлъ помириться до смерти. Допустима догадка, что разсказъ о перенесеніи мощей былъ внесенъ позднѣе, въ работѣ Нестора, когда Печерская обитель оплакивала смерть Святополка, измѣнившагося къ монастырю и даже добившагося канонизаціи Ѳеодосія, что̀ дѣлало возможность разсказать о замышленной канонизаціи этой еще при Всеволодѣ—вполнѣ свободной.

Разсказъ о перенесеніи мощей Ѳеодосія въ 1091 году чрезвычайно цѣненъ для выясненія роли Всеволода въ поднятыхъ Житіемъ Антонія и Корсунской легендой волненіяхъ Кіевскаго общества. Братія, говоритъ разсказъ, на совѣтѣ съ игуменомъ рѣшила перенести мощи Ѳеодосія въ каменную церковь. Зачѣмъ же? Мотивы, приведенные авторомъ, не кажутся убѣдительными: не хорошо лежать основателю церкви и устроителю монастыря — внѣ церкви. Если только эти соображенія руководили братіей, то почему было ей не сдѣлать этого раньше? Конечно, тутъ было все то же, старое желаніе прославленія Ѳеодосія и необходимость имѣть постоянныя чудеса отъ тѣла преподобнаго. Поэтому-то каѳедра и противилась перенесенію. Но теперь, очевидно, явилась возможность. Каѳедра пустовала за смертью Іоанна-Скопца, а всѣ епископы, видимо, собравшіеся въ Кіевѣ на погребеніе митрополита,— были на сторонѣ прославленія Ѳеодосія. Братія не скрывала дѣла перенесенія мощей, такъ епископъ Стефанъ былъ извѣщенъ „прежде днемь единѣмь". Рѣшившись на это перенесеніе въ каменную церковь безъ митрополичьяго благословенія, игуменъ съ великой тайной производитъ поиски мощей, но, убѣдившись въ ихъ цѣлости, устраиваетъ церковное національное торжество. Собираются епископы: Ефремъ Переяславскій,

скій и Антоній Пороссκій [1]), всѣ игумены отъ всѣхъ монастырей и „людье благовѣрнии". „I праздноваша свѣтло въ тъ день". Терминъ „людье благовѣрнии" закрываетъ отъ насъ, кто именно участвовалъ отъ мірянъ и были ли члены княжой семьи и ихъ дружинники. Но, конечно, нельзя допустить, чтобы князь не зналъ объ этомъ событіи и не далъ своего на него согласія, такъ какъ иначе необъяснимо участіе здѣсь епископовъ, почти всѣ каѳедры которыхъ того времени находились въ политическомъ обладаніи Всеволода.

Однако канонизаціи Ѳеодосія не послѣдовало, когда прибылъ новый митрополитъ. Но это было время первыхъ лѣтъ Святополкова княженія, такъ что нѣтъ основанія отрицать подобныхъ мыслей у Всеволода, очевидно, разрѣшившаго устроеніе перенесенія мощей и церковнаго по этому поводу торжества въ присутствіи епископовъ почти всѣхъ епархій, въ надеждѣ при новомъ митрополитѣ добиться и канонизаціи. Характерно сочувствіе епископовъ политикѣ Печерской обители. Дѣло Никона приносило свои плоды, и каѳедры, почти цѣликомъ, занимаютъ постриженники его монастыря: въ Новгородѣ—Германъ, въ Юрьевѣ—Маринъ, во Владимірѣ—Стефанъ, въ Переяславлѣ—Ефремъ, въ Тмуторокани—Николай и въ Ростовѣ—Исаія. Мы не знаемъ, откуда взяты на каѳедру Антоній Пороссκій и Иванъ Черниговскій, но ихъ участіе въ прославленіи мощей Ѳеодосія указываетъ на ихъ сочувствіе этому русскому дѣлу.

Итакъ, въ послѣдніе годы жизни Всеволода намѣчается возможность подвинуть дѣло канонизаціи Ѳеодосія, и наличность Житія Антонія этому не вредитъ. Въ Кіевѣ нѣтъ митрополита, и въ ожиданіи его прибытія дѣлаются приготовленія, неоставляющія сомнѣнія въ убѣжденности и князя, и епископовъ въ согласіи будущаго митрополита на канонизацію новаго святого. Но смерть Всеволода и вступленіе Святополка измѣняютъ дѣло.

[1]) Софійск. 1-ая, 6599 г.

§ 86. Только этою склонностью Всеволода къ направленію дѣла русской церкви въ указаніяхъ Печерской обители можно понять погребеніе его въ Софійскомъ соборѣ рядомъ съ отцомъ Ярославомъ. На этомъ фактѣ нужно остановиться. Какъ извѣстно, мѣстомъ погребенія большинства князей была Десятинная церковь, хотя князья и строятъ свои монастыри. Ярославъ былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ, какъ его строитель. Почему же тамъ погребенъ и Всеволодъ? Изъ того мѣста надгробнаго слова Всеволоду въ лѣтописи, гдѣ объясняется причина этого событія, прежде всего ясна необычность самаго обстоятельства, потребовавшаго объясненія. Но объясненіе автора нельзя признать удовлетворительнымъ. Ярославъ предъ смертью, хваля Всеволода за кротость и воздержаніе, не могъ предвидѣть всѣхъ сложныхъ событій, приведшихъ Всеволода на Кіевскій столъ, и потому не могъ обѣщать ему, конечно, мѣста погребенія въ Софійскомъ соборѣ. Да и слова: „аще ти Богъ подасть приняти власть стола моего по братьи своеи с правдою а съ ненасильемь, то.... ту ляжеши, идѣже азъ, оу гроба моего", какъ условное предложеніе, допускаютъ мысль объ оцѣнкѣ добыванья Всеволодомъ стола Кіевскаго не со стороны Ярослава. Итакъ, погребеніе Всеволода не въ Выдубицкомъ монастырѣ и даже не въ Десятинной церкви было дѣломъ необычнымъ. Прв отсутствіи въ Кіевѣ митрополита разрѣшеніе на это дѣло могло послѣдовать со стороны епископовъ и поддержано сочувствіемъ Печерской обители и тѣми кругами Кіевскаго общества, которые были близки къ послѣдней. Въ этомъ ярко выразилось искусство почившаго князя привлечь къ себѣ сочувствіе церковныхъ русскихъ круговъ, не отталкивая совершенно и прежнихъ друзей греческой митрополіи. Безъ этого невозможно понять появленія Житія Антонія и Корсунской легенды, расчитывавшихъ на признаніе ихъ Всеволодомъ. Умѣя ладить и съ той и съ другой стороною, Всеволодъ получаетъ торжественное погребеніе въ св. Софіи, про-

полита, тѣмъ болѣе что Всеволодъ имѣлъ предъ Византіей не мало важныхъ заслугъ,—съ одной стороны, на чемъ настаивали дружные Всеволодову дому епископы, Печерская обитель и „первая дружина“,—съ другой.

Глава VI.

§ 87. Послѣ смерти Кіевскаго митрополита Іоанна II—Скопца (1091 г.) митрополичья каѳедра, видимо, долгое время вдовѣла. Только къ 1096 г. можно отнести прибытіе въ Кіевъ новаго митрополита Николая, такъ какъ въ этомъ году былъ поставленъ въ Новгородъ епископъ Никита [1]) на мѣсто скончавшагося епископа Германа. Это прибытіе митрополита Николая, нужно думать, случилось ближе къ концу 1096 г., потому что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ митрополита еще не было, что̀ видно изъ обращенія Святополка и Владиміра къ Олегу: „поиди Кыеву, ать рядъ учинимъ о Рускои земьлѣ предъ епископы, игумены и предъ мужи отець нашихъ и передъ горожаны“ и изъ отвѣта имъ Олега: „нѣсть лѣпо судити епископомъ и черньцемъ или смердомъ“ [2]). Обращеніе Святополка и Владиміра къ Олегу не могло относиться къ болѣе раннему времени, потому что походъ ихъ, предпринятый на Олега послѣ приведеннаго отвѣта, засталъ, видимо, послѣдняго врасплохъ, такъ что онъ вынужденъ былъ покинуть Черниговъ (3 мая). Едва-ли прибытіе митрополита могло случиться и въ ближайшее къ этому походу время, такъ какъ не спокойно было въ степяхъ, что̀ вылилось въ страшныя на-

---

паденія Половцевъ подъ предводительствомъ Боняка и Тугоркана (іюнь—іюль 1096 г.).

Почему въ теченіе пяти лѣтъ (1091—1096 г.г.) каѳедра Кіевской митрополіи оставалась незамѣщенною, можно понять изъ обстановки жизни Имперіи за эти годы: ужасающія событія 1091 г., когда Имперія находилась на краю гибели, потомъ замутившіяся отношенія на сѣверѣ, съ Половцами, съ помощью которыхъ „Девгеневичъ" добывалъ себѣ „Греческую землю".

§ 88. Ко времени прибытія на Кіевскую каѳедру новаго митрополита обстоятельства церковно-общественной жизни Кіева сильно измѣнились сравнительно съ послѣдними годами жизни князя Всеволода. Перемѣну принесъ съ собою новый политическій владѣлецъ Кіева—князь Святополкъ Изяславичъ.

Къ моменту смерти Всеволода Ярославича въ его рукахъ были громадныя земельныя владѣнія, за исключеніемъ Турова, Волыни, Галича, Полоцка и далекихъ окраинъ — Мурома и Тмутороканя. Несмотря на эту земельную силу и на то сочувствіе „первой дружины" и церковныхъ круговъ Кіева, которое сумѣлъ искусно вызвать къ себѣ Всеволодъ, подготовляя, видимо, въ самые послѣдніе годы своей жизни возможность передачи Кіевскаго стола сыну Владиміру, послѣднему пришлось отказаться отъ мысли удержать за собою Кіевъ и уступить его Святополку, такъ было непопулярно долгое правленіе Всеволода въ широкихъ Кіевскихъ кругахъ. Образъ Святополка затемняется передъ нами тѣмъ обстоятельствомъ, что Кіевское лѣтописаніе по смерти этого князя подпало подъ сильное вліяніе дома Всеволода, съ которымъ—въ лицѣ самого Мономаха—боролся Святополкъ. Но и за этимъ облакомъ умышленнаго искаженія жизни и дѣятельности Святополка можно разглядѣть если не живую личность, то живую и геніально-ловкую политику этого князя, сумѣвшаго достигнуть многаго при всемъ неблагопріятномъ ему раскладѣ обстоятельствъ той поры. Нужно согласиться съ А. Е. Пресняко-

вымъ, что задачей жизни Святополкъ ставитъ себѣ возстановленіе „отчины Изяславлей", т.-е. господство на западъ отъ Днѣпра и въ Новгородѣ, которое было намѣчено для Кіевскаго князя Изяславомъ Ярославичемъ" [1]). Это заданіе вело Святополка къ столкновенію съ Мономахомъ, и нельзя не удивляться искусству Кіевскаго князя, заставлявшему своего соперника, крупнѣйшаго политическаго владѣльца Руси, часто ходить въ своей рукѣ. Не касаясь подробностей стремленій Святополка на западъ и Новгородъ, мы остановимся лишь на интересующей насъ темѣ — церковныхъ событіяхъ той поры.

Очевидное сочувствіе „первой дружины" епископовъ и Кіево-Печерскаго монастыря къ дому Всеволода, въ связи съ измѣненіемъ церковной политики этого князя въ самые послѣдніе годы его княженія, ярко выразившееся въ фактѣ погребенія Всеволода въ св. Софіи во время отсутствія въ Кіевѣ митрополита, какъ и въ погребеніи тамъ же скоро послѣдовавшаго за отцомъ Ростислава Всеволодовича [2]), несмотря на столкновеніе этого князя съ Печерской обителью, монаха которой Григорія утопили по приказанію Ростислава [3]), о чемъ сообщалось въ лѣтописномъ Сводѣ 1110 г. Нестора, судя по передѣлкѣ этого сообщенія Поликарпомъ въ Печерскомъ Патерикѣ, — это сочувствіе Кіевскихъ руководящихъ круговъ, особенно понятное при сопоставленіи съ извѣстіемъ о погребеніи племянника Святополка—Ростислава Мстиславича, скончавшагося въ одинъ годъ съ Ростиславомъ Всеволодовичемъ (1093 г.)—въ Десятинной церкви [4]), т.-е. общекняжеской усыпальницѣ,—заставило Святополка насторожиться. Естественно, князь опирается въ управленіи на свою Туровскую дружину, недовѣряя и отстраняя старую Кіев-

[1]) Пресняковъ, А. Е. Княжое право въ древней Руси, стр. 61.

[2]) Ипатьев., 6601 г.

[3]) Сочувствіе епископскихъ круговъ дому Всеволода дало Ростиславу погребеніе въ св. Софіи, но столкновеніе его съ Печерской обителью

скую, что̀ вызываетъ среди послѣдней ропотъ и недовольство, дошедшіе до насъ въ лѣтописаніи. Ропотъ выливается въ критику всего управленія Святополка, разорительнаго для подданныхъ будто-бы въ угоду алчной дружины князя. И рядъ извѣстій подчеркнуто говоритъ о жадности и самого Святополка и его Туровской дружины. Появившійся въ самомъ началѣ княженія Святополка лѣтописный Сводъ, трудъ игумена Кіево-Печерскаго монастыря Ивана (такъ называемый Начальный сводъ 1095 г.), въ предисловіи и послѣсловіи старался перенести на голову Святополка даже вину Половецкихъ нападеній 1093 года. Лѣтописецъ звалъ современниковъ вчитаться въ исторію прошлаго Кіевской Руси, вглядѣться въ образы древнихъ князей и ихъ дружины, „како обараху Русьскыя земля и иныя страны приимаху подъ ся“. Тѣ князья не собирали многаго имѣнія, не налагали на людей виръ и продажъ, а кормили дружину свою, воюя другія страны. И дружина ихъ „не жадааху, глаголюще: „мало ми есть, къняже, дъвусѣтъ гривьнъ“, не украшали женъ своихъ золотыми обручами, но довольствовались и серебряными. Вотъ за это „несытьство“ нынѣшнихъ дружинниковъ Кіевскаго князя Богъ и навелъ на Русь поганыхъ. Поэтому лѣтописецъ предлагалъ: „да отъселѣ, братие моя возлюбленая, останѣмъся отъ несытьства своего; нъ довольни будѣте урокы вашими, никому же насилия творяще“ [1]). Здѣсь за смѣлыми взволнованными словами нельзя не видѣть рѣзкой критики Святополкова управленія со всѣми тогда понятными конкретными указаніями на чье-то недовольство изъ дружинниковъ Кіевскаго князя 200-ми гривенъ, на большія траты на женины украшенія. То же указаніе на неправоту управленія Святополка читаемъ и въ Житійномъ сказаніи о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. „И повѣдаху бо еже и самовидци бывше чюдеси сицему бывшю. Яко Святополкъ князь всадилъ бяше въ

[1]) Шахматовъ, А. А. Предисловіе къ Начальн. Кіевск. своду и Нестор. лѣтопись. Спб. 1908 стр. 53.

погребъ два мужа нѣ въ которои винѣ, худѣ окована, и не исправивъ, нъ послушавъ облыгающихъ"... [1]). Только чудесное вмѣшательство свв. угодниковъ заставило Святополка измѣниться: „И оттолѣ немного насильствяше людемъ, и на многа времена творяше праздникъ, часто приходя Вышегородѣ лѣтомъ" [2]). Наконецъ, въ Несторовой лѣтописи, составленной по смерти Святополка, потомъ переработанной игуменомъ Сильвестромъ въ 1116 г.,—былъ подробный разсказъ о томъ, какъ неправъ былъ князь Святополкъ и въ отношеніи Печерской обители, и какъ монахъ обители Прохоръ Лебедникъ сумѣлъ помирить князя съ монастыремъ. Къ несчастью возстановить этотъ разсказъ Несторовой лѣтописи, дошедшій до насъ лишь въ большой передѣлкѣ и съ большими присочиненіями Поликарпа въ Печерскомъ Патерикѣ,—у насъ нѣтъ основаній.

Какъ ни ограничены эти данныя, по нимъ можно нарисовать картину первыхъ лѣтъ правленія въ Кіевѣ Святополка. Князь разошелся съ „первой дружиной" Кіева, и это приводитъ къ арестамъ и заключенію въ темницу нѣкоторыхъ изъ этой дружины. Такъ именно и говоритъ Поликарпъ: „Святополкъ Изяславичъ много насилие створи и домы сильныхъ искорени безъ вины, имѣния многимъ отънимъ" [3]). Но не только „первая дружина" не въ ладахъ со Святополкомъ; у князя ссора съ Печерскимъ монастыремъ, къ голосу котораго въ церковно-политической жизни Кіева Святополкъ не прислушивается, равнодушный, повидимому, къ вопросамъ національнаго значенія, какъ понимали ихъ русскіе церковные круги,—къ Вышгороду и мощамъ свв. братьевъ. Укоромъ князю звучитъ указаніе Начальнаго свода 1095 г. на то, что пораженіе Святополка Половцами у Треполя случи-

[1]) Срезневскій, И. И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 81.
[2]) Ibidem, стр. 84.

лось 24 іюля, „на праздникъ Бориса и Глѣба, иже есть праздникъ новой Рускыи“ [1]), какъ чудесное наказаніе за пренебреженіе памятью свв. братьевъ. Не было ли здѣсь во всемъ этомъ попытки со стороны Святополка въ противоположность послѣднимъ годамъ Всеволодова княженія искать другихъ путей въ церковно-политическихъ вопросахъ, опираться на другую партію—гречествующую? Къ этому идетъ очень важное обстоятельство—первый бракъ Святополка на гречанкѣ Варварѣ и связанное съ нимъ, повидимому, перенесеніе мощей св. Варвары въ Кіевъ [2]). Во всякомъ случаѣ, Святополкъ очень скоро и рѣзко мѣняетъ взятую было греческую церковную политику, можетъ быть, потому что политика эта была давнишней въ дому Всеволода, измѣнившейся лишь въ послѣдніе годы жизни этого князя,—и Святополкъ вступаетъ здѣсь на дорогу, подсказанную русскими интересами и дѣлами.

§ 89. Первые годы княженія Святополка на Кіевскомъ столѣ заняты были во внѣшней политикѣ напряженной борьбою съ Половцами, гдѣ Святополку приходится искать помощи у Владиміра Мономаха, одинаково страдавшаго отъ набѣговъ тѣхъ же враговъ. На свиданіи князей въ Кіевѣ въ Выдубицкомъ (не Печерскомъ) монастырѣ готова была вспыхнуть ссора, но потушена необходимостью общихъ дѣйствій противъ общаго врага. Несчастная кампанія 1093 г. приводитъ къ вынужденному миру и браку Святополка на „дщери Тугортокани“. Мужественная борьба Кіевскаго князя съ Половцами не могла не вызывать сочувствія у заинтересованнаго въ ней всѣмъ Кіевскаго общества, и только обиженные верхи—„первая дружина“ и церковные круги—могли быть недовольны новымъ княземъ Кіева. Въ 1094 г. вспыхнула борьба Олега Святославича за Черниговъ, приведшая къ уступкѣ Мономахомъ Чернигова Олегу. Это было на-руку Святополку,

[1]) Ипатьев., 6601 г.

[2]) Шахматовъ, А. А. Предисловіе къ Начальн. Кіев. Своду и Нест.

впослѣдствіи и нашедшему у Святославичей мощную поддержку себѣ противъ Владиміра Мономаха, но теперь, когда въ степяхъ еще висѣла грозная туча Половецкихъ набѣговъ, Святополкъ, повидимому, не оцѣнилъ возвращенія Чернигова Святославичамъ или—вѣрнѣе—рѣшилъ разорвать союзъ Олега съ опасными для Кіева Половцами. Послѣ жестокаго и вѣроломнаго избіенія Половецкихъ пословъ дружиною Владиміра, давшаго на то свое согласіе, и дружиною Святополка—обнаружился подозрѣваемый союзъ Олега съ Половцами, и Святополкъ съ Владиміромъ зовутъ Олега на съѣздъ въ Кіевъ „учинить рядъ о Рускои землѣ“ передъ епископами, игуменами, дружиною „отець нашихъ“ и передъ горожанами. Трудно понять здѣсь планы и думы Святополка и Владиміра, и совершенно странными являются условія этого „ряда“ или,—какъ его называетъ проф. Грушевскій,—небывалаго конгресса [1]). О какихъ епископахъ говорятъ князья-союзники Олегу? Въ земляхъ Святополка могло быть въ то время лишь два епископа: Антоній Пороссκій и Маринъ Юрьевскій. Изъ описанія событія 1095 г.—перехода Юрьевцевъ съ епископомъ Мариномъ на Витичевъ холмъ во вновь созданный „Святополчь-градъ“, какъ слѣдствія утраты для Кіева всего Поросья,—читаемъ подтвержденіе той мысли, что каѳедра Бѣлгорода была занята Антоніемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ естественнѣе былъ бы переводъ Марина съ Юрьева на епископью Бѣлгорода. Въ земляхъ Мономаха о ту пору, повидимому, былъ лишь одинъ епископъ Ефремъ Переяславскій,—такъ какъ послѣ Исаіи мы не знаемъ епископовъ въ Ростовѣ до середины XII вѣка (епископъ Несторъ), а епископія Ростовская сливается съ Переяславской. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ отсутствіемъ епископовъ на Ростовской каѳедрѣ, становится совершенно яснымъ изъ прямого указанія Лаврентьевской лѣтописи подъ 6730 (1222) годомъ, гдѣ говорится о построеніи княземъ

Юріемъ каменной церкви въ Суздалѣ на мѣстѣ старой, „та бо церкы создана прадѣдомъ его Володимеромъ Мономахомъ и блаженнымь епископомъ Ефрѣмомъ“. Этотъ же Ефремъ Переяславскій упоминается, какъ владыка Суздальскаго края и подъ 6604 (1096) г.: „Олегъ же повелѣ заженци городъ Суждаль, токмо остася дворъ манастырескъ Печерьскаго манастыря и церкви яже тамо есть св. Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ і съ селы“ [1]). Даръ Ефрема Печерской обители будетъ понятенъ, если мы вспомнимъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ постриженниковъ монастыря преп. Ѳеодосія. Думаю, что это сліяніе Ростовской каѳедры съ Переяславской случилось сначала естественно: когда умеръ епископъ Исаія, а въ Кіевѣ не было митрополита, вдовствующая епархія перешла подъ управленіе того епископа, епархія котораго была подъ рукою того же политическаго владѣльца, что̀ и вдовствующая,—епископа Переяславскаго. Впослѣдствіи мы видимъ желаніе Мономаха имѣть епископа въ Смоленскѣ: „в се же лѣто Володимеръ заложи церковь оу Смоленскѣ св. Богородицѣ каменую епископью“ [2]). Смоленскъ, находившійся въ политическомъ обладаніи Мономаха, тоже управлялся въ церковномъ отношеніи изъ Переяславля, что̀ совершенно ясно изъ уставныхъ грамотъ Ростислава Мстиславича и епископа Мануила [3]). Однако открытія замышленной Мономахомъ каѳедры Смоленска въ ближайшее время, какъ извѣстно, не послѣдовало, и Переяславскій епископъ былъ долгое время единымъ владыкою въ земляхъ Мономаха. Вѣроятно, такое сліяніе каѳедръ, какъ только-что приведенное Ростовской съ Переяславскою, было дѣломъ необычнымъ уже для XIII в., потому что епископъ Симонъ въ своемъ посланіи Поликарпу двоитъ Переяславскаго епископа Ефрема, называя его въ началѣ своего списка епископовъ—постриженниковъ Печерскаго монастыря: „Ефремь Переяславлю“, а въ концѣ: „Ефрѣмъ

[1]) Ипатьев., 6604 г.
[2]) Ibidem, 6609 г.

Суждалю" [1]). Черниговскій епископъ Иванъ на предполагавшемся „рядѣ" князей 1096 г. быть не могъ, если вѣрить указанію лѣтописи на тяжкую болѣзнь его, приковавшую Ивана къ постели 20 лѣтъ до самой смерти въ 1112 г. [2]). Новгородскій епископъ Германъ въ 1095 г. скончался въ Кіевѣ [3]), а преемника ему еще не было. Владимірскій епископъ Стефанъ скончался 27 апр. 1094 г. [4]). Такимъ образомъ, на предполагавшемся съѣздѣ князей въ Кіевѣ въ 1096 г. могли быть лишь епископы: Антоній Поросскій и Маринъ Юрьевскій—Святополка, Ефремъ Переяславскій—Владиміра Мономаха [5]).

Олегъ Святославичъ, какъ извѣстно, отклонилъ приглашеніе Святополка и Мономаха, вслѣдствіе чего произошла борьба, осложнившаяся двумя нападеніями на Кіевъ Боняка (8 и 20 іюня), при чемъ былъ ограбленъ и сожженъ Печерскій монастырь, какъ и монастыри „Стефанечь и Германечь", и нападеніемъ и осадой Переяславля Тугоркановъ (30 іюня), куда на выручку подоспѣли Святополкъ и Мономахъ (19 іюля) [6]). Борьба Олега и Давида, сидѣвшаго до осени 1096 г. въ Новгородѣ, съ похи-

---

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Мон., Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 76.

[2]) Слова лѣтописи: „лежа в болести лѣтъ ѕ҃с҃" надо исправить на „лѣтъ ѕ҃к҃", такъ какъ иначе не могло бы состояться присутствіе Ивана на перенесеніи мощей Ѳеодосія въ 1091 г. (1112—25=1087).

[3]) Новгор. лѣт. по Синодальн. списку, стр. 443. Спб. 1888; Лѣт. церкв. Бож., 6604 г.

[4]) Ипатьевск., 6602 г.

[5]) Въ извѣстномъ посланіи Мономаха Олегу Святославичу послѣ Муромскаго пораженія 1096 г. авторъ обращается къ Олегу съ словами: „Да же начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце сотворивши,ославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, той волость възметь съ добромъ"... Изъ перечисленныхъ выше епископовъ кого могъ послать Олегъ изъ Суздаля Мономаху? Думаю, что „пископа" нужно читать „попа", какъ и стоитъ въ текстѣ: „п҃па". (Лаврент. лѣт. Изд. 3-е, Спб. 1897, стр. 245 (***).

[6]) Шахматовъ, А. А. Предисловіе къ Начальному Кіевскому Своду и Несторова лѣтопись (Отд. оттискъ изъ Извѣст. Отд. рус. яз. и слов.

тителями наслѣдства ихъ отца, привела, наконецъ, къ съѣзду князей въ Любечѣ, осенью 1097 г.

Любопытно отмѣтить, что прибытіе новаго митрополита осенью 1096 г. совпало съ овладѣніемъ Новгородомъ Владиміромъ Мономахомъ, гдѣ сѣлъ Мстиславъ Владиміровичъ, „дѣтя старѣйшее Новгородьское“ [1]). Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что на Новгородскую каѳедру митрополитъ Николай ставитъ въ томъ же 1096 г. епископа Никиту, постриженника Печерской обители, у которой были, какъ знаемъ, добрыя отношенія съ Мономахомъ. Уваженіе того времени Мономаха къ Печерскому монастырю и къ новому Новгородскому епископу Никитѣ ясно видно изъ лѣтописной записи, гдѣ побѣда Мстислава надъ Олегомъ въ Суздалѣ и Рязани приписана молитвамъ преподобнаго епископа Никиты [2]).

§ 90. Постановленія Любецкаго съѣзда не могли привести къ прочному замиренію. Полагая въ основу раздѣла земель—„отчинность“, князья не исчерпали вопроса до конца, и пострадавшимъ лицомъ явился Кіевскій князь Святополкъ, такъ какъ изъ доли Изяслава онъ не получилъ ни Новгорода, находившагося въ рукахъ Мономаха, ни Волыни и Галича, гдѣ сидѣли Давидъ Игоревичъ и Ростиславичи. Естественно, что въ пониманіи Святополка Любецкій съѣздъ былъ лишь этапомъ къ достиженію всего наслѣдства отца, и онъ вступаетъ въ союзъ съ Давидомъ Волынскимъ противъ Ростиславичей съ тѣмъ большею охотой, что не можетъ отказать въ правдоподобности союзу Ростиславичей съ Мономахомъ, имѣвшимъ, конечно, виды на Кіевъ. Въ этой обстановкѣ случилось знаменитое описаніемъ Василія ослѣпленіе Василька Ростиславича. Возможно, что первоначальный разсказъ объ этомъ въ лѣтописаніи Нестора излагалъ событіе это иначе, чѣмъ читаемый теперь разсказъ Василія, именно въ смыслѣ сочувствія Свято-

[1]) Лаврент., 6604 г.
[2]) Ипатьев., 6604 г.

полку противъ Владиміра [1]), но для возстановленія дѣйствительнаго хода дѣла „иное сказаніе“ Василія даетъ все же достаточный матеріалъ.

Когда Святополкъ по совѣту Давида Игоревича захватилъ Василько, какъ опаснаго союзника Мономаха—претендента на Кіевъ, онъ, чтобы выяснить отношеніе къ себѣ Кіянъ и возможности среди нихъ успѣха кандидатуры на Кіевъ Мономаха и чтобы развязать себѣ руки на будущее,—обращается къ Кіевскому вѣчу. Въ вѣчѣ участвуютъ не только Кіяне, но и бояре, среди которыхъ, у „первой дружины“, въ прежнее время было не мало друзей Владиміра. На вопросъ Святополка, повидимому, поставленный ребромъ [2]), — послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ, хотя авторъ разсказа и вставляетъ въ уста бояръ и людей отвѣтъ совершенно неопредѣленный, послѣ котораго Святополкъ едва-ли рискнулъ бы на тѣ шаги, какіе онъ предпринялъ въ дальнѣйшемъ, и послѣ котораго было бы непонятно преданное Святополку поведеніе Кіева во время похода Владиміра. Такое соглашеніе князя Кіевскаго съ вѣчемъ показываетъ, что всѣ жалобы и вопли, дошедшіе до насъ въ разныхъ памятникахъ, на жадность и суровость Святополка въ первые годы его правленія — преувеличены, а напряженность ихъ нужно объяснить тѣмъ, что вышли они изъ среды, на которую. какъ враждебную ему и сочувственную Мономаху, могъ, дѣйствительно, обрушиться Святополкъ. Итакъ, Кіевляне и бояре (среди которыхъ была и „первая дружина“) стали на сторону Святополка. Но у Мономаха могли быть въ Кіевѣ друзья въ другомъ слоѣ населенія. „И оувѣдаша игумени и начаша молитися о Васильцѣ къ Святополку“. Конечно, во главѣ игуменовъ стоялъ игуменъ Печерской обители Иванъ.

---

[1]) Шахматовъ, А. А. Предисловіе къ Начальн. Кіев. своду и Нест. лѣт., стр. 43.

[2]) „На тя свѣщалъ с Володимеромъ хочеть тя оубити и градъ твои взяти“ — понимаю буквально исполненіе Василіемъ слова, такъ какъ

„Моленье" игуменовъ поставило князя въ затрудненіе. Отвѣтъ его имъ, какъ приводитъ въ разсказѣ Василій, конечно, не удовлетворителенъ: „И рече имъ Святополкъ: ото Давидъ". Вѣроятно, подъ давленіемъ этого моленья Святополкъ „хотяше пустити и (Василька)". Но этого не могъ и не хотѣлъ Давидъ. Святополкъ отдалъ Василька Давиду, но, видимо, съ условіемъ сохраненія жизни, что̀ могъ обѣщать князь игуменамъ. Василько былъ ослѣпленъ внѣ Кіева. Какъ отнеслись въ Кіевѣ къ этому событію, мы не знаемъ, но, кажется, удержаніе Кіевлянами Святополка отъ бѣгства изъ Кіева, когда на послѣдній шелъ Мономахъ со Святославичами, можетъ говорить о томъ, что ослѣпленіе Василька не измѣнило добрыхъ отношеній князя и вѣча. Но не всѣ такъ отнеслись къ Святополку. До насъ дошло извѣстіе о столкновеніи Святополка съ игуменомъ Печерскаго монастыря Иваномъ. „Бѣ бо преже (т.-е. въ первые годы правленія) вражуя (Святополкъ) на нь, занеже обличаше его несытьства ради богатьства и насилья. Его же емъ, Святополкъ въ Туровъ заточи, аще бы Володимѣръ Мономахъ на сего не въсталъ; его же въстания убоясь, Святополкъ скоро възврати и съ честью игумена въ Печерьскый манастырь" [1]),—пишетъ Поликарпъ въ сказаніи о Прохорѣ-Лебедникѣ. Можно съ увѣренностью думать, что здѣсь Поликарпъ сообщаетъ точно свѣдѣнія, заимствованныя имъ изъ лѣтописи Нестора. Тогда это заточеніе игумена Ивана въ Туровъ можно отнести къ тому моменту, когда Печерскій игуменъ, узнавъ, что Святополкъ не сдержалъ обѣщанія о Васильке и, сохранивъ жизнь, далъ Давиду ослѣпить его,—возсталъ противъ князя съ тою рѣзкостью обличенія во имя нравственныхъ требованій, какая характерна для Ивана и въ его обличеніи первыхъ годовъ правленія Святополка въ предисловіи къ Начальному своду 1095 г., и въ его замѣчаніяхъ о своемъ предшественникѣ по игуменству—Никонѣ, которыя

[1]) Патерикъ Кіев. Печер. Монаст., Памятники сл.-рус. письменности т. II, стр. 208.

онъ вставилъ въ разсказѣ о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ. Въ этомъ голосѣ обличенья Святополку могъ показаться голосъ друга Мономаха, и князь рѣшительно обрушился на Печерскій монастырь. Къ этому же времени нужно отнести расправу Мстислава Святополковича съ двумя монахами того же монастыря—Ѳедоромъ и Василіемъ, о которой разсказываетъ Поликарпъ со словъ той же Несторовой лѣтописи, пріукрасивъ случай этотъ вымышленными подробностями (о золотѣ и серебрѣ изъ Варяжской пещеры) и передвинувъ событіе къ 1099 г., чтобы заставить Мстислава Святополковича погибнуть отъ той же стрѣлы, которой убиты были Ѳедоръ и Василій (другое указаніе Поликарпа на недавнее „пожженіе“ монастыря, бывшее въ 1096 г.,—болѣе точно). Объясненіе Поликарпа того обстоятельства, что разборомъ какого-то дѣла среди братіи Печерскаго монастыря, кончившимся казнью Ѳедора и Василія, занялся именно сынъ Святополка Мстиславъ, приведенное въ словахъ: „бѣ бо тогда Святополкъ Туровѣ“ [1]),—даетъ право еще рѣшительнѣе пріурочить заточеніе игумена Ивана въ Туровъ и описанный эпизодъ—къ одному времени.

Ослѣпленіе Василька Давидомъ привело къ неожиданному для Святополка событію внѣ Кіева — къ союзу Мономаха со Святославичами. Союзъ этотъ былъ столь неожиданъ, что Святополкъ рѣшается бѣжать изъ Кіева, но удержанъ Кіевлянами, взявшими переговоры съ Мономахомъ въ свои руки. М. Грушевскій уже показалъ [2]), насколько здѣсь, въ описаніи этого событія, можно положиться на Василія, скрывшаго отъ читателя самое важное послѣдствіе переговоровъ — расторженіе союза Святославичей съ Мономахомъ и переходъ ихъ на сторону Святополка. Если у Святополка нашлось столько дипломатическаго таланта, чтобы разъединить стоящихъ подъ Кіевомъ враговъ, то, разумѣется, у него нашлось достаточно такта,

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники сл.-рус.

чтобы замириться съ Печерскою обителью и тѣмъ вырвать всякую возможность вмѣшательства Мономаха въ кіевскія дѣла. Какъ произошло замиреніе это,—мы не знаемъ, но оно въ Несторовой лѣтописи, повидимому, связывалось съ походомъ Мономаха на Святополка: „аще бы Володимѣръ Мономахъ на сего не въсталъ; его же въстания оубоися, Святополкъ скоро възврати и съ честью игумена в Печерьскыи манастырь“ [1]), если Поликарпъ правильно передаетъ дѣло. Это подтверждаетъ наше предположеніе о времени разрыва и примиренія Святополка съ игуменомъ Иваномъ: „скоро възврати“, т.-е. разумѣется время отъ ослѣпленія Василька до похода Мономаха (1096—1098 г.г.).

Итакъ, къ 1098 г. [2]) Святополкъ сумѣлъ завоевать симпатіи всѣхъ слоевъ Кіева, не исключая тѣхъ, съ кѣмъ, какъ со сторонниками Мономаха, имѣлъ столкновенія въ первые годы своего правленія—и съ первой дружиной и съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Здѣсь умѣстно обратить вниманіе на то, что Житійное сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ приблизительно къ этому же времени относитъ обращеніе князя Святополка къ почитанію свв. братьевъ и прекращеніе его „насилій людямъ“: это случилось раньше 1102 г., когда Мономахъ золотитъ раки, построенныя Святополкомъ, и ближе къ началу правленія Святополка, что̀ видно изъ словъ: „И оттолѣ немного насильствяше людемъ и на многа времена творяше праздникъ, часто приходя Вышегородѣ лѣтомъ“ [3]).

Оставляя въ сторонѣ подробности борьбы Святополка съ бывшимъ своимъ союзникомъ Давидомъ Игоревичемъ, кончившейся тѣмъ, что Святополкъ получилъ Волынь, выдавъ Давиду Дорогобужъ, и подробности борьбы Святополка и Святославичей противъ Ростиславичей, сумѣвшихъ сохранить свои земли,

---

[1]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, Памятники ст.-рус. письменности, т. II, стр. 208.

[2]) Грушевський, М. Історія України-Руси, т. II, вид. др., стр. 95, пр. 2.

[3]) Срезневскій, И. И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ

остановимся на короткой борьбѣ Ярополчича Ярослава со своимъ дядей Святополкомъ. Борьба была Ярославу не по силамъ, и Святополкъ „емь и окова и приведе до Киева“ (1101 г.). За плѣнника „молися митрополитъ и игумени“, которые и „оумолиша Святополка и оузаводиша и оу раку св. Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы и пустиша и“ [1]). Но въ слѣдующемъ году, когда Ярославъ, убѣжавъ изъ Кіева, попался на хитрость Ярослава Святополковича и былъ приведенъ послѣднимъ къ отцу, приказавшему вновь плѣнника оковать,—„моленія“ митрополита и игуменовъ не было, и Ярославъ Ярополчичъ скончался чрезъ 10 мѣсяцевъ въ оковахъ [2]).

Всѣми указанными событіями исчерпывались княжескія споры за время правленія Кіевомъ Святополка, если не считать неудачной его попытки обмѣняться Владиміромъ на Новгородъ, встрѣтившей сопротивленіе новгородцевъ.

§ 91. Возвращаясь отъ княжескихъ междоусобій къ Кіевской митрополіи, замѣтимъ, что передъ прибытіемъ на Русь новаго митрополита Николая, въ 1091 г. произошло торжественное перенесеніе мощей преп. Ѳеодосія въ каменную церковь Печерской обители соборомъ русскихъ епископовъ, и въ Кіевѣ отъ новаго митрополита ждали согласія на подготовленную канонизацію. Но канонизаціи этой, какъ и другой давно ожидаемой — князя Владиміра — не послѣдовало. Обостренное отношеніе Святополка съ церковно-дружинными кругами Кіева, кажется, дало возможность митрополиту обойти вопросы канонизацій молчаніемъ, вѣроятно, не безъ согласія на то и князя, державшагося тогда гречествующей политики. Но съ другой стороны видимъ, что новый митрополитъ не провелъ и подготовленной клириками Софійскими еще до прибытія митрополита Николая канонизаціи преп. Антонія, что нужно объяснить особой судьбою Житія Антонія въ рукахъ

игумена Печерскаго монастыря Ивана, воспользовавшагося Житіемъ для своей лѣтописной работы.

§ 92*а*. Какъ уже сообщалось выше, смерть князя Кіевскаго Всеволода Ярославича дала толчекъ лѣтописанію Кіево-Печерскаго монастыря, гдѣ игуменомъ Иваномъ былъ составленъ около 1095 г. [1]) лѣтописный сводъ, въ основу котораго положенъ былъ Сводъ 1073 г., составленный игуменомъ Никономъ. Этому такъ назыв. Начальному своду 1095 г. игуменъ Иванъ предпослалъ предисловіе, сообщавшее всей работѣ злободневный и рѣзкопорицательный новому Кіевскому князю характеръ. Трудно сказать, чѣмъ руководился въ послѣднемъ авторъ-игуменъ, расчитывалъ ли онъ сломить политику Святополка подъ руководство Печерской обители и сочувствующихъ ей дружинныхъ круговъ и искренне призывалъ князя и его дружину къ исправленію, или здѣсь была надежда на скорую перемѣну на Кіевскомъ столѣ Святополка на Мономаха. Любопытно, что игуменъ Иванъ при дополненіи и переработкѣ лѣтописнаго Свода 1073 г. въ числѣ другихъ матеріаловъ воспользовался только-что тогда появившимися Житіемъ Антонія и Корсунской легендой. Странность на первый взглядъ пользованія сочиненіями, вышедшими изъ враждебнаго лагеря и имѣвшими цѣль сбить памѣченные Печерскимъ монастыремъ вопросы канонизаціи свв. Ѳеодосія и Владиміра, извратить смыслъ и значеніе исторіи Печерской обители, все приписавъ въ ней грекамъ (Житіе Антонія), какъ и ходъ крещенія Руси, подводя русскую церковь прямо подъ власть Константинополя, минуя эпоху Охриды, и выставивъ крестителя Руси великимъ блудникомъ (Корсунская легенда),—становится понятной и объяснимой, если всмотрѣться въ то, что̀ взято игуменомъ Иваномъ изъ этихъ произведеній въ Начальный сводъ 1095 г., и какая при этомъ была у автора мысль.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на всѣхъ сторонахъ

---

[1]) Шахматовъ, А. А. Разысканія о др. рус. лѣт. сводахъ, стр. 11

работы игумена Ивана, привлекшаго цѣлый рядъ новыхъ источниковъ, какъ, напр., княжескій помянникъ Десятинной церкви, Паримійникъ, Новгородскій лѣтописный сводъ, Палею и др. Укажемъ лишь на тѣ исправленія и дополненія, которыя важны для пониманія интересовъ и стремленій игумена Печерской обители конца XI в.

§ 92б. Никакія княжескія которы, никакіе родовые взгляды князей не заглушаютъ въ Печерскомъ монастырѣ идеи единства Русской земли. Всѣ взгляды Никона на междукняжескія отношенія продолжаютъ жить въ его обители и по смерти Никона, и это естественно для того мѣста, гдѣ живетъ работа о свободѣ русской церкви и ея первопрестольника—Кіевскаго митрополита отъ Имперіи второго Рима. Если дробится Русская земля политически, то церковно она — единая митрополія. И политически она едина, потому что связана единствомъ княжескаго рода, этой эмблемой единой земли [1]). На свою работу лѣтописецъ смотрѣлъ иными глазами, чѣмъ долгое время русская историческая наука. Здѣсь, въ своемъ Сводѣ авторъ излагалъ свои завѣтныя думы и чувства и подъ ихъ руководствомъ изображалъ событія прошлаго. О русской церкви, объ ея готовности къ самостоятельной жизни—игуменъ Иванъ былъ очень высокаго мнѣнія: „да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомь есмы. Кого бо Богъ тако любить, яко же насъ оузлюбилъ есть, кого бо тако почтилъ есть, яко же насъ прославилъ есть і възнеслъ есть? Никого же. Ім же паче ярость свою оуздвиже на ны (разумѣются Половецкія нападенія 1093 г.), якоже паче всихъ просвѣщенье бывше і владычню волю вѣдуще і презрѣвше. Въ лѣпоту паче инѣхъ казнимы есмы“ [2]). Можно удивляться этой горделивой увѣренности игумена въ особой близости русской церкви Богу, но нужно думать, что увѣренность эта на чемъ-нибудь основывалась въ его представленіи. Въ чемъ же видѣлъ игуменъ

особую любовь Бога къ русской церкви, Его „почтеніе", прославленіе и вознесеніе ея? Конечно, въ святыхъ ея: за короткое время своего существованія церковь русская выдвинула рядъ лицъ, угодившихъ Богу, частью канонизованныхъ и признанныхъ греками (свв. Борисъ и Глѣбъ), частью не признаваемыхъ, но для игумена, какъ и всякаго русскаго,—несомнѣнныхъ. Здѣсь онъ могъ бы назвать некороткій рядъ лицъ: Варяги-мученики, Ольга, Владиміръ, Леонтій Ростовскій, Ѳеодосій, Антоній и другіе Печерскіе подвижники. Греки не признавали этихъ святыхъ, считали русскую церковь младенческою и неподготовленною къ самостоятельному существованію, опасному по возможности увлеченья латинскою ересью. И игуменъ Иванъ вставляетъ вмѣсто краткаго Никео-цареградскаго символа вѣры, преподаннаго Владиміру по крещеніи,—болѣе обширный, вмѣсто краткой полемической статьи противъ Латынянъ—болѣе обширную, дополнивъ то и другое по хронографической Палеѣ или по хронографу, изъ котораго произошла эта Палея [1]).

§ 92*в*. Но самыми любопытными дополненіями были заимствованія, сдѣланныя игуменомъ Иваномъ изъ Корсунской легенды и Житія Антонія. Работы А. А. Шахматова [2]) возстановили ходъ работы игумена Ивана надъ слія̀ніемъ разсказа Древнѣйшаго Свода 1039 г., гдѣ крещеніе Владиміра ставилось въ связь съ проповѣдью греческаго философа и отдѣлялось отъ похода на Корсунь, и Корсунской легенды, перенесшей крещеніе это на Корсунь. Повторять здѣсь весь ходъ работы автора Начальнаго свода 1095 г. не представляется нужнымъ, такъ какъ всѣмъ достаточно извѣстенъ тотъ видъ, который принялъ разсказъ о крещеніи Владиміра въ обработкѣ игумена Ивана, перешедшій въ Повѣсть вр. лѣтъ и позднѣйшіе

[1]) Шахматовъ А. А. Разысканія о древ. рус. лѣт. сводахъ, стр. 157.
[2]) Шахматовъ, А. А. Корсунская легенда и Его же, Разысканія о

своды. Важнѣе отмѣтить, почему авторъ взялся за это согласованіе двухъ противорѣчивыхъ разсказовъ.

Канонизацію св. Владиміра, которой такъ упорно и долго домогались на Руси, греки отклоняли настойчиво, и за все время греческой іерархіи на Руси не было вообще къ этому моменту ни одной канонизаціи. Возможно представить себѣ такой порядокъ разсужденія: почему не хотятъ канонизовать князя Владиміра, Ольгу, Варяговъ-мучениковъ и другихъ, если все же канонизовали свв. Бориса и Глѣба? На это, конечно, былъ тотъ отвѣтъ, что канонизація свв. Бориса и Глѣба была до установленія подлинной іерархіи, въ пору правленія русскою церковью Охридскаго архіепископа. И совершенно яснымъ должно было быть для руководящихъ круговъ Кіева, что именно для Владиміра канонизація отклонялась за уходъ его изъ подъ руки Имперіи въ Охридскую церковь. Корсунская легенда выдвигала идею прочнаго и давняго установленія на Руси греческой митрополіи съ самаго момента крещенія Владиміра, какъ попытку ликвидировать въ памяти исторіи эпоху Охридской іерархіи на Руси. Игуменъ Иванъ и бралъ эту легенду, такъ какъ дорожить смутною памятью объ Охридѣ теперь уже не было смысла, а принятіе мысли объ учрежденіи на Руси греческой митрополіи сразу же послѣ крещенія Владиміра было выгодно въ двухъ отношеніяхъ. Такъ, во-первыхъ, устранялся главный упрекъ Владиміру, не пожелавшему принять греческую іерархію, и казалось возможнымъ съ успѣхомъ въ дальнѣйшемъ добиваться канонизаціи его, какъ истиннаго послѣдователя греческаго православія и іерархіи. Во-вторыхъ, это снимало возможность отговорокъ отъ канонизаціи свв. Бориса и Глѣба, какъ канонизаціи признанной не Константинопольскимъ патріархомъ, а лишь Охридскимъ архіепископомъ. Изложенное даетъ право заключить, что съ обѣихъ сторонъ встрѣчались интересы къ ликвидаціи памяти объ эпохѣ Охридской архіепископіи: для грековъ, какъ обидная память

русскихъ, какъ ненужный предлогъ, тормозившій прославленіе личности и дѣла Владиміра.

Правда, Корсунская легенда старалась сгущенными красками изобразить Владиміра, какъ великаго блудника, а самое крещеніе его выставляла, какъ случайность на пути „добыванія“ дѣвицъ (сначала дочери Корсунскаго князя, потомъ сестры императоровъ), при чемъ самъ Владиміръ — по легендѣ — увѣровалъ лишь въ моментъ крещенія, получивъ благодатное исцѣленіе, какъ прощеніе за обманный отказъ по полученіи невѣсты принять вѣру Христову. Но въ передѣлкѣ игумена Ивана многое было смягчено, многое переиначено. Такъ, оставляя изъ Древнѣйшаго свода 1039 г. описаніе выбора вѣръ, но заставляя Владиміра послѣ рѣчи греческаго философа остаться лишь почти убѣжденнымъ, авторъ Начальнаго свода 1095 г. заполнилъ годъ между дѣйствительнымъ крещеніемъ Владиміра и походомъ на Корсунь разсказомъ объ отправкѣ пословъ изъ Кіева къ разнымъ народамъ, чтобы испытать ихъ обряды,—въ результатѣ чего Кіевскій князь окончательно склоняется къ греческой вѣрѣ, затѣмъ ведетъ Владиміра на Корсунь и здѣсь заставляетъ креститься и получить церковную іерархію. Такъ получается — по замѣчанію Е. Е. Голубинскаго — психологически-невозможное описаніе религіозныхъ исканій Владиміра, но ничего неудобнаго для памяти крестителя Руси не остается, особенно потому, что исчезъ мотивъ „добыванія“ дѣвицъ съ пропускомъ всего эпизода о дочери Корсунскаго князя. Образъ Владиміра, какъ великаго блудника, отчасти обезцвѣченный указаннымъ изложеніемъ, переносился всецѣло на языческую пору его жизни и очищался принятіемъ христіанства: „бѣ бо (Владиміръ) женолюбець, яко же Соломонъ: у Соломона бѣ бо, рече, женъ семьсотъ, а наложниць 300. Мудръ же бѣ, а наконѣцъ погыбе: сей же бѣ невѣгласъ, а наконецъ обрѣте спасеніе“ [1]). Изъ

[1]) Новгород. лѣт. по Синодал. списку. Спб. 1888 г. стр. 90.

прочихъ поправокъ, внесенныхъ авторомъ Начальнаго свода 1095 г. въ Корсунскую легенду, можно вспомнить пропускъ имени митрополита, полученнаго Владиміромъ по крещеніи, называвшагося по легендѣ Михаиломъ, и перемѣну титула епископа Анастаса въ іерея Анастаса или просто въ Анастаса (§§ 10*в* и 14).

§ 92г. Житіе Антонія было использовано авторомъ Начальнаго свода 1095 г. въ очень скромномъ объемѣ, что и понятно, такъ какъ принятіе всего Житія цѣликомъ было бы равносильно отказу отъ прошлой исторіи Печерской обители. Не касаясь мелкихъ заимствованій, какъ имени слуги св. Бориса, убитаго вмѣстѣ съ княземъ, или указанія на мятежъ въ Польской землѣ [1]),—остановимся на самомъ важномъ, т.-е. на передѣлкѣ по Житію той статьи лѣтописи, которая излагала возникновеніе Печерской обители. Отбросивъ тенденціозную хронологію Житія, авторъ Начальнаго свода вставилъ въ біографію Антонія до его поселенія въ пещерѣ Иларіона путешествіе на св. Гору, замѣнивъ этимъ упоминаніе Свода 1073 г. о путешествіи Антонія, повидимому, въ Болгарію. На св. Горѣ Антоній принимаетъ монашество и получаетъ іерейскій санъ, такъ что могъ постригать въ Кіевѣ приходящую въ его пещеру братію. И Начальный сводъ 1095 г. старательно слѣдитъ за передачею благодати Аѳона на Печерскую обитель, заставляя игумена, постригшаго Антонія, сказать: „да иди опять въ Русь, и буди благословение от св. Горы и мнози отъ тебе чернорисци будуть"; самого Антонія — молиться въ пещерѣ Иларіона: „и да будеть на мѣстьци семь благословение св. Горы и моего игумена, иже мя постриглъ"; при удаленіи въ иную пещеру—обратиться къ братіи съ словами: „се Богъ васъ, братье, совокупи отъ благословения есте св. Горы, иже постриже мене игуменъ св. Горы, а я васъ постригалъ; да

---

[1]) См. 1911

буди на васъ благословение первое от Бога, а второе от св. Горы"; и, наконецъ, при разрѣшеніи на поставленіе монастыря — сказать: „благословенъ Богъ о всемъ и молитвами св. Богородица и сущихъ отець, иже въ св. Горѣ, да будеть с вами". Прослѣдивъ такимъ образомъ прямую передачу благословенья св. Горы на Печерскую обитель, авторъ Начальнаго свода не забываетъ сдѣлать еще разъ напрашивающееся и безъ того заключеніе: „есть же Печерьскы манастырь от благословения св. Горы пошелъ" [1]).

Что заставило игумена Ивана, не принявшаго Житія Антонія въ цѣломъ, взять изъ него эту мысль о связи Печерскаго монастыря съ Аѳономъ? Думаю, изъ предыдущихъ разсужденій о положеніи Печерской обители въ отношеніи къ митрополіи это можетъ найти объясненіе. Уже указывалось выше (§ 65), что ктиторъ Печерскаго монастыря скончался, повидимому, не сдѣлавъ распоряженія о независимости монастыря отъ епархіальной власти, и Печерской обители предстояло стать къ послѣдней въ обычныя отношенія покорности и послушанія. Несторъ въ Житіи Ѳеодосія пытался провести мысль, что Антоній и не долженъ былъ дѣлать соотвѣтствующаго завѣщанія, такъ какъ онъ еще при жизни передалъ монастырь братіи, самъ удалясь въ безмолвіе. Близость Ѳеодосія къ правящимъ князьямъ—Изяславу, потомъ Святославу, и то почтеніе, какое возбуждала личность и дѣятельность преподобнаго среди Кіевскаго общества, — были достаточною гарантіею свободной отъ вмѣшательства каѳедры жизни монастыря. Но уже Ѳеодосія тревожила непрочность положенія въ будущемъ, что̀ видно изъ его обращенія къ князю, какъ оно читается въ лѣтописи: „се передаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть что смятенье в немь; и се поручаю игуменьство Стеѳану, не дай его въ обиду". Послѣ смерти Ѳеодосія, какъ видѣли выше, не у всякаго игумена создавались такія отношенія съ княземъ Кіевскимъ, какъ у Ѳеодосія съ Изя-

[1]) Ипатьев. 6559 г.

славомъ и Святославомъ, а отсюда — постоянный страхъ за возможное вмѣшательство митрополіи во внутреннюю жизнь и направленіе монастыря. Мысль Житія Ѳеодосія о передачѣ Антоніемъ монастыря братіи еще при своей жизни — нельзя было признать удачною, такъ какъ она не могла быть подкрѣплена документально. Монастырь жилъ, правда, безъ видимаго вмѣшательства каѳедры, но и безъ серьезныхъ гарантій на будущее. Желаніемъ укрѣпить положеніе монастыря отъ власти митрополита и было, видимо, продиктовано заимствованіе игуменомъ Иваномъ въ Начальный сводъ 1095 г. разсказа объ Аѳонскомъ благословеніи Антонія.

Аѳонъ, какъ извѣстно, находился въ особыхъ условіяхъ жизни: онъ подчинялся непосредственно императору, и власть патріарха надъ нимъ не распространялась до 1313 г., когда императоръ Андроникъ Старшій передалъ Аѳонъ патріарху, признавъ свою инвеституру проту Аѳона — дѣломъ не каноничнымъ. Еще еп. Порфирію приходила мысль, что порядки Аѳона въ смыслѣ подчиненія его свѣтской власти помимо власти духовной — перешли и въ нашъ Печерскій монастырь, такъ какъ ихъ принесъ съ собою преп. Антоній [1]). Нужно думать, что этого вывода читателя и желалъ игуменъ Иванъ, увѣренный въ необходимости признанія правильности его и со стороны митрополичьей каѳедры, такъ какъ выводъ этотъ опирался на Житіе Антонія, составленное при каѳедрѣ. Такъ была выдвинута новая попытка укрѣпленія независимаго положенія Печерскаго монастыря отъ митрополичьей власти. Конечно, этотъ же выводъ, сдѣланный Печерскимъ монастыремъ изъ Житія Антонія, заставилъ каѳедру отказаться со своей стороны отъ мысли провести канонизацію Антонія, несмотря на благопріятное отношеніе къ митрополіи князя Святополка въ первые годы его княженія въ Кіевѣ (§ 91).

Что касается другихъ заимствованій автора Начальнаго

Свода 1095 г. изъ Житія Антонія, то здѣсь намъ не ясны или мотивы таковыхъ (какъ, напримѣръ, въ указаніи, что Студійскій уставъ взятъ у какого-то чернеца Михаила, а не присланъ братомъ Ефремомъ), или причины затрудненій, въ какихъ былъ игуменъ Иванъ (напримѣръ, съ мірскимъ именемъ Антонія), не находя возможнымъ склониться ни въ сторону Житія, ни въ сторону Свода 1073 г.

§ 93. Пока у Кіевскаго князя Святополка длился разрывъ съ „первой дружиной“ и Кіево-Печерскимъ монастыремъ, казалось бы, новому митрополиту можно было достичь многаго въ смыслѣ успленія греческаго вліянія, но, видимо, краткость времени помѣшала этому: митрополитъ прибылъ въ 1096 г. (§ 87), а уже къ 1098 г. Святополкъ успѣлъ замириться съ первой дружиной и Печерскою обителью (§ 90). Не удивительно поэтому, что кромѣ отклоненія канонизаціи Владиміра и Ѳеодосія, при условіи полной подготовленности Кіева къ послѣдней, — митрополитъ ни въ чемъ не успѣлъ, и въ частности Печерскій монастырь остался внѣ вліянія и власти каѳедры, что̀ видно изъ расправы князя Святополка съ игуменомъ Иваномъ, заточеннымъ въ Туровъ, и братіею обители, двое изъ которыхъ были казнены княземъ Мстиславомъ Святополковичемъ, гдѣ не видимъ привлеченія карающей руки митрополита. Въ этомъ можно усматривать боязнь князя Святополка Кіевской общественности, которая, будучи, конечно, за русское направленіе Печерскаго монастыря, могла простить князю расправу съ монастыремъ, какъ политическимъ врагомъ, но не простила бы отданіе монастыря во власть каѳедры.

Въ 1098 г. у Святополка произошло примиреніе съ Печерской обителью, и князь почувствовалъ себя спокойно отъ друзей Мономаха въ Кіевѣ, къ какимъ онъ могъ причислять игумена Печерскаго монастыря. Ждемъ попытокъ со стороны Святополка отозваться на заботы и мечты обители преподобнаго Ѳеодосія и помощи со стороны князя къ ихъ осуществленію. Но этого не видимъ. Причину этого нужно искать

въ той позиціи, какую занялъ митрополитъ Николай и по отношенію къ Святополку, ставшему на дорогу русской церковной политики, такъ и къ Мономаху, продолжавшему искусно привлекать къ себѣ Кіевскую общественность наружною преданностью русскимъ планамъ Печерской обители, продолжая въ этомъ политику послѣднихъ лѣтъ Всеволодова княженія въ Кіевѣ. За все время пребыванія митрополита Николая (1096—1101) на Кіевской каѳедрѣ поставленъ лишь одинъ епископъ Никита въ Новгородъ, да и тотъ въ первый же годъ прибытія митрополита. Между тѣмъ были вдовствующія каѳедры, и вдовство ихъ длилось не одинъ годъ. Такъ, еще въ 1094 г. скончался епископъ Стефанъ Владимірскій, и каѳедра Владимірская не замѣщается почти десять лѣтъ. Нельзя это объяснить политическими обстоятельствами, потому что Волынью до 1097 г. спокойно владѣлъ Давидъ Игоревичъ, дружившій со Святополкомъ Кіевскимъ, и только послѣ Любецкаго съѣзда здѣсь началась борьба; наконецъ, осенью 1100 г. на съѣздѣ въ Увѣтичахъ Волынь перешла въ руки Святополка [1]), и у насъ есть свѣдѣнія, что въ 1101 г. митрополитъ принималъ участіе въ „моленіи“ Святополка за Ярослава Ярополковича. Но у митрополита могла быть мысль вообще закрыть Владимірскую каѳедру, такъ какъ быть второю викарною для митрополіи она, какъ знаемъ, не смогла и около 1091 г. пришлось вновь открыть епархію Юрьевскую? (§ 51). Однако, преемникъ Николая въ первый же годъ своего пребыванія на митрополіи при тѣхъ же самыхъ политическихъ обстоятельствахъ ставитъ епископа во Владиміръ.

Переходя къ разсмотрѣнію исторіи другихъ епархій, находящихся въ рукахъ Мономаха, видимъ, что каѳедра Ростова послѣ смерти епископа Исаіи, упоминаемаго въ 1089 г., сливается подъ рукою Переяславскаго епископа Ефрема и остается незамѣщенной почти до середины XII в. Можно объяснить

себѣ это, какъ желаніе Мономаха закрыть Ростовскую каѳедру, открывъ взамѣнъ ея въ своихъ земляхъ каѳедру Смоленска, гдѣ въ 1101 г. заложена „камяна епископья“ [1]). Однако, и въ Смоленскъ назначенія епископа не послѣдовало.

Наконецъ, нельзя не остановиться и на томъ, что преемнику Николая пришлось въ первый же годъ своего пребыванія въ Кіевѣ поставить сразу трехъ епископовъ: во Владиміръ, Переяславль и Полоцкъ. Все это и даетъ право думать, что въ незамѣщеніи каѳедръ нужно видѣть несогласія митрополита Николая со Святополкомъ и Мономахомъ.

§ 94*a*. Вступленіе въ управленіе русскою церковью новаго митрополита принесло значительное оживленіе церковной жизни. Имѣемъ точную дату прибытія Никифора въ Кіевъ (6 дек. 1104 г.) и торжественнаго вступленія его на столъ (18 дек. 1104 г.). Сейчасъ указывалось, что митрополитъ Никифоръ въ первый же годъ своего пребыванія въ Кіевѣ ставитъ трехъ новыхъ епископовъ: Амфилохія — во Владиміръ (27 августа 1105 г.), Лазаря — въ Переяславль (12 ноября 1105 г.), Мину — Полоцку (13 декабря 1105 г.). Какъ ни коротко сообщеніе лѣтописи объ этихъ поставленіяхъ, оно даетъ матеріалъ для наблюденій. Оставляя въ сторонѣ епископа Амфилохія, о которомъ рѣшительно ничего не знаемъ, откуда онъ взятъ на каѳедру, остановимся на назначеніи епископомъ Лазаря, про котораго можно догадаться, откуда онъ взятъ въ Переяславль, и Мины, про котораго знаемъ это. Лазарь, взятый Мономахомъ въ Переяславль, — конечно, тотъ игуменъ Выдубицкаго Всеволожа монастыря, при которомъ было „священіе“ церкви св. Михаила въ 1088 г. [2]). Это не мимолетное наблюденіе. Доселѣ Всеволодъ и Мономахъ брали епископовъ изъ Печерской обители. Такъ Всеволодъ взялъ Леонтія и Исаію въ Ростовъ, Ефрема — въ Переяславль, Луку — въ Бѣлгородъ, Марина — въ Юрьевъ, Николая въ Тмуторокань,

[1]) Ипатьев. 6609 г.
[2]) Ibidem. 6596 г.

Стефана — во Владиміръ, наконецъ игумена въ Переяславль Николая — все постриженниковъ Печерскаго монастыря. Мономахъ взялъ за это время, до 1105 г., одного епископа въ Новгородъ, гдѣ сидѣлъ его сынъ Мстиславъ, — Никиту изъ братьевъ обители св. Ѳеодосія. Правда, это было время дружбы монастыря съ Мономахомъ, вселявшей тревогу въ Святополка. Не значило ли теперь назначеніе Лазаря въ Переяславль окончанія этой дружбы въ связи съ установленіемъ добрыхъ отношеній монастыря со Святополкомъ, соперникомъ Мономаха? Когда въ Новгородѣ скончался, скоро къ этому времени [1]), епископъ Никита, на его мѣсто ставится Иванъ не изъ постриженниковъ Печерскаго монастыря, хотя политическое положеніе оставалось прежнее,—въ Новгородѣ сидѣлъ все тотъ же Мстиславъ Владиміровичъ. Забѣгая нѣсколько впередъ, обратимъ вниманіе на поставленіе въ Переяславль послѣ смерти епископа Лазаря въ 1117 г., уже въ пору княженія Мономаха въ Кіевѣ, опять игумена Выдубицкаго монастыря Сильвестра (1118 г.) и на отсутствіе назначеній на епископскія каѳедры съ этихъ поръ на долгое время постриженниковъ Печерскаго монастыря, что̀ даетъ право рѣшительнѣе говорить о холодности Владиміра и его семьи къ Печерской обители. Если съ этимъ сопоставимъ попытку изъятія лѣтописанія изъ рукъ братіи этой обители и передачи его въ тотъ же Выдубецкій монастырь, что̀ случилось почти тотчасъ по вступленіи Мономаха на Кіевскій столъ (переработка свода Нестора игуменомъ Выдубицкаго монастыря Сильвестромъ въ 1116 г.), то передъ нами полная картина расхожденія Мономаха съ Печерскимъ монастыремъ. Впрочемъ, разрывъ этотъ обозначился рѣзко лишь послѣ овладѣнья Владиміромъ Кіева, такъ что поставленіе епископовъ Лазаря и Ивана было скорѣе признакомъ надвигающейся грозы, но не настолько яснымъ, чтобы до времени оттолкнуть отъ себя монастырь, могущій

[1]) Никита † 30 января 1107 г., по Новг.

значительно помочь въ осуществленіи Кіевскихъ плановъ Мономаха по смерти Святополка. Повидимому, Мономахъ старается до овладѣнія Кіевомъ идти въ ногу съ общественно-церковнымъ настроеніемъ Кіева, расположить къ себѣ своею русскою настроенностью въ церковныхъ дѣлахъ. Такъ, въ своемъ Поученіи дѣтямъ среди прочихъ совѣтовъ, раздаваемыхъ не столько съ цѣлью поученія, сколько съ цѣлью вырисовки себя, какъ князя, предъ обществомъ, Мономахъ пишетъ: „Епископы, и попы и игумены, с любовью взимайте отъ нихъ благословленье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога“ [1]). Здѣсь, конечно, съ умысломъ пропущено упоминаніе митрополита, — черта понятная и дорогая для Кіевскихъ общественныхъ круговъ. Еще ярче рисуетъ желаніе Мономаха привлечь къ себѣ общую любовь и сочувствіе—его отношеніе къ главной національной святынѣ Руси, къ мощамъ свв. Бориса и Глѣба.

Святополкъ, послѣ примиренія съ Кіевскими руководящими кругами въ 1098 г., мѣняется и въ отношеніи почитанія свв. братьевъ. По разсказу Житійнаго сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, написаннаго сторочникомъ Мономаха и въ его княженіе, къ этой перемѣнѣ Святополка принудило чудесное вмѣшательство свв. Бориса и Глѣба въ насилія князя людямъ. Фактъ остается безспорнымъ: „И оттолѣ... на многа времена творяше праздникъ, часто приходя Вышегородѣ лѣтомъ“ [2]). Владиміръ рѣшается затмить Святополка въ этомъ отношеніи, и позолотилъ раки свв. братьевъ. Не безъ умысла всему дѣлу придается видъ глубокой тайны: „И пришедъ ночью премѣри гроба, расклепавъ же дъскы серебряныя, позлати златомъ“. Но почему такая таинственность? Вѣдь никто не запрещалъ тому же Мономаху „мьного приношение творити къ святыма“, какъ не запретилъ Святополкъ Олегу Святославичу „възгра-

[1]) Лаврентьев., 6604 г.

[2]) Срезневскій, И. И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 84.

дити церковь скрушившуюся (во времена Всеволода) Вышегородѣ каменую", что уже конечно нельзя было дѣлать ночью и тайно. Отвѣтъ на вопросъ, почему Мономахъ расклепалъ серебряныя доски гробовъ свв. братьевъ „нощию" и почему „паки тако же пришедъ нощию, обложь, окова чюдодѣйная и достохвалная святая та гроба, тако же нощию отиде" [1],— будетъ ясенъ, если мы спросимъ, а кто же сдѣлалъ свв. братьямъ серебряные гроба, которые позолотилъ лишь Мономахъ? Выставляя Святополка въ самомъ дурномъ свѣтѣ, составитель Житійнаго сказанія, очевидно, не пожелалъ сообщить, что Святополкъ не только лѣтомъ приходилъ творить праздникъ въ Вышгородѣ, но и сдѣлалъ эти серебряные гроба. Владиміръ, желая затмить дѣло Святополка и позолотить гроба, могъ сдѣлать послѣднее только тайно и ночью, чтобы не дать Святополку права счесть этотъ поступокъ за личное оскорбленіе, хотя тайна эта была, конечно, общеизвѣстна. Характерно для Мономаха и то, что онъ не могъ оставить непревзойденной постройку каменной церкви въ Вышгородѣ Олегомъ Святославичемъ и строитъ въ новомъ храмѣ какой-то великолѣпный „теремъ серебренъ", о которомъ разсказчикъ не находитъ словъ восхищенія: „Яко не могу сказати оного оухыщьренна, по достоянию довольнѣ, яко многомъ приходящимъ отъ Грекъ и инѣхъ земль глаголати: нигдѣ же сицея красоты бысть, а многыхъ святыхъ раки видѣли есмы" [2].

Позлащеніе ракъ Мономахомъ относится къ 1102 г. [3], т.-е. до поставленія Лазаря въ Переяславль, а Ивана въ Новгородъ, но погребеніе Евпраксіи Всеволодовны въ Печерскомъ монастырѣ относится къ 1109 г., т.-е. было послѣ поставленія Лазаря и, кажется, Ивана [4]. Въ этомъ нужно усматривать желаніе Мономаха не оттолкнуть до времени

[1]) Срезневскій, И. И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 85.
[2]) Ibidem, стр. 85.
[3]) Ibidem.

Печерскій монастырь, хотя епископы въ открывшіяся въ земляхъ Мономаха каѳедры взяты не изъ обители св. Ѳеодосія. Конечно, понятно, почему Евпраксія не нашла себѣ вѣчнаго упокоенія ни въ св. Софіи, ни въ Десятинной церкви. Она была вторымъ неудачнымъ бракомъ за императоромъ Генрихомъ IV, отъ котораго послѣ громкаго процесса ушла на Русь, гдѣ скоро постриглась (1106 г.). На Западѣ Евпраксія переходила въ католичество, а по возвращеніи домой вернулась въ православіе. Едва-ли можно было расчитывать на погребеніе въ митрополичьихъ храмахъ лица, уходившаго изъ греческаго исповѣданія. Но почему Мономахъ не положилъ тѣло сестры въ Выдубицкомъ отцовскомъ монастырѣ? Погребеніе Евпраксіи сопровождалось, конечно, не только тѣмъ, что „вчиниша над нею божницю, идѣже лежить тѣло ея“ [1]), но и добрымъ вкладомъ на поминъ души, что̀ и показываетъ умѣнье Владиміра скрывать свои думы и чувства отъ тѣхъ, отъ кого можетъ потребоваться поддержка, и до тѣхъ поръ, пока не минуетъ возможность и надобность въ послѣдней.

Не жертвуя популярностью, Мономахъ, кажется, умѣлъ ладить и съ противной стороной, найдя возможность установить добрыя отношенія съ новымъ митрополитомъ Никифоромъ. Такъ, выдавая въ 1112 г. свою дочь Евфимію „въ Оугры за короля“, Мономахъ обращается къ митрополиту съ вопросомъ, „како отвръжени быша Латина отъ святыя соборныя и правовѣрныя церквы“ [2]). Такое пріуроченіе посланія митрополита Никифора объ отверженіи Латинянъ вполнѣ допустимо, если вспомнить, какіе упреки получилъ Всеволодъ отъ митрополита Іоанна, когда выдавалъ свою дочь Евпраксію за императора Генриха IV (§ 47). Конечно, отвѣтное посланіе митрополита не помѣшало Мономаху выдать дочь „въ Оугры“, но нужно думать, что митрополитъ былъ польщенъ

[1]) Ипатьев. 6617 г.

[2]) Поповъ, А. Истор.-лит. обзоръ др.-рус. полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ. М. 1875, стр. 101.

заботливостью князя по такимъ больнымъ для грека вопросамъ.

Все это даетъ право думать, что Мономаху удалось привлечь къ себѣ симпатіи правящихъ верховъ Кіева, даже разныхъ теченій среди нихъ, чѣмъ и объясняется возможность его появленія въ Кіевѣ по смерти Святополка. Но о симпатіяхъ къ Мономаху широкихъ круговъ нѣсколько преувеличиваютъ, когда говорятъ, что они были прочны и глубоки, основываясь на роли Мономаха въ Половецкихъ походахъ, гдѣ онъ еще въ послѣдніе годы жизни Святополка взялъ все дѣло въ свои руки [1]). Конечно, Мономахъ боролся упорно и мужественно, но есть основанія думать, что первую роль въ походахъ игралъ Кіевскій князь Святополкъ, какъ изображалъ это Несторъ въ своемъ лѣтописномъ Сводѣ, дошедшемъ до насъ въ передѣлкѣ игумена Сильвестра 1116 г., которая и выдвинула Мономаха на первый планъ (§ 95*в*).

§ 94*б*. Въ томъ же 1105 г., когда митрополитъ Никифоръ поставилъ Амфилохія во Владиміръ, Лазаря—въ Переяславль, былъ поставленъ въ Полоцкъ Мина, постриженникъ Печерскаго монастыря. Въ этомъ поставленіи нужно видѣть рѣшеніе церковнаго вопроса для Полоцка, гдѣ Всеславу не удалось вырвать отъ Ярославичей ни Новгорода, ни Смоленска, ни добиться епископіи до самой смерти въ 1101 г., несмотря на войны 70-хъ [2]) и 80-хъ годовъ. По смерти Всеслава среди его сыновей произошли, видимо, которы, и лѣтопись помнитъ участіе Святополка, пославшаго Путяту, Мономаха, пославшаго сына Ярополка и Олега Святославовича—въ походѣ на Глѣба Всеславича Минскаго за брата его Давида: „и не въспѣша ничтоже, и возвратишася опять“ [3]). Это было въ 1104 г., а въ 1105 г. Полоцкъ получаетъ епископа. Не забудемъ, что Глѣбъ Всеславичъ былъ въ родствѣ съ Свято-

[1]) Грушевський, М. Історія України-Руси, т. II, вид. др., стр. 106

полкомъ, такъ какъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича. Этотъ Глѣбъ и жена его были извѣстны своею преданностью Печерской обители, какъ и Ярополкъ Изяславичъ, завѣщавшій по себѣ монастырю „всю жизнь свою“ [1]). Скоро послѣ поставленія въ Полоцкъ постриженника Печерской обители—Мины, въ 1108 г. „трапезницю кончаша Печерьскаго манастыря при Фектистѣ игуменѣ, юже заложи повеленьемъ Глѣбовымъ, иже ю истяжа“ [2]). Позднѣе, Глѣбъ съ женою сдѣлали въ Печерскую обитель огромный вкладъ, который послѣ смерти Глѣба былъ еще болѣе усиленъ его вдовою, завѣщавшей послѣ своей смерти „все и до повоя“ за великую честь лежать вмѣстѣ съ мужемъ „оу св. Федосья оу головахъ“ [3]).

§ 95*а*. Перемѣна отношеній Святополка къ монастырю Печерскому въ 1098 г. сопровождалась при новомъ митрополитѣ для монастыря существенными результатами. И прежде всего, повидимому, монастырь могъ съ облегченіемъ почувствовать усвоеніе княземъ мысли объ Аѳонскихъ порядкахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. „Того же лѣта вложи Богъ въ сердце аньхимандриту игумену Печерьскому, нача понужати Феоктистъ Святополка князя вписати Феодосья в синаникъ, Богоу тако изволшю. Святополкъ же радъ бысть вообѣщася створити се. И се вѣды житье его и нача Святополкъ оузѣщати житье Федосьево, и велѣ и вписати в сѣнаникъ, еже створи митрополитъ, вписа его в сѣнаникъ. Повелѣ же митрополитъ по всѣмъ епископьямъ вписати Федосьа в сѣнаникъ, вси же епископи с радостью вписаша, и поминаютъ его во всѣхъ сборѣхъ“ [4]). Княжескимъ повелѣньемъ Ѳеодосій, какъ видимъ, получаетъ признаніе церковное, но не полное. Въ этомъ частичномъ—по выраженію Е. Е. Голубинскаго [5])—при-

[1]) Ипатьевск., 6666 г.
[2]) Ibidem, 6616 г.
[3]) Ibidem, 6666 г.
[4]) Ibidem, 6616 г.

знаніи нужно усматривать извѣстный компромиссъ между княжескимъ желаніемъ объявить Ѳеодосія святымъ, какъ это и было сдѣлано, конечно, въ монастырѣ, и противодѣйствіемъ митрополита, едва-ли согласившагося на этотъ Аѳонскій порядокъ не только въ монастырѣ, но и во всей русской церкви. Краткая запись лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ читателѣ, что возбужденное Ѳеоктистомъ дѣло нашло сочувствіе не только въ князѣ („Святополкъ же радъ бысть"...), но и въ епископахъ („вси же епископи с радостью вписаша"...), кромѣ митрополита, который только уступалъ радующемуся князю и радующимся епископамъ.

§ 95б. Любопытно, что Ѳеоктистъ названъ здѣсь архимандритомъ, тогда какъ раньше и позже (до конца XII в.) во главѣ монастыря стоятъ просто игумены. А. А. Шахматовъ указалъ, что Ипатьевскій сводъ пользовался недошедшей до насъ Кіево-Печерской лѣтописью, гдѣ въ концѣ XII в. редакторъ ея исправилъ титулъ Ѳеоктиста на архимандричій, потому что въ ту пору, дѣйствительно, Печерскій монастырь сталъ архимандритіей [1]). Но такое предположеніе не объясняетъ, почему нѣтъ этого титула передъ именами другихъ игуменовъ Печерскихъ, бывшихъ послѣ Ѳеоктиста. Нельзя ли отнести поэтому титулъ Ѳеоктиста къ другому „повелѣнію" князя Святополка лично Ѳеоктисту, кончившемуся для игуменовъ Печерскихъ съ переходомъ послѣдняго на Черниговскую каѳедру тѣмъ болѣе, что кромѣ возраженій митрополичьей каѳедры теперь могли послѣдовать и возраженія новаго Кіевскаго князя.

Такъ Печерскій монастырь съ 1098 г. сталъ подъ княжескую руку и почувствовалъ себя вполнѣ охраненнымъ отъ власти и вмѣшательства митрополіи. Отъ нея нужное монастырь получаетъ черезъ князя его повелѣніемъ, какъ это было

съ канонизаціей Ѳеодосія, какъ это было и со вступленіемъ новаго игумена, послѣ ухода въ Черниговъ Ѳеоктиста (1112 г.). „Сему же тако бывшю (разумѣется поставленіе Ѳеоктиста въ епископы) и братьи сущи безъ игумена. Совокупившимся братьи всѣи и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина и възвистиша митрополиту и князю Святополку о немь. И повелѣ князь митрополиту поставити с радостью, и поставленъ бысть недѣлѣ масленоѣ в четвергъ, мѣс. февраля въ 9 день, и тако внидоша в постъ братья и со игуменомъ“ [1]). Такъ казалась почти сбывшейся мечта Нестора, изложенная въ Житіи Ѳеодосія, о правѣ братіи избирать себѣ игумена безъ вмѣшательства епископской власти митрополита.

§ 95*а*. Лѣтопись, веденная въ эту пору въ Печерскомъ монастырѣ, повидимому, имѣла въ виду показать, что дружба Святополка съ монастыремъ была выгодной и полезной не только монастырю. Благодатная помощь обители св. Ѳеодосія давала возможность князю съ успѣхомъ бороться противъ Половцевъ. Не удивительно, что монастырь старается связать себя съ геройскими походами князей начала XII в. на Половцевъ. Но удивительно то, что именно эта часть работы Нестора надъ лѣтописаніемъ встрѣтила рѣзкое осужденіе со стороны Мономаха. Есть основаніе думать, что послѣднее случилось потому, что Несторъ воспѣвалъ не только благодатную помощь монастыря, но и доблести руководителя походовъ— Святополка, тогда какъ новый Кіевскій владѣлецъ себѣ желалъ приписать всю славу Половецкихъ раззореній.

Какъ указывалось А. А. Шахматовымъ [2]), послѣ смерти князя Святополка, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ былъ составленъ трудами знаменитаго Нестора новый лѣтописный Сводъ, доводившій изложеніе до года смерти князя. Въ 1116 г. игуменъ Выдубицкаго монастыря Сильвестръ переработалъ эту лѣтопись Нестора, главнымъ образомъ конецъ ея, гдѣ годы

[1]) Ипатьевск., 6620 г.

[2]) Шахматовъ, А. А. Разысканія

1110—1113 совсѣмъ опустилъ [1]). По работѣ Поликарпа, одного изъ составителей Кіево-Печерскаго Патерика, пользовавшагося подлинною лѣтописью Нестора, видимъ, что Сильвестръ опускалъ не безъ умысла тѣ или другія извѣстія Свода Нестора. Легко прослѣдить очень рѣшительную наклонность Сильвестра къ Мономаху, въ семейномъ монастырѣ котораго онъ и игуменствовалъ. Такъ въ переработкѣ Сильвестра опущенъ разсказъ Нестора о столкновеніи Ростислава Всеволодовича съ монахомъ Печерскаго монастыря Григоріемъ, кончившемся потопленіемъ Григорія по приказанію князя, которому Григорій предрекъ скорую смерть; такъ опущенъ разсказъ о заточеніи Святополкомъ въ Туровъ игумена Печерскаго монастыря Ивана и о казни Мстиславомъ Святополковичемъ двухъ монаховъ Печерскаго монастыря, вѣроятно, потому что въ лѣтописи Нестора это было изложено такъ, что выставляло Святополка не съ дурной стороны, тѣмъ болѣе что заканчивалось все разсказомъ о примиреніи Святополка съ обителью; такъ опущенъ разсказъ о чудесномъ предсмертномъ благословеніи, полученномъ Святополкомъ передъ походомъ 1107 г. отъ монаха Прохора, хотя оставлено мѣсто, гдѣ говорится объ обычаѣ Святополка предъ битвою заходить въ Печерскую обитель покланяться гробу Ѳеодосія; наконецъ, Сильвестръ передѣлалъ разсказъ Нестора о трехъ огненныхъ столпахъ, появившихся въ Печерскомъ монастырѣ въ 1110 г. и означавшихъ кончину трехъ братьевъ монастыря (Кукши, Никона и Пимена), что связывалось, какъ благодатная помощь, съ походомъ 1111 г., гдѣ участвовали тоже три князя (Святополкъ, Владиміръ и Давидъ),—при чемъ въ передѣлкѣ Сильвестра три столпа превратились въ одинъ, а упоминаніе о кончинѣ трехъ братьевъ монастыря совсѣмъ пропало. Во второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ (1118 г.) столпъ даже оказался явленнымъ, какъ небесное покровительство, Владиміру; очевидно, этотъ

---

[1]) Ср. Начальную Кіевск. сводку и Не-

второй редакторъ правильно понялъ мысль Сильвестра: „Се бо якоже рекохомъ видинье видиша в Печерьскомъ манастыри еже стояше столпъ огненъ на тряпезници, также преступѣ на цьрковь и отдуда к Городцю: ту бо бяше Володимеръ в Радосыни, и тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце нача понужати, якоже рекохомъ"... [1]). По труду Поликарпа мы знаемъ, что̀ изъ Свода Нестора опустилъ Сильвестръ, но только о столпахъ и благословеніи Прохора Святополку знаемъ, какъ онъ передѣлалъ эти извѣстія. Однако, является возможность думать, что передѣлки этими случаями не ограничились, а затронули и всѣ тѣ, гдѣ теперь въ Повѣсти вр. лѣтъ Владиміръ Мономахъ въ совѣщаніяхъ заставляетъ Святополка отказываться отъ своего мнѣнія и всегда въ томъ смыслѣ, чтобы идти въ походъ и получить побѣду. Нельзя допустить, чтобы также все это читалось въ Сводѣ Нестора, имѣвшемъ цѣлью восхвалить Святополка. Къ счастію, мы можемъ приблизительно судить, какъ излагалъ Несторъ, по случайно уцѣлѣвшему отрывку: „Святополкъ же приде [2]) завътреню в Печерскыи манастырь на оуспенье св. Богородица и братья цѣловаша и радостью великою, яко врази наши побѣждены быша молитвами св. Богородица и великого Федосья, отца нашего. И тако бо обычаи имяше Святополкъ: коли идяше на воину или инамо оли поклонивсѧ въ гроба Федосьева и молитву вземъ оу игумена сущаго тоже идяше на путь свои" [3]).

§ 95г. При жизни Святополка, какъ уже знаемъ, въ 1112 г. случилось поставленіе на Черниговскую каѳедру, освободившуюся за смертью епископа Ивана въ 1111 г., архимандрита Печерскаго монастыря Ѳеоктиста, и это послѣднее извѣстное намъ поставленіе на епископскую каѳедру постриженника Печерскаго монастыря на долгое, повидимому, время, такъ какъ домъ Мономаха, утвердившись въ Кіевѣ, не придерживался

[1]) Ипатьев., 6619 г.
[2]) Лаврент., 6615 г.

традицій Печерскаго монастыря, который, естественно, уходитъ въ тѣнь родового Всеволодова монастыря—Выдубицкаго. Черниговская каѳедра находилась въ политическомъ обладаніи Давида Святославича, духовникомъ котораго и былъ Ѳеоктистъ. Въ дальнѣйшемъ, мы увидимъ, что среди Святославичей долго жила любовь къ Печерскому монастырю и русскому его направленію, пока междукняжеская борьба въ домѣ Мономаха не заглушила во втянутыхъ въ нее Черниговскихъ князьяхъ интереса къ дѣламъ церковнымъ.

§ 96. Какъ отмѣчена была смерть Святополка въ Сводѣ Нестора, съ увѣренностью сказать не можемъ, но во всякомъ случаѣ тамъ говорилось болѣе того, что̀ читаемъ теперь въ Ипатьевской, гдѣ лишь указано мѣсто смерти князя, да прибавлено: „и плакашеся по немь боляре и дружина его вся, пѣвше над нимь обычныя пѣсни и положиша въ церкви св Михаила, юже бѣ самъ создалъ. Княгини же его много роздали богатьство монастыремъ и попомъ и убогымъ, яко дивитися всѣмъ чловѣкомъ, яко такоя милости никтоже можетъ створити“ [1]). Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что плакались по Святополку только „боляре и дружина его вся“, такъ какъ здѣсь явное желаніе показать, что плакались лишь близкіе, а остальные радовались приходу Владиміра на мѣсто Святополка въ Кіевъ, остановимся на томъ, что совершенно не сказано, какъ хоронили князя, такъ какъ слова: „пѣвше над нимь обычныя пѣсни“—не даютъ понять, насколько торжественна была обстановка, и участвовалъ ли въ ней, напр., митрополитъ, который въ этомъ же году встрѣчаетъ въ Кіевѣ Мономаха [2]). Къ этому присоединяется совершенно необычное для Кіевскаго князя погребеніе Святополка въ его княжомъ монастырѣ, гдѣ онъ за пять лѣтъ до того заложилъ церковь св. Михаила „Золотоверхую“ [3]). Неупоминаніе участія митро-

[1]) Ипатьев. 6621 г.
[2]) Ibidem.

полита въ погребеніи Святополка, погребеніе его не въ Десятинной церкви и не въ св. Софьи, а въ церкви своего монастыря—даютъ право говорить о какихъ-то недобрыхъ отношеніяхъ къ нему митрополита. Да оно и понятно, если вспомнить „повелѣнія“ Святополка митрополиту, едва-ли вызывавшія у митрополита сочувствіе. Едва взялъ Владиміръ столъ Святополка, какъ въ томъ же году „поставиша епископа Данила Гургеву, а Бѣлугороду Никиту“ [1]), и это въ связи съ предыдущимъ можно понять такъ, что обѣ каѳедры не освободились сейчасъ же по смерти Святополка, а вдовѣли еще при Святополкѣ, но вслѣдствіе недобрыхъ отношеній князя съ митрополитомъ—не замѣщались.

§ 97. Смерть Святополка, какъ извѣстно, открыла дорогу въ Кіевъ его давнему сопернику—Мономаху. Какъ случилось это событіе, мы возстановить съ точностью не можемъ, потому что въ лѣтописномъ изложеніи и предложеніе Владиміру занять столъ Кіевскій и разграбленіе двора тысяцкаго Путяты и „Жидовъ“ и, наконецъ, новое посланіе къ Владиміру съ предложеніемъ скорѣе идти въ Кіевъ, чтобы не послѣдовало дальнѣйшаго разграбленія домовъ „ятрови“ князя, бояръ и даже монастырей—все исходитъ отъ „Кіянъ“, которые такимъ образомъ и приглашаютъ Владиміра, и грабятъ, и вновь приглашаютъ, чтобы прекратить тѣмъ свой же грабежъ. Однако, отмѣтимъ въ этомъ изложеніи, что вслѣдъ за разграбленіемъ двора тысяцкаго Путяты и „Жидовъ“ бунтующее населеніе имѣетъ въ виду грабить, кромѣ ятрови Владиміра, бояръ и монастыри. Сопоставимъ это съ изложеніемъ обстоятельствъ вступленія Владиміра на Кіевскій столъ въ Житійномъ сказаніи о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, гдѣ сообщается, что по преставленіи Святополка „много мятежю бывшю и крамолѣ въ людехъ и молвѣ немалѣ и тъгда совокупившеся вси людие паче же болшии и нарочитии мужи шедше причтомъ всихъ людии

[1]) Ипатьевск., 6621 г.

молиху Володимера да шедъ оуставить крамолу сущюю въ людехъ. И вѣшедъ оутоли мятежь и голку людьскую и прия княжение Рускыѣ земли" [1]). Кажется, во-первыхъ, — здѣсь яснѣе можно понять, какіе Кіяне звали Владиміра, а какіе грабили дворы, а во-вторыхъ,—нѣтъ и рѣчи о двухъ приглашеніяхъ Владиміра. Не было ли дѣло такъ, что смерть Святополка вызвала попытку низовъ („людей") расправиться съ правящими, такъ сказать княжескими верхами, и не исходило ли приглашеніе Владиміра на столъ именно изъ круговъ „болшихъ и нарочитыхъ мужей" и монастырей, — а не ото всѣхъ Кіянъ, какъ изображаетъ лѣтопись. Что круги эти послѣ примиренія ихъ со вступленіемъ Святополка на Кіевскій столъ не упускались Владиміромъ изъ виду, и, какъ указывалось, вызывали съ его стороны рядъ шаговъ, направленныхъ къ укрѣпленію своей среди нихъ популярности, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Не вызываетъ, поэтому, удивленія и торжественная встрѣча, которую увидѣлъ Владиміръ въ Кіевѣ, гдѣ „оусрѣтоша и митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всими Кияне с честью великою" [2]), гдѣ если „всѣ Кіяне" больше звучитъ оффиціальнымъ описаніемъ, то искреннее участіе митрополита вполнѣ понятно при умѣньи Владиміра и съ нимъ держать добрыя отношенія. На вопросъ, какіе епископы могли быть при встрѣчѣ Владиміра, укажемъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ каѳедры Бѣлгорода и Юрьева вдовѣли; Ѳеоктистъ, поставленный въ Черниговъ 12 января этого года, былъ уже 19-го въ Черниговѣ [3]), такъ что едва-ли былъ въ Кіевѣ въ апрѣлѣ; какъ за дальностью разстоянія не могли успѣть и Иванъ Новгородскій, и Мина Полоцкій; слѣдовательно, присутствовали епископы Амфилохій Владимірскій и Лазарь Переяславскій.

---

[1]) Срезневскій, И. И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 86.

§ 98. Вступленіе Владиміра въ Кіевъ выдвигало домъ Всеволода на первый планъ съ большой силой, потому что къ своимъ владѣньямъ Мономахъ присоединилъ теперь еще всю „Кіевскую волость", т.-е. Кіевское и Туровское княжества. Въ томъ же году Мономахъ приступаетъ къ устройству въ Кіевской землѣ дѣлъ церковныхъ, такъ какъ Юрьевская и Бѣлгородская каѳедры при Святополкѣ (не знаемъ какъ долго) вдовѣли. Ипатьевская сообщаетъ, что въ Юрьевъ былъ поставленъ Данила, а въ Бѣлгородъ—Никита [1]). Между тѣмъ въ Лаврентьевской названъ Данила — безъ указанія каѳедры, но съ указаніемъ времени поставленія — 6 янв. — и Кириллъ („Томже лѣтѣ поставиша Кирила епископомъ, мѣс. ноября въ 6 день") [2]), Никита же не названъ. Къ счастью, мы можемъ сказать, что всѣ каѳедры тогда были заняты (Иванъ—въ Новгородѣ, Никита—въ Бѣлогородѣ, Даніилъ — въ Юрьевѣ, Ѳеоктистъ—въ Черниговѣ, Амфилохій—во Владимірѣ, Лазарь—въ Переяславлѣ, Мина — въ Полоцкѣ), за исключеніемъ каѳедры Ростова, которую, повидимому, Мономахъ желалъ замѣнить каѳедрой Смоленска, но обѣ каѳедры оставались свободны не только во время Мономаха, а, кажется, до 1137 года,— такъ что Кирилла просто некуда было поставить. Обычное помѣщеніе Кирилла въ Туровъ—не основательно, такъ какъ каѳедра эта, какъ увидимъ, еще не была открыта. Недоумѣніе можетъ объясниться, если посмотрѣть на упоминаніе Никиты въ Ипатьевской подъ 6623 г., гдѣ при перечисленіи епископовъ, бывшихъ на перенесеніи мощей свв. братьевъ въ новую каменную церковь, сказано, что былъ митрополитъ Никифоръ „с попомъ Никитою Бѣлогородьскымъ". Не здѣсь ли отгадка непонятнаго поставленія „Кирила епископомъ" Лаврент. лѣтописи? Одно изъ именъ могло быть поповскимъ, другое монашескимъ одного и того же лица, поставленнаго въ епископы изъ поповъ. Наше предположеніе исключаетъ возможность въ

[1]) Ипатьевск., 6621 г.
[2]) Лаврент., 6622 г.

написаніи „с попомъ Никитою Бѣлогородьскымъ“ видѣть непонятое „съ епископомъ“ на томъ основаніи, что какъ разъ въ то время въ Кіевѣ это было не единичный, почему-то, случай поставленія поповъ или вѣрнѣе изъ поповъ на высокіе посты церкви. Такъ въ 1108 году въ Новгородъ поставленъ Иванъ „Попининъ“ или „Попіанъ“ [1]), а въ 1112 году въ Печерскій монастырь по избранію братіи поставленъ Прохоръ „попинъ“ [2]).

§ 99. Во времена Святополкова княженія въ Кіевѣ, Мономахъ, какъ видѣли выше (§ 94*a*), умѣло держитъ отношенія дружбы и съ митрополитомъ Никифоромъ, и съ Печерскимъ монастыремъ и сочувствующими послѣднему общественными кругами. По вступленіи своемъ на золотой Кіевскій столъ Мономахъ долженъ былъ открыть свое истинное направленіе въ дѣлахъ церковныхъ, и мы видимъ, что, оставаясь въ старой дружбѣ съ митрополитомъ, онъ сразу вступаетъ въ рѣзкую борьбу съ монастыремъ. По посланію митрополита Никифора къ Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ [3]), драгоцѣнному по живой характеристикѣ князя, полному, къ сожалѣнію, намъ неуловимыхъ намековъ, написанному въ искательныхъ тонахъ,—мы можемъ судить, что отношенія Мономаха къ митрополиту были добрыми и прочными съ заискиваніемъ со стороны Никифора.

Около этого времени и во всякомъ случаѣ еще при жизни Владиміра написанный разсказъ Василія объ ослѣпленіи Василька, замѣнившій въ Повѣсти вр. лѣтъ разсказъ объ этомъ же Нестора,—говоритъ о дружественныхъ отношеніяхъ Владиміра къ митрополиту, перенося ихъ на предшественника Никифора—Николая, такъ какъ излагаетъ событіе 1097 г.: „Володимеръ... послуша... и митрополита тако же чтя санъ

---

[1]) Въ Новгор. 2-ой непонятое: „попомъ жилъ 20 лѣтъ“, а Иванъ епископомъ былъ 20 лѣтъ (см. Голубинскій, Е. Исторія русской церкви,

святительскыи, не прѣслуша молбы его. Володимеръ же такъ есть любьзнивъ, любовь имѣя к митрополитомъ і къ епископомъ, паче же черноризенькии чинъ любя" [1]).

Такія отношенія къ митрополиту предполагаютъ дурныя отношенія къ Печерскому монастырю. И мы, дѣйствительно, видимъ, что оба только-что поставленные Мономахомъ къ себѣ епископа не были изъ постриженниковъ Печерской обители. Вспомнимъ, что это уже третій и четвертый случай, когда Владиміръ не беретъ епископовъ изъ монастыря св. Ѳеодосія на открывавшіяся каѳедры (какъ Лазарь — въ Переяславль, Иванъ—въ Новгородъ). Затѣмъ сюда же нужно отнести передѣлку лѣтописнаго Свода Нестора, доводившаго изложеніе до 1113 г., предпринятую въ Выдубицкомъ Всеволожемъ монастырѣ игуменомъ его Сильвестромъ (между 1113—1116 г.г.), конечно, по указанію Мономаха. Этого Сильвестра въ 1118 г., по смерти епископа Лазаря, Владиміръ ставитъ въ Переяславль. Не лишне упомянуть, что по Кіевской лѣтописи, доведенной до 1200 г. [2]), какую читаемъ въ Ипатьевскомъ сводѣ, мы имѣемъ основаніе думать, что литературная работа Печерской обители, лѣтописаніемъ которой пользовался редакторъ Кіевской лѣтописи 1200 г.,—прервалась послѣ работъ Нестора на все время княженія въ Кіевѣ Мономаха, какъ и на ближайшее къ нему время. Первою лѣтописною записью Печерскаго монастыря послѣ упоминанія объ избраніи игуменомъ Прохора попина, которое нужно отнести ко времени еще Святополка, „повелѣніемъ" котораго Прохоръ былъ поставленъ,—является краткая замѣтка о смерти Прохора подъ 1126 г. [3]), такая же подъ 1130 г. о покованіи раки Ѳеодосія, и только ко второй половинѣ XII в. наблюдается въ обители вновь оживленіе литературной работы. Можно задаться вопро-

[1]) Ипатьевск., 6605 г.

[2]) Шахматовъ, А. А. Кіевопечер. Патерикъ и Печер. лѣтопись. (Изв. отд. рус. яз. и слов. 1897, кн. 3, стр. 824).

сомъ, во что же теперь отлились отношенія монастыря съ митрополичьей каѳедрой, если нѣтъ надъ нимъ опекающей руки Кіевскаго князя, какъ это было до вступленія Мономаха въ Кіевъ. Рѣзкаго измѣненія въ положеніи Печерскаго монастыря относительно каѳедры мы, однако, при Мономахѣ не видимъ, что нельзя не поставить въ связь съ любовью и преданностью обители св. Ѳеодосія Черниговскихъ Святославичей, съ которыми Мономаху приходилось считаться.

§ 100. Междукняжескія отношенія эпохи Мономахова княженія въ Кіевѣ привели къ прочному вмѣшательству въ намъ неизвѣстныя ближе дѣла Полоцка. Въ 1116 году между Мономахомъ и Глѣбомъ Минскимъ произошла борьба, возобновившаяся опять черезъ два года, и окончившаяся „выведеніемъ" Глѣба изъ Минска и „приведеніемъ" въ Кіевъ, гдѣ Глѣбъ и скончался въ томъ же (1119) году. Тѣло его, какъ одного изъ самыхъ горячихъ почитателей обители Ѳеодосія и крупнѣйшаго вкладчика, было положено въ Печерскомъ монастырѣ „оу головахъ" Ѳеодосія.

Скоро послѣ перваго замиренія Глѣба вспыхнула борьба съ Ярославомъ Святополковичемъ, не терявшимъ, видимо, надеждъ на Кіевъ [1]). Борьба привела къ бѣгству Ярослава въ Польшу и овладѣнію Мономахомъ Волынью (1117 г.). Правда, въ 1123 году Ярославъ сумѣлъ въ союзѣ съ Ростиславичами и съ помощью Поляковъ, Венгровъ и Чеховъ поставить Мономаха въ затруднительное положеніе, но случайная смерть Ярослава отъ руки какихъ-то двухъ Ляховъ, едва-ли не наемныхъ убійцъ, — окончательно закрѣпила за Владиміромъ Волынь. Лирическія отступленія лѣтописца при разсказѣ объ этомъ событіи свидѣтельствуютъ, конечно, не о правотѣ Мономаха, а лишь о безусловной преданности автора его дому.

§ 101. Въ 1115 году произошло большое церковное торжество: освященіе новаго храма въ Вышгородѣ и перенесеніе

ракъ съ тѣлами Бориса и Глѣба. Торжество это было дѣломъ Олега Святославича, создателя храма. Онъ выступаетъ въ одной подробности описанія именно какъ устроитель торжества и хозяинъ праздника: князья и духовенство по освященіи храма „обѣдаша оу Ольга“ [1]), хотя и въ лѣтописи, и въ Житійномъ сказаніи на первое мѣсто ставится Владиміръ [2]). Въ торжествѣ этомъ участвовалъ митрополитъ Никифоръ и епископы: Ѳеоктистъ—Черниговскій, Лазарь—Переяславскій, Никита—Бѣлгородскій, Давидъ—Юрьевскій [3]) и Мина—Полоцкій [4]) и цѣлый соимъ игуменовъ съ Прохоромъ Печерскимъ во главѣ. Но торжество прошло не совсѣмъ гладко, между князьями возникъ споръ о мѣстѣ поставленія ракъ: Владиміръ желалъ поставить ихъ посреди церкви, такъ какъ приготовилъ „теремъ серебренъ“, долженствующій затмить даръ свв. братьямъ Олега, а Олегъ и Давидъ — желали „поставити я в комару, идеже отець мои назнаменалъ, на правон сторонѣ, идеже бяста оустроенѣ комарѣ има“ [5]). Въ этой мотивировкѣ Олега („отець мои“, вѣроятно, изъ рѣчи Олега) любопытно обоснованіе желаніемъ отца его, Святослава, который, дѣйствительно, „оумысли създати церковь камену святыма, и създавъ ю до и лакоть възвышеи, преставися“ [6]). Споръ могъ возгорѣться съ большой силой, потому что если храмъ началъ строить Святославъ, то продолжалъ Всеволодъ, и политическое обладаніе Вышгородомъ было сейчасъ въ рукахъ сына Всеволода, приготовившаго и „теремъ“ удивительной красоты и работы. Любопытно упорство обѣихъ сторонъ. По Лаврентьевской можно судить, какъ продолжительна была распря: церковь

[1]) Ипатьевск., 6623 г.

[2]) Не лишено можетъ быть въ указанномъ смыслѣ значенія то, что Ѳеоктистъ Черниговскій стоитъ и въ лѣтописи, и въ Житійномъ сказаніи на первомъ мѣстѣ послѣ митрополита, какъ епископъ Черниговскихъ князей—устроителей новаго храма.

[3]) Ипатьевск., 6623 г.

[4]) Срезневскій, И. И. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 87.

[5]) Ипатьевск., 6623 г.

святили 1 мая, перенесеніе мощей было 2 мая, и только, „а въ 4-й день поставиша я в рацѣ на мѣсту“ [1]). Дѣло по предложенію митрополита и епископовъ пришлось рѣшить жребіемъ. Описанія этого торжества единогласно сходятся на огромности количества пожелавшихъ принять участіе въ праздникѣ и даже о затруднительности, которая возникла вслѣдствіе этого въ церемоніи. Это даетъ право заключить, что почтеніе къ свв. братьямъ, какъ національной святыни, было уже доступно широкимъ кругамъ населенія. Вотъ почему Владиміръ, тонкій и осмотрительный политикъ, не позволялъ никому перебить свою славу пламеннаго поклонника Вышгорода.

Замѣчательно, что по устроеніи новой церкви и вторичномъ перенесеніи мощей въ 1115 году появляются три произведенія духовной литературы: Проложное сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, Житійное сказаніе и Паримійное чтеніе, воспользовавшіяся Начальнымъ Сводомъ и Несторовымъ сказаніемъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Появленіе Житійнаго сказанія, явно пристрастнаго въ своей дополнительной части къ Мономаху, можно объяснить только нежеланіемъ пользоваться работою Нестора, какое, очевидно, было у Мономаха при его отношеніяхъ съ Печерскою обителью.

Въ 1117 году Владиміръ заложилъ церковь каменную „прекрасну“ свв. братьямъ „на Льтѣ“ [2]), „идеже св. Бориса кровь прольяна бысть“ [3]). Конечно, это было новое свидѣтельство „великой вѣры“, которую Владиміръ „стяжа к Богу и сродникома своима, и святыма мученикома Борису и Глѣбу“. Церковь эта характеризуется лѣтописцемъ, какъ „милая“ Владиміру [4]). Случайно узнаемъ, что въ Черниговѣ построена церковь свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, и скончавшійся передъ тѣмъ за 2 года (1123) Давидъ Святославичъ въ ней

[1]) Лаврент., 6623 г.
[2]) Ипатьевск. и Лаврент., 6625 г.

погребается [1]). Соревнованіе Чернигова съ Кіевомъ не прекращалось, значитъ, и въ дальнѣйшемъ. При такой изощренной преданности памяти первыхъ русскихъ святыхъ пустымъ мѣстомъ остается въ біографіи Мономаха его отношеніе къ памяти и обители св. Ѳеодосія.

§ 102. Съ чувствомъ живого удовлетворенія могъ Мономахъ оглянуться въ концѣ своей жизни на положеніе своего дома въ Русской землѣ. Ему принадлежали огромныя земли, лишь Черниговское и Галичское княжества находились въ чужихъ рукахъ, да въ Полоцкомъ подъ его рукою сидѣли князья особой вѣтви. И поразительно, что при такой политической силѣ Мономахъ остается глухимъ къ національнымъ заданіямъ русской церкви, если не считать его почитанія свв. братьевъ. Нѣтъ рѣшительно ни одного шага, въ которомъ можно бы было подмѣтить желаніе полегчить греческую руку.

Когда въ 1116 г. „Леонъ царевичь зять Володимерь“ пошелъ на императора Алексѣя и, послѣ занятія нѣсколькихъ городовъ на Дунаѣ, палъ отъ руки подосланныхъ императоромъ убійцъ, Владиміръ сдѣлалъ попытку удержать города зятя и „посла Ивана Вонтишича и посажа посадники по Дунаю“, а потомъ посылалъ сына Вячеслава „с Фомою Ратиборичемъ“, но все предпріятіе кончилось неудачно. Трудно сказать, какъ отразилось это на отношеніяхъ митрополита къ Мономаху, но въ Византіи, повидимому, очень чутко отозвались на этотъ шагъ Кіевскаго князя. Несомнѣнно въ связи съ приведеннымъ извѣстіемъ стоитъ запись 1122 г.: „ведена Мьстиславна въ Грѣкы за царь и митрополитъ Никита приде изъ Грекъ“ [2]). Митрополитъ Никифоръ скончался въ предыдущемъ году, въ апрѣлѣ [3]). Можетъ быть, сюда же нужно от-

[1]) Лопаревъ, Х. М. Слово Похвальное на перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба (Памятники др. письменности, XCVIII), стр. 17.

[2]) Ипатьевск., 6630 г.

вести извѣстіе о перенесеніи изъ Константинополя въ Кіевъ мощей Іоанна Крестителя [1]), что̀ являлось незаурядным, конечно, церковнымъ торжествомъ и вызвано было желаніемъ Грековъ выразить тѣмъ почетъ и уваженіе къ Мономаху.

§ 103. Мономахъ, какъ личность, стоитъ передъ нами съ большою выпуклостью на фонѣ тѣхъ „именъ и именъ", на которыя жаловался знаменитый историкъ русской церкви. О Мономахѣ, кромѣ лѣтописныхъ надгробныхъ словъ, проникнутыхъ большимъ придворнымъ лиризмомъ, имѣемъ рядъ данныхъ, сходящихся въ общей оцѣнкѣ. И митрополитъ Никифоръ въ своемъ Поученіи, и неизвѣстный Василій въ своемъ Сказаніи объ ослѣпленіи Василька, и, наконецъ, самъ Мономахъ въ своемъ Поученіи дѣтямъ—рисуютъ предъ нами живую фигуру князя, проникнутаго религіозностью и церковностью, нищелюбца, гостепріимца, воздержаннаго въ ѣдѣ и питьѣ, князя неутомимаго въ трудахъ и походахъ. Но къ этой характеристикѣ личности Мономаха странно на нашъ современный взглядъ идутъ тонкіе ходы его политики, не всегда честныхъ и прямыхъ путей въ достиженіяхъ, иногда прямого вѣроломства, какъ бы ихъ ни старались иначе освѣтить или просто затемнить лѣтописцы. Здѣсь достаточно вспомнить ужасную расправу, которую допустилъ Мономахъ, нарушая клятву, съ „Итаревою чадью" въ 1095 г. [2]) или несчастную смерть Ярослава Святополковича въ 1123 г. [3]), гдѣ, кажется, трудно сомнѣваться, откуда взялись „два Ляха". Но въ этой раздвоенности на нашъ взглядъ личности Мономаха была живая ему дѣйствительность, правда, не русскаго происхожденія: передъ нами портретъ или, вѣрнѣе, копія съ обычнаго типа византійскаго издѣлья. Не даромъ домъ Всеволода такъ умѣетъ родниться съ Византійскими императорскими домами и Мономаха, и Дуки, и Діогена, и Комниновъ.

[1]) Никольскій, Н. К. Матеріалы для исторіи др.-рус. духов. письменности. Спб. 1907, стр. 56—57.

§ 104. Необходимо, заканчивая обзоръ времени Мономаха, остановиться на одномъ сложномъ вопросѣ: о епископьяхъ этого времени. Среди нихъ къ концу жизни Мономаха произошли какія-то перегруппировки, о которыхъ можно только догадываться. Выдѣляя каѳедру Черниговскую, находившуюся внѣ владѣній Владиміра и имѣвшую, какъ и Новгородская, непрерывный рядъ епископовъ, выдѣляя каѳедру Полоцка, гдѣ, послѣ смерти Мины въ 1116 г., встрѣчаемъ внѣлѣтописное упоминаніе имени Ильи, бывшаго епископомъ до 1128 г. [1]), обращаемся къ каѳедрамъ Бѣлгорода, Юрьева, Владиміра, Ростова, Переяславля и все еще проектируемой каѳедрѣ Смоленска. Въ началѣ правленія Мономаха видимъ поставленіе въ Бѣлгородъ — Никиты, въ Юрьевъ — Даніила (1113 г.), но потомъ не встрѣчаемъ упоминаній до очень поздняго времени (1147 г.) о какихъ-либо епископахъ этихъ епархій, хотя отмѣчена смерть Даніила въ 1122 г. [2]). Мы не знаемъ, когда скончался Никита, но знаемъ, что Владимірскій епископъ Амфилохій скончался въ томъ же 1122 г. [3]), какъ и Даніилъ, а Переяславскій Сильвестръ на слѣдующій (1123 г.). Не воспользовался ли Мономахъ этимъ обстоятельствомъ для передѣла? На это есть косвенныя указанія.

Къ Переяславльской каѳедрѣ, какъ уже указывалось выше, тянула теперь въ церковномъ управленіи вся бывшая Ростовская каѳедра и неоткрытая Смоленская, какъ это прямо видно изъ уставной грамоты Ростислава Мстиславича. Очевидно, черезполосность владѣній при этомъ не играла роли.

Изъ Слова о Мартынѣ мнисѣ Туровскомъ [4]) знаемъ, что Мартынъ, старый поваръ Туровскихъ епископовъ: Симеона, Игнатія, Іоакима и Георгія, былъ уволенъ послѣднимъ епископомъ на покой за старостью. Изъ четырехъ вышеназван-

[1]) Въ Житіи Ефросиньи Полоцкой.
[2]) Ипатьевск., 6630 г.
[3]) Ibidem, 6631 г.

ныхъ епископовъ Слова о Іоакимѣ есть упоминаніе и въ лѣтописи, какъ о поставленномъ на Туровскую каѳедру въ 1144 г. [1]). Затѣмъ, знаемъ, что послѣ Георгія былъ епископомъ Турова знаменитый Кириллъ и Лаврентій, упоминаемый въ 1182 г. Чудо съ инокомъ Мартыномъ случилось уже предъ его смертью, которая опредѣляется названіемъ князя Ярослава Георгіевича, упоминаемаго въ лѣтописи подъ 1183 годомъ. Итакъ, инокъ Мартынъ умеръ когда-то около 1183 года въ старости. До этого времени, такъ какъ въ 1182 г. упоминается уже епископъ Лаврентій, на Туровской каѳедрѣ перебывало шесть епископовъ, при чемъ время ихъ охватывается жизнью этого старца не съ малаго возраста, такъ какъ онъ служилъ поваромъ уже первому епископу. Конечно, только приблизительно можно опредѣлить, что старецъ умеръ 80 слишкомъ лѣтъ, что служить сталъ поваромъ двадцати и такимъ образомъ придти къ выводу, что первый епископъ Турову появился около 1120 г. Шесть епископовъ на 60 лѣтъ, или въ среднемъ по 10 лѣтъ на епископство. Расчетъ подтверждается тѣмъ, что Іоакимъ поставленъ въ 1144 г., а онъ былъ третьимъ епископомъ. Значитъ, Игнатій (второй епископъ) поставленъ около 1130 г., а Симеонъ (первый епископъ) около 1120 г. Но этотъ Симеонъ былъ ли самостоятельный епископъ Турову, не Симеонъ ли это Владимірскій, поставленный по смерти Амфилохія въ 1123 г. на Владимірскую епископію? Предположеніе это, однако, получаетъ силу, если вспомнить загадочную приписку въ уставной грамотѣ Ростислава Смоленской каѳедрѣ: „И се и еще и Холмъ даю св. Богородици и епископу, яко же дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семеонови преже епископу, строить нарядъ церковный и утверженье. Въ лѣто 6659, индикта 14, мѣсяца сентября 30“ [2]). Совершенно нельзя видѣть въ епископѣ Симеонѣ, упомянутомъ здѣсь, — Переяславскаго епископа: во-первыхъ, мы такого епископа Пере-

яславскаго не знаемъ, а во-вторыхъ, изъ смысла самой грамоты нельзя считать Симеона епископомъ Переяславскимъ, такъ какъ выше только-что приведенной приписки Ростислава читаемъ слова перваго епископа Смоленска Мануила: „или епископъ который начнетъ несытствомъ, хотя ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и святого Митрополита Русскаго Михаила, иже составилъ сію епископью“... [1]). Если слѣдомъ идетъ приписка о Холмѣ, то ясно, что онъ „не прилагался“ до Переяславля, а былъ въ рукахъ епископа другой епархіи. Это даетъ право думать, что и этотъ епископъ Симеонъ эпохи Владиміра Мономаха, какъ и епископъ Туровскій того же времени (20 г. XII в.) и епископъ Владимірскій Симеонъ—одно и то же лицо. Не даетъ ли все это сопоставленіе права думать, что Мономахъ, воспользовавшись смертью епископа Амфилохія и Сильвестра, передѣлалъ границы епископій такъ, что новый епископъ Владимірскій получилъ и Турово-Пинское княжество и часть Смоленска („Холмъ“), чѣмъ уравнивался съ епископомъ Переяславскимъ, владѣвшимъ епископіей Ростовскою и большею частью Смоленской. Это до извѣстной степени можетъ освѣтить политику Мономаха, освоившаго себѣ весь правый берегъ Днѣпра (за исключеніемъ Галича и Полоцка) и стянувшаго его единой епископіей Владимірской. Утрата Турово-Пинскаго княжества для митрополіи, къ которой оно несомнѣнно тянуло, какъ тянулъ до и послѣ этого Галичъ, вознаграждалась закрытіемъ викарныхъ каѳедръ Бѣлгорода и Юрьева, о которыхъ послѣ 1122 г. — нѣтъ упоминаній. Для передѣла, наконецъ, могло подходить и время, такъ какъ въ 1122 г. прибылъ новый митрополитъ, а у Мономаха къ этому моменту установились дружественныя сношенія съ Константинополемъ, такъ какъ въ тотъ же годъ дочь Мстислава Владиміровича „ведена“ была „за царь“.

[1]) Владиміровичъ Епископы... М. Хр. 1913 г. кн. 2, стр. 1.

Тогда положеніе каѳедръ представлялось бы намъ къ моменту смерти Мономаха въ слѣдующемъ видѣ: на сѣверѣ Новгородская каѳедра, на востокѣ—Переяславская, на западѣ—Владимірская. Внѣ политическаго владѣнья Мономаха каѳедра Полоцка на западѣ, каѳедра Чернигова—на востокѣ.

§ 105. Когда 19 мая 1125 г. скончался Мономахъ, въ рукахъ котораго Русская земля стала почти единымъ обладаньемъ, правда, потребовавъ отъ Мономаха почти исключительнаго вниманія и заботъ, „спрятавше тѣло его, положиша оу св. Софьѣ въ тьца Всеволода, пѣвше обычнъя пѣсни над нимъ, святители же жалящеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немь плакахуся... плакахуся... и сынове его“ [1]). Какіе „святители“ участвовали въ этой погребальной и плачущей процесссіи, сказать точно не возможно, но нельзя отрицать присутствія здѣсь митрополита. За это говоритъ, повидимому, отсутствіе недоразумѣній между Мономахомъ и каѳедрою, погребеніе въ каѳедральномъ соборѣ, наконецъ, брачный союзъ Мономаха чрезъ внучку съ императорскимъ домомъ. Но было что-то въ личности князя или въ прошлой исторіи его княженія, что̀ лишало возможности развить можетъ быть случайное выраженіе въ приведенномъ отрывкѣ надгробнаго слова лѣтописи: „святой“, тогда какъ сынъ его Мстиславъ получаетъ по смерти частичную канонизацію. Не былыя ли притязанія на Дунай и обострѣніе отношеній съ Византіей, только къ концу княженія заглушенныя бракомъ внучки, — сыграли здѣсь роль противъ такой же канонизаціи Мономаха.

Глава VII.

§ 106. Смерть Мономаха не внесла существенныхъ перемѣнъ въ междукняжескій укладъ Руси, и вступленіе на Кіевскій столъ его „кроткаго“ сына Мстислава обычно ставятъ въ связь по характеру и направленію съ предыдущимъ княженіемъ отца. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точной воли Мономаха и его воззрѣній на будущія по его смерти отношенія сыновей, и страннымъ кажется, что такой заботливый объединитель почти всего наслѣдья Ярослава не оставилъ слѣдовъ къ попыткамъ установленія прочныхъ отношеній между князьями его дома, кромѣ братскихъ узъ крѣпкой и дружной при отцѣ семьи.

Вопросъ церковнаго устройства Руси, повидимому, сейчасъ же испыталъ на себѣ неудобства иныхъ отношеній князей, чѣмъ въ пору жизни Мономаха. Съ водвореніемъ въ Кіевѣ Мстислава Владиміровича, удержавшаго въ своихъ рукахъ Новгородъ и Смоленскъ, оказалось, что Кіевскій князь по Смоленску въ церковномъ отношеніи подчиняется главнѣйшею частью этой епархіи Переяславскому епископу, другою частью—Владимірскому, находившимся въ политическомъ обладаніи иныхъ владѣльцевъ. И мы не удивимся извѣстію о желаніи Мстислава создать епископію Смоленскую, т.-е. обособить церковное устройство своего Смоленскаго княжества отъ чужихъ епископовъ. Впослѣдствіи Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій

подчеркнуто высказался объ этихъ планахъ отца: „приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити“ [1]) или: „дажъ кто разрушить сей замыслъ святого отца моего Мьстислава и митрополита Русскаго Михаила“ [2])... Тѣ же неудобства чувствовали и другіе братья, какъ Вячеславъ Туровскій, земля котораго была подъ властью Владимірской каѳедры, находившейся въ политическомъ обладаніи младшаго брата Андрея; какъ Юрій, Поволжье котораго тянуло въ церковномъ управленіи къ Переяславлю, гдѣ сидѣлъ Ярополкъ. Передѣлъ епархій, стянувшій всѣ земли Мономаха (кромѣ Новгорода и Кіева) въ двѣ епископіи—правобережную, Владимірскую и лѣвобережную, Переяславскую—былъ предпринятъ Мономахомъ въ самые послѣдніе годы его некороткой жизни (§ 104), и устроенный порядокъ разрушенъ былъ послѣ его смерти, какъ увидимъ ниже, только послѣ 1136 г., какъ результатъ замиренья Мономаховичей со Мстиславичами, т.-е. соблюдался сыновьями, несмотря на свои для нѣкоторыхъ изъ нихъ неудобства и даже несмотря на желаніе къ передѣлу у Мстислава Кіевскаго, засвидѣтельствованное его сыномъ,—все это даетъ право думать, что Мономаху почему-то казалось важнымъ устроить такую церковную спайку земель своего дома, и сыновья первое время соблюдаютъ эту мысль отца.

Мономахъ умеръ, оставивъ вдовствующею каѳедру Переяславля, и новаго епископа сюда „поставилъ“ въ 1126 г. [3]) Переяславскій князь Ярополкъ Владиміровичъ. Любопытно, что новый епископъ Маркелъ взятъ Ярополкомъ изъ Переяславскаго монастыря св. Іоанна, т.-е. не изъ братьевъ Кіевскихъ обителей, что вообще было большою рѣдкостью въ епископскихъ поставленіяхъ.

§ 107. Въ томъ же 1126 г. скончался митрополитъ Ни-

[1]) Владимірскій-Будановъ, М. Хрестоматія, I, 241.

кита, и митрополичья каѳедра остается незанятою до 1130 г., когда въ Кіевѣ является новый митрополитъ Михаилъ, съ именемъ котораго нужно записать въ исторіи русской церкви одну изъ самыхъ яркихъ страницъ. Ипатьевская лѣтопись относитъ прибытіе Михаила къ 1131 г. [1]), но указаніе это ошибочно, какъ это часто бываетъ для этого времени съ хронологическими данными этого лѣтописнаго свода. Новгородскія лѣтописи помнятъ прибытіе на Новгородскую каѳедру поставленнаго въ Кіевѣ новаго епископа Нифонта, относя событіе это къ 1 января 1130 г. „на обедьнюю“ [2]).

Что четырехлѣтнее вдовство митрополіи не было слѣдствіемъ какихъ-либо недоразумѣній Кіева съ Константинополемъ, видно изъ исторіи Полоцкаго княжества. Въ 1127 г. Мстиславъ, продолжая политику отца къ этому княжеству, походомъ вмѣшивается въ здѣшнія княжескія отношенія, а черезъ два года, въ 1129 г., рѣшительно кончаетъ со всѣмъ Полоцкимъ княжескимъ домомъ, „зане не бяхоуть его воли“. Полоцкій княжескій домъ, повидимому, всѣмъ гнѣздомъ, былъ отправленъ въ Грецію: „и оусажа оу три лодьи и поточи и Царюграду“ [3]). Нужно было быть очень близкимъ человѣкомъ къ Византійскому двору, чтобы рѣшиться на такую мѣру, втягивающую Константинополь въ междукняжескія отношенія, и нужно было очень твердо вѣрить въ дружбу и преданность со стороны Грековъ. Вспомнимъ случай „поточенія“ въ Грецію Олега во времена Всеволода Ярославича, и признаемъ, что въ томъ и другомъ случаѣ родственныя связи очевидно не ограничивались только дипломатическими браками, но и вели къ живому и дѣятельному сношенію. Значитъ, и незамѣщеніе митрополіи между 1126—1130 г. объясняется не наличностью недоразумѣній Мстислава съ Имперіей.

Скоро послѣдовавшая послѣ прибытія новаго митрополита

[1]) Ипатьев., 6639 г.
[2]) Новгород. 1-ая и 2-ая, 6638 г.

смерть Мстислава (14 апр. 1132 г.) не даетъ возможности слѣдить дѣятельность Михаила за время княженія этого Мономаховича, и дѣятельность митрополита развернется въ цѣлую картину лишь въ послѣдующее время.

§ 108*а*. Обращаясь къ исторіи Печерскаго монастыря за время княженія въ Кіевѣ Мстислава, видимъ смерть игумена Прохора въ 1125 г. [1]), въ годъ вступленія Мстислава на престолъ. Игуменъ Прохоръ поспѣлъ, какъ знаемъ, былъ избранъ братіею монастыря и поставленъ митрополитомъ Никифоромъ „повелѣньемъ" князя Святополка въ 1113 г., когда еще Печерская обитель была близка рукѣ и сердцу Кіевскаго владѣльца (§ 95*б*). За время игуменства Прохора произошла, значитъ, та рѣзкая перемѣна въ положеніи Печерскаго монастыря, о которой говорилось выше (§ 99): новый Кіевскій князь Мономахъ, нарушая налаживающуюся традицію своихъ предшественниковъ, не беретъ монастыря подъ свою защиту отъ митрополіи и не пользуется братіей обители св. Ѳеодосія при занятіи епископскихъ каѳедръ. Мало того, видимъ извѣстное давленіе на монастырь, гдѣ обрывается литературная работа и гдѣ уже не слышимъ голоса игумена, призывающаго къ соблюденію старѣйшинства въ междукняжескихъ отношеніяхъ.

Нѣтъ записи объ избраніи новаго игумена по смерти Прохора, и мы лишь случайно узнаемъ его имя: „В лѣто 6638. Георгии Ростовьскыи и тысячкои окова гробъ Федосьевъ, игумена Печерьскаго, при игумени Тимофѣи" [2]). Изъ труда епископа Симона знаемъ, что тысяцкій Ростовскій Георгій — Георгій Симоновичъ — еще отъ отца наслѣдовалъ къ Печерской обители почтеніе и любовь, ставшія наслѣдственными въ его родѣ, какъ къ мѣсту погребенія предковъ.

Въ 1127 г. въ Черниговскомъ княжествѣ разыгралась борьба между Ярославомъ Святославичемъ и Всеволодомъ Давидовичемъ, изгнавшимъ дядю изъ Чернигова. Хотя Мстиславъ

Кіевскій былъ тестемъ Всеволода Ольговича, онъ всталъ на сторону Ярослава и „хрестъ ему целовалъ“ идти выбивать изъ Чернигова Всеволода. Послѣдній „нача ся молити Мьстиславу и бояры его подъоучивая и дары дая, моляшеться имъ“. Когда Ярославъ потребовалъ, наконецъ, отъ Мстислава исполненія клятвы,—игуменъ св. Андрея Григорій, который „любимъ бѣ прежде Володимеромъ, чтенъ же ото Мьстислава и ото всихъ людей“,—выступилъ съ заявленіемъ, какого въ Кіевѣ раньше не слыхали: лучше нарушить крестное цѣлованіе и не идти на рать, чѣмъ проливать христіанскую кровь. Голосъ игумена Григорія былъ не одинокимъ: „И съвъкупивъше соборъ иереискыи, митрополита же в то время не бяше,—и рекоша Мьстиславу: „на ны будеть тотъ грѣхъ“. Мстиславъ подчинился этому рѣшенью [1]). Что значитъ выраженіе „соборъ иереискыи“, трудно сказать опредѣленно, хотя возможно думать, что здѣсь нужно разумѣть соборъ игуменовъ монастырей Кіевскихъ, съ чѣмъ мы уже встрѣчались въ 1097 г. въ Кіевѣ, когда происходило „моленье“ Святополка игуменами о сохраненіи жизни Василька. Но тогда первую роль игралъ игуменъ Печерской обители Иванъ, не названный въ разсказѣ Василія, потому что разсказъ этотъ вышелъ изъ среды близкой Мономаху и враждебной Печерскому монастырю,—а здѣсь, въ „иереискомъ соборѣ“ 1127 г. Печерскій игуменъ не играетъ уже никакой роли.

Рѣшительнымъ подтвержденіемъ паденія вліянія и авторитета обители св. Ѳеодосія за время княженія въ Кіевѣ Мстислава является лѣтописная запись подъ 1128 г. [2]): „преяша церковь Дмитрия Печеряне, и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо“. Мы уже говорили, каковы могли быть основанія у Печерянъ домогаться себѣ церкви, построенной княземъ Ярополкомъ, завѣщавшимъ „всю жизнь свою“ монастырю св. Ѳеодосія (§ 75*б*). Извѣстіе лѣтописи интересно не

[1]) Ипатьев., 6636 г.

столько сообщеніемъ факта полученія церкви св. Петра Печерянами, сколько небывалымъ въ отношеніи къ Печерскому монастырю тономъ, объяснимымъ полнымъ неуваженіемъ къ обители св. Ѳеодосія въ кругахъ близкихъ дому Мономаха. Въ этомъ читаемъ и отношеніе къ монастырю самого дома Мономаха.

§ 108б. Можно, кажется, говорить не только о пренебреженіи Печерской обители домомъ Мономаха, но и оподведеніи ея теперь подъ руку митрополита Кіевскаго, отъ чего до сихъ поръ монастырю удавалось укрываться за Кіевскими князьями. Для этого намъ нужно остановиться на вопросѣ объ епископскихъ поставленіяхъ за время Мстиславова княженія въ Кіевѣ.

Немного лицъ было поставлено тогда на епископскія каѳедры: въ 1126 г. въ Переяславль—епископъ Маркъ, конечно, не изъ братіи Печерскаго монастыря, около этого же времени епископъ Пантелеймонъ въ Черниговъ, каѳедра котораго освободилась за смертью епископа Ѳеоктиста еще въ 1123 году. О Пантелеймонѣ не сохранилось извѣстій, откуда взятъ онъ на епископію. Въ 1130 г. новый митрополитъ Михаилъ ставитъ епископа Нифонта въ Новгородъ на мѣсто епископа Ивана „попіана", который „отверженся епископіи, бывъ на престолѣ владычества своего 20 лѣтъ" [1]). На сообщеніи о поставленіи Нифонта нужно остановиться.

Забѣгая нѣсколько впередъ, укажемъ, что митрополитъ Михаилъ старался поставить на всѣ открывавшіяся епископскія мѣста епископовъ греческой національности, и лишь въ концѣ своего пребыванія на митрополіи подъ давленіемъ Кіевскаго князя Всеволода Ольговича поставилъ рядъ русскихъ епископовъ. Уже это наблюденіе даетъ право думать, что первое назначеніе времени митрополита Михаила — было назначеніе грека Нифонта. Нифонтъ на своей Новгородской каѳедрѣ проявилъ большую дѣятельность, достаточно освѣщенную

Новгородскимъ лѣтописаніемъ и записью различныхъ отвѣтовъ Нифонта на „вопрошаніе“ Кирика. Въ записи этой Нифонтъ часто ссылается на авторитетъ Царьграда и Греческой земли (отв. 11. 19, 37), что̀, пожалуй, можно объяснить хорошимъ знакомствомъ бывавшаго тамъ любознательнаго человѣка, но рядъ замѣчаній Нифонта, въ родѣ: „Сдѣ, рече, обычаи нѣсть таковъ“ (отв. 70), гдѣ подъ „сдѣ“ нужно разумѣть не только Новгородъ, но вообще Русскую землю; или: „тако, рече, оу васъ соуботы“, гдѣ легко увидѣть иронію грека надъ русскими явленіями жизни,—даютъ право склоняться къ мысли о греческой національности Нифонта. „А молозива, рече, лихо, негодно бо ясти его, яко съ кровью есть; да быша съ три дни теляти даяли, а потомъ чистое сами ѣли. — И повѣда емоу попинъ его: ядять, рече, въ городѣ семь мнози.—И онъ помълче“ [1]). И въ этомъ діалогѣ естественнѣе видѣть иностранца, чѣмъ русскаго. Въ разыгравшихся скоро Кіевскихъ церковныхъ событіяхъ въ связи съ поставленіемъ на престолъ митрополіи въ 1147 г. соборомъ русскихъ епископовъ Климента Смолятича Нифонтъ занялъ опредѣленно-греческую позицію вмѣстѣ съ епископомъ Смоленскимъ грекомъ Мануиломъ. Упорство Нифонта въ защитѣ правъ патріарха надъ русскою церковью, которое превзошло во многомъ противодѣйствіе Клименту со стороны Мануила Смоленскаго, — казалось бы, краснорѣчивѣе всякихъ иныхъ доказательствъ говоритъ за греческую національность Нифонта, но въ виду постояннаго желанія ученой литературы видѣть въ Нифонтѣ — русскаго [2]), приходится вновь перебрать всѣ данныя о немъ. Если отвѣты Нифонта Кирику, его защита правъ патріарха надъ русскою церковью и, наконецъ, поставленіе его митрополитомъ Михаиломъ, до вступленія на престолъ Кіевскій Всеволода Оль-

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. VI, изд. 2, стр. 48 (отв. 90).

[2]) Только два изслѣдователя высказались за греческую національность Нифонта: проф. А. Зернинъ въ статьѣ „Нифонтъ, епископъ Новгородскій“ (Архивъ истор. свѣд. кн. II, пол. I) и проф. А. Никитскій въ „Очеркѣ внутренней исторіи церкви въ В. Новгородѣ. Спб. 1879

говича постоянно ставившаго грековъ-епископовъ,—если все это не достаточно говорить за греческую національность Нифонта, тогда обратимся къ Новгородскому лѣтописному Своду записи современной Нифонту и къ нему горячо-расположенной [1]). Вотъ что̀ читаемъ тамъ о смерти архіепископа Нифонта: „Той же весне прѣставися архепископъ Нифонтъ, априля въ 21: шьлъ бяше Кыеву противу митрополита; инии же мнози глаголаху, яко получивъ святую Софию пошьлъ Царюграду; и много глаголаху на нь, въ собе на грѣхъ. О семь бы разумѣти комуждо насъ: который епископъ тако украси св. Софию, притворы испьса, кивотъ створи и всю извъну украси, а Пльскове св. Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ св. Климента. Мьню бо, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утеху гроба его, отведе и Кыеву, и тамо прѣставися; и положиша и въ Печерьскемь манастыри у св. Богородици въ печере“ [2]). Авторъ записи не скрываетъ, что такая точка зрѣнія — точка зрѣнія меньшинства; большинство же („инии же мнози“) отзывались о Нифонтѣ и его уходѣ въ Кіевъ иронически. Конечно, въ Новгородѣ ошибались, думая, что Нифонтъ „пошьлъ Царюграду“, но ошибались, конечно, потому что Нифонтъ не сообщилъ имъ причину своего отъѣзда — желаніе встрѣтить новаго митрополита-грека, прибывающаго на Русь послѣ долгаго отсутствія греческаго предстоятеля на Кіевской митрополіи. Нифонтъ могъ скрыть отъ Новгородцевъ цѣль своей поѣздки, вѣроятно, неувѣренный въ сочувствіи къ ней ихъ, но онъ не могъ или не сумѣлъ скрыть, что отправлялся въ поѣздку съ очень большою денежною казною, чуть не опустошившею св. Софью. Что это за деньги, которыя повезъ Нифонтъ новому митрополиту, — догадаться не трудно. Это была та дань митрополиту, которую Новгородская, какъ и всякая другая, каѳедра

[1]) Новгор. 1-ая, 6652 г. „Въ то же лѣто постави мя попомь архепи-

ежегодно платила митрополиту, и которая за долгое время отсутствія въ Кіевѣ митрополита выросла, конечно, въ немалую сумму. Трудно думать, чтобы Новгородцы о русскомъ по національности епископѣ иронизировали бы, что онъ, ограбивъ св. Софью, убѣжалъ въ Царьградъ. Однако, есть и еще основаніе говорить о греческой національности Нифонта. Когда, послѣ смерти Нифонта и его преемника Аркадія, на Новгородскую каѳедру вступилъ Илія, послѣдній 13 марта 1166 г. на епархіальномъ соборѣ держалъ поученіе попамъ, гдѣ между прочимъ сказалъ: „Святая бо София не оубога есть... Мнѣ бо не кому добытка копити, ни женѣ, ни дѣтемъ, ни вы иноу землю слати“ [1]). На кого въ послѣднемъ могъ намекать Илія? Его предшественникъ Аркадій былъ Новгородецъ, слѣдовательно, здѣсь разумѣлся Нифонтъ. Сопоставляя эти посылки Нифонта своихъ „добытковъ“ на родину („вы иноу землю“) съ предположеніемъ Новгородцевъ въ 1156 г., что Нифонтъ, въ концѣ-концовъ, обобравъ всю св. Софью, ушелъ и самъ на родину,—мы имѣемъ право говорить о греческой національности Нифонта.

Но почему же ученая литература упорно держится мысли о русскомъ происхожденіи Нифонта? Къ этому приводитъ извѣстіе о поставленіи Нифонта на Новгородскую каѳедру изъ Печерскаго монастыря. Новгородскій лѣтописецъ церквамъ Божіимъ объ этомъ говоритъ: „Того же лѣта поставленъ бысть Великому Новуграду епископъ Ніфонтъ, а взятъ из Печерскаго манастыря из Кіева“ [2]). Извѣстіе это, какъ и извѣстіе Житія Нифонта [3]), гдѣ „взятіе“ изъ Печерскаго монастыря выросло и въ Кіевское происхожденіе,—могли быть почерпнуты или из Печерскаго Патерика [4]), или изъ Кіевскаго лѣтописнаго свода извода 1200 г., такъ какъ больше ни въ

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. VI, изд. 2, стр. 362.

[2]) Новгор. лѣт. Спб. 1879, стр. 189.

[3]) Памятники старянной рус. литер., изд. гр. Кушелева-Безбородко, в. IV, 1—9.

одной лѣтописи такого извѣстія не находимъ. Кіевскій сводъ извода 1200 г., откуда взялъ разсказъ о предсмертномъ видѣніи и смерти Нифонта и Патерикъ (Іоанновская и Кассіановская 1-ая ред.) [1]), воспользовался для этого разсказа Печерскою лѣтописью извода 1182 г., которою пользовался позднѣе Кассіанъ для своей второй редакціи Патерика (1462 г.) [2]). Фактъ пребыванія Нифонта до епископскаго назначенія въ братствѣ Печерской обители, засвидѣтельствованный Печерскою лѣтописью извода 1182 г. [3]), въ нашемъ пониманіи исторіи Печерскаго монастыря со времени водворенія въ Кіевѣ дома Мономаха вовсе не долженъ свидѣтельствовать о русскомъ происхожденіи Нифонта, а долженъ дорисовывать намъ ту картину униженія обители св. Ѳеодосія и всего направленія ея, которая уже представлялась намъ выше. Когда опустилась рука Кіевскаго князя, защищавшая Печерскій монастырь отъ власти митрополита, послѣдній не пожелалъ, конечно, упустить случая взять богатую обитель въ свое вѣдѣніе, чтобы пресѣчь русское направленіе его дѣятельности. Это и даетъ объясненіе появленію среди братіи грековъ, какъ Нифонтъ, а позднѣе и игумена—грека Ѳеодоса. Правда, на основаніи этого можетъ быть и нельзя еще говорить о назначеніи властью митрополита новаго игумена Печерской обители Тимофея [4]), но такое назначеніе было не за горами. Сюда же идетъ прямое указаніе лѣтописи, что при Мстиславѣ Кіевскомъ вызывались изъ Греціи лица, пригодныя для занятія епископскихъ каѳедръ, какъ

[1]) Шахматовъ, А. А. Кіево-Печер. Патерикъ и Печерск. лѣтопись (Изв. отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, 1897, кн. 3, стр. 805).

[2]) Ibidem, стр. 836.

[3]) О томъ, какъ старался впослѣдствіи фактъ этотъ освѣтить редакторъ Печерской лѣтописи извода 1182 г., когда монастырь Печерскій сталъ уже независимымъ отъ митрополіи, — сказано будетъ нѣсколько ниже (см. § 116).

[4]) Извѣстіе митр. Евгенія, что Тимофей избранъ и поставленъ 1124 г.— можетъ быть невѣрно, какъ и указаніе года, такъ какъ предшественникъ Тимофея—игуменъ Прохоръ скончался въ 1125 г. (Ипатьевск., 6634 г.).

будущій епископъ Смоленскій Мануилъ, который „бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третии къ благолюбивому князю Мьстиславоу“ [1]). Такихъ лицъ митрополитъ вполнѣ могъ помѣщать въ Печерскій монастырь до случая поставленія ихъ на открывшуюся епископію.

§ 109. Если церковная политика Владиміра Мономаха представлялась намъ не національною, то политика сына его Мстислава представляется еще болѣе наклонною въ сторону Византіи, еще болѣе послушливою и родственною. А между тѣмъ время Мономаха и „кроткаго“ Мстислава было въ исторіи Имперіи временемъ возвращенія къ удачной порѣ борьбы за существованіе, поднявшей съ необычною силой старыя мечты Византійскихъ политиковъ о всемірномъ господствѣ, отраженіемъ которыхъ была въ Кіевѣ энергичная дѣятельность митрополита Михаила по усиленію власти Константинополя надъ русскою церковью.

Обращаетъ вниманіе одно новое обстоятельство въ княжескомъ обиходѣ Кіева. Не видимъ княжескихъ погребеній ни въ Десятинной церкви, ни въ св. Софіи при наличности въ Кіевѣ грековъ-митрополитовъ (поэтому погребеніе Ростиславомъ дяди Вячеслава въ св. Софіи—не въ счетъ). Едва-ли это объясняется случайностью. Начались, видимо, какіе-то новые порядки, и ихъ нельзя никакъ для Мстислава опредѣлить недоброжелательными отношеніями митрополита. Наоборотъ, преданность Византіи и родственная близость съ императорскимъ домомъ даютъ „кроткому“ Мстиславу скоро по его кончинѣ частичную канонизацію. Мы не знаемъ почти ничего о личной жизни Мстислава, кромѣ горькаго раскаянія, которое князь несъ всю жизнь на себѣ за преступленіе крестнаго цѣлованія, хотя и санкціонированное „перейскимъ“ соборомъ Кіева, но, вспомнивъ, что такіе безспорные святые русской церкви, какъ Ѳеодосій, Антоній и др.—не дождались такого

[1]) Ипатьевск. 6645 г.

быстраго признанія со стороны митрополита, можемъ думать, что здѣсь кромѣ подлинныхъ заслугъ Мстислава входила и греческая политическая оцѣнка. Мстиславъ чрезъ 20 лѣтъ по смерти называется святымъ въ грамотѣ сына его Ростислава, данной Смоленской епископіи [1]).

Погребеніе Мстислава было въ церкви св. Ѳедора въ Кіевѣ, которую онъ самъ создалъ, заложивъ въ 1128 г. [2]).

§ 110. Смерть Мстислава открыла дорогу въ Кіевъ старшему изъ Мономаховичей Ярополку, что сейчасъ же вызываетъ борьбу въ домѣ Мономаха за Переяславль, который Ярополкъ передалъ было старшему изъ Мстиславичей—Всеволоду. Оставляя въ сторонѣ подробности этой борьбы, гдѣ переходы князей со стола на столъ происходили съ поразительною скоростью, остановимся на моментѣ замиренія Ярополка Кіевскаго съ Юріемъ Ростовскимъ (1134 г.), получившимъ при этомъ Переяславль. Попытка Мстиславичей—Всеволода и Изяслава—въ союзѣ съ Ольговичами силою измѣнить княжескій раскладъ столовъ [3]) приводитъ къ энергичному выступленію духовенства, оказавшагося на сторонѣ Мономаховичей. Послѣ перваго похода на Суздаль Всеволода Мстиславича, осенью 1134 г., „иде Исаия игуменъ съломь Кыеву; приде опять съ митрополитомь Михаиломь Новугороду, декабря 9" [4]). Можно думать, что Исаія этотъ былъ оффиціальнымъ посломъ Новгорода, такъ какъ среди Новгородцевъ была, конечно, партія мира. Какъ живо отнеслись въ Кіевѣ къ готовящемуся нападенію Мстиславичей на Суздаль, видно изъ необычной поѣздки митрополита для личнаго успокоенія Новгородцевъ и отвращенія ихъ отъ суздальскаго похода. Однако въ Новгородѣ не очень постѣснились съ митрополитомъ, а главное

[1]) Владимірскій-Будановъ, М. Хрестоматія, т. I, 241 и 247 стр. Голубинскій, Е. Е. Исторія канонизаціи святыхъ. Сергіевъ Посадъ. 1894, стр. 36.

[2]) Лаврент., 6636 г.; Ипатьевск., 6637 г.

[3]) Грушевський, М. Історія України-Руси, т. II, вид. др., 134.

не очень ему довѣрили. Только когда Новгородцы „придоша опять“ съ похода, „пустиша митрополита Кыеву, мѣсяца феурря въ 10, въ мясопустную недѣлю, а на Суждаль идуце, не пустиша его, а онъ мълвляше имъ: не ходите, мене Богъ послушаетъ“ [1]). Въ началѣ 1135 г. видимъ замиренье Мстиславичей съ Мономаховичами, при чемъ Андрею Мономаховичу достается Переяславль, Изяславу Мстиславичу—Волынь. Но Ольговичи продолжаютъ еще борьбу съ Мономаховичами, одерживаютъ верхъ и въ началѣ 1136 г. получаютъ отъ Ярополка Кіевскаго Посемье. Вынужденный Ольговичами миръ былъ заключенъ „ходячю ме ими честьному Михаилу митрополиту со крестомъ“ и въ присутствіи Новгородскаго епископа Нифонта, приходившаго „съ лучьшими мужи“ замирять Мономаховичей съ Ольговичами [2]). Новые происки Ольговичей, неудовлетворенныхъ миромъ 1136 г., вызываютъ походъ на нихъ Ярополка Владиміровича во главѣ большихъ силъ, приведшій къ новому миру, мало измѣнившему положеніе 1136 г.

18 февраля 1139 г. скончался послѣ короткаго княженія въ Кіевѣ Ярополкъ Владиміровичъ и былъ погребенъ въ церкви св. Андрея въ монастырѣ Янки Всеволодовны.

§ 111. Въ церковныхъ дѣлахъ Ярополкъ, повидимому, не чинилъ препятствій энергіи новаго митрополита Михаила. Когда въ 1136 г. скончался епископъ Симеонъ Владимірскій, митрополитъ Михаилъ, пользуясь и смертью, бывшею за два года до того, епископа Марка Переяславскаго (1134 г.), производитъ, повидимому, передѣлъ старыхъ епархій времени Мономаха, вынуждаемый къ этому междукняжескими отношеніями въ домѣ послѣдняго.

„В лѣто 6645 — читаемъ въ Ипатьевской лѣтописи—поставленъ бы скопечь Маноуило епископомъ Смоленскоу, пѣвечь гораздыи, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третин, къ благолюбивому князю Мьстиславоу, предъ симъ бо бѣ не былъ

[1]) Новгор. 1-ая, 6642 г.
[2]) Ibidem, 6643 г.

епископъ Смоленьскѣ". Это извѣстіе не полно, что̀ видно изъ сокращенія того же текста въ Лаврентьевской: „В лѣто 6645. Поставиша епископа Мануила скопца Смолиньску: потомъ другого скопца Володимерю епископа Ѳеодора". Но и это сокращеніе не полно, потому что въ Ипатьевской сказано, что Мануилъ пришелъ „самъ третии", и такое указаніе относилось, конечно, не къ случайной партіи пріѣхавшихъ грековъ, а къ приходу еще при Мстиславѣ трехъ незаурядныхъ лицъ, которыя всѣ трое были поставлены „в лѣто 6645" на епископскія каѳедры: одинъ скопецъ Мануилъ—въ Смоленскъ; другой скопецъ Ѳедоръ—во Владиміръ, третій... Но кто былъ третій скопецъ, поставленный на епископскую каѳедру въ томъ же 1137 году—не сохранилось отъ извѣстія ни въ сокращеніи его Ипатьевской, ни въ сокращеніи Лаврентьевской. Привлекая въ соображеніе, что митрополитъ Михаилъ воспользовался смертью Переяславскаго епископа Марка, чтобы отрѣзать отъ Переяславской епархіи новую епархію Смоленскую, составленную главнымъ образомъ изъ владѣній Переяславской, можно думать, что и смертью Владимірскаго епископа Симеона митрополитъ воспользовался не только такъ, что отрѣзалъ отъ Владимірской епархіи небольшой выдѣлъ для той же Смоленской епархіи („И се и еще и Холмъ даю... якоже дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семенови преже епископу"... [1]). Въ Словѣ о мнисѣ Туровскомъ Мартынѣ говорится, что мнихъ этотъ прежде служилъ поваромъ у епископовъ Туровскихъ Симеона, Игнатія, Іоакима и Георгія. Изъ приведенныхъ выше разсужденій (§ 104) выводилось, что Симеонъ, поставленный въ этомъ спискѣ епископовъ первымъ, едва-ли былъ первымъ епископомъ Туровскимъ, въ смыслѣ владѣнія Туровскою епархіею, а былъ, вѣроятно, первымъ изъ епископовъ Владимірскихъ, получившимъ къ Владимірской своей епархіи Туровскую область, бывшую до того подъ управленіемъ митрополичьей каѳедры. Тогда не

трудно найти третью каѳедру, куда митрополитъ Михаилъ въ 1137 г. поставилъ третьяго сюнца: это—каѳедра отдѣленнаго отъ Владиміра Турова, а епископъ—Игнатій.

Устроеніе каѳедръ въ 1137 г., когда отъ Переяславской и частью Владимірской была выдѣлена каѳедра Смоленска, куда поставленъ епископъ Манунлъ; отъ Владимірской выдѣлена каѳедра Турова, куда поставленъ епископъ Игнатій; а во Владиміръ—епископъ Ѳедоръ,—нужно разсматривать, какъ слѣдствіе замиренія Мономаховичей со Мстиславичами въ 1135 г., когда въ Туровѣ сидѣлъ Вячеславъ, въ Переяславлѣ—Андрей, въ Ростовѣ—Юрій Владиміровичи, а на Волыни—Изяславъ, въ Смоленскѣ—Ростиславъ Мстиславичи, при чемъ теперь всѣ члены дома Мономаха постарались обособиться и въ церковномъ отношеніи. Если выполненіе договора 1135 г. относительно епархіальныхъ раздѣловъ задержалось до 1137 г., то здѣсь были два обстоятельства, помѣшавшія его немедленному осуществленію. Во-первыхъ, епископъ Симеонъ Владимірскій скончался лишь въ 1136 г., что̀ развязало руки для окончательнаго устроенія Смоленской каѳедры („И се и еще и Холмъ даю“...) и выдѣла каѳедры Турова, а во-вторыхъ, тревожныя событія 1136 г., неудачной борьбы Ярополка съ Ольговичами, гдѣ участвовалъ, какъ замиритель, и митрополитъ,—едва-ли могли дать возможность сейчасъ же заняться въ Кіевѣ епископскими назначеніями.

Картина церковнаго раздѣла 1137 г. однако не вся передъ нами. У насъ нѣтъ извѣстій о томъ, какъ устроились церковныя дѣла Юрія въ Ростовѣ и Андрея въ Переяславлѣ. Епархія Ростова тянула къ епархіи Переяславля, и мы не знаемъ, къ какому году отнести выдѣлъ особой епархіи Ростова. Вопросъ усложняется тѣмъ, что назначеніе епископа Евфимія на каѳедру Переяславля послѣдовало лишь въ 1141 году, хотя каѳедра эта, какъ мы знаемъ, вдовѣла съ 1134 г., по смерти епископа Марка. Первое, внѣ-лѣтописное, упоминаніе

чается въ 1149 г. [1]), и напрашивается мысль о поставленіи Нестора въ тотъ же 1141 г., какъ и Переяславскаго Евѳимія. Но такое предположеніе невозможно, и вотъ почему. Если въ 1141 г. въ Переяславль ставится епископъ, то нельзя упускать изъ виду, что этому назначенію предшествовалъ миръ Андрея Переяславскаго съ утвердившимся въ Кіевѣ Всеволодомъ Ольговичемъ, между тѣмъ какъ у Юрія Ростовскаго была со Всеволодомъ въ ту пору острая вражда, что̀ лишаетъ возможности предполагать поставленіе тогда Нестора въ Ростовъ, невозможное безъ согласія Кіевскаго князя. Поэтому вѣроятнѣе думать, что отдѣленіе Ростовской епархіи отъ Переяславской, рѣшенное еще при замиреніи въ домѣ Мономаха въ 1135 г.,—произошло близко къ 1137 г., богатому епископскими назначеніями, и во всякомъ случаѣ еще при Ярославѣ Кіевскомъ, т.-е. до 1139 г., послѣ смерти котораго Кіевъ захватилъ врагъ Юрія—Всеволодъ Ольговичъ. Что касается вопроса о долгомъ незамѣщеніи каѳедры Переяславля (1134—1141 г.г.), то его нужно рѣшить въ смыслѣ разногласія Переяславскаго князя Андрея съ митрополитомъ Михаиломъ о кандидатѣ на епископскую каѳедру. Андрей, видимо, не желалъ взять къ себѣ грека, которыхъ такъ щедро назначалъ Михаилъ, и получилъ русскаго епископа только въ 1141 г. при содѣйствіи Кіевскаго князя Всеволода Ольговича, стоявшаго за назначенія на епископіи русскихъ.

§ 112. Печерскій монастырь, повидимому, и въ княженіе въ Кіевѣ Ярополка Владиміровича, какъ при Мстиславѣ и при Мономахѣ,—продолжалъ стоять въ тѣни. Не знаемъ ничего о событіяхъ его жизни за это время, такъ какъ ближайшая лѣтописная запись относится лишь къ смерти игумена Ѳеодоса въ 1156 г. [2]). Вѣроятно, къ этому времени Ярополкова княженія нужно пріурочить начало игуменства Пимена, котораго каталогъ игуменовъ митр. Евгенія помѣщаетъ подъ 1132—

[1]) Срезневскій, И. И. Древніе памятн. русск. письма и языка, стр. 30.

1141 г.г. [1]). Можетъ быть, годы здѣсь и произвольны, но имя игумена передано вѣрно. Возстановить имя игумена, заступившаго мѣсто Тимофея, можно такимъ образомъ. Епископъ Симонъ въ первомъ своемъ посланіи къ Поликарпу сообщаетъ много событій изъ жизни Печерскаго монастыря, извѣстныхъ ему, какъ бывшему постриженнику обители св. Ѳеодосія, или по личному опыту и свидѣтельству, или по преданію. Нить разсказовъ Симонъ развиваетъ въ хронологическомъ порядкѣ, лишь послѣ перваго разсказа оборвавъ ее для трехъ вводныхъ статей (§§ 75*б* и 75*в*). Самымъ отдаленнымъ отъ времени личнаго наблюденія Симона эпизодомъ, занесеннымъ въ посланіе къ Поликарпу, былъ случай съ Онисифоромъ-Прозорливцемъ. Симонъ сообщаетъ здѣсь свою отправную точку въ нити разсказовъ: это время игуменства Пимена. Случай съ Онисифоромъ дошелъ до Симона, какъ брата Печерской обители, чрезъ преданіе двухъ поколѣній: „азъ обретохъ единаго (изъ братіи), иже исповѣда ми (Симону) вещь сію отъ тѣхъ пръвыхъ черноризець", которымъ разсказалъ самъ Онисифоръ. Епископъ Симонъ взятъ былъ изъ постриженниковъ Печерскаго монастыря княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены Рождественскаго монастыря во Владимірѣ. Въ 1206 г. Симонъ упоминается, какъ Владимірскій игуменъ въ описаніи погребенія княгини, гдѣ читаемъ: „Симонъ игуменъ отецъ ея духовныи" [2]), что̀ ведетъ къ заключенію, что Симонъ былъ здѣсь въ 1206 г. не новымъ человѣкомъ, почему и пріемлемо предположеніе Е. Е. Голубинскаго, что Симонъ сталъ игуменомъ съ самаго основанія Рождественскаго монастыря, т.-е. съ 1197 г. [3]). Итакъ, до 1197 г. Симонъ былъ среди братіи Печерской обители. Сколько же времени онъ здѣсь къ 1197 г. прожилъ? Повидимому, не мало, потому что въ молодыхъ годахъ онъ не былъ бы взятъ на должность духовника кня-

[1]) Митр. Евгеній. Описаніе Кіевопечер. Лавры. Изд. 2, стр. 133.
[2]) Лаврентьев., 6714 г.

гіи. Все это и даетъ возможность приблизительно расчитать такъ: самъ Симонъ пробылъ среди братіи Печерской обители лѣтъ 20 (съ 1177 г.) и здѣсь нашелъ одного брата, очевидно уже глубокаго старца, который слышалъ разсказъ объ Онисифорѣ изъ устъ тѣхъ, кому разсказалъ самъ Онисифоръ (30 л.+15 л.=45; 1177−45=1132 г.). Это подтверждается и тѣмъ, что разсказъ Симона о Николѣ Святошѣ, скончавшемся въ 1143 г. при игуменѣ Ѳеодосѣ, помѣщенъ въ хронологической цѣпи разсказовъ посланія на третьемъ мѣстѣ (если опустить вставные: о Еразмѣ, Никонѣ, Кукшѣ, Никонѣ и Пименѣ), что опредѣляетъ игуменство Пимена перваго разсказа, какъ бывшее до игуменства Ѳеодоса третьяго разсказа, т.-е. до 1156 г., когда Ѳеодосъ скончался.

Конечно, сказать что-либо опредѣленное о времени поставленія Пимена и обстоятельствахъ этого поставленія — мы не имѣемъ данныхъ.

§ 113. Смерть Ярополка Владиміровича открыла дорогу неожиданному кандидату—Всеволоду Ольговичу, искусно воспользовавшемуся борьбою въ домѣ Мономаха, только затихшей на время послѣднихъ лѣтъ княженія Ярополка, между Мономаховичами и Мстиславичами. По смерти Ярополка, 22 февраля 1139 г. въ Кіевъ явился-было старшій изъ Мономаховичей—Вячеславъ, встрѣченный „людьми с митрополитомъ“ [1]) и посаженный торжественно на „столъ прадѣда“, но уже въ первыхъ числахъ марта подъ Кіевомъ стоялъ будущій дѣйствительный Кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ.

Въ описаніи жизненныхъ подвиговъ Всеволода мы встрѣчаемъ въ ученой литературѣ только одни указанія на его дипломатическое искусство и изворотливость, какъ объясненіе его прочнаго овладѣнія Кіевомъ, и изслѣдователи не хотятъ видѣть въ дѣятельности Всеволода опредѣленныхъ данныхъ расположенія къ нему Кіевскаго общества, привлеченнаго

княземъ не путемъ изворотливости, столь нужной для междукняжескихъ отношеній того времени, а путемъ опредѣленной церковной программы, кончившей время греческаго засилья эпохи Мономаховичей.

А. Е. Пресняковъ мимоходомъ указалъ на странную связь Всеволода съ Вышгородцами, помогающими ему овладѣть Кіевомъ [1]). Думаю, что эта связь не случайна. Всеволодъ, говоритъ лѣтопись, узнавъ о смерти Ярополка и вступленіи въ Кіевъ Вячеслава, „събравъ мало дроужины съ братомъ своимъ Святославомъ и с Володимеромъ Давидцемъ придоша Вышегородоу и сташе тоу, вѣшедше в городъ“ [2]). Сюда ко Всеволоду приходятъ полки, но онъ не думаетъ брать Кіевъ силой, расчитывая на общее сочувствіе къ себѣ не только Вышегородцевъ, но и Кіевлянъ. И не ошибается въ расчетѣ. Что же такое могъ нести Кіевлянамъ Всеволодъ, и почему въ немъ такъ тверда увѣренность въ симпатіи къ себѣ Кіевскаго населенія? На это можно отвѣтить вопросомъ: не преувеличиваемъ ли мы популярность Мономахова дома въ Кіевѣ, довѣряя источникамъ, вышедшимъ изъ придворной среды этого княжескаго дома? Имѣемъ въ виду церковную политику Мономаха и его потомства. Самъ Мономахъ дружилъ съ митрополитомъ, но холоденъ былъ къ Печерскому монастырю и его задачамъ. Правда, Мономахъ чтитъ память свв. братьевъ Бориса и Глѣба, строитъ имъ „теремъ серебренъ“, золотитъ раки, ставитъ церковь „милую“ на Альтѣ, но вѣдь это, во-первыхъ,—признанные и греками святые; и во-вторыхъ, — здѣсь было соревнованіе съ Святославичами Черниговскими. Ни при Мстиславѣ, ни при Ярополкѣ не слышимъ о почтеніи Кіевскаго князя къ этой національной русской святынѣ, а факты церковной жизни говорятъ о греческомъ засильѣ, противъ котораго не принимаются мѣры противодѣйствія. Самымъ яркимъ фактомъ здѣсь являются епископскія поставленія: всѣ греки или, по крайней

[1]) Пресняковъ. А. Е. Княжое право въ древней Руси, стр. 85, пр. 4.

мѣрѣ, большинство. Забота Печерской обители о насажденіи русскихъ епископовъ—забыта. Не то видимъ у Черниговскаго дома Святославичей. У нихъ живое почтеніе къ памяти свв. Бориса и Глѣба не умираетъ послѣ построенія каменнаго храма въ Вышгородѣ: видимъ связь Всеволода Ольговича съ Вышгородцами, гдѣ князь этотъ находитъ помощь въ исканіи Кіевскаго стола и куда онъ идетъ съ братьями „събравъ мало дружины", т.-е. подъ видомъ не рѣдкой, вѣроятно, религіозной поѣздки къ этому святому мѣсту, почему занятіе Вышгорода и не вызываетъ у Вячеслава Кіевскаго тревоги. Умирающій Всеволодъ ѣдетъ къ Вышгороду, гдѣ и находитъ мѣсто вѣчнаго упокоенія „оу церкви святою мученику" [1]). Въ Черниговѣ еще при Давидѣ Святославичѣ выстроенъ храмъ свв. Бориса и Глѣба, гдѣ Давидъ и погребенъ [2]). Но не только здѣсь популярность Черниговскаго дома. У него живая связь съ Печерскою обителью, и связь не со вчерашняго дня. Еще въ 1106 г. постригся Святославъ Давидовичъ, вступилъ въ братство Печерскаго монастыря и въ описываемое время былъ еще живъ въ своемъ монашескомъ подвигѣ. Отецъ Святоши—Давидъ блисталъ не меньше Мономаха подвигомъ личной жизни, и вокругъ могилы его впослѣдствіи поднимался вопросъ о канонизаціи, а жизнь и смерть обросли благочестивой легендой [3]). Наконецъ, въ 1113 г. епископомъ Чернигова становится игуменъ Печерской обители Ѳеоктистъ, бывшій до того духовникомъ княжеской семьи, а по смерти его епископское кресло занимаетъ Пантелеймонъ, о которомъ, по одному указанію епископа Симона въ его разсказѣ о Николѣ-Святошѣ, можно судить, какъ о лицѣ, проникнутомъ враждою къ усиленію греческаго вліянія на русскую церковь (§ 116).

Какъ въ Черниговѣ смотрѣли на политику дома Мономаха

---

[1]) Ипатьев., 6551 г.

[2]) Лобаревъ, Х. М. Слово похвальное на перенесеніе мощей свв. Бо-

въ отношеніи къ традиціямъ Печерскаго монастыря, къ которому видимъ рѣшительное охлажденіе Кіевскихъ князей этого рода — легко себѣ представить. При связяхъ Черниговскихъ Святославичей съ Вышгородомъ и Печерскою обителью, обиженными невниманіемъ Мономаховичей, можно легко было узнавать отношеніе Кіевскихъ общественныхъ круговъ, а когда открылась борьба Мономаховичей со Мстиславичами и обнаружились незалѣчимыя трещины по всему дому,—можно было поднять знамя новой церковной политики или, вѣрнѣе, возвращенія къ забытымъ Мономаховичами традиціямъ прежней поры.

§ 114. По занятіи Кіева Всеволодъ предпринимаетъ нападеніе на ближайшихъ Мономаховичей, имѣя въ виду вступить съ ними въ переговоры и, по возможности, союзы. Дѣйствительно, ему удается замириться прежде всего съ Переяславскимъ Мономаховичемъ Андреемъ. Уже указывалось выше (§ 111), что у Андрея была, видимо, распря съ митрополитомъ Михаиломъ, потому что онъ одинъ изъ Мономаховичей и Мстиславичей не получилъ епископа въ 1137 г., хотя каѳедра его Переяславли вдовѣла уже съ 1134 г. Теперь, по замиреніи со Всеволодомъ Кіевскимъ, Андрей получаетъ, наконецъ, епископа: въ 1141 г. „поставиша епископа Переяславлю именемъ Еоуфимья“ [1]). Изъ дальнѣйшаго будетъ ясно, что нельзя предполагать греческую національность Евфимія, и это былъ, кажется, первый епископъ не-грекъ, поставленный митрополитомъ Михаиломъ (Нифонтъ, Мануилъ, Ѳедоръ, Игнатій и Несторъ). Въ 1142 г. скончался Черниговскій епископъ Пантелеймонъ, и въ 1143 г. на мѣсто его ставится епископъ Онуфрій, горячій защитникъ попранныхъ греками правъ русской церкви. Понятно столь краткое вдовство Черниговской каѳедры: на Кіевскомъ столѣ сидитъ Черниговскій Ольговичъ. Назначеніе русскаго епископа Онуфрія было второю уступкою митрополита новому Кіевскому князю. Въ тотъ же годъ поставленъ былъ

въ Полоцкъ епископъ Козьма, повидимому, грекъ. Онъ былъ по крайней мѣрѣ среди тѣхъ епископовъ, которые спѣшили въ 1156 г. въ Кіевъ встрѣчать новаго митрополита Константина, присланнаго „изъ Грекъ", послѣ десятилѣтняго разрыва Кіева съ Константинополемъ. Полоцкъ былъ внѣ политическаго вліянія Всеволода Ольговича, поэтому оказалось возможнымъ поставленіе митрополитомъ на эти каѳедры грека Козьмы. Въ томъ же году поставленъ новый епископъ и въ Туровъ—Іоакимъ. Въ Туровѣ въ эту пору сидѣлъ старшій Мономаховичъ Вячеславъ, который совмѣстно съ Изяславомъ Мстиславичемъ былъ, повидимому, со Всеволодомъ въ союзѣ и договорѣ о передачѣ по смерти послѣдняго Кіева Вячеславу [1]). Союзъ этотъ нужно понимать, какъ согласіе Вячеслава и Изяслава и на церковную политику Всеволода, которая впослѣдствіи у Изяслава стала опорной противъ прежней политики Мономахова дома, которой упорно держался главный соперникъ Изяслава Юрій Ростовскій. При такомъ соглашеніи Вячеслава со Всеволодомъ трудно думать, чтобы новый Туровскій епископъ Іоакимъ былъ греческой національности. Къ этому же 1143 г., столь обильному епископскими назначеніями, или къ слѣдующему, нужно отнести возобновленіе двухъ старыхъ каѳедръ: Бѣлгородской и Юрьевской. „В то же лѣто (6652) священа бысть церкви оу Бѣлѣгородѣ св. апостолъ" [2]). Имя епископа узнаемъ изъ описанія церковнаго событія 1147 г.—Ѳедоръ. Возобновленіе Юрьевской каѳедры сопровождалось устроеніемъ резиденціи епископа въ Каневѣ: „в то же лѣто заложена бысть церкы Канѣвьская, св. Георгия, Всеволодомъ княземъ, мѣсяца июня въ 9 день" [3]). Имя епископа узнаемъ, какъ и имя Бѣлгородскаго Ѳедора, изъ описанія церковнаго событія 1147 г.—Деміанъ, и титулуется онъ

---

[1]) Грушевський, М. Історія України Руси, т. II, вид. др., 141.

въ лѣтописи то епископомъ Юрьевскимъ [1]), то епископомъ Каневскимъ [2]). Не трудно понять необходимость для Кіева возобновленія этихъ каѳедръ, когда такъ ненадежны были междукняжескія отношенія, и Кіевскій князь изворотливо и измѣнчиво дружилъ съ одними, чтобы замирить другихъ, а замиривъ, искалъ бороться съ прежними друзьями, что всегда могло привести къ опасности не имѣть въ Кіевѣ двухъ епископовъ для соборныхъ дѣйствій митрополита. И Ѳедоръ Бѣлгородскій, и Деміанъ Юрьевскій—конечно, русскіе. Поставленные въ землѣ самого Всеволода, такъ настойчиво возвращавшаго церковь къ старымъ временамъ русскихъ епископскихъ назначеній, они въ годъ разрыва Кіева съ Константинополемъ были на сторонѣ Онуфрія Черниговскаго и Евфимія Переяславскаго.

Итакъ, подводя итогъ епископскимъ назначеніямъ времени Всеволода Ольговича, можемъ съ увѣренностью говорить о переломѣ церковной политики Кіевскаго князя. Изъ шести епископовъ, поставленныхъ за это время, о пяти можно предполагать русскую ихъ національность (Евфимій, Онуфій, Іоакимъ, Ѳедоръ и Деміанъ) и только объ одномъ—греческую (Козьма). Такая настойчивость въ поставленіи русскихъ епископовъ Всеволода не могла вести къ добрымъ отношеніямъ его съ митрополитомъ Михаиломъ, до сихъ поръ безпрепятственно возводившимъ грековъ на русскія епископіи.

§ 115. Какъ у князя Черниговскаго дома, у Всеволода Ольговича были дружественныя отношенія съ Печерскою обителью. Положеніе послѣдней за долгіе годы обладанія Кіевомъ потомствомъ Всеволода Ярославича (1113—1139 г.г.) было тяжело и приниженно, и монастырь, естественно, могъ расчитывать теперь при поддержкѣ новаго Кіевскаго князя на возрожденіе своего былого независимаго положенія отъ митрополіи и своей былой руководящей роли въ церковно-политической жизни

[1]) Ипатьевск., 6654 г.

Кіева. Но какъ разъ за время Всеволодова княженія въ исторіи Печерскаго монастыря произошелъ самый тягостный случай греческаго засилья—появленія во главѣ обители св. Ѳеодосія грека—игумена Ѳеодоса.

Объ этомъ грекѣ Ѳеодосѣ до его игуменства въ Печерскомъ монастырѣ сохранился рядъ отрывочныхъ данныхъ. Такъ съ его именемъ связанъ переводъ Посланія папы Льва о ереси Евтихія, сдѣланный Ѳеодосомъ по просьбѣ Печерскаго монаха Панкратія—въ мірѣ князя Николая—Святослава Давидовича—откуда мы узнаемъ, что Ѳеодосъ былъ уже на Руси до 1143 г., когда скончался этотъ князь-инокъ, и что, будучи, здѣсь, онъ не входилъ въ составъ іерархіи русской церкви, сохраняя непосредственную подчиненность Константинопольскому патріарху, такъ какъ иначе нельзя понять прямыхъ объ этомъ словъ Ѳеодоса: „Призываю же рабъ твои инокыи Феодосии моего патриарха молитвы“... [1]). Ѳеодосъ игралъ, видимо, значительную и авторитетную роль въ Кіевѣ, что̀ видимъ изъ записи Кирика своей бесѣды съ епископомъ Нифонтомъ о „недѣлѣ“, гдѣ Кирикъ ссылается на Ѳеодоса, какъ лицо хорошо извѣстное Нифонту и близкое митрополиту: „И Феодосъ, рече, оу митрополита слышавъ, написалъ.—Такоже не ни написавъ, рече, ни митрополитъ, ни Феодосъ, развѣ недѣля празьдникъ...“ [2]).

Какъ могло случиться, чтобы послѣ игуменства Пимена, во главѣ Печерскаго монастыря всталъ грекъ Ѳеодосъ, лицо близкое митрополиту, но ему неподчиненное,—на этотъ вопросъ нужно отвѣтить тѣмъ предположеніемъ, что митрополитъ Михаилъ исхлопоталъ у патріарха, чтобы послѣдній взялъ Печерскую обитель по древнему праву подъ свое непосредственное завѣдываніе, какъ ставропигію. Лѣтопись помнитъ Ѳеодоса, какъ игумена Печерскаго уже подъ 1148 г. [3]), но сейчасъ будутъ приведены соображенія за то, что назначеніе

[1]) Чтенія М. Об—ва Исторіи и Древ., 1848 г., № 7, II. стр. ѳ.

Ѳеодоса и, слѣдовательно, превращеніе Печерскаго монастыря въ патріаршую ставропигію—случились еще при жизни князя Святоши († 1143 г.), т.-е. во время княженія въ Кіевѣ Всеволода Ольговича.

Что заставило митрополита Михаила прибѣгнуть къ такой исключительной мѣрѣ по отношенію къ Печерскому монастырю, ясно изъ изложенной выше церковной политики Всеволода въ епископскихъ назначеніяхъ. Съ большою силою новый Кіевскій князь поднялъ вопросъ о замѣщеніи каѳедръ русскими епископами и въ связи съ этимъ не могъ не задуматься надъ возрожденіемъ Печерской обители, какъ разсадника епископовъ, въ составѣ и положеніи которой за время игуменства Прохора, Тимофея и Пимена произошли большія перемѣны въ сторону приниженія и огрѣчиванія. Чтобы возродить былую дѣятельность обители св. Ѳеодосія по подготовкѣ лицъ, нужныхъ къ занятію епископскихъ мѣстъ, прежде всего, конечно, необходимо было изъять монастырь изъ-подъ власти митрополита, особенно теперь, когда митрополитъ Михаилъ проявлялъ столь энергичную дѣятельность. Можетъ быть, тутъ вспомнилъ Всеволодъ Аѳонскія традиціи князя Святополка Изяславича и его „повелѣнія“ митрополиту, на что послѣдній поспѣшилъ отвѣтить тѣмъ ходомъ, что вырвалъ монастырь безусловно изъ-подъ готовой протянуться руки Кіевскаго князя и вынесъ обитель внѣ возможности спора за нее между княземъ и митрополитомъ.

§ 116. Впослѣдствіи, когда эпоха патріаршей ставропигіи для монастыря миновала, наблюдаемъ желаніе братіи конца XII в. ликвидировать и изгладить изъ памяти исторіи эту печальную пору. Изъ Кіевскаго свода 1200 г. можно видѣть ту литературную работу, какая поднялась въ монастырѣ въ исходѣ XII в., такъ какъ Сводъ 1200 г. пользовался, какъ однимъ изъ источниковъ, лѣтописью Печерской обители извода 1182 г. [1]).

[1]) Объ этомъ подробно говоритъ А. А. Шахматовъ въ ст. „Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская лѣтопись“ (Изв. отд. рус. яз. и слов.

По этому отраженію Печерскаго лѣтописанія въ Сводѣ 1200 г. ясно, что возрожденіе лѣтописной работы монастыря нужно связывать съ эпохою новаго расцвѣта обители, ставшей архимандритіею, и освобожденіемъ ея отъ власти патріарха и притязаній митрополита. Реформа эта пала на время игуменства Поликарпа, и мы его встрѣчаемъ, какъ одного изъ авторовъ Печерскаго лѣтописца 1182 г. Такъ, напримѣръ, только Поликарпъ могъ съ такою подробностью разсказать о своихъ бесѣдахъ съ княземъ Ростиславомъ, какая читается подъ 6676 г., или передавать наставленія Мстислава Изяславича себѣ и „попу Данилѣ" о погребеніи, въ случаѣ смерти, брата Мстислава Ярополка подъ 6678 г., или, наконецъ, говорить о себѣ въ первомъ лицѣ, когда разсказываетъ подъ 6679 г. о перевезеніи совмѣстно съ игуменомъ св. Андреи Семеномъ тѣла князя Владиміра Андреевича: „наутрья же в суботу поидохомъ с Володимиромъ из Вышегорода"... Работа по составленіи лѣтописца обители продолжалась и по смерти Поликарпа, что видно изъ разсказа подъ 6690 г. о его смерти, избраніи братіею новаго игумена—попа Василія со Щекавицы и о его торжественномъ постриженіи рукою митрополита Никифора. Къ сожалѣнію, Кіевскій сводъ 1200 г. воспользовался Печерскою лѣтописью, обрывавшеюся на этомъ извѣстіи 6690 г., такъ что мы лишены возможности судить о литературной работѣ при игуменѣ Василіи.

Приступая къ работѣ по Печерскому лѣтописанію, Поликарпъ располагалъ матеріаломъ изъ прошлой исторіи монастыря, переходившимъ изъ отрывочной записи послѣ 1113 г.,—каково, напримѣръ, извѣстіе о смерти игумена Прохора въ 1126 г. или извѣстіе о покованіи раки св. Ѳеодосія въ 1130 г.,—въ попытку дѣйствительнаго лѣтописнаго свода въ описаніи игуменства, литературныхъ трудовъ и смерти игумена Ѳеодоса († 1156 г.).

А. А. Шахматовъ указалъ, что Кассіанъ при составленіи

можность пользоваться Печерскою лѣтописью извода 1182 г., т.-е. именно тою, какою пользовался и редакторъ Кіевскаго свода 1200 г. Въ числѣ другихъ добавленій, какія внесъ Кассіанъ въ свою редакцію Патерика 1462 г., находимъ „Въпросъ благовѣрнаго князя Ияслава о Латынѣхъ“ [1]). Еще Е. Е. Голубинскій высказалъ сомнѣніе въ возможности приписать это сочиненіе основателю Печерскаго монастыря преподобному Ѳеодосію и указалъ, какъ возможнаго автора, монаха Ѳеодосія—грека XII в. [2]). Мнѣніе Е. Е. Голубинскаго нашло развитіе и новыя обоснованія въ изслѣдованіи А. А. Шахматова, отожествившаго автора грека Ѳеодосія XII в. съ игуменомъ Печерскаго монастыря Ѳеодосомъ, скончавшимся въ 1156 г. [3]). Не повторяя здѣсь всѣхъ убѣдительныхъ соображеній А. А., остановимъ вниманіе еще на одномъ подтвержденіи греческой національности автора даннаго сочиненія, хотя и не очень значительномъ. Въ такъ называемой первой редакціи „Слова св. Ѳеодосія, игумена Печерьскаго монастыря о вѣре крестьяньскои и о латыньскои“ читаемъ: „ты же чадо блюдися кривовѣрныхъ і всѣхъ іхъ словесъ, зане ісполнилася і наша земля злыя тоя вѣры“ [4]). Нельзя слова „і наша земля“ понимать въ смыслѣ Кіевской Руси, такъ какъ это не вытекаетъ изъ всего текста. Наоборотъ „наша земля“ здѣсь—противоположность вашей, т.-е. Руси. Авторъ желаетъ обратить вниманіе князя на особо тревожное время, переживаемое правой вѣрой, когда даже „наша земля“, т.-е. Имперія — оплотъ и твердыня православія, „ісполнилася злыя тоя вѣры“, т.-е. латинства. Возможно ли такое восклицаніе горести за православіе въ устахъ византійца XII в.? Безусловно. Въ это

---

[1]) Шахматовъ, А. А. Кіевопечер. Патерикъ и Печер. лѣт. (Изв. отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1897 г., кн. 3, стр. 827 и сл.).

[2]) Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви. Т. I. Изд. 2, стр. 859.

[3]) Шахматовъ, А. А. Кіевопеч. Патер. и Печер. лѣт. (Изв. отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, 1897, кн. 3, стр. 830 и сл.).

[4]) Поповъ, А. Истор.-лит. обзоръ др. рус. полем. сочиненій пр. лат.

время на императорскомъ престолѣ сидѣлъ Мануилъ Комнинъ, о которомъ приведемъ строки В. Г. Васильевскаго: „Никогда на Византійскомъ престолѣ не было государя, болѣе расположеннаго къ Западу, чѣмъ императоръ Мануилъ, даже усвоившій многіе обычаи и любимыя занятія рыцарства; на Западѣ о немъ послѣ писали, что онъ презиралъ собственныхъ своихъ подданныхъ, т.-е. Грековъ, какъ людей низкихъ, малодушныхъ и подлыхъ, и всею душою былъ привязанъ къ иностранцамъ, приходившимъ съ Запада и толпами селившимся тогда въ Константинополѣ“ [1]). Скрывать Ѳеодосу отъ князя Изяслава Мстиславича это „наполненіе“ Византіи злою вѣрою едва-ли было возможно, потому что въ Кіевѣ зорко слѣдили за тогдашними европейскими дѣлами [2]).

Итакъ, разбираемое Слово принадлежитъ Печерскому игумену греку Ѳеодосу и было адресовано князю Изяславу Мстиславичу. Оно было найдено Кассіаномъ въ Печерской лѣтописи извода 1182 г. и помѣщено во второй редакціи Патерика. Очень важно отмѣтить, что Кассіанъ нашелъ это Слово въ Печерской лѣтописи 1182 г.: во-первыхъ, уже какъ обращенное Изяславу, сыну Ярослава, внуку Владиміра и, во-вторыхъ, съ написаніемъ имени автора, какъ Ѳеодосія игумена Печерскаго „святого отца нашего“, т.-е. Слово уже въ Печерской лѣтописи 1182 г. было отнесено къ концу XI в. и приписано св. Ѳеодосію.

Но А. А. Шахматовъ указалъ еще одинъ памятникъ, подвергшійся такой же передѣлкѣ—„Въспрашянье Ізяславле князя, сына Ярославля, внука Володимеря, ігумена Ѳедосья Печерьскаго монастыря“ о святости воскреснаго дня и о пощеніи въ среду и пятницу [3]), т.-е. опять памятникъ трудовъ игумена грека Ѳеодоса XII в. приписанъ игумену св. Ѳеодосію XI в., для чего имя князя Изяслава Мстиславича замѣнено именемъ князя

[1]) Васильевскій, В. Г. Изъ исторіи Византіи XII в. (Славян. сборн., II, стр. 217).

Изяслава Ярославича [1]). Одинаковость передѣлки наводитъ на мысль на одновременность. Возможно, что сочиненіе это, какъ и предыдущее, было въ такой же своеобразной редакціи помѣщено въ Печерской лѣтописи извода 1182 г. и было или опущено Кассіаномъ при составленіи второй редакціи Патерика или, что вѣроятнѣе, отсутствовало въ томъ экземплярѣ Печерской лѣтописи 1182 г., которымъ Кассіанъ пользовался въ работѣ надъ Патерикомъ. Что такая передѣлка относится до времени составленія Печерской лѣтописи 1182 г. и, вѣроятно, принадлежала игумену Поликарпу, видно изъ разсказа о предсмертномъ видѣніи епископа Нифонта († 1156 г.), гдѣ игуменъ-грекъ Ѳеодосъ опять замѣненъ св. Ѳеодосіемъ, игуменомъ XI в. Разсказъ этотъ сохранился въ искаженномъ видѣ въ Кіевскомъ сводѣ 1200 г. подъ 6664 г. и въ Печерскомъ Патерикѣ, гдѣ Кассіанъ свѣрялъ его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Печерской лѣтописи извода 1182 г. По этой работѣ Кассіана видно, что и въ Печерской лѣтописи статья эта уже не имѣла цѣльности и полноты и подверглась указанной выше замѣнѣ имени грека Ѳеодоса именемъ св. Ѳеодосія XI в. Содержаніе разсказа слѣдующее. Новгородскій епископъ Нифонтъ, получивъ извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ въ Кіевъ изъ Царьграда новаго митрополита Константина, отправился для встрѣчи его, но, не дождавшись пріѣзда, скончался въ Кіевѣ, гдѣ и былъ погребенъ въ Печерскомъ монастырѣ: „бѣ бо имѣя велику любовь къ св. Богородици и къ отцю Федосью“. Передъ смертью Нифонтъ „дивно же видѣние сказа“ окружающимъ. За три дня до своей болѣзни, пришедши съ заутрени и задремавъ, Нифонтъ увидѣлъ сонъ, что стоитъ онъ въ церкви Печерскаго монастыря на Святошинѣ мѣстѣ и молится со слезами, „да быхъ видилъ отца Федосья“. Въ это время церковь стала наполняться братіею, и одинъ изъ нихъ обратился къ Нифонту: „хощеши ли видити отца Федосья“,

[1]) Шахматовъ, А. А. Кіевопечер. Памятникъ и Печер. лѣт. (Изв.

на что Нифонтъ отвѣтилъ: „аще оузможно есть, покажи ми“.— „И поемъ мя—разсказывалъ Нифонтъ—и въведе въ олтарь и ту показа ми отца Федосья, и шедъ поклонихся ему и въставъ нача благословляти мя и объятъ мя рукама своима и начатъ цѣловати мя и рече ми: добрѣ приде, брате сыну Нифонте, отселѣ будеши с нами неразлучно; Держаше бо свитокъ в руцѣ, и мнѣ просящю его, и яко вда ми и развертѣхъ, прочтохъ его и бѣ в немъ написано в началѣ: се азъ и дѣти моя, аже ми есть далъ Богъ; и оттолѣ възъбнухъ“ [1]). Необходимо разсказъ этотъ сопоставить съ извѣстіемъ Лаврентьевской лѣт. подъ тѣмъ же годомъ: „Преставися Феодосъ, игуменъ Печерскый, и по немъ Нифонтъ епископъ Новгородьскыи, мѣсяца априля въ 18 день, и положиша и в Печерьстѣмь манастырѣ“. Едва-ли случайно Лаврентьевская лѣтопись связываетъ эти двѣ смерти („и по немъ“). Вѣроятнѣе думать, что между ними была именно та связь, что Нифонтъ предъ смертью своей видѣлъ скончавшагося до того игумена. Нифонтъ, отправляясь въ Кіевъ для встрѣчи новаго митрополита, имѣлъ въ виду и готовился повидаться съ Ѳеодосомъ, игуменомъ Печерскимъ, который, какъ знаемъ изъ записи Кирика, былъ хорошо извѣстенъ Нифонту, какъ лицо авторитетное и важное. По пріѣздѣ въ Кіевъ Нифонтъ узналъ, что другъ его умеръ, вѣроятно, незадолго до пріѣзда. Это поразило Нифонта, и подъ вліяніемъ горестной новости Нифонтъ, самъ уже близкій къ смерти, видитъ во снѣ почившаго друга, который зоветъ его къ себѣ („отселѣ будеши с нами неразлучно“). Это довольно обычный житейскій случай. Разсказъ Нифонта о видѣніи не оставляетъ сомнѣнія, о какомъ игуменѣ Ѳеодосіи онъ говоритъ. Во снѣ Нифонтъ увидѣлъ себя въ церкви Печерскаго монастыря, гдѣ онъ бывалъ часто, какъ братъ обители, на Святошиномъ мѣстѣ. Нифонтъ былъ знакомъ съ Святошей, такъ какъ одновременно съ нимъ жилъ въ обители, какъ и Ѳеодосъ, переводившій для Святоши Посланіе папы Льва. Вѣроятно,

кромѣ знакомства, всѣхъ ихъ связывалъ интересъ къ литературѣ, такъ какъ и Нифонтъ, и Святоша, и Ѳеодосъ были люди ученые и незаурядные. Стоя на Святошиномъ мѣстѣ, Нифонтъ молится о возможности увидѣть отца Ѳеодосія. Невозможно думать, чтобы Нифонту почему-то захотѣлось увидѣть игумена XI в., но въ этой слезной мольбѣ нужно слышать жалобу друга, не заставшаго въ живыхъ того, съ кѣмъ онъ всю дорогу думалъ увидѣться. Предложеніе брата провести Нифонта къ игумену, знакомая фигура игумена въ алтарѣ, вставшаго навстрѣчу Нифонта съ благословеніемъ, объятіемъ, поцѣлуемъ и словомъ радости, наконецъ, чувство Нифонта при этой встрѣчѣ, не проникшагося благоговѣйнымъ изумленіемъ, какъ естественно при видѣ живымъ почившаго сто лѣтъ назадъ основателя обители, а отнесшагося къ видѣнію естественно и просто,—все это говоритъ за то, что Нифонтъ увидѣлъ во снѣ скончавшагося предъ его пріѣздомъ въ Кіевъ игумена Ѳеодоса, съ которымъ въ видѣніи здоровался и бесѣдовалъ, какъ съ живымъ.

Итакъ, въ Печерской лѣтописи извода 1182 г. встрѣчаемъ рядъ матеріаловъ, относящихся къ жизни и дѣятельности игумена XII в. Ѳеодоса-грека, передѣланныхъ такъ, чтобы приписать ихъ св. Ѳеодосію XI в. Это даетъ право думать, что возрожденіе лѣтописной дѣятельности въ Печерскомъ монастырѣ началось послѣ смерти игумена Ѳеодоса (1156 г.) и до вступленія въ игуменство Поликарпа, вѣроятно, съ цѣлью прославить память почившаго игумена и разсказать объ установленіи патріаршей ставропигіи надъ Печерской обителью. Такое лѣтописаніе могло существовать до тѣхъ поръ, пока монастырь не вырвался изъ-подъ патріаршей руки и не добился независимости и отъ митрополита. Вполнѣ понятно желаніе братіи освобожденной отъ греческаго управленія и вліянія обители ликвидировать и въ лѣтописаніи эту ненавистную пору униженія монастыря, что и приводитъ къ редакціи собранныхъ сочиненій и разсказовъ о временахъ игуменства преп. Ѳеодоса.

не все уцѣлѣло, а уцѣлѣвшее было искусно связано съ именемъ преподобнаго Ѳеодосія XI в.

Такое же отношеніе къ игумену Ѳеодосу XII в. встрѣчаемъ въ трудѣ епископа Симона, который въ разсказахъ своего перваго посланія называетъ лишь имя игумена Пимена (въ сказаніи объ Онисифорѣ) и обходитъ молчаніемъ имя игумена Ѳеодоса, хотя описываетъ въ разсказахъ и его время (въ сказаніяхъ о Вавилѣ и Святошѣ). Косвенно Симонъ отозвался о темной порѣ игуменства-грека въ сказаніи о Николѣ Святошѣ въ сообщеніи той подробности, что Изяславъ Давидовичъ „самъ же къ брату (Святошѣ, въ Печерскій монастырь) ехати хотяше, и удръжанъ бысть отъ тогда сущихъ епископъ“ [1]). Какіе епископы могли удерживать князя Изяслава отъ поѣздки въ Печерскій монастырь? Конечно, его Черниговскіе епископы. Какъ разъ въ это время (1142—1143 г.г.) умеръ Черниговскій епископъ Пантелеймонъ и поставленъ былъ на его мѣсто Онуфрій. Это даетъ право говорить о появленіи игумена Ѳеодоса въ Печерской обители до 1142 г. и считать епископа Пантелеймона того же русскаго, враждебнаго грекамъ настроенія, что и Онуфрій, главный дѣятель анти-греческаго собора въ Кіевѣ въ 1147 г.

§ 117. Возвращаясь къ церковной политикѣ Всеволода Ольговича и его отношенію къ митрополиту, видимъ, какіе острые вопросы встали между ними. И тотъ и другой не могли быть взаимно довольны: митрополитъ былъ недоволенъ стремленіями Кіевскаго князя насаждать русскій епископатъ, князь—греческими тенденціями въ дѣятельности митрополита и его политикой съ Печерскимъ монастыремъ. Въ видѣ догадки можно, кажется, указать еще одинъ пунктъ столкновенія—вопросъ о канонизаціи князя Давида Святославича и князя Николы Святоши. Что праведная жизнь этихъ князей открывала дорогу такому притязанію, намъ приходилось говорить выше (§ 113);

[1]) Патерикъ Кіево-Печерскаго Мон., Памятники ст.-рус. письменности,

примѣръ же канонизаціи Мстислава Владиміровича, совершенной именно при митрополитѣ Михаилѣ (князь скончался въ 1132 г., митрополитъ прибылъ въ 1130 г.), давалъ и Черниговскимъ князьямъ право расчитывать на такое же признаніе церковью праведной жизни членовъ княжескаго дома Чернигова. Ко всему этому примѣшивалось недовольство митрополита и междукняжеской политикой Всеволода, гдѣ Кіевскій князь враждовалъ съ „вассаломъ“ Имперіи—Владиміромъ Галицкимъ. Послѣднее подкрѣпляется тѣмъ наблюденіемъ, что въ частыхъ мирахъ и союзахъ, скрѣпляемыхъ крестоцѣлованіемъ, которыми такъ богато было Кіевское княженіе Всеволода,—не видимъ участія митрополита, такъ охотно замиряшаго князей въ пору Мономаховичей, и Всеволоду пришлось обратиться къ князю-иноку Святославу Давидовичу, когда противъ Кіева поднялись и Ольговичи, и Давидовичи [1]).

§ 118. Въ результатѣ всѣхъ этихъ столкновеній между княземъ Всеволодомъ и митрополитомъ Михаиломъ послѣдовалъ какой-то рѣшительный шагъ со стороны митрополита, неподдающійся по состоянію источниковъ полному возстановленію. Лѣтопись съ воздержанностью въ словѣ сообщаетъ только: „И митрополитъ Михаилъ иде Цесарю-городу“—среди извѣстій 1145 г. [2]). Изъ преній на Кіевскомъ соборѣ 1147 г. узнаемъ, что митрополитъ Михаилъ предъ отъѣздомъ далъ какое-то „рукописаніе, яко не достоитъ намъ (епископамъ) безъ митрополита въ св. Софьи слоужити“. Мы не можемъ сказать съ опредѣленностью, всѣ ли епископы взяли это „рукописаніе“ или только тѣ два—Нифонтъ Новгородскій и Манулъ Смоленскій,—которые объ этомъ заявили на соборѣ, потому что по Ипатьевской эти епископы сказали „вѣ взяла“, т.-е. относили это къ себѣ, а по Хлѣбн. и Погодин.: „мы взяли“, т.-е. относили ко всѣмъ вообще епископамъ. Досаднѣе, что мы не знаемъ, какъ читать слова: „яко не достоитъ намъ безъ митро-

[1]) Ипатьевск., 6650 г.

полита въ (Хлѣбн. и Погодин.: „оу“) св. Софьи слоужити“. Если относить слова „въ св. Софьи“ къ „слоужити“, то выйдетъ, что митрополитъ запретилъ епископамъ служить въ свое отсутствіе въ его каѳедральномъ соборѣ. Но если „въ св. Софьи“ отнести къ словамъ „безъ митрополита“, то передъ нами—запрещеніе епископскихъ службъ во всей русской церкви на все время отсутствія митрополита на каѳедрѣ св. Софіи („безъ митрополита оу св. Софьи“). Вѣроятнѣйшимъ представляется послѣднее чтеніе, потому что, уѣзжая въ Константинополь въ знакъ разрыва съ княземъ Кіевскимъ, едва-ли митрополитъ почему-то рѣшилъ дать рукописаніе епископамъ не служить безъ него въ св. Софіи, такъ какъ канонически епископы могутъ служить въ чужой епархіи лишь съ разрѣшенія ея епископа, и митрополиту Михаилу достаточно было не давать такого разрѣшенія. Наконецъ, слишкомъ ничтожной карой непокорному Кіевскому князю было бы такое запрещеніе епископскихъ службъ въ св. Софіи, такъ какъ въ Кіевѣ существовала немного меньшая по объему и роскоши Десятинная церковь. Наоборотъ, запрещеніемъ епископскихъ служеній по всей Руси на время разрыва Всеволода съ каѳедрою митрополитъ выносилъ свою ссору за предѣлы личнаго столкновенія, заставляя отъ нея страдать, ее обсуждать и, конечно, содѣйствовать ея прекращенію всѣхъ князей и епископовъ Руси.

Столь необычный поступокъ митрополита Михаила свидѣтельствуетъ о живости и страстности его характера. Къ сожалѣнію, у насъ мало данныхъ для полной обрисовки послѣдняго, но и они, начиная съ вычерка изъ поминанья имени Новгородскаго епископа Ивана [1]), превращенія Печерскаго монастыря въ патріаршую ставропигію и попытки личнаго усмиренія княжескихъ которъ поѣздкою въ Новгородъ въ 1134 г. [2]),—говорятъ намъ о рѣшительной и рѣзкой волѣ Михаила.

---

[1]) „Сего не поминаютъ“. Новгор. лѣт. по Синод. сп. Сбн. 1888, стр. 443.

Разрывъ 1145 г. Всеволода съ митрополитомъ продолжался до смерти Всеволода въ 1146 г., и это лишаетъ возможности судить, какіе планы были у Кіевскаго князя о церковныхъ дѣлахъ въ дальнѣйшемъ. Умеръ Всеволодъ въ Выш-городѣ, гдѣ и погребенъ былъ въ церкви свв. мучениковъ, созданной заботою и любовью дѣда и отца.

§ 119*а*. Предъ смертью Всеволодъ думалъ передать престолъ, вопреки бывшему повидимому у него соглашенію съ Вячеславомъ Владиміровичемъ и Изяславомъ Мстиславичемъ, брату своему Игорю, что̀, однако, не помѣшало Изяславу овладѣть Кіевомъ, захвативъ Игоря въ плѣнъ. Изяславъ сидѣлъ предъ тѣмъ въ Переяславлѣ. Невозможно не думать, чтобы Переяславскій епископъ Евѳимій, поставленный, какъ мы догадывались, вопреки желанію митрополита Михаила, не былъ введенъ Изяславомъ въ подробности его плановъ о церковныхъ Кіевскихъ дѣлахъ, и епископъ былъ увѣренъ, что будущій Кіевскій князь не унизится предъ греками. Вотъ почему видимъ благословеніе на занятіе Кіева Изяславомъ со стороны епископа Переяславскаго: Изяславъ „вземъ молитву оу св. Михаилѣ оу епископа оу Ефимья“ [1]). Игорь, чувствуя надвигавшуюся грозу, посылалъ къ своимъ братьямъ Давидовичамъ Черниговскимъ, прося ихъ, во исполненіе бывшаго между ними крестнаго цѣлованія, идти къ нему на подмогу. Изяславъ и Владиміръ Давидовичи откликнулись на этотъ призывъ. Въ Черниговѣ епископомъ былъ Онуфрій, горячій сторонникъ политики покойнаго Всеволода. Нужно думать, что Онуфрій ожидалъ отъ Игоря Ольговича продолженіе политики брата, и въ силу неизвѣстности будущей церковной политики Изяслава боялся возможности вступленія послѣдняго на Кіевскій столъ. Когда Давидовичи, исполняя крестное цѣлованье, двинулись изъ Чернигова къ Кіеву, епископъ Онуфрій—помнитъ лѣтопись—„прозвитеромъ своимъ рече: аще кто сего крестьно цѣ-

---

[1]) Ипатіевская, 254.

дования състоупить, а проклятъ боудетъ господьскима 12 праздникома" [1]).

Вступленіе въ Кіевъ Изяслава Мстиславича было очень торжественно: кромѣ множества народа навстрѣчу князя вышли „игоумени съ черноризьци и попове всего города Киева в ризахъ" [2]). Но въ процессіи не было ни Бѣлгородскаго епископа Ѳедора, ни Юрьевскаго Деміана. Если это не объясняется извѣстнымъ намъ запрещеніемъ епископскихъ служеній митрополитомъ Михаиломъ, то причину отсутствія нужно искать въ той же неувѣренности этихъ епископовъ взглядамъ Изяслава на церковное событіе предыдущаго княженія, какую видѣли у Черниговскаго епископа Онуфрія, такъ какъ оба епископа были сторонниками Всеволода, какъ его ставленники. Видимо, Изяславъ и самъ чувствовалъ себя неувѣренно среди сложныхъ церковныхъ дѣлъ Кіева, что̀ ясно изъ отправки плѣннаго князя Игоря въ порубъ Переяславскаго монастыря св. Ивана.

§ 119б. Въ числѣ первыхъ шаговъ новаго Кіевскаго князя была неясная намъ расправа съ однимъ изъ епископовъ. Какъ извѣстно, Вячеславъ Владимірович̀ъ понялъ занятіе Кіева Изяславомъ, какъ собственное вступленіе на Кіевскій столъ, опираясь, видимо, на прежде бывшее соглашеніе свое и Изяслава со Всеволодомъ и разсматривая вступленіе Изяслава въ Кіевъ, какъ насильственное осуществленіе невыполненнаго договора. Безъ сношеній съ Изяславомъ, только узнавъ о томъ, что послѣдній въ Кіевѣ, Вячеславъ, „послоушавъ бояръ своихъ", началъ распоряжаться землями, „надѣяся на старишьство". Вѣроятно, на этой же точкѣ зрѣнія, кромѣ бояръ, стоялъ и Туровскій епископъ, потому что въ числѣ лицъ, постигнутыхъ гнѣвомъ Изяслава, находился и этотъ епископъ. Лѣтопись выражается такъ, что выдѣляетъ епископа изъ числа арестованныхъ Изяславомъ лицъ, но, кажется, только въ смыслѣ оковання: „посадникы (Вячеслава) исковазъ приведе, и Туровь-

[1]) Ипатьев. 6654 г.

скаго епископа Якима" [1]). Есть нѣкоторая возможность думать, что „приведеніе" Туровскаго епископа не привело впослѣдствіи къ какимъ-либо серьезнымъ для него послѣдствіямъ, и онъ пострадалъ уже не отъ руки Изяслава.

§ 120. Къ церковному вопросу Кіева Изяславъ отнесся не съ тою прямотою и рѣшительностью, какъ его Кіевскій предшественникъ, и пережилъ, повидимому, періодъ колебаній.

Конечно, создавшееся международное положеніе, въ которое вошелъ Изяславъ и Русь въ эту пору, когда „скільки запамятала історія, старий Київ не був іще свідком такої скомпліковавої політичної системи, такої безконечної сіти союзів і контр-союзів" [2]), — заставляло Изяслава меньше всего думать о возможности рѣшенія распри съ греческой митропольей путемъ уступокъ со своей стороны. Венгрія боролась съ Византіей, и та и другая располагали союзниками такъ, что за Венгрію стояли Сицилія, въ Германіи — Вельфы, на Руси — Изяславъ и Давидовичи, а за Византію — Чехія, въ Германіи — Конрадъ, на Руси — Галиція и Юрій Суздальскій [3]). Родство съ Венгріей и соперничество съ Юріемъ намѣчали Изяславу путь вражды и съ Юріемъ, и съ Владиміромъ Галицкимъ, „вассаломъ" Византіи, и съ самою Имперіей. Но встать въ позу неуступчивости еще не значило рѣшить церковный вопросъ. И Изяславу представлялось, кажется, мимолетно, лучшимъ рѣшеньемъ этого вопроса — обращеніе къ латинству. Насколько серьезно было такое желаніе князя, не покрывало ли оно расчета такимъ путемъ вынудить Имперію идти на уступки, — сказать у насъ нѣтъ данныхъ, кромѣ горячаго и рѣзкаго „увѣщанія" Печерскаго игумена грека — Ѳеодоса: „не подобаетъ же, чадо, хвалити чужее вѣры. Аще хвалить кто чужю вѣру, то обрѣтается свою вѣру хуля, аще ли

---

[1]) Лаврент., 6654 г.

[2]) Грушевський, М. Історія України-Руси, т. II, вид. др., стр. 153.

[3]) Ibidem; Васильевскій, В. Г. Изъ исторіи Византіи XII в. (Славянск. Сборн. т. II, стр. 235).

начнеть непрестанно хвалити і свою и чужю, то обрѣтается таковый двоевѣрець, близъ есть ереси" [1]). Но князь не долго хвалилъ чужую вѣру, а обратился къ давно-неслыханному въ Кіевѣ дѣлу—избранію митрополита соборомъ русскихъ епископовъ. Повидимому, это рѣшеніе подсказано было Изяславу Черниговскимъ епископомъ Онуфріемъ, который и среди епископовъ въ рѣшительный моментъ доказывалъ правильность этого шага. „Азъ свѣдѣ,—говорилъ Онуфрій,—яко достоитъ съшедшеся епископомъ митрополита поставити". Онуфрій правъ. Канонически право избранія митрополита принадлежитъ собору епископовъ митрополіи, а патріарху—право посвященія избраннаго кандидата [2]). И Изяславъ усваиваетъ эту точку зрѣнія безъ крайностей и увлеченій. Во-первыхъ, мы видимъ по-старому Печерскій монастырь, какъ ставропигію патріарха, и во главѣ его того же игумена Ѳеодоса, который обращается къ князю съ увѣщательнымъ посланіемъ противъ увлеченій латинствомъ, и котораго Изяславъ при нужномъ случаѣ не отклоняетъ отправить съ отвѣтственнымъ порученьемъ, хотя и не первымъ лицомъ [3]). Во-вторыхъ, у Изяслава съ братомъ его Ростиславомъ Смоленскимъ живая и дружественная связь, несмотря на отрицательное отношеніе послѣдняго къ вопросу о поставленіи митрополита соборомъ русскихъ епископовъ.

Въ 1147 г., когда Изяславъ рѣшился приступить къ избранію русскаго митрополита Кіеву, картина княжескихъ отношеній представлялась въ слѣдующемъ видѣ: самъ Изяславъ держалъ Кіевъ, т.-е. двѣ епископіи—Бѣлгородскую и Юрьевскую, гдѣ оба епископа были поставленія времени Всеволода Ольговича; въ Черниговѣ сидѣли союзники Изяслава—Давидовичи, епископская каѳедра—въ рукахъ Онуфрія, главнаго вдохновителя Изяслава на событіе 1147 г.; въ Переяславлѣ былъ сынъ Изяслава—Мстиславъ, епископомъ—Евѳимій, по-

[1]) Поповъ, А. Ист.-лит. обзоръ др. р. полем. соч., стр. 69.
[2]) Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви, т. I[1], стр. 272 и сл.

ставленія времени Всеволода; въ Смоленскѣ сидѣлъ братъ Ростиславъ, епископомъ — грекъ Мануилъ; въ Новгородѣ — братъ Святополкъ, епископомъ — грекъ Нифонтъ; на Волыни не знаемъ князя объ эту пору, епископъ — грекъ Ѳедоръ; въ Туровѣ — сынъ Изяслава — Ярославъ, епископъ же Іоакимъ еще въ 1146 г. „приведенъ" былъ въ Кіевъ, и о дальнѣйшей судьбѣ его до 1147 г. не знаемъ. Наконецъ, подъ рукою Изяслава были Святославъ Всеволодовичъ и дядя Вячеславъ, не имѣвшіе у себя епископскихъ каѳедръ.

Врагами Изяслава были Владимірко Галицкій и Юрій Суздальскій со своимъ союзникомъ Святославомъ Ольговичемъ. Первый, какъ вассалъ императора, былъ противникомъ всякихъ недоразумѣній съ Имперіей, тѣмъ болѣе церковныхъ, такъ какъ, не имѣя въ Галичѣ епископіи, онъ находился подъ непосредственнымъ управленіемъ митрополита, и реформа Изяслава 1147 г. не могла оставить его равнодушнымъ. Второй — соперникъ Изяслава по Кіеву, союзникъ Имперіи, крѣпкая дружба которой перешла на семью князя по его смерти [1]), что̀ обнаружилось въ 1162 г.,—былъ вѣренъ традиціямъ дома Мономаха о покоренія греческой митрополіи. Святославъ Ольговичъ къ церковному разногласію примѣшивалъ ненависть къ Изяславу за обиду и плѣнъ брата Игоря. Остается неяснымъ поведеніе Полоцка, гдѣ сидѣлъ Рогвольдъ Борисовичъ, зять Изяслава [2]), и гдѣ епископомъ былъ Козьма, вѣроятно, грекъ.

Располагая столькими союзниками и ихъ епископіями, Изяславъ могъ считать избраніе русскаго митрополита соборомъ епископовъ, предпринятое имъ въ 1147 г., дѣломъ всей Руси, всей русской церкви. Правда, онъ не встрѣтилъ у друзей всеобщаго сочувствія, что̀ видно изъ отсутствія на соборѣ Полоцкаго епископа, поддержаннаго, вѣроятно, своимъ княземъ, возможнаго отсутствія и во всякомъ случаѣ громкаго протеста со стороны Новгородскаго епископа Нифонта, дѣйствовавшаго

[1]) Ипатьевск., 6670 г.

за свой страхъ и рискъ, и Смоленскаго епископа Мануила, дѣйствовавшаго съ согласія князя Ростислава. На отсутствіе на соборѣ Ростовскаго епископа Нестора Изяславъ расчитывалъ и самъ. Такія разногласія среди князей по церковному вопросу не остановили Изяслава, и хотя Лаврентьевская лѣтопись не безъ колкости замѣчаетъ, что избраніе русскаго митрополита въ 1147 г. было рѣшено Изяславомъ „особь", при счастливомъ удержаніи той политической позиціи, какая была у Кіевскаго князя въ іюлѣ 1147 г., возможно было расчитывать на признаніе церковной реформы этого года не только со стороны русскихъ князей, но и самой Имперіи. И не вина Изяслава, что быстро распавшееся могущество его въ „Русской землѣ" привело къ приниженію всего дѣла освобожденія церкви отъ Имперіи до значенія ничтожнаго эпизода, подвергшагося быстрой ликвидаціи.

§ 121. Соборъ епископовъ въ Кіевѣ 1147 г. для избранія русскаго митрополита и посвященія его въ епископскій санъ составился изъ 6 епископовъ, по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи. Ипатьевская, болѣе полно излагающая это событіе, перечисляя имена участниковъ собора, даетъ ихъ или пять, если считать, что Новгородскій епископъ Нифонтъ и Смоленскій Мануилъ не были на соборѣ, ограничившись присылкою заявленія,—или семь, если считать, что заявленіе этихъ двухъ епископовъ было сдѣлано ими лично. Но предполагать присутствіе епископовъ Нифонта и Мануила на соборѣ—нѣтъ основаній. Тогда приходится, чтобы согласовать число Лаврентьевской съ числомъ Ипатьевской, счесть пропущеннымъ послѣднею въ перечисленіи епископовъ имя епископа Туровскаго Іоакима, „приведеннаго" въ Кіевъ Изяславомъ еще въ 1146 г. Изъ остальныхъ пяти епископовъ Ипатьевской—четыре были русскіе, поставленные при Всеволодѣ Ольговичѣ: Онуфрій Черниговскій, Евфимій Переяславскій, Ѳедоръ Бѣлгородскій и

Переходя къ разбору дѣяній собора 1147 г., нужно прежде всего признать, что передъ нами плохо изложенный текстъ, затрудняющій изслѣдователя: „В то же лѣто постави Изяславъ митрополитомъ Клима.... рече бо Черниговьскии епископъ: азъ свѣдѣ, яко достоить съшедшеся епископомъ митрополита поставити“. По этому мѣсту выходитъ, что князь Изяславъ, опираясь на авторитетное указаніе Черниговскаго епископа о порядкѣ поставленія каноническаго митрополитовъ соборомъ епископовъ митрополіи, рѣшилъ созвать такой епископскій соборъ: „и снидошась... епископы“. На княжеское приглашеніе не отозвались епископы Несторъ Ростовскій, Козьма Полоцкій, Нифонтъ Новгородскій и Мануилъ Смоленскій, все — греки. Это не помѣшало собравшимся избрать Климента на митрополичій столъ и рѣшить произвести въ Кіевѣ же соборомъ русскихъ епископовъ возведеніе Клима въ епископскій санъ. Съ этою цѣлью, видимо, неявившіеся епископы были извѣщены о состоявшемся избраніи Клима и вновь приглашены въ Кіевъ, чтобы участвовать въ рукоположеніи Клима. Климъ, избранный соборомъ, вступилъ въ управленіе русскою церковью, такъ что приглашенія на рукоположеніе Клима исходили отъ этого послѣдняго. Безъ этого предположенія непонятна личная форма отвѣта, полученная Климомъ отъ епископовъ Нифонта и Мануила.

Отвѣтъ этихъ епископовъ переданъ, какъ сейчасъ увидимъ ниже, не полно. Первымъ тезисомъ („не есть того в законѣ яко ставити епископомъ митрополита безъ патриарха, но ставить патриархъ митрополита“) епископы отрицали право собора русскихъ епископовъ ставить себѣ митрополита, разъ на то не было дано разрѣшенія патріарха („безъ патриарха“), такъ какъ до сихъ поръ практика знала для Кіева лишь патріаршее избраніе кандидатовъ („но ставить патріархъ митрополита“). Отрицая такое избраніе Клима соборомъ русскихъ епископовъ и, вѣроятно, приводя каноническія къ тому основанія („не есть того в законѣ“), епископы могли ссылаться

залось у канонистовъ Зонары и Вальсамона [1]). Два другіе тезиса Нифонта и Мануила отвѣчаютъ на приглашеніе Клима принять участіе въ его рукоположеніи. Такое приглашеніе избраннаго соборомъ кандидата на митрополичій столъ Нифонтъ и Мануилъ считаютъ для себя не обязательнымъ и служеніе съ нимъ—не возможнымъ („а не поклонивѣ ти ся, ни слоуживѣ с тобою"), такъ какъ только признаніе патріархомъ Клима митрополитомъ можетъ дать ему права на митрополію („зане не взялъ еси благословенна оу св. Софьи ни от патриарха") и заставить всѣхъ епископовъ Руси подчиниться Климу, какъ митрополиту („аще ли ся исправиши благословившися от патриарха и тогда ти ся поклонивѣ"). Наковецъ несогласные съ соборомъ епископы указываютъ, какъ третій тезисъ, на невозможность вообще епископской службы, а слѣдовательно и рукоположенія Клима, согласно распоряженію митрополита Михаила передъ уходомъ въ Грецію („вѣ взяла от Михаила от митрополита рукописаніе яко не достоить намъ безъ митрополита въ св. Софьи слоужати"). Изложенное возраженіе епископовъ Новгорода и Смоленска Климъ, вѣроятно, огласилъ на соборѣ, гдѣ выступилъ епископъ Черниговскій, доказавшій неосновательность прочитанныхъ возраженій. Къ сожалѣнью, доказательствъ этихъ лѣтопись не приводитъ, сводя все къ одной фразѣ: „азъ свѣде достоить ны поставити", которая почти дословно приводилась выше („азъ свѣде, яко достоить съшедшеся епископомъ митрополита поставити"). Затѣмъ Онуфрій сказалъ: „а глава оу насъ есть св. Климента, якоже ставять Грѣци роукою св. Ивана". Здѣсь, въ словахъ этихъ, нужно видѣть отвѣтъ Онуфрія на возраженіе Нифонта и Мануила, опущенное въ лѣтописи. Значитъ, какъ четвертый тезисъ возраженія противъ возможности рукоположенія Клима въ Кіевѣ, Нифонтъ и Мануилъ ссылались на обычай рукополагать кандидатовъ на митрополіи въ св. Софіи

Константинопольской на мощахъ св. Ивана. По мнѣнію же Онуфрія это возраженіе — не основательно, и глава св. Климента имѣетъ ту же силу, что̀ и рука св. Іоанна Крестителя.

Несомнѣнно, что князь Изяславъ послѣ избранія Клима началъ добиваться признанія этого избранія со стороны патріарха, такъ что здѣсь шелъ споръ съ Византіей о расширеніи правъ русской церкви, но не было разрыва всякихъ связей церковныхъ съ Имперіей. Это лучше всего видно изъ случайной записи Кирика: „И се вопраша Климъ нашего епископа (т.-е. Нифонта) от полотьскаго епископа: аже слоужить епископъ постьну слоужбоу, кдѣ цѣлоують: въ скранью, ли по обычаю? — Въ рамо, рече, чѣловати“ [1]). Климъ, уже епископъ, затрудненный вопросомъ практики епископской службы, ищетъ отвѣта у авторитетнаго Нифонта. Правда, дѣлаетъ онъ это не лично, а чрезъ епископа Полоцкаго, но Нифонтъ не уклоняется отъ отвѣта. И вопросъ Клима Нифонту и отвѣтъ послѣдняго показываютъ, что оба смотрѣли на разногласіе свое, какъ на споръ о правахъ, рѣшеніе котораго ждали отъ патріарха. Невозможно думать, чтобы Нифонтъ отвѣтилъ Климу даже черезъ посредника, если бы Климъ считалъ ненужнымъ для себя, какъ избранника собора русскихъ епископовъ, взять „благословенне оу св. Софьи и от патриарха“.

§ 122. Политическое положеніе, которое могло внушать Изяславу въ іюлѣ 1147 г. надежду на единодушное дѣйствіе князей для добыванья въ Византіи права ставить митрополита на Руси соборомъ русскихъ епископовъ, было однако прочнымъ только по виду и таило въ себѣ всѣ элементы распада, гдѣ меньше всего игралъ роль вопросъ церковный, заслоняемый по крайней мѣрѣ для большинства князей вопросами междукняжескихъ отношеній, и оставшійся яснымъ и опредѣленнымъ только у Юрія и Владимірко съ одной стороны, Изяслава—съ другой.

Первыми нарушившими этотъ внѣшній блескъ и силу Изяслава—были Давидовичи, перекинувшіеся на сторону Юрія и „лестью“ звавшіе Изяслава въ походъ на Юрія и его союзника Святослава Ольговича съ тѣмъ, чтобы захватить Изяслава или убить. Обнаружилась ихъ интрига на пути Изяслава въ Черниговъ, и встревоженный князь послалъ въ Кіевъ звать Кіевлянъ на подмогу. Разсказъ, приведенный въ лѣтописи объ этомъ посольствѣ, показываетъ большое почтеніе Изяслава къ вновь избранному митрополиту, для котораго вопросъ о положеніи Изяслава въ Кіевѣ и успѣхѣ его борьбы съ Юріемъ—былъ вопросомъ не только личнаго положенія, какъ митрополита, но и вопросомъ положенія всей русской церкви. Изяславъ отправляетъ пословъ къ брату Владиміру, оставшемуся за него въ Кіевѣ, митрополиту и Лазарю тысяцкому. Вѣче, собранное у св. Софьи, открывается словомъ князя Владиміра къ митрополиту, а „выступившіе“ затѣмъ послы обращаются отъ имени Изяслава съ такою рѣчью: „цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся покланялъ, и Лазаря цѣловалъ и Кіянѣ всѣ“ [1]). Это почтеніе Кіевскаго князя къ митрополиту основывалось не только на личности Климента, который былъ „книжникъ и философъ такъ, якоже в Роусской земли не бышетъ“, но и на особомъ положеніи, какое могъ занять русскій митрополитъ, по происхожденію и избранію, въ русскихъ междукняжескихъ дѣлахъ.

Извѣстіе о лести Давидовичей привело въ Кіевѣ къ великому преступленію—убійству раздраженными Кіевлянами Игоря Ольговича, который отпросился у Изяслава изъ Переяславскаго поруба, разболѣвшись вельми, въ монастырь. Въ Переяславль съ разрѣшенія Изяслава епископъ Евфимій постригъ Игоря 5 января 1147 г. [2]), а потомъ „приведоша“ Игоря въ Кіевъ, въ семейный монастырь Мстиславичей, къ св. Ѳедору, гдѣ Игорь принялъ схиму.

Разсказъ объ убійствѣ Игоря дошелъ до насъ не въ цѣломъ видѣ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ онъ сильно сокращенъ, въ Ипатьевскомъ—слитъ съ другимъ литературнымъ памятникомъ, вѣроятно, Житіемъ св. князя Игоря Ольговича, который былъ впослѣдствіи причисленъ къ лицу святыхъ. Тотъ разсказъ, который сильно сокращенъ въ Лаврентьевскомъ сводѣ, а въ Ипатьевскомъ слитъ съ Житіемъ Игоря,—имѣлъ цѣлью оправдать въ исторіи убійства несчастнаго князя — схимника Изяслава и весь правящій верхъ Кіева: „митрополитъ же възбрянаше имъ и Лазорь тысяцкои и Рагоуило Володимиръ тысяцкои, како быша не оубили“ [1]). Совсѣмъ инымъ задавалось Житійное сказаніе, очень плохо согласованное въ Ипатьевскомъ сводѣ съ основнымъ источникомъ. Такъ оно сообщало о какихъ-то „благовѣрныхъ человѣцахъ“, которые приходили „взимать от крове его (Игоря) и от прикрова соущаго на немъ на тѣлѣ его на спасение себе и на исцѣление“, сообщало о великомъ знаменіи, проявленномъ Богомъ надъ тѣломъ убитаго Игоря, когда ночью зажглись въ церкви (сами собою) всѣ свѣчи, и, наконецъ, неодобрительно отзывалось о поведеніи митрополита Климъ: „митрополитъ же запрѣти, да никомоу же не повѣдять (сказавшіе ему о чудѣ), но повелѣ потаити такоую благодать Богоу явлешю над ним (Игоремъ)“ [2]). Житіе, какъ видимъ, говорило объ Игорѣ, какъ о святомъ, приводило чудеса отъ тѣла князя (случаи исцѣленія отъ крови, зажженіе свѣчей) и объясняло причину не тотчасъ же наступившей по убіеніи князя—его канонизаціи. Причина заключалась въ отношеніи къ убитому митрополита Климента, таившаго всѣ эти чудеса. Совершенно ясно, что Житіе было составлено въ кругахъ враждебныхъ Клименту и, конечно, Изяславу, что̀ ведетъ къ предположенію, что канонизація случилась по водвореніи въ Кіевѣ вновь греческой митрополіи. Обратимъ вниманіе на рядъ данныхъ. Братъ убитаго Игоря—

[1]) Ипатьевск., 6655 г.

Святославъ Ольговичъ не простилъ Изяславу смерти брата. Такъ, когда Изяславъ, пользуясь отсутствіемъ помощи Юрія, стѣснилъ Черниговскихъ князей, и тѣ просили о мирѣ, обѣщая забыть смерть Игоря,—на съѣздъ „оу Городка“ явились лишь Давидовичи, а Святославъ отсутствовалъ [1]). И въ 1149 г., когда Юрій двинулся на Кіевъ, а Давидовичи остались вѣрными Изяславу, — Святославъ въ переговорахъ коритъ Изяслава разграбленнымъ имуществомъ Игоря и, отдаваясь союзу съ Юріемъ, говоритъ послѣднему: „брате, то намъ ворогъ всимъ Изяславъ, брата нашего оубилъ“ [2]). Когда Юрію въ 1150 г. удалось вновь овладѣть Кіевомъ, Святославъ „перенесе мощи брата своего Игоря от св. Семена ис Копырева конца в Черниговъ, и положиша оу св. Спаса в теремѣ“ [3]). Святославъ Ольговичъ, враждебный Изяславу, былъ сторонникомъ Юрія и его церковной политики, что особенно ясно видно изъ бѣгства митрополита грека Константина въ 1158 г. изъ Кіева отъ Мстислава Изяславича именно въ Черниговъ, къ Святославу Ольговичу. Естественно думать, что, перенеся въ 1150 г. „мощи“ Игоря въ Черниговъ, Святославъ безъ большого труда могъ добиться отъ митрополита Константина, дорожившаго преданностью греческой митрополіи Святослава, канонизаціи убитаго брата, гдѣ тяжесть если не самаго убійства, то сокрытія чудесъ отъ мощей мученика возлагалась на митрополита Клима, все еще не считавшаго тогда своего дѣла окончательно проиграннымъ. Имѣемъ данныя говорить, что канонизація эта дѣйствительно состоялась [4]), и къ ней, вѣроятно, было пріурочено то Житіе, которое частью сохранилось въ Ипатьевскомъ сводѣ.

§ 123. Послѣ замиренія съ Черниговскими Давидовичами, Изяславъ задумалъ большой походъ на Юрія въ 1148 г., для

[1]) Ипатьевск., 6656 г.
[2]) Ibidem, 6657 г.
[3]) Ibidem, 6658 г.

чего ѣздилъ въ Смоленскъ къ брату Ростиславу и въ Новгородъ. Изъ замышленнаго похода вышло только разореніе Поволжья. Но интересъ здѣсь для насъ—въ церковномъ вопросѣ. Въ Смоленскѣ и въ Новгородѣ, гдѣ побывалъ Изяславъ, сидѣли два епископа, непризнавшіе поставленія Климента: Мануилъ и Нифонтъ. Мы не знаемъ, какъ обошелся съ ними при встрѣчѣ Изяславъ, но знаемъ, что, по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, онъ вызвалъ къ себѣ Нифонта: „Иде архепископъ Новъгородьскый Нифонтъ въ Русь, позванъ Изяславомь и Климомь митрополитомь: ставилъ бо его бяше Изяславъ съ епископы Русскыя области, не славъ Царюграду; а Нифонтъ тако мълвляше: „не достоинъ есть сталъ, оже не благословленъ есть отъ великаго сбора, ни ставленъ"; а онъ про то не бързо отрядивъ его, въ посади и въ Печерьстѣмь манастыри, дондеже Гюрги придетъ" [1]). Конечно, „посаженіе" Нифонта въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ игуменомъ былъ грекъ Ѳеодосъ, съ которымъ у Нифонта были добрыя отношенія дружбы, нельзя понимать, какъ тюремное заключеніе. Нифонтъ былъ оставленъ въ Кіевѣ, вѣроятно, до разрѣшенія вопроса о признаніи Византіей избранія Климента. Что касается Смоленскаго епископа Мануила, то, несомнѣнно, и онъ получилъ отъ Изяслава и Клима подобное предложеніе явиться въ Кіевъ, но уклонился отъ него или, по словамъ лѣтописи,—„бѣгалъ перед Климомъ", вѣроятно, находя сочувствіе въ этомъ своего князя.

Если „посаженіе" Нифонта даетъ право думать, что Изяславу все еще казалось возможнымъ настоять предъ Имперіей на признаніи избранія Клима, то событія скоро опрокинули эти расчеты.

§ 124. Въ 1149 г. Юрій двинулся на Кіевъ. Давидовичи остались вѣрны Изяславу, Ольговичи перешли на сторону Юрія. Изяславъ съ союзниками двинулся къ Переяславлю, гдѣ стоялъ Юрій. Между врагами начались переговоры. Юрій просилъ

[1]) Новгор. 1-ая, 6657 г.

уступки Переяславля, соглашаясь признать княженіе въ Кіевѣ Изяслава. Изяславъ отвергъ это предложеніе. Епископъ Переяславскій Евфимій со слезами просилъ Изяслава: „княже оумирися съ стрьемъ своимъ много спасенье примеши от Бога и землю свою избавиши от великия бѣды“ [1]). Такую просьбу епископа — участника поставленія Климента — можно понять только, какъ надежду миромъ враждующихъ князей достигнуть объединенія ихъ въ церковномъ вопросѣ.

Послѣ пораженія Изяслава, Юрій вступаетъ въ Переяславль, а черезъ три дня ѣдетъ на Кіевъ, откуда Изяславъ бѣжитъ во Владиміръ, „и митрополита Клима поя съ собою“ [2]). Если Ростиславъ Смоленскій умѣлъ дружить съ братомъ, раздѣляя княжескую политику отъ церковной, гдѣ стоялъ на сторонѣ Мануила противъ Клима, то у Юрія объ политики были слиты противъ политики Изяслава. Правда, мы не знаемъ, какъ поступилъ Юрій съ епископами тѣхъ областей, которыя теперь попали въ его обладанье, но изъ нѣкоторыхъ намековъ, впрочемъ, не очень убѣдительныхъ, можно думать, что здѣсь не было равнодушнаго отношенія къ участникамъ ставленія Климента. Такъ, „приде архепископъ Нифонтъ ис Кыева, пущенъ Гюргемь княземь“ [3]); такъ „Борисъ (Юрьевичъ) пьяшеть в Бѣлгородѣ на сѣньницѣ съ дружиною своею и с попы Бѣлгородьскыми“ [4]); такъ нигдѣ не встрѣчаемъ упоминанія о епископахъ: ни въ Переяславлѣ, ни въ Бѣлгородѣ, ни въ Каневѣ. Можетъ быть, Изяславъ взялъ съ собою во Владиміръ не одного Клима, или епископы указанныхъ областей сидѣли въ монастыряхъ, какъ Нифонтъ при Изяславовомъ княженіи въ Кіевѣ.

Вѣроятно, къ этому времени нужно отнести полученіе Нифонтомъ Новгородскимъ титула архіепископа, переводившаго его изъ-подъ вѣдѣнія Кіевскаго митрополита въ непосредственное

[1]) Ипатьев., 6657 г.
[2]) Ibidem.

вѣдѣніе патріарха. Имѣемъ оффиціальное указаніе на новый титулъ Нифонта для 1149 г. [1]). Въ Константинополѣ „посаженіе“ Нифонта Климомъ и Изяславомъ навело на мысль дать Нифонту свободу отъ всякихъ притязаній Кіева, и это одновременно показываетъ намъ, что въ Константинополѣ дѣло Клима все еще было не безнадежно—съ одной стороны, и что тамъ были увѣрены въ уваженіи Клима къ распоряженію патріарха—съ другой.

Послѣ новаго короткаго овладѣнія Кіевомъ, Изяславъ съ дядей Вячеславомъ бѣгутъ отъ войскъ Владимірко Галицкаго и Юрія, Вячеславъ—въ Вышгородъ, Изяславъ—„въ свои Володимеръ“, а побѣдители входятъ въ Кіевъ. Володимірко Галицкій не имѣлъ собственной епископіи, и несомнѣнно десятиной тянулъ къ св. Софьи. Въ Кіевѣ сейчасъ не было митрополита, и „вассалъ“ императора снова остается безъ епископа для Галича. Помолившись „святою мученику въ Вышгородѣ, Владимірко ѣдетъ поклониться святынямъ Кіевскимъ: сначала къ св. Софіи, потомъ въ Десятинную церковь, наконецъ, въ Печерскій монастырь. Юрій, вступивъ въ Кіевъ, „съимася с Володимеромъ в Печерьскомъ манастыри“. Понятно это особое расположеніе и Юрія, и Владимірко, друзей греческой митрополіи въ Кіевѣ, къ Печерской обители: она все еще была ставропигіей Константинопольскаго патріарха и во главѣ ея стоялъ грекъ Ѳеодосъ.

§ 125. На слѣдующій (1151) годъ Изяславъ съ Венгерскою помощью овладѣваетъ Кіевомъ, сажаетъ номинальнымъ княземъ Кіевскимъ дядю своего Вячеслава, и съ этихъ поръ до самой смерти крѣпко сидитъ въ Кіевѣ, несмотря на неоднократныя попытки Юрія вновь овладѣть Кіевомъ. Несомнѣнно, эта перемѣна политическаго владѣльца въ Кіевѣ вновь сломила всю церковную политику Кіева, если Юрій успѣлъ вступить въ переговоры съ Имперіей. Въ Кіевѣ видимъ вновь

[1]) Срезневскій, И. И. Древніе памятники рус. письма и яз., стр. 30.

митрополита Климента, и естественно думать, что всѣ прежніе епископы вернулись на свои епископьи, такъ какъ Переяславль—вновь Изяслава, въ Черниговѣ сидитъ преданный ему Изяславъ Давидовичъ, Туровъ, Волынь—также въ рукахъ Кіевскаго князя, а Юрій выбитъ изъ „Русской земли“.

Къ сожалѣнію, лѣтопись не даетъ намъ никакихъ данныхъ для сужденія по вопросу о церковныхъ планахъ и дѣлахъ Изяслава, описывая лишь съ большою обстоятельностью бранныя тревоги Кіевскаго князя за время его четырехлѣтняго непрерывнаго владѣнія Кіевомъ до смерти (14 ноября 1154 г.). Остается присоединиться къ той оцѣнкѣ этой смерти, которую даетъ проф. М. Грушевскій [1]), считающій ее великою утратою для Кіевщины, тѣмъ болѣе тяжелою, что дѣла междукняжескихъ отношеній стали складываться чрезвычайно благопріятно для Изяслава. Умеръ Владимірко Галицкій, Святославъ Ольговичъ уже смотрѣлъ въ сторону отъ Юрія, Половцы—устрашены походомъ Мстислава Изяславича. Переживи Изяславъ Юрія и Вячеслава, онъ сталъ бы господиномъ положенія на Руси. Прибавимъ къ этому, если позволительны такія предположенія, что и церковный вопросъ могъ принять иное теченіе, и не за горами было бы признаніе Имперіей русской митрополіи для Кіева. Смерть Изяслава въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сняла, какъ извѣстно, навсегда для Кіева вопросъ о русскомъ митрополитѣ.

Трудно сказать, почему тѣло почившаго князя „спрятали“ въ церкви св. Ѳеодора, въ отнемъ его монастырѣ, а не въ св. Софіи или Десятинномъ храмѣ. Едва-ли этому могъ противиться митрополитъ Климъ или дядя Вячеславъ; скорѣе здѣсь могла сказаться неувѣренность погребающихъ въ будущихъ событіяхъ церковной жизни Кіева и боязнь „выгребенія“ тѣла почившаго рукою грека-митрополита изъ своихъ храмовъ.

§ 126. Смерть Изяслава вызвала приглашеніе дядею Вяче-

ленскаго и неудачную попытку Изяслава Давидовича захватить Кіевъ до прихода Ростислава. Послѣдній держался иной церковной политики, чѣмъ почившій братъ его, укрывая отъ Климента своего епископа Мануила. Каково стало теперь положеніе Климента въ Кіевѣ,—не знаемъ, хотя возможно думать, судя по договору Вячеслава съ прибывшимъ Ростиславомъ, что все осталось въ Кіевѣ по-прежнему. Ростиславу и некогда было заняться всѣмъ этимъ, такъ какъ сейчасъ же пришлось идти на Половцевъ, а потомъ, „ни въ Киевъ не входя“,—на Изяслава Давидовича, звавшаго теперь на Кіевъ Юрія Суздальскаго.

Съ дороги Ростиславу пришлось вернуться, чтобы похоронить дядю Вячеслава, тѣло котораго „положиша оу св. Софья, идеже лежить Ярославъ прадѣдъ его и Володимиръ отець его“. Объ участіи въ погребеніи митрополита — нѣтъ упоминанія. Раздавъ все имущество почившаго князя по монастырямъ, церквамъ, затворамъ и нищимъ, „а собѣ ни прия ничто, толико крестъ честьный взя на благословление собѣ“, Ростиславъ двинулся вновь въ прерванный походъ, „не оутвердися с людми“, на что укоризненно указывали князю бояре. Почему Ростиславъ не утвердился съ Кіевлянами,—не знаемъ, можетъ быть, здѣсь играло роль нежеланіе его оставлять въ Кіевѣ недовольныхъ, когда надо было спѣшить въ походъ. Значитъ, Ростиславъ не желалъ „утверждаться“ на томъ, на чемъ стояли Вячеславъ и Изяславъ. Не расхожденіе ли съ послѣдними въ церковныхъ дѣлахъ, въ частности относительно митрополита Климента,—здѣсь было главнымъ пунктомъ?

Роль Изяслава оказалась Ростиславу не по-плечу. Устрашенный Половецкою помощью Изяславу Давидовичу, Ростиславъ вступаетъ съ послѣднимъ въ переговоры, что заставляетъ Мстислава Изяславича бросить дядю и свой Переяславль и уйти съ женой въ Луцкъ, а Ростиславъ, разбитый Половцами, бѣжитъ въ свой Смоленскъ. Кіевъ остается безъ князя и напу-

видовича. Отъ Кіевлянъ къ послѣднему идетъ епископъ Каневскій Деміанъ [1]), что̀ заставляетъ думать, что митрополитъ Климентъ ушелъ изъ Кіева къ Мстиславу Изяславичу.

Но не пришлось Изяславу удержаться въ Кіевѣ, съ сѣвера шелъ Юрій, успѣвшій помириться по дорогѣ съ Ростиславомъ Смоленскимъ и заключить союзъ съ Ольговичами Черниговскими. Изяславу пришлось „молиться и кланяться“, уступая Кіевъ „милостивому“ Юрію.

§ 127. Положеніе Юрія было первое время блестяще: въ Переяславлѣ сидѣлъ сынъ его Глѣбъ, въ Вышгородѣ—сынъ Андрей, въ Туровѣ — сынъ Борисъ, на Поросьѣ—сынъ Васильо, въ Галичѣ — зять Ярославъ Владимірович, въ Смоленскѣ — покорный Ростиславъ, въ Черниговѣ—замирившійся Изяславъ, въ Новгородѣ — сынъ Мстиславъ. Все гнѣздо Черниговскихъ князей въ рукѣ Юрія, какъ и Владиміръ Мстиславичъ Владимірскій и Ярославъ Изяславичъ Луцкій. Только Мстиславъ Изяславичъ не явился съ покорной головой къ Юрію, „река: иметь мя Дюрги“.

§ 128. Естественно, что Юрій, чувствуя себя хозяиномъ всей Русской земли, рѣшительно взялся за переустройство церковныхъ дѣлъ, все еще смутныхъ и неясныхъ съ 1147 г. Какъ другъ и союзникъ Императора и Галицкаго князя, какъ соперникъ Изяслава Мстиславича, Юрій держался традиціонныхъ идей Мономахова дома о мирѣ и дружбѣ съ Имперіей и греческою митрополіею въ Кіевѣ. Въ этомъ смыслѣ Юрій спѣшитъ завязать переговоры съ Византіей и получить новаго митрополита Кіеву отъ патріарха, чѣмъ ликвидировать столь продолжительный періодъ церковнаго неустроенія Кіева. Не знаемъ, какъ поступилъ Юрій съ епископами—сторонниками Климента, которые за годы княженія Изяслава, видимо, вновь вернулись на свои каѳедры, какъ, напримѣръ, Деміанъ, епископъ Каневскій. Особенно должно было занимать Юрія не

столько овладѣніе епископами, епископіи которыхъ почти полностью были теперь въ его рукахъ или въ рукахъ его послушныхъ союзниковъ, сколько—овладѣнье митрополитомъ Климомъ, несомнѣнно, пріютившимся у Мстислава Изяславича. Въ этой связи только и можно понять предпринятый Юріемъ чрезъ сына походъ на Мстислава сейчасъ же по занятіи Кіева, какъ позднѣе и нежеланіе Мстислава явиться на съѣздъ Владимірскихъ князей (Владиміра и Ярослава) съ Юріемъ, устроенный Ростиславомъ Смоленскимъ, въ виду возможности ареста со стороны Юрія.

§ 129. Уже въ январѣ 1156 г. [1]) былъ поставленъ въ Константинополѣ митрополитъ Константинъ на Русь, въ томъ же году прибывшій въ Кіевъ. Для встрѣчи новаго митрополита пріѣхали въ Кіевъ Нифонтъ, епископъ Новгородскій, Козьма, епископъ Полоцкій, и Мануилъ, епископъ Смоленскій; изъ нихъ Нифонтъ скончался еще до прихода митрополита. Нифонтъ и Мануилъ были тѣми двумя епископами, которые открыто возражали ставленію Климента. Козьма Полоцкій на соборѣ 1147 г. не присутствовалъ, хотя и не выступалъ съ возраженіями, подобно Нифонту и Мануилу. Но что же можно сказать объ остальныхъ епископахъ? Ѳедоръ Бѣлгородскій и Деміанъ Юрьевскій (Каневскій), Онуфрій Черниговскій, Евфимій Переяславскій, Акимъ Туровскій исчезаютъ со страницъ лѣтописи и, конечно, не случайно. Они не встрѣчаютъ новаго митрополита и, если не укрылись отъ него, то были теперь имъ смѣщены съ каѳедръ, гдѣ, какъ увидимъ, появляются новыя лица. Не должно удивлять насъ и отсутствіе епископа Владимірскаго Ѳедора-скопца, участника собора 1147 г. и епископа той епархіи, гдѣ сидѣлъ, укрывался отъ Юрія и новаго митрополита, Климентъ. Неучастіе въ встрѣчѣ митрополита Константина епископа Ростовскаго Нестора нужно объяснить (§ 135) недоразумѣніями его съ епархіею, повлек-

[1]) Голубинскій, Е. Исторія русской церкви II, кн. 2, стр. 899.

шими за собою „лишеніе“ Нестора епископьи въ томъ же 1156 г.

О первыхъ шагахъ митрополита Константина лѣтопись сообщаетъ: „и тако (съ Козьмою и Мануиломъ) вспровергъши Климову службу и ставления и створивше божественую службу и благословиша князя Дюргя Володимирича, а потомъ [1]) и дьякономъ ставление отда, иже бѣ Климъ ставилъ митрополить, писаша бо к нему рукописание на Клима“ [2]). Соборъ митрополита и двухъ епископовъ приступилъ, какъ видимъ, къ возстановленію правильной церковной жизни Кіева. Всѣ священнодѣйствія Клима были „испровергнуты“, какъ нарушившія, конечно, рукописаніе митрополита Михаила. Только съ приходомъ новаго митрополита значеніе этого рукописанія падало, и въ Кіевѣ была совершена впервые послѣ ухода митрополита Михаила правильная „божественная служба“, гдѣ князь Юрій получилъ благословеніе собора. Изъ всѣхъ посвященій Климента соборъ нашелъ возможнымъ признать ставленіе поповъ (вар. Воскр. лѣт.) и діаконовъ, потребовавъ отъ нихъ письменнаго отреченія отъ признанія Клима митрополитомъ. Князь Юрій, возстановитель правильной церковной іерархіи, получилъ благословеніе собора, а князь Изяславъ Мстиславичъ, попратель правъ Имперіи надъ русскою церковью, клятъ [3]). Едва-ли добрымъ словомъ вспомянулъ соборъ митрополита Клима и избравшихъ его епископовъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, кто изъ послѣднихъ попалъ въ руки новаго митрополита, но главныхъ виновниковъ церковнаго раздора соборъ предъ собой не имѣлъ, и вынужденъ былъ ограничиться „клятвой“.

Другою работою новаго митрополита должны были быть поставленія новыхъ епископовъ на мѣсто участниковъ ставленья Клима. Замѣтимъ, что три каѳедры съ этого времени надолго

[1]) Воскресен. варіантъ „попомъ“ (6664).

остаются безъ епископовъ: это — Бѣлгородская, Юрьевская и Владимірская. Двѣ первыхъ были возобновлены въ концѣ XII в., а послѣдняя уже въ XIII в. Почему не замѣщалась каѳедра Владиміра, отгадать не трудно: она не входила въ политическое обладаніе Юрія и тамъ до 1164 г. укрывался митрополитъ Климентъ. Позднѣе замѣщеніе этой каѳедры было забыто, потому что взамѣнъ ея открылась новая каѳедра Галича, и не желая терять десятину, шедшую съ Галича, митрополитъ возмѣстилъ ее десятиной съ Волыни. Каѳедра Галича открыта была въ 1157 г. [1]), и туда поставленъ епископъ-грекъ [2]) Козьма. Въ томъ же 1157 г. Переяславская каѳедра была замѣщена епископомъ Васильцемъ [3]), о національности котораго ничего не знаемъ. Когда-то до 1159 г. [4]) на Черниговскую каѳедру былъ назначенъ грекъ [5]) Антоній. Изъ Слова о Мартынѣ мнисѣ Туровскомъ [6]) знаемъ, что послѣ Іоакима епископомъ въ Туровѣ былъ Георгій. Возможно, что епископъ Георгій получилъ назначеніе въ это же время замѣщенія епископскихъ каѳедръ при митрополитѣ Константинѣ. Новгородъ, вѣроятно, за вѣрность Константинопольскому патріарху, выразившуюся въ томъ, что епископъ Нифонтъ сохранялъ здѣсь свой столъ, несмотря на Кіевскія церковныя тревоги, — получилъ отъ новаго митрополита въ 1158 г. епископомъ Аркадія, котораго Новгородцы сами выбрали на вѣчѣ въ 1156 г. [7]). Наконецъ, въ 1158 г. на мѣсто лишеннаго епископьи въ 1156 г. Нестора, митрополитъ ставитъ въ Ростовъ епископа Леона [8]).

---

[1]) Воскрес., 6665 г.
[2]) Ипатьев., 6673 г.
[3]) Воскрес., 6665 г.
[4]) Лаврент., 6667 г.
[5]) Ипатьев., 6673 г.
[6]) Митр. Макарій. Исторія рус. церкви, т. III, изд. 3, стр. 300.
[7]) Новг. 1-ая, 6664 и 6666 г.г.
[8]) Воскр., 6666 г.

§ 130. У князя Юрія съ митрополитомъ Константиномъ были, видимо, добрыя отношенія, и князь даже слушалъ митрополита въ дѣлахъ политическихъ. Такъ митрополитъ и всѣ игумены умолили Юрія не выдавать князя Ивана Берладника въ руки Ярослава Галицкаго [1]).

Княженіе Юрія тяжело чувствовалось среди князей и Кіевлянъ. Послѣ неудачной попытки Юрія выбить ненавистнаго Мстислава Изяславича со Владиміра, противъ Юрія складывается союзъ Изяслава Черниговскаго съ Ростиславомъ Смоленскимъ и Мстиславомъ Изяславичемъ. Но походъ не состоялся: смерть Юрія, 15 мая 1158 г., открыла дорогу въ Кіевъ Изяславу Давидовичу.

Грабежъ княжескаго имущества и дружины, „избіеніе" Суздальцевъ по городамъ и селамъ—показали злобу, какая таилась въ Кіевѣ, примученномъ Юріемъ. Юрія похоронили въ монастырѣ св. Спаса на Берестовомъ, и, нужно думать, безъ большой пышности, которой могло помѣшать настроеніе Кіевскаго общества. Возстановитель церкви въ Кіевѣ, конечно, заслуживалъ, при другой обстановкѣ, погребенія въ св. Софіи.

§ 131. Въ 1156 г. еще до прихода новаго митрополита скончался въ Кіевѣ игуменъ Печерскаго монастыря грекъ Ѳеодосъ [2]). Нужно думать, что положеніе монастыря оставалось тѣмъ же, т.-е. ставропигіей патріарха, и теперь, послѣ смерти Ѳеодоса и прибытія новаго митрополита, у котораго не было повода хлопотать предъ патріархомъ объ измѣненіи этого положенія Печерскаго монастыря. Лѣтопись не сохранила намъ имени преемника Ѳеодоса по игуменскому креслу, и только въ каталогахъ, какъ сообщаетъ митр. Евгеній, онъ называется Акиндиномъ. Вѣроятно, этому игумену принадлежитъ возобновленіе лѣтописанія въ монастырѣ, какъ желаніе сохранить въ памяти потомства жизнь и сочиненія игумена Ѳеодоса. Правда, работа эта до насъ не дошла, подвергшись передѣлкѣ при игуменѣ Поли-

карпѣ, но слѣды ея сохранились. Такъ, здѣсь была статья о смерти Нифонта и видѣніи ему игумена Ѳеодоса, здѣсь же были собраны и сочиненія Ѳеодоса, адресованные князю Изяславу Мстиславичу, какъ „Слово о вѣре крестьяньскои и о латыньскои", и, вѣроятно, „Въспрашанье Изяславле" о святости воскреснаго дня и о пощеніи въ среду и пятницу (§ 116).

§ 132. Смерть Юрія открыла дорогу въ Кіевъ Изяславу Давидовичу, перешедшему сюда изъ Чернигова, уступленнаго Святославу Ольговичу. Не долго сидѣлъ Изяславъ на Кіевскомъ столѣ, такъ какъ въ концѣ 1158 г. былъ изгналъ изъ Кіева Ярославомъ Галицкимъ и Мстиславомъ Изяславичемъ, рѣшившими передать Кіевъ Ростиславу Смоленскому.

Церковная политика Изяслава Давидовича, видимо, ни въ чемъ не разнилась отъ политики Юрія: митрополитъ спокойно живетъ въ Кіевѣ, раздавая епископскія мѣста (Аркадъ въ Новгородъ, Леонъ въ Ростовъ).

Когда же Изяславъ былъ изгнанъ, и въ Кіевъ вошли Ярославъ и Мстиславъ, митрополитъ Константинъ бѣжалъ въ Черниговъ, опасаясь мести Мстислава за проклятіе соборомъ 1156 г. отца его Изяслава. Въ Черниговѣ сидѣлъ Святославъ Ольговичъ, давній другъ и союзникъ Юрія, раздѣлявшій нелюбовь послѣдняго къ церковной реформѣ Изяслава; епископомъ былъ грекъ Антоній. Здѣсь митрополитъ захворалъ и скончался, завѣщавъ бросить свое тѣло по смерти псамъ. Столь необычное распоряженіе митрополита вызвало скоро вокругъ его имени и смерти благочестивую легенду о чудесахъ, сопровождавшихъ исполненіе загробной воли митрополита [1]).

§ 133. Ростиславъ, позванный на Кіевъ, не торопился, выговаривая себѣ полную свободу дѣйствій: „оже мя въ правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемь собѣ въ правду и въ моемь вы послушаньи ходити. А се вы являю: не хочю Клима оу митро-

[1]) Лаврент., 6667 г. и особенно Воскр., 6667 г.

польи видити, не взялъ благословенія от св. Софья и от патріарха“ [1]). Это заявленіе Ростислава освѣщаетъ нѣсколько иначе бѣгство митрополита Константина предъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Послѣдній шелъ въ Кіевъ съ митрополитомъ Климомъ, и это лишній разъ показываетъ, что, домогаясь признанія Клима митрополитомъ, ни Изяславъ, ни Мстиславъ не думали объ разрывѣ съ Константинопольскою церковью, такъ какъ иначе нельзя понять участія теперь въ этомъ Ярослава Галицкаго, вѣрнаго Имперіи союзника. Послу Ростислава Мстиславъ отвѣчалъ нежеланіемъ признать со своей стороны митрополитомъ Константина: „не будет Костянтинъ въ митропольи, зане клял ми отца“. Только сыну Ростислава—Роману—удалось договориться со Мстиславомъ на томъ, что „оба яко не сѣсти има на столѣ митрополитьстемь, и на том цѣловаста хрестъ, яко иного митрополита привести им исъ Царяграда“ [2]).

Въ годъ прибытія Ростислава въ Кіевъ (Пасха 1159 г.) скончался въ Черниговѣ митрополитъ Константинъ, и въ Константинополѣ легко справились съ предложеніемъ Ростислава прислать другого митрополита взамѣнъ Константина. „Том же лѣт (=1160) приде митрополитъ Федоръ ис Царягорода мѣсяца августа, бяшетъ бо посылалъ по нь князь Ростиславъ“ [3]).

§ 134. Правленіе Ростислава въ Кіевѣ въ первое время было далеко не спокойно, и не потому что искалъ подъ нимъ Кіевскаго стола Изяславъ Давидовичъ, а потому что въ своихъ надеждахъ на Кіевъ Изяславъ опирался на вражду къ Ростиславу Кіевскаго населенія. Когда въ 1161 г. Изяславу удалось овладѣть на короткое время Кіевомъ, онъ „всим дасть прощение Кианомъ ихъже бяху изоимали“ [4]), или, — по Воскресенской, гдѣ, кажется, лучше сохранилось это извѣстіе,—

[1]) Ипатьев., 6667 г.
[2]) Ibidem.

„опроста всѣхъ Кіянъ, ихже бѣ поималъ Ростиславъ въ крамолѣ“ [1]). Нельзя ли это недовольство Кіянъ сопоставить съ тѣмъ наблюденіемъ, что по возвращеніи Ростиславу Кіева, „поѣха Изяславич Мьстиславъ ис Киева, розгнѣвався на старыя своего на Ростислава, и много рѣчи въста межи ими“ [2]),—и видѣть здѣсь слѣдъ общаго недовольства и Кіянъ, и Мстислава на церковную политику Ростислава. Такое наблюденіе подкрѣпляется и тѣмъ обстоятельствомъ, что, когда племянникъ помирился съ дядей въ 1163 г., Ростиславъ по смерти митрополита Ѳеодора, послѣдовавшей въ томъ же 1163 г. [3]), рѣшаетъ отправить Гюряту Семковича въ Царьградъ „оправити Клима въ митрополью“. Тогда можно думать, что короткое пребываніе митрополита Ѳеодора сопровождалось съ его стороны какими-то претензіями къ новой паствѣ, заставившими даже такого преданнаго Византійской церкви князя, какимъ являлся предъ нами до сихъ поръ Ростиславъ, вернуться къ домоганіямъ Изяслава Мстиславича: „оправити Клима въ митрополью“, котораго онъ самъ же отказывался поддержать противъ Мстислава Изяславича при вступленіи своемъ на Кіевскій столъ. Конечно, указаніе лѣтописи на осложненіе ссоры Ростислава со Мстиславомъ занятіемъ первымъ городовъ Мстислава—Торскаго, Бѣлгорода и Треполя,—возвращенныхъ по миру 1163 г., — не исключаетъ возможности видѣть здѣсь желанія Ростислава наказать Мстислава за „многія рѣчи“.

Съ какими же претензіями могъ обратиться къ Кіеву митрополитъ Ѳеодоръ, что заставилъ Ростислава встать по отношенію къ Византіи на дорогу Изяслава Мстиславича? Кажется,

---

[1]) Воскресен., 6668 г.

[2]) Ипатьев., 6670 г.

[3]) Думаю, что смерть митрополита Ѳеодора послѣдовала въ 1163 г., какъ и указываютъ Ипатьевск., Воскрес. и Никонов. лѣтописи, а въ словахъ Ипатьевской: „бывъ 10 мѣсяць въ митропольи“ — нужно видѣть пропускъ числа лѣтъ (вѣроятно: „бывъ 2 года 10 мѣс. въ митропольи“),

дать отвѣтъ не представляетъ затрудненія, хотя для этого требуется нѣкоторое отвлеченіе.

§ 135. Какъ извѣстно, между русскою церковью и церковью Константинопольскою къ XII вѣку наблюдалось въ вопросѣ объ отмѣнѣ поста въ среду и пятницу по случаю какихъ-либо праздниковъ [1]) нѣкоторое различіе, о которомъ трудно сказать, когда и какъ оно образовалось [2]). Вопросъ этотъ, ничтожный по существу, уже при Изяславѣ Мстиславичѣ занималъ вниманіе русскаго общества, что̀ видно изъ сочиненія игумена Печерскаго монастыря Ѳеодоса, написаннаго по побужденію князя. Игуменъ Ѳеодосъ, какъ извѣстно, высказался здѣсь за русскій обычай отмѣны поста въ среду и пятницу, если этотъ день падаетъ на „Господьскый праздникъ любо святѣй Богородици ли 12 апостолъ", изъ чего видно, что тогда еще этому не придавали серьезнаго значенія, какъ не придавалъ его и Нифонтъ въ отвѣтѣ Кирику: „Аже, рече, боудетъ праздникъ господьскыи въ среду и въ пятокъ, или Святыя Богородица и святаго Іоана, аще ядятъ, добро; аще ли не ядятъ, а лоуче" [3]). Однако, самый фактъ обсужденія вопроса уже въ это время въ разныхъ концахъ Руси,—Кіевѣ и Новгородѣ,—показываетъ, что вопросъ въ какой-либо формѣ подымался, но ни игуменъ Ѳеодосъ, ни Нифонтъ на немъ не настаивали.

Если вѣрить показанію Никоновской лѣтописи [4]) и грамотѣ патріарха Луки Хрисоверга, князю Андрею Боголюбскому, сохранившейся въ искаженномъ видѣ [5]), первый, кто поднялъ вопросъ объ уравненіи порядка постовъ въ среду и пятницу русской церкви съ церковью Константинопольской,—былъ епископъ Ростовскій Несторъ, согнанный за то княземъ

[1]) Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви, т. I²; изд. 2, стр. 462 и сл.

[2]) Ibidem, 470.

[3]) Рус. Ист. Биб., т. VI, изд. 2, стр. 50 (пр. 97).

Андреемъ съ каѳедры Ростова при митрополитѣ Константинѣ, поставившемъ, — намъ не ясно, по какимъ соображеніямъ, — новаго епископа на Ростовскую каѳедру Леона. Такъ какъ грамота патріарха, оправдывающая во всемъ епископа Нестора и предлагающая взять его вновь князю на епископію, какъ и ввести въ епархіи князя Андрея порядки Константинопольской церкви относительно поста въ среду и пятницу, т.-е. подчиниться указанію свергнутаго за то епископа Нестора, — такъ какъ грамота эта говоритъ о невозможности устроенія митрополіи во Владимірѣ и не знаетъ на Ростовской каѳедрѣ епископа Леона, то возможно пріурочить ее къ 1158 г., когда „Андрѣй самъ оу Володимири заложи церковь камяну.... и створи в нѣи епископью", и „том же лѣт Леонъ на епископью в Ростовъ" [1]). Такимъ образомъ выходитъ, что князь Андрей не подчинился грамотѣ патріарха, такъ какъ не взялъ назадъ епископа Нестора. Изъ дальнѣйшаго будетъ ясно, что Андрей не подчинился и той части грамоты, которая говорила о порядкахъ поста въ среду и пятницу. Обиженный отказомъ патріарха въ устроеніи митрополіи во Владимірѣ, князь Андрей не желалъ, конечно, подчиняться совѣтамъ патріарха. Но почему не настоялъ на этомъ подчиненіи Андрея митрополитъ Константинъ, поставившій епископа Леона въ Ростовѣ, несмотря на то, что патріархъ Нестора продолжаетъ считать епископомъ Ростову, какъ оправданнаго въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ и соборомъ самого же митрополита Кіевскаго, и соборомъ патріарха? Слова лѣтописи: „Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру епископу Сужьдальскому живу сущу, перехвативъ Нестеровъ столъ" [2]), конечно, не поясняютъ дѣла.

Во всякомъ случаѣ, видимъ, что грамота патріарха прошла незамѣченною, если не считать отказа въ созданіи Владимірской митрополіи: епископъ Несторъ не взятъ Андреемъ

[1]) Ипатьевск., 6666 г.
[2]) Лаврент., 6672 г.

назадъ на епископію; порядокъ постовъ Константинопольской церкви не соблюдался.

Новый Ростовскій епископъ Леонъ, занявшій каѳедру Нестора въ 1158 г., не могъ не заинтересоваться вопросомъ о постахъ, стоившимъ его предшественнику каѳедры. Разность русской церкви въ этомъ вопросѣ отъ Константинопольской, вѣроятно, заставила Леона пересмотрѣть вообще этотъ вопросъ, результатомъ чего „вста ересь Леонтианьская“ [1]), такъ какъ Леонъ пришелъ къ выводу, расходившемуся какъ съ практикой русской церкви (отмѣнявшей посты въ среду и пятницу и въ Господскіе, и Богородичные, и въ апостольскіе праздники), такъ и съ практикой Константинопольской (отмѣнявшей постъ этотъ только для Рождества и Богоявленія и ослаблявшей въ другихъ случаяхъ): Леонъ училъ о безусловномъ соблюденіи поста среды и пятницы круглый годъ, кромѣ „недѣли порозной“ [2]).

Ересь Леона взволновала сначала его епархію: „и бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андрѣемъ (н)предо всѣми людми, и упрѣ его владыка Феодоръ“ [3]). Послѣ „упрѣнія“ Леона на церковномъ соборѣ Ростовской епархіи, Андрей „погна и своей земли“. Изгнанный епископъ „прѣде Чернигову къ Святославу Ольговичю. Святославъ же оутѣшивъ добрѣ, пусти къ Кыеву к Ростиславу“ [4]).

На вопросъ, когда это было, можно отвѣтить лишь приблизительно. Ипатьевская относитъ изгнаніе Леона къ 1162 г. и называетъ Черниговскаго князя Святослава Ольговича, скончавшагося въ 1164 г. Въ этомъ указаніи Ипатьевской нѣтъ ничего противорѣчиваго. Но Лаврентьевская указываетъ подъ 1164 г.: „в то же лѣто вста ересь Леонтианьская“. Нужно обратить вниманіе, что здѣсь, въ Лаврентьевской, предъ нами разсказъ, видимо, сильно сокращенный („скажемъ вмалѣ“) и безъ конца:

---

[1]) Лаврент., 6672 г.

[2]) Ипатьевск., 6670 г.

разсказывается о ереси Леона, объ „упрѣніи“ его владыкой Ѳеодоромъ, о желаніи Леона идти „на исправленье Цесарюгороду“, объ „упрѣніи“ его „надъ рѣкою“ передъ цесаремъ Мануиломъ епископомъ Болгарскимъ Андріаномъ, о томъ, что Леонъ возразилъ даже цесарю („Леону молвящю на цесаря“), за что царскіе слуги ударили Леона „за шью и хотѣша и въ рѣцѣ утопити, сущимъ ту у цесаря всѣмъ сломъ, Кыевьскій солъ, и Сужальскый (солъ) Илья, и Переяславьскый и Черниговскый“; но что потомъ сдѣлали съ Леономъ слуги цесаря и къ чему привело все это дѣло,—не сказано. Изъ упоминанія въ разсказѣ „владыки Феодора“ можно догадываться, что предъ нами кусокъ разсказа о дѣлахъ Ростовской каѳедры, доводившій изложеніе до изверженія на Дунаѣ Леона и, очевидно, до поставленія, вѣроятно, тамъ же на его мѣсто Ѳеодора, который и называется въ дошедшемъ кускѣ разсказа „владыкой“. Не этимъ ли концомъ и былъ пріуроченъ разсказъ къ 1164 г., т.-е. не въ этомъ ли году вернулся изъ Византіи тамъ поставленный новый Ростовскій епископъ? Такое предположеніе даетъ возможность согласовать хронологію Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей. Леонъ былъ изгнанъ въ 1162 г., когда и пришелъ въ Кіевъ. Въ Кіевѣ былъ въ то время митрополитъ Ѳеодоръ, скончавшійся въ слѣдующемъ 1163 г. Мы не знаемъ, что предпринялъ съ Леономъ князь Ростиславъ и митрополитъ Ѳеодоръ, но легко допускаемъ, что Леонъ, несомнѣнно, фанатично убѣжденный въ правотѣ своего взгляда на посты и возражавшій позднѣе даже самому „цесарю“,—не послушалъ митрополита и князя Кіевскаго и перенесъ дѣло на обсужденіе патріарха. Изъ участія пословъ Кіевскаго, Суздальскаго, Переяславскаго и Черниговскаго видимъ, что „ересь“ Леона взволновала не только Ростовскую епархію и Кіевъ, хотя не ясно, почему здѣсь нѣтъ пословъ и другихъ княжествъ, имѣвшихъ свои епископіи. Все посольство съ Руси вмѣстѣ съ Леономъ не совершили полнаго пути въ Царьгородъ, встрѣтивъ императора „надъ рѣкою“ (вѣроятно, на Дунаѣ)

тутъ же услышавъ и приговоръ императора надъ Леономъ, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстный. Нѣтъ препятствій отнести все это къ слѣдующему за изгнаніемъ Леона изъ Ростова году (1163 г.), а возвращеніе Ѳеодора, ѣздившаго въ Константинополь и тамъ поставленнаго патріархомъ на мѣсто Леона, — къ 1164 г., подъ которымъ находимъ разсказъ о „ереси“ Леона въ Лаврентьевской лѣтописи. Посольство же могло возвратиться и ранѣе, въ томъ же 1163 г. Конечно, императоръ, возмущенный всѣмъ этимъ дѣломъ, какъ и тѣмъ, что грамота патріарха къ Андрею Боголюбскому еще 1158 г. осталась безъ примѣненія на Руси, приказалъ митрополиту Кіевскому добиться единообразной практики всей русской церкви съ церковью Константинопольской въ вопросѣ о постахъ среды и пятницы, чтобы не могла повториться новая ересь. Вотъ эти-то притязанія императора чрезъ митрополита Ѳеодора могли взволновать русское общество, и князь Ростиславъ, желая сохранить практику русской церкви и саму послѣднюю отъ греческихъ уравненій, рѣшился по смерти митрополита Ѳеодора въ томъ же 1163 г.,—добиваться признанія права за русской церковью избирать митрополита соборомъ русскихъ епископовъ, „оправити Клима въ митрополью“.

§ 136. Конечно, въ Константинополѣ узнали о смерти митрополита Ѳеодора и о желаніи Ростислава добиться признанія Климента митрополитомъ ранѣе оффиціальнаго извѣщенія, потому что Гюрята Семковичъ, отправленный съ этими порученіями въ Константинополь, въ Олешьѣ уже встрѣтилъ новаго митрополита, поставленнаго въ Кіевъ, и царскаго посла, съ которыми и возвратился къ Ростиславу. „Приде митрополитъ Иванъ в Русь, и не хотѣ его Ростиславъ приняти“. Посолъ царскій вступилъ съ Ростиславомъ въ переговоры, передавъ богатые дары отъ императора. Къ сожалѣнію, чья-то заботливая рука лишила насъ возможности судить объ этихъ переговорахъ, потому что въ лѣтописи послѣ словъ: „посолъ

с любовью благословение от св. Софьи"... — идетъ досадный пробѣлъ.

Ростиславъ въ концѣ переговоровъ принялъ новаго митрополита Ивана, и съ этихъ поръ дальнѣйшая судьба Климента для насъ становится совершенно неизвѣстной. Нельзя не думать, чтобы Ростиславъ, желавшій, было, добиться права избранія русскаго митрополита соборомъ русскихъ епископовъ, отказываясь, послѣ переговоровъ съ посломъ императора, отъ этой мысли, — не потребовалъ себѣ какихъ-либо уступокъ со стороны Византіи.

Въ числѣ такихъ уступокъ, думаемъ, былъ отказъ императора отъ желанія уравнять практику русской церкви въ вопросахъ о постахъ среды и пятницы съ практикою церкви Константинопольской и возвращеніе Печерской обители ея прежняго положенія, т.-е. отказъ отъ патріаршей надъ нею ставропигіи. Императоръ готовно шелъ на уступки, не только потому что вся русская церковь была взволнована попытками уравнять практику постовъ среды и пятницы, но и потому что нуждался въ союзѣ и помощи Ростислава въ замышляемой борьбѣ Византіи съ Венгріей [1]).

§ 137. Что въ числѣ уступокъ Византіи Ростиславу стояло и возвращеніе Печерскому монастырю его прежняго положенія, легко увидѣть изъ слѣдующаго сопоставленія. Въ описаніи смерти князя Ростислава впервые упоминается игуменъ Печерскаго монастыря Поликарпъ [2]). Уже приводились выше данныя за то, что въ лицѣ Поликарпа мы встрѣчаемъ автора Печерской лѣтописи, передактировавшаго матеріалъ, собранный его предшественникомъ по игуменству (вѣроятно, Акиндиномъ), и дополнившаго его описаніемъ событій своего времени. Слѣды этой работы Поликарпа, продолженной по его

---

[1]) Грушевський, М. Історія України-Руси, т. II, вид. др., стр. 189 и пр. 4.

[2]) Ипатьев., 6676 г.

смерти, въ редакціи 1182 г., сохранились въ Кіевскомъ сводѣ 1200 г., который можно читать въ Ипатьевской лѣтописи.

По той переработкѣ, которой подвергъ Поликарпъ матеріалъ, собранный при Акиндинѣ съ цѣлью прославленія игумена Ѳеодоса, такъ и по его поведенію при митрополитѣ Константинѣ,—нельзя сомнѣваться, что Поликарпъ—русскій. Когда же русскій игуменъ всталъ во главѣ Печерской обители? Совершенно случайно сохранилось косвенное данное, дающее право утверждать, что уже въ 1164 г. Поликарпъ былъ на игуменскомъ креслѣ Печерской обители. Въ описаніи кончины Ростислава читаемъ, какъ умирающій князь упрекаетъ своего духовнаго отца, „възборонявшаго" князя при жизни отъ постриженія: „Молвяше бо Ростиславъ часто то слово къ игумену Печерьскому Поликарпу тогда игумене (взях мысль) от постриженія егда же приде ми вѣсть и Щернигова о Святославли смерти Ольговича, молвяше же и то всегда къ игумену постави ми игумене келью добру, боюся напрасныя смерти, а что си о мнѣ Богъ оустроить и ваша молитва". Хотя мѣсто это не можетъ быть названо хорошо сохранившимся, но изъ него совершенно ясно, что Ростиславъ подъ впечатлѣніемъ смерти Черниговскаго князя Святослава Ольговича (1164 г.) началъ обращаться къ игумену Поликарпу съ просьбою о принятіи въ число братіи обители. Святославъ Ольговичъ скончался послѣ прихода новаго митрополита Ивана, хотя и въ томъ же 1164 г.

Все это и даетъ право думать, что освобожденіе Печерской обители отъ греческаго засилья нужно отнести къ 1164 г., и этимъ дѣломъ Ростислава нужно объяснить любовь его къ Печерской обители, частые приходы туда, бесѣды съ игуменомъ Поликарпомъ и приглашенія братіи на княжескіе обѣды [1]).

§ 138. Время короткаго правленія митрополита Ивана 1164—1166 [2])—было вообще временемъ уступокъ Византіи,

можетъ быть, продиктованныхъ политическимъ расчетомъ. Такъ „въ то же лѣто (1165 г.) ходи игуменъ Дионисий съ любовью въ Русь, и повелено бысть владыцѣ архіепископьство митрополитомъ".

§ 139. Въ началѣ 1167 г. скончался князь Ростиславъ и „вложенъ бысть въ гробъ оу св. Феодора въ отни ему манастыри" [1]). Въ погребеніи не было митрополита, такъ какъ митрополитъ Иванъ скончался еще въ 1166 г., а новый митрополитъ Кіевскій Константинъ прибылъ въ 1167 г., когда въ Кіевѣ правилъ князь Мстиславъ Изяславичъ [2]).

Новый Кіевскій митрополитъ Константинъ съ большой энергіей принялся за введеніе на Руси практики Константинопольской церкви относительно постовъ въ среду и пятницу. Было ли это энергіей личной митрополита, или въ Константинополѣ рѣшили настоять на этомъ вопросѣ, не добившись политической помощи Кіева во времена Ростислава,—сказать затруднительно, хотя есть неясныя данныя, позволяющія думать скорѣе о личномъ желаніи митрополита.

Желаніе митрополита встрѣтило живой отпоръ не только въ Кіевѣ, гдѣ митрополиту пришлось „запрѣтить" игумена Печерскаго монастыря Поликарпа, но и по епархіямъ; такъ князь Черниговскій Святославъ изгналъ за подобное проведеніе желанія митрополита своего епископа грека Антонія [3]).

§ 140*a*. Когда происходили указанныя церковныя волненія, междукняжескія отношенія шли своимъ чередомъ, приведя въ 1169 г. къ вмѣшательству въ Кіевскія дѣла политическія и церковныя Суздальскаго князя Андрея. Въ началѣ 1169 г. Андрей выслалъ на Русь сына своего Мстислава, къ которому примкнули восемь южныхъ князей, общими усиліями овладѣвшіе 8 марта 1169 г. Кіевомъ, подвергнувъ его разграбленію.

Политическое значеніе Кіева съ этого момента оконча-

[1]) Ипатьевск., 6676 г.
[2]) Новгор. 1-ая, 6675 г.
[3]) Лаврент., 6676 г.

тельно падаетъ, и ключъ силы и власти переходитъ въ руки князя Андрея. Какъ дѣйствительный хозяинъ Кіева, Андрей принимаетъ къ сердцу церковныя волненія Кіева, взявъ въ нихъ сторону русскаго пониманія порядка соблюденія постовъ среды и пятницы. Вліянію князя Андрея нужно приписать освобожденіе игумена Печерской обители Поликарпа отъ „запрѣщенія“ митрополита и возведеніе Печерской обители въ степень Лавры, а игумена—въ санъ архимандрита. Но не только это.

§ 140б. Когда въ іюлѣ 1171 г. въ Кіевъ вошелъ на золотой столъ Романъ Ростиславичъ, то „оусрѣтоша и съ кресты митрополитъ и архимандритъ Печерьскии игуменъ и инии игумени вси в Кіяне вси и братья его“ [1]). Какой митрополитъ встрѣчалъ Романа? Онъ здѣсь не названъ по имени. Едвали это Константинъ, имя котораго упоминается въ послѣдній разъ въ связи съ казнью епископа Ѳеодора (1169 г.) [2]). А. С. Павловъ указалъ въ свое время Е. Е. Голубинскому на упоминаніе въ одной изъ греческихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки имени митрополита русскаго Михаила въ числѣ присутствующихъ на Константинопольскомъ патріаршемъ соборѣ 24 марта 1171 г. [3]). Такъ какъ это не могъ быть Михаилъ митрополитъ Кіевскій, въ 1145 г. уѣхавшій въ Константинополь [4]), и такъ какъ въ Константинополѣ не могъ быть поставленъ новый митрополитъ, если бы Константинъ все еще занималъ каѳедру, то приходится думать, что этотъ митрополитъ Михаилъ прибылъ въ Кіевъ уже къ іюлю того же 1171 г. и участвовалъ во встрѣчѣ новаго князя Кіевскаго, посаженнаго Андреемъ. Но тогда приходится думать, что митрополитъ Константинъ если не скончался къ этому времени, то былъ лишенъ каѳедры. Если вспомнить дарованіе

[1]) Ипатьев., 6682 г.
[2]) Лаврент., 6677 г.

Печерской обители титула Лавры и возведеніе игумена ея въ санъ архимандрита, что̀ нельзя не признать побѣдой въ столкновеніи съ митрополитомъ Печерской обители; если вспомнить совершенно не-церковную казнь, какую учинилъ митрополитъ Константинъ епископу Ростовскому Ѳедору; если привлечь къ этому самое выраженіе, сохраненное въ лѣтописи о разореніи Кіева: „се же здѣися за грѣхы ихъ (Кіевлянъ), паче же за *митрополичю неправду*“ [1] — то можно сказать, что къ увольненію митрополита Константина были достаточныя основанія.

§ 140*в*. Любопытно, что титулъ архимандрита въ приложеніи къ игумену Печерской обители впервые упомянутъ въ томъ же 1171 г., какъ и митрополитъ Михаилъ, только-что прибывшій изъ Византіи. Это даетъ право думать, что князю Андрею удалось одновременно добиться увольненія митрополита Константина и освобожденія Печерской обители отъ власти митрополита и клириковъ Софійскихъ, а вопросъ о постѣ въ среду и пятницу оставить въ формѣ старой русской практики.

Судя по грамотѣ князя Андрея Печерскому монастырю, страшно искаженной хозяйственными заботами очень позднихъ споровъ монастыря, Печерская обитель, изъятая изъ-подъ вѣдѣнія митрополита, стала княжьимъ монастыремъ, чего такъ долго и жадно домогалась обитель преп. Ѳеодосія въ первое время своего существованія [2].

§ 141. Въ спорахъ о постѣ въ среду и пятницу изслѣдователей поражаетъ та страстность съ обѣихъ сторонъ, какая наблюдалась нами выше, когда епископы жертвовали каѳедрами за желаніе ввести у насъ Константинопольскую практику этого вопроса (Ростовскій епископъ Несторъ, Черниговскій Антоній), а князья гнали или извергали епископовъ. Однако,

[1]) Лаврент., 6676 г.

[2]) Что въ основѣ грамоты Андрея, дошедшей до нашего времени, лежитъ или лежала когда-то подлинная грамота этого князя,—видно изъ подробностей, которыхъ нельзя было придумать. Такъ князь Андрей называется здѣсь Китаемъ. (Евгеній, митрополитъ. Описаніе Кіево-Печерской Лавры. Изд. 2. Кіевъ. 1831, стр. 167).

не трудно понять эту страстность, если согласиться, что за нею скрывалась все та же разница воззрѣній грековъ и русскихъ на отношеніе митрополіи Кіевской къ патріархату. Первые видѣли въ русской церкви обычную митрополію и желали сравнять ее въ церковныхъ порядкахъ съ другими митрополіями патріархата; послѣдніе же считали свою церковь особой церковью лишь во временной опекѣ церкви-матери и дорожили всѣми мелочами церковнаго обихода, какъ чертами индивидуальнаго характера.

Любопытно, что здѣсь поднялся противъ греческихъ притязаній князь Андрей, отецъ котораго такъ преданно грекамъ велъ себя въ дѣлѣ Климента, и это лучше всего свидѣтельствуетъ, что даже въ князьяхъ, несочувствовавшихъ рѣзкимъ шагамъ по отношенію къ Византіи (Ростиславъ, Андрей), жила черта, дальше которой они не допускали греческой руки и на которой соединялись всѣ князья и дѣятели церкви.

§ 142. Кіево-Печерскій монастырь достигъ, наконецъ, того, чего тщетно добивались его игумены XI вѣка. Теперь княжой монастырь, независимый отъ митрополіи, онъ могъ широко развить свою работу на процвѣтаніе русской церкви. Но политическое паденіе Кіева,—съ одной стороны, ростъ Сѣвера, куда перемѣщается и политическій центръ,—съ другой,—надолго лишили Печерскую обитель возможности найти вновь дѣйствительное признаніе и пути къ нему. Въ работахъ епископа Симона и мниха Поликарпа надъ сказаніями о Печерской обители нельзя не видѣть желанія авторовъ обратить вниманіе правящихъ круговъ и общества къ былой исторіи монастыря для поученія въ настоящемъ. И необходимость такой работы знаменитыхъ составителей Патерика краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ, что и къ ихъ еще времени монастырь не достигъ желанной высоты вліянія на развитіе церкви по завѣтамъ Антонія, Ѳеодосія и великаго Никона.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Аарон, сынъ Макед. князя Николая. 17, 19, 61.
Авраамъ, ветхозав. патріархъ. 100, 101.
Агарь, раба Авраама. 96, 100, 101, 102.
Агапитъ, монахъ Печерскій. 254, 259, 260, 264, 271.
Адальбертъ, епископъ Руговъ. 13.
Адальдагъ, епископъ. 13.
Акиндинъ, игуменъ Печерскій. 240, 245, 254—256, 261, 391, 400—401.
Александръ, императоръ. 3.
Алексѣй Комнинъ. 115, 164, 330.
Алексѣй, патріархъ. 200—203.
Алимпій, монахъ Печерскій. 254, 263.
Ал.-Макинъ, историкъ. 30.
Амфилохій, еп. Владимірскій. 310, 315, 323—324, 332—334.
Анастасъ Корсунянинъ, еп. Кіевскій. 52—54, 66, 83, 88, 113, 275—276, 278, 305.
Андрей, апостолъ. 160—162, 234.
Андрей Владимировичъ, князь. 337, 348, 350—351, 356.
Андрей (Китай) Юрьевичъ Боголюбскій. 136—137, 387, 395—397, 399, 402—405.
Андріанъ, еп. Болгарскій. 398.
Андроникъ Палеологъ старшій. 115, 307.
Анна, жена св. Владиміра. 27—29, 32, 34, 46, 54, 57, 72, 83, 85, 275—
Антоній, еп. Пороссній, прежде Юрьевскій. 155, 236, 252, 265, 282, 291, 293.
Антоній, прен. Печерскій. 94, 166—178, 181—199, 201, 204, 207—208, 227, 229, 232, 236—246, 248—257, 259, 261—274, 278—279, 281—283, 299—301, 306—308, 346.
Антоній, еп. Черниговскій. 390, 392, 402, 404.
Ареса, монахъ Печерскій. 239, 247, 254.
Аркадій, еп. Новгородскій. 344, 390, 392.
Асохикъ, историкъ. 48.
Аѳанасій, монахъ Печерскій. 239, 245, 254.
Аѳанасій, св. Аѳонскій. 200, 269.
Аѳриканъ, князь Варяжскій. 249.

Болеславъ I, король Польскій. 42, 50—53, 56, 59—60, 64—66, 113.
Болеславъ II, король Польскій. 126—127.
Бонякъ, ханъ Половецкій. 286, 293.
Борисъ-Михаилъ, князь Болгарскій. 1, 11, 16, 18, 25, 26, 40.
Борисъ-Романъ, сынъ св. Владиміра. 36—40, 42—43, 50, 52, 56—60, 66, 68, 70, 72—74, 77, 90, 118, 123, 125, 141, 147, 225, 227, 232, 234, 267, 288—290, 298—299, 302—303, 305,

Борисъ Юрьевичъ, князь. 383,387.
Брячиславъ Изяславичъ, князь. 74—75, 119.
Бурхардтъ, епископъ, зять кн. Святослава Яросл. 127, 145.

Вавила, монахъ Печерскій. 254, 367.
Вальсамонъ, канонистъ. 377.
Варвара, св. 290.
Варвара, жена кн. Святополка Изяславича. 290.
Варда-Склиръ, полководецъ. 33.
Варда-Фока, полководецъ. 29—30, 33—34, 97.
Варлаамъ, игуменъ Печерскій. 171, 173—175, 184, 186—199, 203, 205, 221.
Василій, авторъ сказанія объ ослѣпленіи кн. Василька. 294—297, 325, 331, 340.
Василій Болгаробойца. 17—18, 21, 26—27, 29—30, 32—35, 37, 43, 47—48, 55, 60—63, 69, 73, 75, 89, 91, 97, 275.
Василій, монахъ Печерскій. 254, 261, 297.
Василій, попъ, потомъ игуменъ Печерскій 361.
Василецъ, еп. Переяславскій 390.
Василько Ростиславичъ, князь. 152, 154, 294—298, 325, 331, 340.
Василько Юрьевичъ, князь. 387.
Владиміръ Андреевичъ, князь. 361.
Владиміръ Володаревичъ, князь. 368, 372, 374, 378, 384—385.
Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. 100, 111, 129, 159, 163, 182, 249, 252, 258—263, 285—287, 290—300, 308—315, 318—337, 340—341, 345—346, 348, 351, 354, 355, 374, 386.
Владиміръ Давидовичъ, князь. 354, 370.
Владиміръ Мстиславичъ, князь. 379, 387—388.
Владиміръ Святославичъ, св. князь. 21—29, 32—40, 43, 45—59, 65—66, 68—69, 74—75, 79, 82—83, 85—87, 91, 95, 97—99, 106—109, 115, 228, 232—233, 236, 238, 267, 274—277, 279, 299—300, 302—305, 308, 363.
Владиміръ Ярославичъ, князь. 88, 112.
Владиславъ, царь Болгарскій. 64.
Володарь Ростиславичъ, князь. 152.
Волосъ, богъ. 3, 16.
Всеволодъ Давидовичъ, князь. 339.
Всеволодъ Мстиславичъ, князь. 347.
Всеволодъ Ольговичъ, князь. 340—342, 351, 353—358, 360, 367—371, 373, 375.
Всеволодъ Юрьевичъ, князь. 352.
Всеволодъ Ярославичъ, князь. 110—111, 113—114, 120, 123, 126, 129, 132—133, 139—141, 146—154, 159—161, 163—164, 178, 182, 208—210, 219—221, 224, 227, 232—236, 279—284, 286—287, 290, 300, 309—310, 313—314, 321, 323, 328, 331, 335, 338, 358.
Всеславъ Брячиславичъ, князь. 118—119, 122, 126, 139, 150—151, 177—178, 206—208.
Вячеславъ Владиміровичъ, князь. 330, 337, 346, 350, 353—355, 357, 370—371, 374, 384—386.
Вышата, бояринъ. 92.

Гедеонъ, ветхозав. судія. 102.
Генрихъ IV, императоръ. 126—127, 129, 143—148, 163, 314.
Георгій, еп. Туровскій. 332—333, 349, 390.
Георгій, митрополитъ Кіевскій. 42, 118, 122—124, 128, 131, 133, 214.
Георгій Шимоновичъ, тысяцкой. 249, 254, 339.
Германъ-Гавріилъ, патріархъ Болгарскій. 21.
Германъ, еп. Новгородскій. 133, 140, 220—221, 224, 282, 285, 293.
Германъ, игуменъ св. Спаса. 119.
Глѣбъ Всеславичъ, князь. 225—226, 315—316, 327.
Глѣбъ-Давидъ, сынъ св. Владиміра. 36—40, 42—43, 50, 52, 57, 59, 68, 70, 72—74, 77, 90, 118, 123, 125,

141, 147, 225, 227, 232, 234, 267, 288—290, 298—299, 302—303, 312, 322, 328—329, 354—355.
Глѣбъ Святославичъ, князь. 129, 206, 215, 220, 225, 258.
Глѣбъ Ярославичъ, князь. 140.
Глѣбъ Юрьевичъ, князь. 387.
Григорій VII, папа. 126, 132, 134, 145—146, 149.
Григорій, игуменъ св. Андрея. 340.
Григорій, монахъ Печерскій. 254, 260, 287, 319.
Гюрята Семковичъ, посолъ. 394, 399.

Давидъ, царь ветхозав. 105, 109.
Давидъ, сынъ Македон. князя Николая. 17, 37—38.
Давидъ Всеславичъ, князь. 315.
Давидъ Игоревичъ, князь. 152, 154—156, 158, 294—298, 309.
Давидъ Святославичъ, князь. 293, 319, 321, 328—329, 355, 367.
Даміанъ, патріархъ Болгарскій. 16, 17, 20, 43, 44.
Даміанъ, монахъ Печерскій. 267.
Даніилъ, пророкъ ветхоз. 105, 107.
Даніилъ, еп. Юрьевскій. 322, 324, 328, 332.
Девгеневичъ, царевичъ. 286.
Дельфина, патрицій. 27.
Деміанъ, еп. Юрьевскій. 357—358, 371, 375, 387—388.
Діонисій, игуменъ Новгород. 402.
Добрыня, дядя св. Владиміра. 23.
Дудика, холопъ. 111.

Евагрій, монахъ Печерскій. 239, 247, 254.
Евпраксія, дочь князя Всеволода Яросл. 147, 163, 313—314.
Евтихій, ересіархъ. 359.
Евтихій, историкъ. 31.
Евфимій, еп. Переяславскій. 350—351, 356, 358, 370, 373, 375, 379, 383, 388.
Евфимія, дочь князя Мономаха. 314.
Елена, жена имп. Константина. 9—10, 37, 69.
Ераздъ, монахъ Печерскій. 239, 247, 253—254.
Ефремъ, ветхозав. патріархъ. 96, 102.
Ефремъ, митрополитъ Кіевскій. 111—114, 121, 182, 185, 189—190, 201, 205.
Ефремъ, монахъ Печерскій, потомъ митрополитъ Переяславскій. 133, 161, 173—176, 184, 189, 203, 281—282, 291—293, 309—310.

Ждьбернъ, воевода св. Владиміра. 53, 275, 278.

Зонара, историкъ. 18, 27—29.
Зонара, канонистъ. 377.

Иванъ Берладникъ, князь. 391.
Измаилъ, патріархъ ветхозав. 100—102.
Игнатій, еп. Туровскій. 332—333, 349—350, 356.
Игнатій, монахъ Печерскій. 215—216.
Игорь, князь Кіевскій. 2, 4—8, 10, 14.
Игорь Ольговичъ, князь. 370—371, 374, 379—381.
Изяславъ Владиміровичъ, князь. 56.
Изяславъ Давидовичъ, князь. 246, 367, 370, 385—387, 391—393.
Изяславъ Мстиславичъ, князь. 347—348, 350, 357, 362—363, 370—373, 375—376, 378—387, 389, 392—395.
Изяславъ Ярославичъ, князь. 119—124, 126—128, 133, 139—141, 145—146, 149—151, 171, 173—175, 177—180, 184—193, 196—199, 202, 204—205, 207—212, 214, 219—221, 224—227, 233, 247, 287, 294, 306—307, 363—364.
Иларіонъ, еп. Ростовскій. 135—139.
Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій (см. Никонъ игуменъ Печерскій). 45, 93—95, 98—99, 101, 110—111, 113—114, 117, 167—172, 182—185, 187, 189, 197, 201, 221, 228, 264, 269, 270,

Илья, еп. Новгородскій. 344.
Илья, еп. Полоцкій. 332.
Илья, посолъ. 398.
Исаія, еп. Ростовскій. 135—136, 138—140, 155, 220, 223—224, 236—238, 282, 291—292, 309—310.
Исаія, игуменъ св. Дмитрія. 205.
Исаія, игуменъ Новгородскій. 347.
Исаакій, монахъ Печерскій. 196, 223—224, 267.
Исаакъ, ветхозав. патріархъ. 101—102

Іаковъ, монахъ-писатель. 9, 23, 25, 69, 70, 144, 215—217, 228.
Іеремія, монахъ Печерскій. 267.
Іоакимъ, еп. Туровскій. 332—333, 349, 357—358, 372, 374—375, 388, 390.
Іоакимъ-Корсунянинъ, еп. Новгородскій. 51, 113—114, 278.
Іоаннъ Комнинъ, императоръ. 142, 200.
Іоаннъ Цимисхій, императоръ. 16—20, 36.
Іоаннъ, бояринъ. 173, 186, 188.
Іоаннъ Вонтишичъ, бояринъ. 390.
Іоаннъ, патріархъ, потомъ архіепископъ Охриды. 21, 39, 41—46, 50, 57, 61—65, 68, 71, 75, 77—78.
Іоаннъ I Продромъ, митрополитъ Кіевскій. 133, 139—149, 155—159, 161—162, 164, 214, 227, 232, 235, 278—279, 314.
Іоаннъ II Скопецъ, митрополитъ Кіевскій. 163—164, 281, 285.
Іоаннъ III, митрополитъ Кіевскій. 399—402.
Іоаннъ, еп. Новгородскій. 311, 313, 323—326, 341, 369.
Іоаннъ, еп. Ростовскій. 137.
Іоаннъ, еп. Черниговскій. 155, 118, 235—236, 281—282, 293, 320.
Іоаннъ, игуменъ Печерскій. 223, 235—236, 251—252, 259—260, 262, 272, 280, 288, 295—298, 300—304, 306—308, 319, 340.
Іоаннъ, мужъ нѣкій. 239, 252, 254.
Іоаннъ, монахъ Печерскій. 254, 256—257, 264, 271.
Каллоіоаннъ, императоръ. 142, 200.
Кассіанъ, редакторъ Патерика. 345, 361—364.
Кегенъ, ханъ Печенѣжскій. 92.
Кедринъ, историкъ. 9, 18, 27—29, 46, 61, 88—90, 92.
Кирикъ, авторъ Вопрошанія. 342, 359, 365, 378, 395.
Кириллъ, епископъ=Никита, еп. Бѣлгородскій.
Кириллъ, еп. Туровскій. 333.
Климентъ III, папа. 142—147, 163.
Климентъ (Климъ), митрополитъ Кіевскій. 342, 376—390, 392—394, 399—400, 405.
Козьма, еп. Галицкій. 390.
Козьма, еп. Полоцкій. 357—358, 374, 376, 388—389.
Кононъ, монахъ Печерскій. 216.
Конрадъ, императоръ. 372.
Константинъ Багрянородный, императоръ. 9—11.
Константинъ VIII, императоръ. 26, 37, 89, 275.
Константинъ IX, императоръ. 89—91.
Константинъ, равноапостольный. 107.
Константинъ, философъ, св. 24.
Константинъ I, митрополитъ Кіевскій. 357, 364, 381, 388—392, 396.
Константинъ II, митрополитъ Кіевскій. 402—404.
Кукша, монахъ Печерскій. 239, 244—245, 262, 319, 353.

Лаврентій, еп. Туровскій. 333.
Лаврентій, монахъ Печерскій. 254, 259.
Лазарь, еп. Переяславскій. 310—311, 313, 315, 321, 324, 326, 328.
Лазарь, тысицкой. 379—380.
Левъ, архіепископъ Охриды. 44—46, 85.
Левъ, діаконъ, историкъ. 27—29, 33.
Левъ, императоръ. 115.
Левъ, митрополитъ Переяславскій. 40, 134—135, 140.
Левъ, папа. 359, 365.

Леонтій, еп. Ростовскій. 124, 135—139, 208, 227, 243, 248, 302.
Леонъ, митрополитъ (мнимый) Кіевскій. 39—40.
Леонъ, еп. Ростовскій. 390, 392, 396—399.
Леонъ, царевичъ. 330.
Лука, еп. Бѣлгородскій. 155—156, 220, 224, 235, 310.
Лука Жидята, еп. Новгородскій. 111—114.
Лука Хрисовергъ, патріархъ. 395.

Мальфредь, жена кн. Святослава Игор. 14.
Манассія, ветхозав. пророкъ. 96, 102.
Мануилъ Комникъ, императоръ. 363, 398.
Мануилъ, еп. Смоленскій. 292, 334, 342, 346, 348—350, 356, 368, 375—377, 382—383, 386, 388—389.
Маринъ, еп. Юрьевскій. 155, 236, 281—282, 291, 293, 310.
Марія, жена царя Владислава. 64.
Марія, жена царя Петра. 15.
Маркелъ, еп. Переяславскій. 337, 341, 348, 350.
Маркъ, монахъ Печерскій. 254, 261.
Мартынъ, монахъ Туровскій. 332—333, 349, 390.
Матѳѣй, монахъ Печерскій. 223, 267.
Мина, еп. Полоцкій. 315—316, 323—324, 328, 332.
Михаилъ, грекъ-монахъ. 264, 269—270, 308.
Михаилъ, еп. Девольскій. 61.
Михаилъ, еп. Юрьевскій. 118, 124, 128, 214, 218.
Михаилъ, митрополитъ (мнимый) Кіевскій. 39—40, 54, 275, 277—279, 305.
Михаилъ I, митрополитъ Кіевскій. 324, 337—339, 341—342, 346—351, 356, 358—360, 368—371, 374, 377, 389, 403.
Михаилъ VII-Дука, императоръ. 128, 132, 159—160, 162, 164, 234.
Михаилъ Палеологъ, императоръ. 89—91.
Михаилъ Пафлагонецъ, императоръ. 62, 75.
Михаилъ Пселъ, историкъ. 27—29, 78, 88—92.
Моисей, ветхозав. пророкъ. 103.
Моисей, сынъ Македон. князя Николая. 17.
Моисей Угринъ, монахъ Печерскій. 246, 254, 256—257, 264, 271.
Мстиславна, дочь князя Мстислава Влад. 330.
Мстиславъ Андреевичъ, князь. 402.
Мстиславъ Владиміровичъ, сынъ св. Владиміра. 74—75, 78, 91, 120.
Мстиславъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха. 154, 294, 311, 334—341, 345—349, 351, 354, 368.
Мстиславъ Изяславичъ, внукъ Ярослава Мудраго. 150, 177, 226.
Мстиславъ Изяславичъ, правнукъ Мономаха. 361, 373, 381, 385—388, 391—394, 402.
Мстиславъ Святополковичъ, князь. 261—262, 270, 297, 318—319.
Мстиславъ Юрьевичъ, князь. 387.

Неофитъ, еп. Черниговскій. 118, 124.
Несторъ, еп. Ростовскій. 291, 350—351, 356, 375—376, 388—390, 395—397, 404.
Несторъ, лѣтописецъ, монахъ Печерскій. 7, 96, 39—41, 70, 124—125, 133, 138, 162, 169—172, 176, 187—191, 193—196, 198—199, 203, 206, 208—214, 217, 221—222, 229—230, 233—234, 257—262, 280—281, 289, 294, 296—298, 306, 311, 315, 318—321, 325—326, 329.
Никита I, еп. Бѣлгородскій. 124.
Никита II, еп. Бѣлгородскій. 322, 324—325, 328, 332.
Никита, монахъ Печерскій, потомъ еп. Новгородскій. 153, 258—259, 263,

Никита, митрополитъ Кіевскій. 330, 337.
Никифоръ I, митрополитъ Кіевскій. 310, 314—315, 323, 325, 328, 330—331, 339.
Никифоръ II, митрополитъ Кіевскій. 361.
Никифоръ Уранъ, полководецъ. 18.
Никифоръ Фока, императоръ. 15, 269.
Николай, еп. Тмутороканскій. 183, 296, 282, 310.
Николай, игуменъ Переяславскій. 119—120, 227, 311.
Николай, Македонскій князь. 17, 37.
Николай, митрополитъ Кіевскій. 285, 294, 299, 309—310, 325.
Николай, монахъ Печерскій. 215—216.
Николай II, папа. 134.
Николай — Панкратій — Святославъ Давидовичъ — Никола Святоша. 246—247, 254, 353, 355, 359—360, 364—368.
Никонъ, игуменъ Печерскій (см. Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій). 153, 160—161, 166—168, 172—179, 201, 203—208, 210—212, 216, 219—225, 227—229, 231—233, 235—238, 244, 251—252, 259—260, 263—264, 267, 272, 282, 296, 300—301, 405.
Никонъ, монахъ Печерскій, ученикъ Кукши. 353.
Никонъ, монахъ Печерскій. 239, 244, 254, 262, 271, 319, 353.
Нифонтъ, еп. Новгородскій. 49, 337, 341—345, 348, 356, 359, 364—366, 368, 374—378, 382—384, 388, 390, 392, 395.

Олегъ, воевода. 274—275.
Олегъ, князь Кіевскій. 3.
Олегъ Святославичъ, братъ св. Владиміра. 21, 23.
Олегъ Святославичъ, внукъ Ярослава Мудраго. 149, 152—154, 160, 285, 290—294, 312—313, 315, 328, 338.
Ольга, жена Игоря, св. 8—12, 16, 36—37, 49, 68—70, 228, 267, 302—303.
Онисифоръ, монахъ Печерскій. 239, 242, 245, 258—259, 263, 352—353, 367.
Онуфрій, еп. Черниговскій. 356, 358, 367, 370—371, 373, 375, 377—378, 388.
Оттонъ, императоръ. 12—13, 17, 49.

Павелъ, игуменъ Черниговскій. 208, 215.
Панкратій=Николай Святоша.
Пантелеймонъ, еп. Черниговскій. 341, 355—356, 367.
Перунъ, богъ. 3—4, 7, 16.
Петръ, св. Аѳонскій. 269.
Петръ, еп. Переяславскій. 118, 124, 227.
Петръ, царь Болгарскій. 15, 17—19, 21, 43, 75.
Пименъ, игуменъ Печерскій. 351—353, 359, 360, 367.
Пименъ, монахъ Печерскій. 239, 244—245, 259, 262, 353.
Поликарпъ, одинъ изъ авторовъ Патерика. 135, 138, 153, 238—242, 245, 248, 250—251, 253—267, 270, 274, 287, 289, 292, 296—298, 319—320, 352, 405.
Поликарпъ, игуменъ Печерскій. 361, 364, 366, 391—392, 400—403.
Прохоръ, игуменъ Печерскій. 318—320, 325—326, 328, 339, 360—361.
Прохоръ, монахъ Печерскій. 254, 260—261, 289, 296.
Путята, тысяцкой. 315, 322.

Рагуйло, тысяцкой. 380.
Ратиборъ, посадникъ. 152.
Регинонъ, историкъ. 9, 12.
Рейнбернъ, епископъ. 56.
Рогвольдъ Борисовичъ, князь. 374.
Романъ II, императоръ. 7, 9, 12, 15.
Романъ IV Діогенъ, императоръ. 128, 131, 159.
Романъ, царь Болгарскій. 16—20, 37—38.
Романъ Ростиславичъ, князь. 393, 403.

Ростиславъ Владимировичъ, князь. 176, 206.
Ростиславъ Всеволодовичъ, князь. 260, 287, 319.
Ростиславъ Мстиславичъ, князь. 49, 287.
Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха. 292, 332, 333—334, 336, 346—347, 361, 373—375, 382—383, 385—388, 391—394, 397—402, 405.

Сарра, жена Авраама. 96, 100—102.
Самуилъ, сынъ Макед. князя Николая, потомъ царь Болгарскій. 17—21, 24, 36—38, 43, 46, 55, 60.
Святополкъ, сынъ св. Владиміра. 36, 42, 50—51, 55—60, 64—66, 72, 74.
Святополкъ Изяславичъ, князь. 151, 226, 260—261, 281—282, 285—291, 293—300, 307—313, 315—326, 339—340, 360.
Святополкъ Мстиславичъ. 374.
Святославъ Владимировичъ, князь. 57—58.
Святославъ Всеволодовичъ, князь. 374, 402.
Святославъ Давидовичъ=Никола Святоша.
Святославъ Игоревичъ. 10, 14—18, 21—23, 33, 36.
Святославъ Ольговичъ. 354, 374, 379, 381, 385, 392, 397, 401.
Святославъ Ярославичъ. 120, 123, 125—128, 131—133, 139—141, 145—146, 149—150, 159, 176—180, 206—216, 218—220, 224—225, 227, 232—233, 239, 306—307, 328.
Сильвестръ, игуменъ Выдубицкій, потомъ еп. Переяславскій. 257—258, 289, 311, 315, 318—320, 326, 332, 334.
Симеонъ, царь Болгарскій. 15, 19—20, 24.
Симеонъ, еп. Владимірскій. 332—334, 348—350.
Симонъ, еп. Владимірскій, одинъ изъ 227, 238—256, 258, 263—264, 270—271, 274, 292, 339, 353, 355, 367, 405.
Соломонъ, ветховав. царь. 109, 304.
Софроній, игуменъ св. Михаила. 119.
Спиридонъ, монахъ Печерскій. 254, 262.
Стефанъ, игуменъ Печерскій, потомъ Кловскій и еп. Владимірскій. 154—156, 158, 177, 180, 193, 209, 211, 215—223, 231, 236, 252, 271, 281—282, 293, 306, 309, 311.
Стефанъ, еп. Новгородскій. 118, 192.
Стефанъ, еп. Сурожскій. 2—3.
Судиславъ Владимировичъ, князь. 74, 80, 116.

Тимофей, игуменъ Печерскій. 339, 345, 352, 360.
Тирахъ, ханъ Печенѣжскій. 92.
Титмаръ Мерзебургскій, историкъ. 42—43, 50—51, 56, 59—60, 64, 68.
Титъ, монахъ Печерскій. 239, 247, 254.
Тугорканъ, ханъ Половецкій. 286, 290, 293.

Урбанъ II, папа. 143—144, 148, 163.

Филиппъ, патріархъ Болгарскій. 21.
Фотій, патріархъ 2, 275.

Хрисохиръ, родичъ св. Владиміра. 47.

Шимонъ, князь Варяжскій. 249—250, 265.

Юрій Владимировичъ Долгорукій, князь. 252, 292, 337, 347, 350, 357, 372, 374, 378—379, 381—384, 386—392.

Янка, дочь Всеволода Яросл. 129, 159, 161, 163—164, 348.
Ярополкъ Владимировичъ, князь. 315, 337, 347—348, 350—351, 353—354.
Ярополкъ Изяславичъ, князь. 49, 133, 149, 151, 154—155, 225—226, 316,

Ярополкъ Святославичъ, князь. 21—23.
Ярославъ Владимірович, князь. 387, 391—393.
Ярославъ Владимірович Мудрый. 23, 26, 39, 41—44, 50, 59, 60, 63—68, 70—72, 74, 77—80, 82—83, 86—95, 97—99, 106, 109—110, 112—117, 124, 126, 129, 150, 167—168, 172, 179, 182—185, 210, 224, 249, 277, 283, 336, 363, 386.
Ярославъ Владимірович, сынъ Мономаха, кн. ъ. 351.
Ярославъ Пяславичъ, князь. 374, 387—388.
Ярославъ Свят ополковичъ, князь. 299, 327, 331.
Ярославъ Свят ославичъ, князь. 339—340.
Ярославъ Ярополковичъ, князь. 299, 309.
Ярославъ Юрьевичъ, князь. 333.
Яхъя, историкъ. 18—19, 29—37, 61.

Ѳеодоръ, грекъ. 143, 147.
Ѳеодоръ, еп. Бѣлгородскій. 357—358, 371, 375, 388.
Ѳеодоръ, еп. Владимірскій. 349—350, 356, 374—375, 388.
Ѳеодоръ, еп. Новгородскій. 124.
Ѳеодоръ, еп. Ростовскій. 135—137, 397—399, 403—404.
Ѳеодоръ, митрополитъ Кіевскій. 393—394, 398—399.
Ѳеодоръ, монахъ Печерскій. 254, 261—262, 270, 297.
Ѳеодоръ Птохо-Продромъ, поэтъ. 142.
Ѳеодосій, игуменъ Печерскій, св. 72, 119, 128, 133, 138, 155, 163, 169—173, 175—177, 179—180, 183—191, 193—200, 202—206, 208—223, 225—227, 229—236, 238—242, 248—251, 253—255, 260—262, 264, 266—267, 270, 272, 280—282, 292—293, 299—300, 302, 306—308, 311, 314, 316—320, 326—327, 330, 339—341, 345—346, 352, 360—367, 404—405.
Ѳеодосъ, игуменъ Печерскій. 247, 345, 351, 353, 359—367, 372—378, 382, 384, 391—392, 395, 401.
Ѳеоктистъ, игуменъ Печерскій, потомъ еп. Черниговскій. 316—318, 320—321, 323—324, 328, 341, 355.
Ѳеопемптъ, митрополитъ Кіевскій. 25—26, 38—40, 45—46, 77, 82—85, 98—99, 106—108, 113, 126, 165—166, 184, 201, 264, 269—270, 274, 279.
Ѳеофилактъ, патріархъ. 9.
Ѳеофилъ, монахъ Печерскій. 261.
Ѳома Ратиборовичъ, воевода. 330.

БИБЛІОТЕКА
ИН ВКП(б)